ЖОРЖЪ ФОНСЕГРИВЪ,

профессоръ философіи въ лицеѣ Бюффона въ Парижѣ.

ЭЛЕМЕНТЫ ПСИХОЛОГІИ.

524085

ПЕРЕВОДЪ

СТУДЕНТОВЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ, СЪ ИЗМѢНЕНІЯМИ И ДОПОЛНЕНІЯМИ

П. П. СОКОЛОВА.

Третье изданіе.

Сергіевъ Посадъ,
моск. губ.,
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1906.

Установа вдукацыі
"Віцебскі дзяржаўны універсітэт
імя П.М.Машэрава"
БІБЛІЯТЭКА

Печатать разрѣшается. Ноября 1 дня, 1905 года.

Ректоръ Академіи, Епископъ *Евдокимъ*.

Предисловіе къ первому русскому изданію.

За послѣдніе годы русская психологическая литература обогатилась значительнымъ количествомъ оригинальныхъ и особенно переводныхъ сочиненій, среди которыхъ есть и выдающіеся труды. Но у насъ до сихъ поръ очень мало элементарныхъ учебниковъ психологіи, пригодныхъ для того, чтобы удовлетворительно познакомить начинающаго съ основными данными этой науки и ввести его въ изученіе болѣе спеціальныхъ работъ. Издавая настоящую книгу, мы и хотѣли отчасти восполнить этотъ пробѣлъ.

Учебникъ психологіи Фонсегрива составляетъ первую часть его элементарнаго курса философіи для французскихъ лицеевъ (гимназій) [1]). Научный по содержанію и литературный по формѣ, онъ удовлетворяетъ многимъ изъ тѣхъ требованій, какія предъявляются къ книгамъ подобнаго рода. Не выходя изъ предѣловъ элементарной программы, этотъ учебникъ даетъ сжатый, систематичный и ясный очеркъ главнѣйшихъ психологическихъ фактовъ и теорій въ связи съ тѣми философскими проблемами, которыя выростаютъ на ихъ почвѣ. Въ то же время онъ заслуживаетъ вниманія какъ интересная попытка примирить традиціи стараго французскаго спиритуализма съ выводами новѣйшей французской и англійской эмпирической психологіи. Правда,

---

[1]) *Éléments de philosophie*, I: Psychologie; II: Logique, métaphysique, morale, histoire de la philosophie, dissertations philosophiques.

психологическая теорія, при помощи которой авторъ хочетъ достигнуть этой цѣли, спорна; но она сообщаетъ книжкѣ колоритъ оригинальности, даетъ ей ясныя идейныя рамки и дѣлаетъ ее, по справедливому замѣчанію Перэ, не только полезной для учениковъ, но и поучительной для учителей. Всѣ эти качества учебника Фонсегрива были въ свое время высоко оцѣнены критикой (см. *Revue philosophique*, 1892, janvier, и *Mind*, 1891, April), и они же побудили насъ избрать его для перевода.

Но при всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ этотъ учебникъ имѣетъ, конечно, и свои недостатки. Въ немъ есть пробѣлы, зависѣвшіе главнымъ образомъ отъ недостаточнаго знакомства автора съ результатами нѣмецкой физіологической и экспериментальной психологіи; въ немъ есть также нѣкоторыя фактическія и теоретическія неточности, ошибки и противорѣчія. Эти недостатки вызвали необходимость внести въ русское изданіе рядъ болѣе или менѣе существенныхъ дополненій, измѣненій и поправокъ. Наибольшей передѣлкѣ подверглись „уроки“ или главы II, IV, V, IX, XIII и XXVIII. Во II главѣ добавленъ *§ VI (Область внѣшняго наблюденія)*, заново написанъ *§ VII (Экспериментъ)* и переработаны остальные отдѣлы. Глава IV значительно передѣлана и дополнена параграфомъ *IV (Интенсивность ощущеній и Веберовъ законъ)*. Глава V *(Воспріятія)* вся написана вновь вмѣсто выпущенныхъ двухъ главъ подлинника, XIX (Perception du corps propre) и XXIII (Les perceptions naturelles et les perceptions acquises), которыя у Фонсегрива изложены не совсѣмъ удовлетворительно и находятся не на мѣстѣ. Въ главѣ IX подверглись болѣе или менѣе значительной переработкѣ всѣ отдѣлы. Въ главѣ XIII написаны вновь *§ IV (Апперцепція)* и *§ V (Вниманіе и мускульныя состоянія)*. Глава XXVIII представляетъ переработку двухъ главъ подлинника, XXVII (Notions d'esthétique.—Le beau) и XXVIII (L' Art,)

соединенныхъ вмѣстѣ. Точно также соединены главы XV и XVI (Les concepts essentiels de l'entendement). Въ главахъ VIII, X, XIV, XV, XVII, XIX, XXIV, XXXIV нѣкоторые параграфы выпущены или сокращены, а другіе расширены или передѣланы. Небольшія измѣненія и поправки сдѣланы почти всюду, какъ въ содержаніи, такъ и въ изложеніи книги. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣнены названія и порядокъ главъ и слиты параграфы, стоящіе въ тѣсной связи другъ съ другомъ; нѣкоторыя мысли развиты подробнѣе или формулированы точнѣе; нѣкоторые примѣры замѣнены другими, болѣе подходящими или болѣе понятными для русскаго читателя, и проч. Резюмэ главъ въ большинствѣ случаевъ написаны заново; французская библіографія замѣнена русскою. Наконецъ, въ *Приложеніи* приведенъ заимствованный изъ второй части курса Фонсегрива списокъ психологическихъ темъ, которыя давались за послѣднія 30 лѣтъ въ Сорбоннѣ абитуріентамъ французскихъ лицеевъ на баккалаврскихъ экзаменахъ (соотвѣтствующихъ нашимъ экзаменамъ зрѣлости). Такимъ образомъ, русское изданіе настоящей книги является не только переводомъ, но и *переработкой*.

Назначая этотъ учебникъ для начинающихъ, мы сочли полезнымъ сохранить въ немъ философское *Введеніе*, которое у Фонсегрива относится собственно къ цѣлому курсу философіи: это *Введеніе* дастъ имъ ясное и правильное понятіе о томъ, что такое философія и наука вообще и какое положеніе занимаетъ психологія въ системѣ знанія. По тому-же побужденію мы сохранили нѣкоторыя философскія главы второй части (наприм., XXI и XXVII). Чтобы облегчить начинающему дальнѣйшее изученіе психологіи, мы привели въ концѣ главъ возможно полный списокъ существующихъ на русскомъ языкѣ сочиненій по каждому вопросу. Тѣ изъ этихъ сочиненій, которыя могутъ быть наиболѣе доступными

или наиболѣе полезными для учащихся на первыхъ порахъ, отмѣчены *звѣздочкой*. Мы ограничились только русскою психологическою литературой, оригинальной и переводной, такъ-какъ книги на иностранныхъ языкахъ начинающимъ бываютъ рѣдко доступны. Но считаемъ необходимымъ замѣтить, что для серьезнаго изученія психологіи одной русской литературы недостаточно. Оригинальные русскіе труды въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ особенной цѣнности, а переводы иностранныхъ книгъ иногда устарѣли или сдѣланы очень дурно. Притомъ, многихъ наиболѣе капитальныхъ иностранныхъ сочиненій по психологіи совсѣмъ и не существуетъ въ русскомъ переводѣ.

Настоящей книгѣ было бы трудно появиться на свѣтъ, если-бы не щедрая помощь *В. А. Хлудова* и *В. Н. Львова*, которые дали большую часть средствъ на ея изданіе. Считаемъ долгомъ принести обоимъ жертвователямъ нашу глубокую благодарность.

Въ переводѣ принимали участіе слѣдущіе студенты LIV, LV и LVI выпусковъ: П. И. Бугославскій, А. А. Братановскій (о. Сильвестръ), Ѳ. С. Владимірскій, С. А. Гапоновъ, В. Н. Голубевъ, гр. Г. І. Дорреръ, Д. Г. Коноваловъ, Н. И. Луневскій, А. П. Малининъ, І. И. Поповъ, Г. А. Старовѣровъ, В. А. Ѳедоровскій, А. В. Червинскій и С. И. Чистосердовъ. Хлопоты по организаціи перевода и пріисканію средствъ для изданія принялъ на себя студентъ LIV вып. В. А. Харламовъ. Наблюденіе за печатаніемъ книги и веденіе корректуръ взяли на себя студенты LV и LVI вып. А. П. Малининъ, В. К. Стыранкевичъ и Н. Г. Высоцкій. Вся выручка отъ настоящаго изданія назначается въ пользу студенческой библіотеки.

П. Соколовъ.

1900 г., май.

Предисловіе къ третьему русскому изданію.

Во второмъ русскомъ изданіи этой книги были подвергнуты наибольшей переработкѣ главы IV (*Ощущенія и физическія чувствованія*) и XVIII (*Память*). Въ IV главѣ написаны вновь отдѣлы о *классификаціи ощущеній*, объ *органахъ чувствъ*, о *качествахъ ощущеній* и о *теоріи чувствованій Джемса-Ланге;* XVIII глава [1]) дополнена параграфами о *типахъ памяти* и о *свойствахъ хорошей памяти*. Всѣ эти дополненія вошли безъ существенныхъ перемѣнъ и въ настоящее, третье изданіе. Но они были причиной того, что IV глава прежнихъ изданій чрезмѣрно разрослась и ея содержаніе стало слишкомъ разнохарактернымъ и сложнымъ. Поэтому я счелъ необходимымъ разбить теперь эту главу на три слѣдующихъ: *IV. Органы чувствъ*, *V. Ощущенія*, и *VI. Физическія чувствованія*. Такимъ образомъ, число главъ въ настоящемъ изданіи увеличилось и нумерація ихъ измѣнилась. Далѣе, во второмъ изданіи отдѣлъ объ органахъ чувствъ не имѣлъ пояснительныхъ рисунковъ и учащійся принужденъ былъ обращаться за ними къ указаннымъ мною учебникамъ физіологіи. Теперь въ IV главѣ помѣщены шесть анатомическихъ фигуръ, которыя должны облегчить пониманіе и усвоеніе текста. Наконецъ, въ настоящемъ изданіи, какъ и въ прежнихъ, сдѣлано нѣсколько мелкихъ поправокъ и измѣненій и допол-

---

[1]) Теперь XX.

нена библіографія. Отмѣчать всѣ свои добавленія и передѣлки я по прежнему не имѣю возможности, но главнѣйшія изъ нихъ указаны въ примѣчаніяхъ. Въ общемъ русское изданіе книги Фонсегрива теперь уже значительно отличается отъ французскаго подлинника: по размѣрамъ оно увеличилось въ сравненіи съ французскимъ почти въ полтора раза, а по содержанію измѣнилось еще болѣе.

Вслѣдствіе печатанія въ провинціальной типографіи и нѣкоторыхъ другихъ причинъ въ книгѣ оказалось не мало опечатокъ, которыя иногда пожалуй могутъ поставить учащагося въ затрудненіе. Поэтому я прошу учащихся, прежде, чѣмъ они приступятъ къ чтенію книги, исправить эти опечатки.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить отъ имени издателей благодарность студенту LXI выпуска В. Я. Андрееву, взявшему на себя исправленіе корректуръ и всѣ другія сложныя хлопоты по изданію, а также тѣмъ его товарищамъ, которые изрѣдка дѣлили его трудъ.

Чистый доходъ отъ настоящаго изданія получаетъ двоякое назначеніе. Половина его поступаетъ по прежнему въ пользу студенческой библіотеки, другая же половина будетъ употреблена на организацію кабинета экспериментальной психологіи при Московской духовной академіи.

П. Соколовъ.

1906 г., февраль.

Предисловіе автора.

Многіе благомыслящіе люди полагаютъ, что пора ввести въ преподаваніе среднихъ школъ безспорные результаты новой психологіи вмѣстѣ съ тѣми самыми формулами, какія употреблялись ея основателями, между которыми мнѣ позволятъ назвать Тэна и Рибо.

Мнѣ казалось, что есть возможность принять эти результаты, оставаясь во всемъ вѣрнымъ философскимъ традиціямъ, дорогимъ французской школѣ. Я заимствовалъ у Аристотеля и Лейбница элементы для примиренія эмпиризма новой психологіи съ традиціоннымъ апріоризмомъ; Мэнъ де Биранъ, въ свою очередь, указалъ мнѣ основныя черты плана, которому я долженъ былъ слѣдовать.

Можетъ быть, нѣкоторые изъ моихъ коллегъ найдутъ, что этотъ скромный учебникъ можетъ оказать маленькую услугу нашимъ учащимся. Они сумѣютъ своими объясненіями исправить его недостатки и восполнить его пробѣлы.

Я очень обязанъ г. Жоржу Ліону, профессору Высшей Нормальной школы, который любезно согласился прочесть настоящую книгу и помочь мнѣ своими совѣтами. Да позволитъ онъ мнѣ выразить ему здѣсь мою благодарность.

Ж. Фонсегривъ.

Важнѣйшія опечатки.

Стр. 34, строка 19 сн.: вм. психологическая ч. психическая
Стр. 41, строка 4 сн.: вм. требуютъ ч. требуетъ
Стр. 74, строка 9 сн.: вм. $1^1/_3$ ф̆унта, ч. $1^2/_3$ ф̆унта,
Стр. 95, строка 7 св.: вм. *осязательнымъ* ч. *осязательныхъ*
Стр. 119, строка 7 св.: вм. нашемъ ч. вашемъ
Стр. 131, строка 14 св.: вм. оно ч. онѣ
Стр. 156, строка 5 сн.: вм. гіенна ч. гіена
Стр. 159, строка 5 сн.: вм. *Фаберъ*, ч. *Фабръ*,
Стр. 167, строка 12 св.: вм. *ощущеніе* ч. *ощущенія*
Стр. 186, строка 2 св.: вм. призракахъ ч. признакахъ
Стр. 217, строка 12 сн.: вм. средство ч. сродство
Стр. 218, строка 1 св.: вм. говоритъ ч. говорилъ
Стр. 222, строка 3 св.: вм. *исключеннаго* ч. и *исключеннаго*
Стр. 225, строка 15 св.: вм. предлагаетъ ч. предполагаетъ
Стр. 230, строка 4 св.: вм. также ч. такъ же
Стр. 259, строка 2 св.: вм. ясно ч. ясной
Стр. 261, строка 12 св.: вм. $v=\frac{s}{o}$ ч. $v=\frac{s}{0}$
Стр. 280. строки 3—4 св.: вм. знаками въ умѣ ч. знаками, а въ умѣ
Стр. 352, строка 5 св.: вм. сновидѣнія ч. сновидѣній
Стр. 366, строка 3 сн.: вм. чувствительныя ч. чувствовательныя
Стр. 375, строка 17 св.: вм. основныя ч. основные
Стр. 381, строка 4 св.: вм. теорія ч. теоріи

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе къ первому русскому изданію . . . . . III.
Предисловіе къ третьему русскому изданію. . . . . VII.
Предисловіе автора . . . . . IX.

ВВЕДЕНІЕ.

Наука и философія.

I. Удивленіе и любознательность.—II. Какъ удовлетворяется любознательность?—III. Познаніе.—IV. Наука.—V. Отдѣльныя науки.—VI. Философія. VII. Философское и научное стремленіе.—VIII. Попытка свести философію къ философскому стремленію.—IX. Философія, какъ систематизація наукъ.—X. Философія, какъ критика познанія.—XI. Возможность метафизической философіи.—XII. Положеніе психологіи въ системѣ философскихъ наукъ.—Резюмэ.—Литература . . . . . 1.

ПСИХОЛОГІЯ.

Глава I. Понятіе и предметъ психологіи.

I. Понятіе психологіи и ея предметъ.—II. Явленіе сознанія не доступно опредѣленію.—III. Явленія сознанія и физіологическія явленія.—IV. Степени сознанія.—V. Рефлексивныя и аффективныя состоянія сознанія.—Резюмэ.—Литература. . . 12

Глава II. Задачи и методы психологіи.

I. Задачи психологіи.—II. Историческое развитіе психологіи и психологическіе методы.—III. Внутреннее наблюденіе.—IV. Границы интроспекціи.—V. Внѣшнее наблюденіе.—VI. Область внѣшняго наблюденія.—VII. Психологическій анализъ и формулировка законовъ.—VIII. Экспериментъ.—Резюмэ.—Литература 21

Глава III. Сознаніе и способности.

I. Сознаніе и психическія явленія.—II. Существуютъ-ли безсознательныя психическія явленія?—III. Общая классификація сознательныхъ явленій. Понятіе способности.—IV. Три душевныхъ способности: чувство, умъ и воля.—V. Эта классификація необходима и достаточна.—VI. Единство душевныхъ способностей.—Резюмэ.—Литература . . . . . 36.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Аффективная психологія.

Глава IV. Органы чувствъ.

I. Классификація ощущеній и органы чувствъ.—II. Органъ зрѣнія.—III. Органъ слуха.—IV. Органы вкуса и обонянія.—V. Органы осязанія.—VI. Специфическія энергіи органовъ чувствъ.—Резюмэ.—Литература . . . . . 44.

Глава V. Ощущенія.

I. Качество и интенсивность ощущеній. — II. Зрѣніе. — III. Слухъ.—IV. Вкусъ и обоняніе.—V. Осязаніе.—VI. Мускульныя и органическія ощущенія.—VII.—Относительность ощущеній и Веберовъ законъ.—Резюмэ.—Литература . . . . . 58.

Глава VI. Физическія чувствованія.

I. Удовольствіе и страданіе.—II. Относительность физическихъ чувствованій.—III. Основной законъ физическихъ чувствованій.—IV. Теорія чувствованій Джемса-Ланге.—V. Критика этой теоріи.—Резюмэ.—Литература . . . . . 79.

Глава VII. Воспріятіе.

I. Ощущенія и воспріятія. — II. Воспріятіе собственнаго тѣла.—III. Образованіе мускульно-осязательнаго и зрительнаго атласа.—IV. Воспріятіе внѣшнихъ вещей.—V. Воспріятіе пространственныхъ отношеній.—VI. Пространственныя воспріятія у дѣтей и оперированныхъ слѣпорожденныхъ. — VII. Эмпирическая теорія воспріятія пространства.—Резюмэ.—Литература . . . . . 91.

Глава VIII. Представленія и ихъ основные законы.

I. Ослабленіе ощущеній. Представленіе.—II. Причины ослабленія ощущеній.—III. Существуютъ-ли представленія всѣхъ чувствъ? — IV. Сохраненіе и репродукція представленій. — V. Законъ ассоціаціи —Резюмэ.—Литература . . . . . 111.

Глава IX. Ассоціація представленій.

I. Условія ассоціаціи.—II. Недостаточность пространственной смежности.—III. Недостаточность объективной временной смежности.—IV. Недостаточность причинной зависимости.—V. Недостаточность сходства.—VI. Конструктивная ассоціація.—Резюмэ.—Литература . . . . . 117.

Глава X. Общія представленія.

I. Законъ образованія общихъ представленій.—II. Пред-

ставленіе антецедентовъ и слѣдствій.—III. Представленіе всеобщей связи явленій.—IV. Представленіе пространственной и временной непрерывности.—V. Субъективный характеръ общихъ представленій.—Резюмэ.—Литература . . . . . 123.

Глава XI. Двигательная роль представленій.

I. Связь ощущеній съ движеніями.—II. Связь представленій съ движеніями.—III. Динамическій законъ представленій.—IV. Рефлекторныя, автоматическія и идеомоторныя дѣйствія.—V. Законы реализаціи представленій.—VI. Вліяніе удовольствія и страданія на двигательныя представленія.—Резюмэ.—Литература . . . . . 130.

Глава XII. Репрезентативныя чувствованія и желанія.

I. Законы репрезентативныхъ чувствованій.—II. Психологическія основанія этихъ законовъ.—III. Симпатія и антипатія.—IV. Понятіе и виды желанія.—V. Потребности и склонности.—VI. Склонность къ сохраненію и перемѣнѣ.—VII. Семейныя склонности.—VIII. Общественныя склонности.—IX. Осуществленіе потребностей и склонностей.—Резюмэ.—Литература. 140.

Глава XIII. Инстинктъ.

I. Понятіе и свойства инстинкта.—II. Безсознательность инстинкта.—III. Безошибочность инстинкта.—IV. Неизмѣнность инстинкта.—V. Прирожденность инстинкта.—VI. Зависимость инстинкта отъ организаціи вида.—VII. Природа инстинкта.—VIII. Осуществленіе инстинкта.—Резюмэ.—Литература . . . 153.

Глава XIV. Привычка.

I. Понятіе привычки и условія ея возникновенія.—II. Привычка у живыхъ существъ.—III. Физическія, умственныя и нравственныя привычки.—IV. Вліяніе привычки на ощущенія, чувства и стремленія.—V. Безсознательность привычныхъ дѣйствій.—VI. Наслѣдственность привычки.—VII. Переходъ ко второй части.—Резюмэ.—Литература . . . . . 160.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Рефлексивная психологія.

Глава XV. Рефлексивныя состоянія и вниманіе.

I. Различіе аффективныхъ и рефлексивныхъ состояній.—II. Понятіе вниманія.—III. Виды вниманія.—IV. Апперцепція.—V. Вниманіе и мускульныя состоянія.—Резюмэ.—Литература. 168.

Глава XVI. Образованіе и свойства понятій.

I. Абстракція, сравненіе и обобщеніе. — II. Понятія. — III. Свойства понятій.—IV. Различіе понятій отъ общихъ представленій.—V. Схематизмъ понятій.—IV. Значеніе понятій.—Резюмэ.—Литература , ... 178.

Глава XVII. Сужденіе и умозаключеніе.

I. Опредѣленіе сужденія.—II. Классификація сужденій.—III. Умозаключеніе и его виды.—IV. Анализъ индукціи.—V. Основное условіе индуктивныхъ умозаключеній.—Резюмэ.—Литература . . . . . 191.

Глава XVIII. Основныя понятія разсудка.

I. Пять основныхъ понятій разсудка.—II. Пространство.—III. Время.—IV. Число.—V. Причина.—VI. Природа причинности.—VII. Субстанція. VIII. Тожество субстанціи и причины въ понятіи закона.—Резюмэ.—Литература. 200

Глава XIX. Законы мышленія.

I. Законы тожества и достаточнаго основанія.—II. Законы цѣлесообразности, причинности и субстанціальности.—III. Вопросъ о происхожденіи законовъ мышленія.—IV. Эмпирическая теорія закона тожества.—V. Эмпирическая теорія закона причинности. — VI. Происхожденіе законовъ мышленія съ точки зрѣнія эволюціонизма. — VII. Апріорность законовъ мышленія.—Резюмэ.—Литература . . . . . 212.

Глава XX. Память.

I. Настоящія и прошедшія состоянія сознанія.—II. Условія воспоминанія.—III. Мотивы сужденія о прошломъ.—IV. Локализація воспоминаній въ прошедшемъ.—V. Типы памяти.—VI. Свойства хорошей памяти.—VII. Болѣзни памяти.—Резюмэ.—Литература . . . . . 224.

Глава XXI. Идея „я“.

I. „*Я*“, какъ субъектъ психическихъ состояній.—II. Образованіе идеи „*я*“.—III. Внутреннее воспріятіе.—IV. Дѣятельность „*я*“.—V. Роль памяти въ дѣятельности „*я*“.—VI. Есть-ли „*я*“ продуктъ своихъ состояній?—VII. Разборъ теоріи измѣненія личности.—Резюмэ.—Литература . . . . . 242.

Глава XXII. Идея внѣшняго міра.

I. Проблема внѣшняго воспріятія.—II. Теорія инстинкта.—III. Теорія иллюзіи. — VI. Критика этой теоріи. — V. Теорія

умозаключенія. — VI. Разборъ возраженій противъ теоріи умозаключенія.—Резюмэ.—Литература . . . . . 252.

Глава XXIII. Высшія идеи разума.

I. Высшія понятія.—II. Идея безконечнаго.—III. Идея совершеннаго.—IV. Идея абсолютнаго.—V. Абсолютное существо.—Резюмэ.—Литература . . . . . 260.

Глава XXIV. Разумъ.

I. Различныя значенія слова „разумъ“ и различныя формы разумной дѣятельности.—II. Здравый смыслъ и общій смыслъ.—III. Оригинальность.—IV. Состоянія, противоположныя разуму.—V. Основное свойство разума.—Резюмэ.—Литература. 266.

Глава XXV. Воображеніе.

I. Разумъ и воображеніе.—II. Воображеніе пассивное и активное.—III. Типы воображенія.—IV. Значеніе воображенія.—V. Дисциплина воображенія.—Резюмэ.—Литература . . . . 272.

Глава XXVI. Языкъ.

I. Знаки, естественные и искусственные.—II. Языкъ и вопросъ, о его происхожденіи.—III. Образованіе языка у дѣтей.—IV. Образованіе языка въ человѣчествѣ.—V. Языки аналитическіе и синтетическіе.—VI. Роль общихъ понятій въ образованіи языка.—VII. Отношеніе языка и мысли.—VIII. Письмо.—Резюмэ.—Литература . . . . . 279.

Глава XXVII. Идейныя чувствованія и склонности.

I. Вліяніе идей на чувствованія.—II. Трансформація потребностей. — III. Трансформація аффективныхъ склонностей.—IV. Возникновеніе новыхъ склонностей и чувствъ.—V. Склонность къ эмоціямъ.—VI. Склонность къ любознательности.—VII. Склонность къ дѣятельности.—VIII. Гуманитарныя чувства и склонности.—IX. Религіозныя чувства и склонности.—Резюмэ.—Литература . . . . . 291.

Глава XXVIII. Страсти.

I. Природа страсти.—II. Схоластическая классификація страстей.—III. Классификація страстей по предметамъ.—IV. Дѣйствія страстей.—V. Универсальная любовь.—Резюмэ.—Литература . . . . . 300.

Глава XXIX. Благо.

I. Желаніе и благо.—II. Желательное и предпочтительное.—III. Критерій блага.—IV. Абсолютное благо.—V. Долгъ.—Резюмэ.—Литература . . . . . 307.

XVI

Глава XXX. Красота и искусство.

I. Анализъ чувства прекраснаго.—II. Свойства красоты, какъ объекта.—III. Безобразное, смѣшное и возвышенное.—IV. Эстетическій вкусъ.—V. Искусство.—VI. Идеализмъ и реализмъ въ искусствѣ.—VII. Правда и дѣйствительность въ художественномъ творчествѣ.—VIII. Дѣленіе искусствъ.—Резюмэ.—Литература . . . . . 313.

Глава XXXI. Воля.

I. Понятіе волевого акта.—II. Вопросъ о свободѣ воли и анализъ свободнаго дѣйствія.—III. Необходимые моменты волевого акта.—IV. Свободный моментъ.—V. Метафизическое доказательство свободы воли.—Резюмэ.—Литература. . . . 328.

Глава XXXII. Критика детерминизма.

I. Фатализмъ и детерминизмъ.—II. Психологическіе аргументы детерминизма.—III. Научные аргументы.—IV. Метафизическіе аргументы.—Резюмэ.—Литература. 336

Глава XXXIII. Характеръ и личность.

I. Понятіе характера.—II. Темпераментъ.—III. Образованіе характера.—IV. Личность.—V. Участіе природы и воли въ образованіи человѣка.—Резюмэ.—Литература. . . . . 343.

Глава XXXIV. Галлюцинаціи и сновидѣнія.

I. Понятіе галлюцинаціи.—II. Исправленіе галлюцинацій.—III. Коллективныя галлюцинаціи.—IV. Сновидѣнія.—V. Свойства и виды сновидѣній.—Резюмэ.—Литература. . . . . 349.

Глава XXXV. Человѣкъ и животное.

I. Понятіе сравнительной психологіи.—II. Различіе между человѣкомъ и животнымъ.—III. Аргументы Декарта въ пользу автоматизма животныхъ и критика этихъ аргументовъ.—IV. Критика взглядовъ Монтэня.—V. Умъ животныхъ.—VI. Человѣческій умъ.—Резюмэ.—Литература. 355

Глава XXXVI. Душа и тѣло.

I. Двойственность человѣческой природы.—II. Взаимодѣйствіе души и тѣла.—III. Критика матеріализма.—IV. Критика феноменизма.—V. Заключеніе.—Резюмэ.—Литература. . . . 365.

Приложеніе.

Темы для сочиненій по психологіи . . . . . 374.

ВВЕДЕНІЕ.

Наука и философія.

I. Удивленіе и любознательность—II. Какъ удовлетворяется любознательность?—III. Познаніе.—IV. Наука—V. Отдѣльныя науки.—VI. Философія.—VII. Философское и научное стремленіе.—VIII. Попытка свести философію къ философскому стремленію.—IX. Философія, какъ систематизація наукъ.—X. Философія, какъ критика познанія.—XI. Возможность метафизической философіи.—XII. Положеніе психологіи въ системѣ философскихъ наукъ.

I. Удивленіе и любознательность.—При видѣ вещей, новизна которыхъ поражаетъ человѣка, онъ останавливается и удивляется. Удивленіе есть остановка въ движеніи мысли. Мы стараемся ввести новую вещь въ рамки вещей, которыя намъ уже извѣстны, и не можемъ достигнуть этого непосредственно. Это неугомонное стремленіе ввести неизвѣстное въ рамки извѣстнаго называется *любознательностью*. Чѣмъ больше новаго и неизвѣстнаго открывается предъ человѣческимъ умомъ, тѣмъ больше новыхъ вопросовъ предлагаетъ ему любознательность. Вотъ почему ребенокъ спрашиваетъ обо всемъ. Отвѣты на предлагаемые вопросы называются объясненіями.

II. Какъ удовлетворяется любознательность?—Всѣ вопросы, какіе можно предлагать, сводятся къ четыремъ. Спрашиваютъ или о томъ, *изъ чего* сдѣлана вещь, подлежащая объясненію, или *къмъ* она сдѣлана, или *какимъ*

образомъ она была сдѣлана, или, наконецъ, *для чего* ее сдѣлали. Когда данъ отвѣтъ на эти четыре вопроса, объясненіе становится полнымъ и любознательность удовлетворена. Допустимъ, наприм., что предметомъ любознательности будетъ кусокъ хлѣба. Любознательность будетъ удовлетворена, если мы перечислимъ вещества, которыя входятъ въ составъ хлѣба: *муку*, *воду*, и *соль;* если мы скажемъ, что хлѣбъ испеченъ *булочникомъ;* если мы опишемъ пріемы *хлѣбопеченія*, и если, наконецъ, скажемъ, что хлѣбъ приготовленъ *въ пищу* людямъ. Разъ эти отвѣты даны, объясненіе хлѣба—полное и спрашивать болѣе не о чемъ.

Итакъ, любознательность ставитъ четыре вопроса. Она спрашиваетъ: 1) какова *матерія* извѣстной вещи, 2) какова *форма*, въ которую облеклась эта матерія, чтобы стать данною вещью, 3) какова ея *дѣйствующая причина*, и 4) какова ея *причина конечная*, ея цѣль.

Для удовлетворенія любознательности нуженъ отвѣтъ на каждый изъ этихъ четырехъ вопросовъ. Какъ скоро одинъ изъ нихъ останется безъ отвѣта, любознательность не будетъ вполнѣ удовлетворена.

III. Познаніе.—Всякій отвѣтъ на вопросы, предлагаемые любознательностью, составляетъ *сужденіе*. Если отвѣтъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то такое сужденіе заслуживаетъ имени *познанія*. Такимъ образомъ, всякое познаніе есть прежде всего сужденіе, т. е. соединеніе сказуемаго съ подлежащимъ, но не всякое сужденіе есть познаніе. Когда я говорю: на Сиріусѣ есть жители, я высказываю сужденіе, и однако не знаю того, о чемъ сужу. Чтобы это сужденіе было знаніемъ, нужно, чтобы Сиріусъ дѣйствительно былъ обитаемъ. И этого еще недостаточно: нужно кромѣ того, чтобы я могъ какимъ нибудь способомъ удостовѣриться, что мое сужденіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Итакъ, по-

знаніе есть сужденіе, въ которомъ можно установить соотвѣтствіе съ дѣйствительностью, т. е. истинное сужденіе.

IV. Наука.—Сужденіе можетъ быть настоящимъ познаніемъ, не будучи сужденіемъ научнымъ. Всякая наука есть познаніе, но не всякое познаніе есть наука. Напримѣръ, плотники знаютъ, что квадратъ, построенный на гипотенузѣ прямоугольнаго треугольника, равенъ суммѣ квадратовъ, построенныхъ на его катетахъ; но большинство изъ нихъ имѣютъ только знаніе, а не научное пониманіе этихъ свойствъ прямоугольнаго треугольника. Почему это? Потому что плотники не знакомы съ геометріей и, зная, что свойства прямоугольнаго треугольника таковы, не сумѣли бы сказать, почему и какимъ образомъ они таковы. Отсюда, когда мы знаемъ, что вещь существуетъ, мы имѣемъ познаніе; но это познаніе становится научнымъ только тогда, когда мы можемъ его объяснить, т. е. связать его съ совокупностью другихъ прежнихъ знаній, и доказать его истинность, т. е. показать, что разумъ или опытъ требуютъ существованія дѣйствительности, которая ему соотвѣтствуетъ.

Итакъ, отдѣльное познаніе не есть наука; множество безсвязныхъ познаній также не составляетъ науки. Науку создаетъ только связь, которая соединяетъ между собою извѣстное количество знаній. Познаніе бываетъ научнымъ лишь при томъ условіи, если оно образуетъ часть опредѣленной группы представленій или понятій. Другими словами, *наука есть система знаній, стоящихъ въ тѣсной связи другъ съ другомъ.*

V. Отдѣльныя науки.—Каждая отдѣльная наука есть одна изъ такихъ системъ познаній, касающаяся спеціальной группы предметовъ или явленій. Геометрія есть система познаній о пространствѣ; ариѳметика—система познаній о числѣ; химія—система знаній объ элементахъ тѣлъ, и проч.

Какъ и познаніе вообще, науки имѣютъ своимъ источникомъ любознательность и потребность въ объясненіи. Но въ общемъ онѣ даютъ отвѣтъ только на два изъ тѣхъ вопросовъ, которые естественно ставитъ намъ любознательность. Науки говорятъ о томъ, *какъ* сдѣлана вещь, т. е. описываютъ ея формы и законы; онѣ говорятъ далѣе, *изъ чего* вещь сдѣлана, т. е. опредѣляютъ ея элементы; но обыкновенно онѣ не говорятъ намъ, *кѣмъ* эта вещь сдѣлана и *почему* она сдѣлана. Въ геометріи, физикѣ или химіи ученый никогда не предлагаетъ себѣ этихъ вопросовъ. Въ физіологіи онъ спрашиваетъ, какова цѣль или функція извѣстныхъ органовъ, но не спрашиваетъ, кто произвелъ ихъ. Всѣ науки берутъ дѣйствительность, какъ нѣчто данное, не спрашивая о томъ, кто далъ это данное и дано ли оно въ виду какой-нибудь послѣдней цѣли.

VI. Философія.—Отвѣтъ на эти послѣдніе вопросы и составляетъ содержаніе *философіи*. Такимъ образомъ, *философія есть наука о причинахъ дѣйствующихъ и причинахъ конечныхъ;* она отыскиваетъ первое начало и послѣднюю цѣль. Она спрашиваетъ: откуда произошелъ міръ и куда онъ идетъ? Никто не можетъ отрицать того, что постановка этихъ вопросовъ естественна для ума. Никто не можетъ оспаривать, что знаніе о томъ, доступны ли они для разрѣшенія, имѣетъ первостепенную важность. И такъ какъ они выходятъ за предѣлы научнаго опыта и имѣютъ метафизическій смыслъ, то философія въ существѣ дѣла есть то же, что *метафизика*.

Эти вопросы столь естественны для человѣческаго ума, что при взглядѣ на міръ онъ предлагалъ ихъ себѣ прежде всего. Въ началѣ философія составляла все знаніе и заключала въ себѣ всѣ науки. Но по мѣрѣ того, какъ познанія объединялись и слагались въ прочныя группы, изъ нихъ возникали

отдѣльныя науки. Мало по малу науки выдѣлились изъ философіи и по мѣрѣ того, какъ онѣ пріобрѣтали достаточно прочную организацію, требовали своей независимости. Такъ образовалась въ глубокой древности математика, потомъ въ XVI вѣкѣ съ Галилеемъ физика, затѣмъ съ Лавуазье химія, и, наконецъ, въ новѣйшее время физіологія, біологія, соціологія и проч.

Это дало нѣкоторымъ поводъ думать, что философія была только безсвязной совокупностью неорганизованныхъ знаній: всякій разъ, какъ наука получала организацію, она выдѣлялась изъ философіи и дѣлалась независимой, а философія становилась въ противорѣчіе съ нею и стремилась къ своему уничтоженію, благодаря своему же собственному прогрессу. Но изъ того, что мы сказали, можно видѣть, что такой взглядъ ошибоченъ. Даже въ томъ случаѣ, если бы развитіе наукъ вполнѣ завершилось, философія все-таки имѣла бы задачей отвѣтить на послѣдніе вопросы нашей мысли,—о причинѣ дѣйствующей и причинѣ конечной.

VII. Философское и научное стремленіе.—Философія, какъ и наука, родилась изъ потребности въ объясненіи и она именно дала начало отдѣльнымъ наукамъ. Философское стремленіе, какъ и научное, есть стремленіе къ изслѣдованію, внушенное любознательностью. Подобно научному стремленію, оно не удовлетворяется какими бы то ни было отвѣтами на тѣ запросы, которые оно намъ предъявляетъ. Для своего удовлетворенія оно требуетъ, чтобы эти отвѣты имѣли свои основанія. Философское стремленіе есть проявленіе *критической* любознательности, т. е. такой любознательности, которая ищетъ *доказательствъ*. Но въ томъ же состоитъ и научное стремленіе, потому что наука, какъ мы видѣли, есть совокупность объясненій, основанныхъ на доказательствахъ.

Философское стремленіе отличается отъ научнаго только

по своему предмету. Между тѣмъ какъ научное стремленіе намѣренно ограничиваетъ любознательность извѣстнымъ классомъ идей и даже въ этомъ классѣ извѣстнымъ числомъ вопросовъ, философское стремленіе простираетъ ее на всѣ предметы и всѣ объясненія. Такимъ образомъ, оно имѣетъ всеобщій характеръ, тогда какъ научное стремленіе имѣетъ характеръ частный. Оно болѣе широко, всеобъемлюще, но за то оно рискуетъ быть менѣе опредѣленнымъ, менѣе точнымъ и достигнуть результатовъ менѣе достовѣрныхъ. Наука, по мѣрѣ того, какъ она прогрессируетъ, все болѣе и болѣе обособляется и спеціализируется; напротивъ, философія имѣетъ все такія же широкія и общія задачи, какъ и во времена Демокрита, Платона и Аристотеля.

Отсюда, философскимъ называется также всякое умозрѣніе, всякое изслѣдованіе, которое, выходя изъ точныхъ рамокъ спеціальной науки, пытается показать отношенія одной науки къ другимъ или даже опредѣлить связь различныхъ частей извѣстной науки между собой. Въ послѣднемъ смыслѣ говорятъ, напр., о *философіи права* и о *философіи исторіи*, въ первомъ—о *философіи математики* и о *философіи наукъ*.

VIII. ***Попытка свести философію къ философскому стремленію.***—Нѣкоторые изъ новѣйшихъ мыслителей хотятъ свести философію просто къ всеобщей теоретической любознательности, которая сама по себѣ, конечно, не можетъ составлять науки. По ихъ мнѣнію, философія можетъ строить только гипотетическія системы, болѣе или менѣе остроумныя и величественныя, но всегда нуждающіяся въ критической провѣркѣ и, слѣдовательно, лишенныя доказательства; а доказательство, какъ мы видѣли, именно и составляетъ науку. Съ этой точки зрѣнія философія по существу есть то же самое, что искусство или поэзія; она ско-

рѣе создаетъ символы, чѣмъ даетъ объясненія; она измѣняется въ зависимости отъ каждаго отдѣльнаго ума. „Самый скромный умъ, какъ и самый высокій, имѣлъ свой способъ понимать міръ,—говорилъ Ренанъ;—каждая мыслящая голова была на свой ладъ зеркаломъ вселенной; всякое живое существо имѣло свою мечту, которая его плѣняла, возвышала, утѣшала: грандіозная или жалкая, пошлая или возвышенная, эта мечта была его философіей.—Философія есть приправа, безъ которой всѣ блюда безвкусны, но которая одна сама по себѣ не составляетъ пищи".

IX. Философія, какъ систематизація наукъ.—Но легко доказать на опытѣ, что философія есть нѣчто большее, чѣмъ философское стремленіе, что она есть наука *sui generis*. Въ самомъ дѣлѣ, Огюстъ Контъ опредѣляетъ ее какъ *систематизацію наукъ* и ставитъ ея задачей показать отношенія подчиненія и соподчиненія, существующія между различными отраслями знанія. Изслѣдованіемъ этихъ отношеній не занимается ни одна спеціальная наука; оно должно составлять содержаніе особой науки, и такая „наука наукъ" будетъ философіей. Гербертъ Спенсеръ говоритъ почти то же самое: по его мнѣнію, философія есть вполнѣ объединенное знаніе.—Такимъ образомъ, философія болѣе, чѣмъ философское стремленіе: она есть по меньшей мѣрѣ наука о всеобщихъ отношеніяхъ наукъ между собою.

X. Философія, какъ критика познанія.—Но она даже больше, чѣмъ это. Метафизическое стремленіе человѣческаго духа существуетъ по крайней мѣрѣ какъ фактъ, и различныя метафизическія системы имѣютъ значеніе по крайней мѣрѣ въ качествѣ явленій. Слѣдовательно, становится возможной наука объ этихъ явленіяхъ. Эта наука будетъ состоять въ изслѣдованіи вопроса о томъ, каковы законы, по которымъ реализуется фактъ, называемый метафизическимъ

стремленіемъ, и устанавливаются явленія, называемыя метафизическими системами. Такая наука, опирающаяся одновременно на психологію, логику и исторію, получила отъ своего основателя, Канта, названіе *критики*. Итакъ, философія болѣе, чѣмъ философское стремленіе, и даже болѣе, чѣмъ систематизація наукъ: она есть по меньшей мѣрѣ критика познанія.

XI. Возможность метафизической философіи.—Критика познанія можетъ придти къ двоякому результату. Она можетъ обнаружить, что всѣ метафизическія системы суть чисто субъективные продукты метафизическаго стремленія, и признать ихъ только призрачнымъ удовлетвореніемъ, которое даетъ себѣ умъ, допытывающійся знанія причинъ и цѣлей. Тогда мы произнесемъ о метафизикѣ такое же сужденіе, какое высказалъ Ренанъ, только теперь это сужденіе будетъ оправдано и мотивировано. Но она можетъ также показать, что метафизическое стремленіе имѣетъ законное удовлетвореніе, что въ нашихъ понятіяхъ далеко не все субъективно и что даже въ метафизикѣ можно достигнуть провѣрки и доказательства. Тогда философія будетъ обнимать собой прежде всего систематизацію наукъ, затѣмъ критическую теорію познанія и, наконецъ, *метафизику*. Она будетъ наукой о наукахъ, наукой о законахъ познанія и наукой о происхожденіи вещей и ихъ цѣляхъ.

Сейчасъ мы не имѣемъ права предрѣшать вопросъ въ пользу какого-нибудь изъ этихъ двухъ взглядовъ; но мы имѣемъ возможность сказать, что философія, быть можетъ, оправдываетъ то опредѣленіе, какое далъ ей Аристотель, т. е. заслуживаетъ названія *науки о причинахъ*. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ право сказать, что это опредѣленіе можно дать ей или отнять у нея только на основаніи глубокой критики познанія, какъ это сдѣлалъ Кантъ. Наконецъ, кромѣ

того, мы имѣемъ право вмѣстѣ съ Огюстомъ Контомъ и Г. Спенсеромъ признать ее систематическою связью наукъ. Такимъ образомъ мы не можемъ остановиться на точкѣ зрѣнія Ренана: перешагнувъ за ея предѣлы, мы должны принять точку зрѣнія Конта и Спенсера, затѣмъ, возвысившись надъ ними, принять точку зрѣнія Канта, и наконецъ, можетъ быть, пойти еще дальше, съ тѣмъ, чтобы достигнуть точки зрѣнія Платона, Аристотеля, Лейбница и христіанской философіи. Отсюда, мы опредѣлимъ философію, какъ *проявленіе критической любознательности, обнимающее собой систематизацію наукъ, науку о законахъ познанія и, можетъ быть, науку о причинахъ.*

XII. Положеніе психологіи въ системѣ философскихъ наукъ.—Область философскаго познанія не ограничивается метафизикой или философіей въ собственномъ смыслѣ; она обнимаетъ еще рядъ наукъ, имѣющихъ очень тѣсную связь съ метафизикой. Главныхъ изъ нихъ три: 1) *Психологія*, часть которой, ученіе о познаніи, служитъ основой для критики познанія и вмѣстѣ съ нею составляетъ необходимое введеніе во всякую метафизику; 2) *Логика*, которая, изучая законы доказательства, господствуетъ, какъ и метафизика, надъ всѣми науками, имѣетъ такой же всеобщій характеръ и, слѣдовательно, по праву является одною изъ главныхъ философскихъ наукъ; и 3) *Этика*, которая изслѣдуетъ высшія цѣли человѣческихъ дѣйствій и, слѣдовательно, находится въ тѣсной связи съ метафизикой, какъ наукой о цѣляхъ.

Такимъ образомъ, психологія занимаетъ въ ряду философскихъ наукъ первое мѣсто. Опираясь на то познаніе о человѣкѣ, которое она даетъ намъ, мы будемъ въ состояніи открыть законы логики; при помощи этихъ законовъ мы можемъ дать критику познанія и положить основаніе для научной

метафизики; наконецъ, изъ знанія метафизическихъ принциповъ мы можемъ вывести высшіе законы дѣйствія, предписываемые намъ этикой.

РЕЗЮМЭ.

I.—Удивленіе, испытываемое человѣкомъ при видѣ новизны, возбуждаетъ его *любознательность*.

II.—Любознательность удовлетворяется отвѣтомъ на четыре вопроса, которые касаются *матеріи*, *формы*, *дѣйствующей причины* и *цѣли* вещей.

III.—Если отвѣты на эти вопросы истинны и основательны, то они составляютъ *познанія*.

IV.—*Наука* состоитъ изъ совокупности познаній, связанныхъ другъ съ другомъ.

V.—*Отдѣльныя науки* суть системы знаній объ отдѣльныхъ группахъ предметовъ. Въ общемъ онѣ отвѣчаютъ только на вопросы о матеріи и формѣ.

VI. *Философія* отвѣчаетъ на вопросы о причинѣ и цѣли.

VII.—Философское стремленіе, какъ и научное, есть проявленіе *критической любознательности*. Различіе между ними состоитъ въ томъ, что научное стремленіе имѣетъ частный характеръ; а философское—общій.

VIII.—Философію хотѣли свести къ простому *философскому стремленію*. Она будто бы только приправа, неспособная составлять пищи.

IX.—Но Огюстъ Контъ и Гербертъ Спенсеръ показали, что философія имѣетъ положительную задачу, такъ какъ она даетъ *систематизацію наукъ* и вполнѣ объединяетъ знаніе.

X.—Кромѣ того, само метафизическое стремленіе нуждается въ объясненіи. Такое объясненіе можно дать только посредствомъ критики познанія. Такимъ образомъ философія должна быть также *критической теоріей познанія*.

XI.—Наконецъ, если результаты критики познанія будутъ благопріятны для него, философія можетъ стать научною *метафизикой*.

XII.—Въ систему философіи входятъ *психологія*, *логика*, *метафизика* и *этика*, въ ряду которыхъ психологія занимаетъ первое мѣсто.

Литература.

Кантъ, Критика чистаго разума.—**Кантъ*, Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ.—**Спенсеръ*, Основныя начала.—**Миллъ*,

Система логики.—**Паульсенъ*, Введеніе въ философію.—*Э. Навиль*, Что такое философія?—*Рибо*, Современная англійская психологія (Вступленіе),—*Лопатинъ*, Положительныя задачи философіи.—*Кудрявцевъ*, Сочиненія, т. I, вып. 1.—*Струве*, Введеніе въ философію.—**Кюльпе*, Введеніе въ философію.—*Іерузалемъ*, Введеніе въ философію.—**Вундтъ*, Введеніе въ философію.—*Корнеліусъ*, Введеніе въ философію.

ПСИХОЛОГІЯ.

ГЛАВА I.

Понятіе и предметъ психологіи.

I. Понятіе психологіи и ея предметъ.—II. Явленіе сознанія не доступно опредѣленію.—III. Явленія сознанія и физіологическія явленія.—IV. Степени сознанія.—V. Рефлексивныя и аффективныя состоянія сознанія.

I. Понятіе психологіи и ея предметъ.—Названіе *психологія* происходитъ отъ двухъ греческихъ словъ: *ψυχή* и *λόγος*, и въ переводѣ значитъ *наука о душѣ*. Но душа сама по себѣ неизвѣстна намъ непосредственно; на опытѣ мы знаемъ ее только въ формѣ явленій своеобразной природы, которыя называются явленіями сознанія. Эти явленія, какъ и всѣ явленія въ мірѣ, имѣютъ свои законы, и предметъ психологіи состоитъ въ томъ, чтобы открыть эти законы. Слѣдовательно, психологія прежде всего должна быть опредѣлена, какъ *наука о явленіяхъ сознанія и ихъ законахъ*. Только выполнивъ эту ближайшую задачу, она можетъ перейти къ вопросу о *сущности* сознанія и сдѣлаться наукой о „душѣ“.

Отсюда, полная система психологіи заключаетъ въ себѣ двѣ части: *опытную* или эмпирическую *психологію*, которая разсматриваетъ только явленія сознанія и ихъ законы, и *раціональную* или метафизическую *психологію*, котора

изслѣдуетъ сверхъопытную основу этихъ явленій и законовъ. Предметомъ нашего изученія будетъ главнымъ образомъ опытная психологія.

II. Явленіе сознанія недоступно опредѣленію.—Если эмпирическая психологія есть наука о явленіяхъ сознанія, то что же такое эти явленія, и чѣмъ отличаются они отъ другихъ явленій міра?

Явленіе сознанія нельзя опредѣлить. Оно проще всякаго опредѣленія и яснѣе, чѣмъ все, что мы о немъ можемъ сказать. Каждый знаетъ, что онъ хочетъ выразить, когда говоритъ, что онъ видитъ, слышитъ, испытываетъ удовольствіе, страдаетъ и проч. *Видѣть, слышать, испытывать удовольствіе, страдать,*—это и есть явленія сознанія.

III. Явленія сознанія и физіологическія явленія.—Но видѣть, слышать, испытывать удовольствіе, страдать невозможно безъ извѣстныхъ нервныхъ возбужденій или раздраженій, безъ извѣстныхъ измѣненій въ нашемъ тѣлѣ. Эти явленія въ одно и то же время *психологическія* и *физіологическія*. Они физіологическія въ томъ отношеніи, что стоятъ въ связи съ извѣстными процессами въ нашемъ организмѣ; они психическія въ томъ смыслѣ, что мы ихъ переживаемъ въ своемъ сознаніи.

Психическія явленія отличаются отъ физіологическихъ тремя главными особенностями.

1) Явленія психическія имѣютъ положеніе только во времени, но не имѣютъ измѣренія въ пространствѣ: они *непротяженны*. Напротивъ, явленія физіологическія имѣютъ и положеніе во времени, и измѣренія въ пространствѣ. Напримѣръ, порѣзъ на пальцѣ имѣетъ длину, ширину и глубину, которыя выражаются въ миллиметрахъ; боль же, которая происходитъ отъ него, не можетъ измѣряться такимъ образомъ. Было бы смѣшно сказать: эта боль имѣетъ столько-то метровъ,

или миллиметровъ глубины. Если говорятъ иногда о „высокихъ“ взглядахъ, „широкихъ“ идеяхъ, „глубокихъ“ скорбяхъ, то лишь метафорически.

Тѣмъ не менѣе, явленія сознанія измѣримы. Они измѣряются a) по своей *интенсивности*, или силѣ, b) по своей *продолжительности*. Такимъ образомъ, они интенсивны, протекаютъ во времени и чужды пространственныхъ свойствъ.

Изъ этого перваго различія вытекаютъ два другихъ.

2) Психическія явленія доступны для воспріятія только *внутреннему чувству*; физіологическія явленія доступны лишь для *внѣшнихъ чувствъ*. При порѣзѣ одно сознаніе извѣщаетъ насъ о боли; между тѣмъ какъ зрѣніе и осязаніе даютъ намъ возможность узнать только о поврежденіи тканей, произведенномъ порѣзомъ. Слухъ увѣдомляетъ врача о состояніи легкихъ больного; но лишь сознаніе самого больного сообщаетъ ему о его болѣзненныхъ ощущеніяхъ.

3) Психическія явленія *воспринимаются только тѣмъ субъектомъ, въ которомъ они происходятъ*; напротивъ, явленія физіологическія могутъ восприниматься всякимъ, кто ихъ наблюдаетъ. Только одинъ больной способенъ чувствовать свою боль; но всѣ могутъ его выслушивать, изслѣдовать его пульсъ, смотрѣть его языкъ, и притомъ не только не хуже, а даже лучше, чѣмъ онъ самъ.

Итакъ, психическія явленія ясно различаются отъ физіологическихъ. Какъ предметъ изученія, они гораздо интереснѣе послѣднихъ, потому что только они одни даютъ намъ удовольствіе и страданіе, а удовольствіе и страданіе составляютъ весь интересъ событій. Они также гораздо важнѣе, потому что безъ сознанія, т. е. безъ психическихъ явленій, физіологическія явленія не были бы намъ извѣстны, т. е. все равно, какъ если бы совсѣмъ для насъ не существовали. Мозгъ безъ сознанія ученаго, который его видитъ, осязаетъ

и познаетъ, не былъ бы ни видимъ, ни осязаемъ, ни познаваемъ. Поэтому, если въ извѣстномъ смыслѣ справедливо говорятъ, что мозгъ есть условіе существованія нашего сознанія и мысли, то въ другомъ смыслѣ не менѣе справедливо сказать, что сознаніе и мысль суть условія существованія мозга.

IV. Степени сознанія.—Хотя всѣ психическія явленія сознательны, но не всѣ они таковы въ одинаковой степени. Можно различать вмѣстѣ съ Лейбницемъ состоянія сознанія *ясныя и отчетливыя*, состоянія сознанія *ясныя, но не отчетливыя*, состоянія сознанія *темныя* и состоянія сознанія *болѣе, чѣмъ темныя.*

1) *Ясныя и отчетливыя* состоянія сознанія суть такія, которыя не только различаются нами другъ отъ друга, но о которыхъ мы сверхъ того можемъ сказать, въ чемъ и чѣмъ они отличаются. Напримѣръ, для геометра идея круга ясна и отчетлива, потому что онъ не только различаетъ эту идею отъ всѣхъ другихъ представленій о плоскихъ фигурахъ, но кромѣ того можетъ отчетливо опредѣлить, въ чемъ состоитъ ея отличіе отъ нихъ.—Такими состояніями являются всѣ понятія, или идеи.

2) *Ясныя, но не отчетливыя* состоянія сознанія суть тѣ, которыя мы различаемъ другъ отъ друга, но не можемъ сказать, въ чемъ заключается ихъ различіе. Для невѣжественнаго человѣка ощущеніе *краснаго* цвѣта отличается отъ ощущенія *зеленаго* точно такъ же, какъ и для ученаго физика: слѣдовательно, это—состоянія ясныя; но въ то же время эти состоянія остаются у него неотчетливыми и смутными, потому что онъ не знаетъ, въ чемъ и чѣмъ *красный* цвѣтъ отличается отъ *зеленаго*. Это знаетъ только человѣкъ, изучавшій физику. Цѣль науки именно и состоитъ въ томъ, чтобы перевести наши представленія путемъ анализа ихъ составныхъ элементовъ изъ состоянія смутнаго въ

состояніе отчетливое. Наука, такимъ образомъ, превращаетъ ощущенія и представленія въ идеи [1]).

3) *Темныя* состоянія сознанія суть тѣ психическіе элементы, которые входятъ въ составъ неотчетливыхъ или смутныхъ состояній. Такъ, каждое слово или крикъ, изъ которыхъ состоитъ шумъ толпы, достигаетъ сознанія, но въ состояніи темномъ. Мы не могли бы разобрать въ отдѣльности этихъ словъ и криковъ, и однако мы ихъ слышимъ, потому что, если бы мы не слышали ни одного изъ нихъ, мы не слышали бы ничего. Шумъ толпы есть не что иное, какъ ихъ смѣшанное, смутное состояніе.

4) Наконецъ, *болѣе чѣмъ темныя* состоянія суть такія, о которыхъ непосредственный опытъ сознанія не можетъ сказать намъ ничего, между тѣмъ какъ логическія соображенія доказываютъ намъ ихъ существованіе. Напримѣръ, во время сна безъ сновидѣній теченіе сознанія, конечно, не прерывается. Состояній сознанія этого глубокаго сна мы не можемъ припомнить, и опытъ ничего не говоритъ намъ о нихъ; только размышленіе убѣждаетъ насъ въ томъ, что они существовали. Они суть болѣе, чѣмъ темныя состоянія.

Въ самомъ дѣлѣ, когда мы видимъ движущееся тѣло, напр. поѣздъ, выходящій изъ тоннеля, или пулю, вылетающую изъ ружья, мы утверждаемъ, что его настоящее движеніе происходитъ отъ предшествовавшаго движенія, потому что движеніе можетъ имѣть свое достаточное основаніе только въ

---

[1]) Нужно замѣтить, что Лейбницъ, которому слѣдуетъ Фонсегривъ, смѣшиваетъ здѣсь понятіе *сознанія* съ *познаніемъ*. „Сознаніе“ само по себѣ есть только психологическое состояніе, выражающее степень *ясности* непосредственно переживаемыхъ нами душевныхъ процессовъ; напротивъ, „познаніе“ есть логическое отношеніе, дѣлающее *понятнымъ* для насъ содержаніе этихъ процессовъ. *Ред.*

другомъ, предшествовавшемъ движеніи. То же самое мы должны сказать и о фактахъ сознанія. Когда мы переживаемъ извѣстное состояніе сознанія (напримѣръ, первый актъ его при пробужденіи), то мы должны признать существованіе другого непосредственно предшествовавшаго ему состоянія сознанія, хотя-бы мы и не имѣли о немъ никакихъ прямыхъ свѣдѣній; потому что явленіе сознанія можетъ имѣть свое достаточное основаніе только въ предшествовавшемъ явленіи сознанія, подобно тому, какъ движеніе въ пространствѣ можетъ имѣть свое основаніе только въ другомъ пространственномъ движеніи.

Эти болѣе чѣмъ темныя явленія современные психологи часто называютъ *полусознательными*, *подсознательными* и даже *безсознательными*. Они-то именно и обусловливаютъ непрерывность душевной жизни.

V. Рефлексивныя и аффективныя состоянія сознанія.—Ясныя состоянія сознанія всегда прямо или косвенно приписываются нашему „я“. Это—состоянія сознанія *рефлексивныя*, т. е. такія, которыя требуютъ для своего воспріятія рефлексіи, обращенія вниманія субъекта на него самого. Сознающій субъектъ имѣетъ не только, напримѣръ, ощущеніе зрѣнія, но и ощущеніе этого ощущенія; онъ знаетъ, что онъ видитъ, и приписываетъ себѣ свое зрительное воспріятіе.

Темныя состоянія сознанія не приписываются „я“; они—просто *аффективныя* состоянія, т. е. такія, которыя производятъ только извѣстное впечатлѣніе на насъ, но не составляютъ предмета нашей рефлексіи. Таковы тѣ многочисленныя состоянія, которыя мы чувствуемъ, не давая себѣ въ нихъ отчета. Такъ, въ настоящій моментъ мой читатель имѣетъ ясное состояніе сознанія въ предѣлахъ своего чтенія: онъ знаетъ, что онъ читаетъ; но въ то же время онъ ощу-

Установа адукацыі
"Віцебскі дзяржаўны універсітэт
імя П.М.Машэрава"
БІБЛІЯТЭКА

щаетъ множество другихъ вещей, которыхъ онъ не замѣчаетъ и не усвояетъ себѣ, о которыхъ онъ говоритъ, что онъ о нихъ не думаетъ, напр., впечатлѣніе, какое получаютъ сейчасъ конечности его пальцевъ, или шумъ, который происходитъ вокругъ него. Между тѣмъ, какъ скоро онъ начинаетъ думать объ этихъ впечатлѣніяхъ, они уже перестаютъ быть темными; онъ приписываетъ ихъ себѣ; они сдѣлались ясными, они перешли изъ аффективнаго состоянія къ свѣту рефлексіи. Въ каждую данную минуту мы имѣемъ лишь весьма небольшое число рефлексивныхъ состояній, и, можетъ быть, даже только одно такое состояніе сіяетъ на вершинѣ сознанія; но въ глубинѣ нашей души совершается множество темныхъ процессовъ, стоящихъ въ связи со всѣми нашими чувствами. Эти процессы кажутся очень маловажными, и однако на самомъ дѣлѣ они имѣютъ весьма большое значеніе, особенно съ практической точки зрѣнія, такъ какъ именно они непосредственно вліяютъ на наши мускулы и управляютъ нашими дѣйствіями.

Соотвѣтственно этимъ двумъ формамъ сознанія, мы раздѣлимъ эмпирическую психологію на двѣ части. Первая будетъ имѣть своимъ предметомъ явленія темныя, аффективныя, не приписываемыя „я“: это будетъ *психологія аффективная;* вторая будетъ посвящена явленіямъ яснымъ, рефлексивнымъ, приписываемымъ субъекту: это будетъ *психологія рефлексивная.*

Явленія сознанія гораздо менѣе многочисленны, чѣмъ явленія физіологическія. Есть тѣлесныя состоянія, которымъ не соотвѣтствуетъ никакого состоянія сознанія. Даже для органовъ чувствъ нужно достаточно сильное и качественно опредѣленное раздраженіе, прежде чѣмъ сознаніе зарегистрируетъ ихъ процессы. Напримѣръ, мы не слышимъ тиканья нашихъ карманныхъ часовъ, хотя ихъ слабые звуки несомнѣнно до-

стигаютъ нашихъ ушей и при усиленномъ вниманіи становятся замѣтны. Если звуковая волна имѣетъ менѣе 16 колебаній въ секунду, то ощущеніе правильныхъ тоновъ становится невозможнымъ, хотя физіологическое измѣненіе слухового нерва, конечно, происходитъ и въ этомъ случаѣ. Такимъ образомъ, есть предѣлъ, ниже котораго сознаніе не существуетъ. Этотъ предѣлъ различенъ для каждаго чувства. Есть даже предѣлъ, выше котораго сознаніе прекращается. Самую низшую степень физіологическаго раздраженія, какую можетъ отмѣтить сознаніе, нѣмецкіе психологи называютъ *порогомъ сознанія* или *порогомъ раздраженія.*

РЕЗЮМЭ.

I.—Психологія есть *наука о явленіяхъ сознанія и ихъ нематеріальныхъ условіяхъ.* Первая часть этого опредѣленія соотвѣтствуетъ *опытной* психологіи, вторая—психологіи *раціональной.*

II.—Такимъ образомъ, предметъ опытной психологіи составляютъ *явленія сознанія,* которыя сами по себѣ не доступны опредѣленію.

III.—Эти явленія отличаются отъ явленій физіологическихъ тремя признаками; 1) они *не пространственны,* а физіологическія явленія пространственны: 2) они составляютъ предметъ *внутренняго чувства,* а физіологическія явленія—предметъ внѣшнихъ чувствъ; 3) они *воспринимаются только самимъ субъектомъ,* а физіологическія явленія могутъ быть воспринимаемы и другими, кромѣ субъекта.

IV.—Сознаніе имѣетъ различныя степени. Лейбницъ различалъ въ немъ состоянія *ясныя и отчетливыя, ясныя, но не отчетливыя, темныя и болѣе чѣмъ темныя.*

V.—Ясныя состоянія всегда приписываются „я“ и составляютъ предметъ *психологіи рефлексивной;* темныя состоянія непосредственно не приписываются субъекту и образуютъ предметъ *психологіи аффективной.*

Литература.

Ланге, Исторія матеріализма, II.—*Лотце,* Микрокосмъ, I.—*Ульрици,* Душа и тѣло.—**Льюисъ,* Изученіе психологіи, ея предметъ, область и методъ.—*Бэнъ,* Психологія.—*Джемсъ,* Психологія.—*Вундтъ,* Осно-

ванія физіологической психологіи.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—**Гефдингъ*, Очерки психологіи.—**Снегиревъ*, Психологія.—*Страховъ*, Основныя начала психологіи и физіологіи, I.—*Компейрэ*, Основанія элементарной психологіи.—*Челпановъ*, Мозгъ и душа.—*Введенскій*, О предѣлахъ и признакахъ одушевленія.—**Лосскій*, Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма.

ГЛАВА II.

Задачи и методы психологіи [1]).

I. Задачи психологіи.—II. Историческое развитіе психологіи и психологическіе методы.—III. Внутреннее наблюденіе.—IV. Границы интроспекціи.—V. Внѣшнее наблюденіе.—VI. Область внѣшняго наблюденія.—VII. Психологическій анализъ и формулировка законовъ.—VIII. Экспериментъ.

I. Задачи психологіи.—**Психологія, какъ опытная наука, какъ наука фактовъ, должна прежде всего изучить эти факты и открыть ихъ законы, подобно тому, какъ физика должна изучить факты и законы тяжести, теплоты, свѣта, электричества и проч. Отсюда она имѣетъ своею задачей: 1) *описать* факты сознанія, 2) *опредѣлить законы* ихъ обнаруженія и 3) *провѣрить* эти законы посредствомъ опыта.**

II. Историческое развитіе психологіи и психологическіе методы.—**Каждой изъ этихъ задачъ исторически соотвѣтствуетъ особая фаза въ развитіи психологіи и ея методовъ.**

Въ теченіе долгаго времени психологія была почти только средствомъ для метафизики, логики и этики. Она довольствовалась наблюденіемъ фактовъ, необходимыхъ для того, чтобы установить законы этихъ трехъ наукъ, и если мы хотимъ познакомиться съ психологіей древнихъ мыслителей, мы должны искать ее въ различныхъ мѣстахъ ихъ философскихъ твореній.

Только начиная съ Локка психологія стремится стать

---

[1]) *Ред.*

самостоятельною наукой и достигаетъ этого положенія въ сочиненіяхъ шотландскихъ философовъ. Имъ слѣдовали французскіе эклектики первой половины XIX вѣка, въ частности Гарнье и Жуффруа. На этой первой стадіи своего развитія психологія ограничивается описаніемъ и группировкой явленій сознанія. Она разсматривается какъ *естественная исторія души*. Ея методомъ служитъ простое наблюденіе, а ея конечною цѣлью—классификація. „*Трактатъ о способностяхъ души*“ Гарнье является итогомъ всѣхъ психологическихъ изслѣдованій этого періода.

Но скоро психологи перестали довольствоваться простымъ описаніемъ явленій и пожелали объяснить ихъ происхожденіе. Изъ естественной исторіи психологія начала превращаться въ *теорію души*. Возникло стремленіе открыть при помощи ученія объ ассоціаціи законы послѣдовательности душевныхъ явленій, чтобы такимъ путемъ объяснить въ психическомъ мірѣ послѣдующее изъ предыдущаго. Въ особенности такое направленіе дала психологіи англійская ассоціаціонистская школа, названная такъ именно потому, что она хочетъ объяснить всѣ душевныя явленія посредствомъ ассоціаціи. Сохраняя старый методъ психологическаго наблюденія, эта школа дополнила его психологическимъ анализомъ.

Наконецъ, явилась попытка объяснить законы душевной жизни на основаніи ея физіологическихъ условій, провѣрить данныя простого наблюденія при помощи искусственнаго опыта и измѣрить интенсивность душевныхъ явленій. Наблюденіе и психологическій анализъ были дополнены физіологическимъ анализомъ и экспериментомъ, и психологія, съ одной стороны, сдѣлалась *психофизіологіей*, съ другой сблизилась съ математическою физикой и превратилась въ *психофизику*. Въ такомъ направленіи психологія изучается теперь главнымъ образомъ въ Германіи.

Такимъ образомъ, исторія психологіи выработала троякій методъ для этой науки: 1) *наблюденіе* душевныхъ явленій, 2) психологическій и психофизіологическій *анализъ* этихъ явленій для опредѣленія ихъ законовъ и 3) *эксперимент*ъ для провѣрки результатовъ психологическаго наблюденія и анализа.

III. Внутренее наблюденіе.—Есть два рода наблюденій, которыми пользуется психологія, *наблюденіе внутреннее* и *наблюденіе внѣшнее*. Оба они дополняютъ другъ друга, но исходною точкою для психолога является первое.

Безъ внутренняго наблюденія мы не могли бы даже и подозрѣвать о явленіяхъ сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ знали бы мы, что значитъ *мыслить*, *радоваться*, *страдать*, если бы мы сами не чувствовали страданія, радости и мысли? Изъ непосредственнаго сознанія или изъ памяти мы знаемъ, что происходитъ въ насъ. Изучая себя самихъ, мы видимъ, какъ раждаются, развиваются и исчезаютъ различныя явленія сознанія. Чтобы узнать, наприм., гнѣвъ, его причины и его дѣйствія, я долженъ припомнить о томъ, что привело меня въ гнѣвъ, что я сдѣлалъ въ состояніи гнѣва и что произошло потомъ. Такимъ образомъ, внутреннее наблюденіе или *интроспекція* (отъ *intro* и *aspicere*, смотрѣть внутрь) есть первое и самое необходимое средство психологическаго изслѣдованія.

Есть философы и психологи, которые отвергаютъ возможность внутренняго наблюденія. Наблюдать себя, по ихъ словамъ, значитъ подавить то самое состояніе сознанія, которое мы хотимъ наблюдать: наприм., желаніе наблюдать свой гнѣвъ привело бы, очевидно, къ прекращенію гнѣва. На это возраженіе нужно замѣтить слѣдующее.

1) Мы обыкновенно наблюдаемъ себя не въ тотъ самый моментъ, когда переживаемъ свои душевныя состоянія; сначала мы чувствуемъ, мыслимъ или дѣйствуемъ, а потомъ,

при помощи памяти, уже наблюдаемъ эти явленія. 2) Иногда, конечно, случается, что очень сильное чувство или дѣйствіе подавляетъ мысль, а интенсивная мысль подавляетъ чувство и дѣйствіе; но такіе случаи очень рѣдки. Намъ весьма рѣдко приходится быть въ такомъ гнѣвѣ, чтобы не знать того, что мы переживаемъ и дѣлаемъ; намъ очень рѣдко случается быть до такой степени погруженными въ извѣстную мысль, чтобы не чувствовать, что мы идемъ, дышемъ, дѣйствуемъ. Въ томъ среднемъ состояніи, въ какомъ мы находимся почти всегда, бываютъ возможны заразъ и психическій актъ, и сознаніе этого акта.

IV.—Границы интроспекціи.—Говоря теоретически, внутренняго наблюденія могло бы быть достаточно для цѣлей психологіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ физикѣ достаточно наблюденія надъ однимъ падающимъ тѣломъ, чтобы опредѣлить общіе законы тяжести, такъ точно и въ психологіи можно бы удовлетвориться наблюденіемъ одного только сознанія, чтобы открыть законы сознанія вообще. Такимъ образомъ, теоретически психологія могла бы имѣть во внутреннемъ наблюденіи достаточную основу; но на практикѣ эта основа оказывается слишкомъ узкой.

Общіе законы сознанія, конечно, дѣйствуютъ въ нашемъ индивидуальномъ сознаніи точно такъ-же, какъ и во всѣхъ другихъ; но частныя явленія, въ которыхъ обнаруживаются эти законы, измѣняются у каждаго индивидуума. Такъ, характеры эгоистическій и великодушный образуются по тѣмъ же самымъ основнымъ законамъ, но для эгоиста, безъ сомнѣнія, будетъ трудно и даже, можетъ быть, невозможно посредствомъ одного самонаблюденія открыть, что въ мірѣ существуютъ великодушные характеры. Основа, создаваемая для психологіи внутреннимъ наблюденіемъ, расширяется при помощи второго вида наблюденія, наблюденія внѣшняго.

V. Внѣшнее наблюденіе.—Въ сознаніе другого нельзя проникнуть, и потому приходится довольствоваться только аналогіями, которыя позволяютъ намъ заключать отъ того, что мы чувствуемъ, о томъ, что чувствуютъ другіе. Мы видимъ только внѣшнія движенія, совершаемыя другими существами, и можемъ узнать о томъ, что происходитъ въ ихъ сознаніи, лишь путемъ умозаключенія по аналогіи, основаннаго на внутреннемъ наблюденіи. Такъ, видя у человѣка или животнаго рядъ движеній, аналогичныхъ съ тѣми, какія были бы вызваны у насъ извѣстными состояніями сознанія, мы скажемъ, что это животное или этотъ человѣкъ имѣютъ тѣ-же самыя состоянія. При видѣ, наприм., двухъ людей, изъ которыхъ одинъ блѣднѣетъ и дрожитъ, а другой смѣется, мы скажемъ, что первый испытываетъ страхъ, а второй находится въ веселомъ настроеніи.

Такимъ образомъ, о томъ, что происходитъ въ сознаніи другихъ, мы можемъ знать, благодаря внѣшнимъ дѣйствіямъ, вызываемымъ внутренними причинами.

VI. Область внѣшняго наблюденія.—Въ сферу внѣшняго наблюденія входятъ всѣ формы душевной жизни, доступныя нашему опыту. Сюда относятся: a) нормальныя душевныя состоянія другихъ людей, b) психологическія аномаліи и душевныя болѣзни, c) психическая жизнь дѣтей и животныхъ и d) отраженіе индивидуальной и коллективной душевной жизни въ исторіи, языкѣ и въ литературѣ.

a. Нормальныя душевныя состоянія другихъ людей всего яснѣе открываются намъ, конечно, въ томъ случаѣ, когда они прямо описываются на словахъ. Но они доступны наблюденію и помимо словесныхъ описаній. Какъ замѣчено выше, ихъ выдаютъ намъ дѣйствія и состоянія людей; о нихъ свидѣтельствуютъ тѣ невольныя физіологическія перемѣны, въ которыхъ они выражаются: смѣхъ и плачъ, блѣдность страха,

краска стыда, и проч. Психологическія наблюденія надъ другими людьми имѣютъ тѣмъ бо́льшую научную цѣнность, чѣмъ они многочисленнѣе. Отсюда возникаетъ необходимость коллективныхъ психологическихъ *опросовъ* (enquêtes), которые обыкновенно производятся посредствомъ разсылки возможно большаго количества печатныхъ вопросныхъ листовъ. Этотъ методъ, получившій въ послѣднее время широкое примѣненіе, составляетъ основу *психологической статистики*.

b. Психологическія аномаліи и душевныя болѣзни могутъ пролить свѣтъ на такія стороны душевной жизни, которыя при нормальныхъ условіяхъ не всегда доступны изученію. Такъ, наблюденія надъ оперированными слѣпорожденными даютъ возможность опредѣлить психологическіе элементы воспріятія пространства; наблюденія надъ глухонѣмыми уясняютъ вопросъ объ отношеніи мысли и языка. Явленія сумасшествія, идіотизма, слабоумія, психическаго вырожденія раскрываютъ намъ взаимное отношеніе различныхъ душевныхъ дѣятельностей, освѣщаютъ условія умственнаго и нравственнаго развитія, позволяютъ изучить законы наслѣдственности и даютъ интересный матеріалъ для рѣшенія вопроса о связи душевныхъ процессовъ съ ихъ физіологическими условіями. Психологическое изученіе душевныхъ болѣзней составляетъ особую отрасль психологіи, — *психопатологію*.

c. Душевная жизнь дѣтей и животныхъ даетъ возможность изслѣдовать простѣйшія формы психическихъ явленій и прослѣдить ихъ постепенное усложненіе и развитіе. Наблюдая дѣтей, психологъ открываетъ тѣ элементы, изъ которыхъ слагается душевный міръ взрослаго, и тѣ основные законы, по которымъ образуются наши воспріятія, представленія, чувства, характеръ, личность и языкъ. Наблюдая животныхъ, онъ знакомится съ такими своеобразными

явленіями, какъ инстинктъ, и можетъ уяснить себѣ тѣ громадныя психологическія различія, которыя отдѣляютъ человѣка отъ остальныхъ живыхъ существъ. Спеціальное изученіе душевной жизни дѣтей составляетъ предметъ *педопсихологіи*, а изученіе психической жизни животныхъ является задачей *зоопсихологіи* и *сравнительной психологіи*.

d. Наконецъ, *исторія, языкъ и литература* даютъ психологу возможность наблюдать такія явленія, которыя выходятъ за предѣлы его личнаго опыта. Въ исторіи онъ можетъ изучить, съ одной стороны, душевную жизнь великихъ людей, ихъ геній и характеръ, ихъ стремленія и страсти, съ другой— душевную жизнь различныхъ народовъ, ихъ преобладающій умственный и нравственный складъ, ихъ типическія особенности и свойства. Наука о языкѣ прольетъ ему свѣтъ на законы мысли, для которой языкъ служитъ выраженіемъ, и на законы духовнаго развитія отдѣльныхъ расъ и цѣлаго человѣчества. Въ литературѣ онъ найдетъ готовые анализы и характеристики различныхъ душевныхъ состояній и почерпнетъ данныя для изслѣдованія таланта и законовъ художественнаго творчества. Такимъ образомъ, изученіе исторіи, языка и литературы можетъ оказать услуги общей психологіи и даетъ матеріалъ для *психологіи таланта* и *психологіи народовъ*.

Такъ какъ душевныя состоянія находятся въ связи съ различными физіологическими процессами, то въ сферу наблюденій психолога входятъ и эти процессы. Изучая нормальное и ненормальное соотношеніе физіологическихъ функцій, онъ иногда можетъ заключить на основаніи ихъ о соотношеніи параллельныхъ имъ психическихъ явленій; и наоборотъ, изучая соотношеніе психическихъ явленій, онъ можетъ прослѣдить ихъ вліяніе на физіологическія функціи. Такое совмѣстное изученіе психическихъ и физіологическихъ процессовъ

составляетъ спеціальный предметъ *физіологической психологіи* или *психофизіологіи*.

VII. Психологическій анализъ и формулировка законовъ.—Само по себѣ наблюденіе, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее, даетъ только сырой матеріалъ. Научная обработка этого матеріала есть дѣло психологическаго анализа. Какъ скоро путемъ наблюденія собрано извѣстное число фактовъ, анализъ открываетъ, что нѣкоторые изъ нихъ неизмѣнно предшествуютъ другимъ или неизмѣнно слѣдуютъ за ними. Тѣ факты, которые неизмѣнно предшествуютъ, называются *антецедентами* или *условіями*, а тѣ, которые всегда слѣдуютъ за ними, называются *слѣдствіями*. Тогда говорятъ, что существуетъ законъ. Итакъ, законъ есть постоянное отношеніе между двумя фактами. Какъ скоро данъ одинъ изъ этихъ фактовъ, данъ также и другой; когда исчезаетъ одинъ, исчезаетъ и другой. Наприм., психологъ, установивъ, что дѣйствіе всегда совершается только послѣ мысли или представленія о немъ, что чѣмъ живѣе представленіе, тѣмъ легче совершается и дѣйствіе, высказываетъ такой законъ: всякая идея есть сила, всякое представленіе обладаетъ двигательною энергіей.

VIII. Экспериментъ.—Но формула закона можетъ оказаться ошибочной. Теоретически формулированный законъ остается гипотезой до тѣхъ поръ, пока нельзя будетъ представить для него доказательства, т. е. пока нѣтъ возможности ясно показать, что въ дѣйствительности все будетъ происходить именно такъ, какъ этого требуетъ данная формула. Доказательство въ опытныхъ наукахъ дается посредствомъ эксперимента. Отсюда, чтобы психологія была настоящей опытной наукой, явленія и законы сознанія должны подлежать экспериментальной провѣркѣ.

Производить экспериментъ значитъ произвольно вызывать

извѣстное явленіе для того, чтобы удостовѣриться, появится ли на самомъ дѣлѣ другое явленіе, которое должно слѣдовать за нимъ по закону. Если формулированъ законъ: A постоянно связано съ B, то экспериментировать—значитъ произвести A для того, чтобы видѣть, произойдетъ ли B, или вызвать B, чтобы видѣть, можетъ ли оно существовать безъ A. Если послѣ появленія A не является B, или если B можетъ произойти безъ существованія A, то A не стоитъ въ неизмѣнной связи съ B и, слѣдовательно, формулированный законъ ложенъ и долженъ быть отвергнутъ.

Въ психологіи экспериментъ возможенъ въ двоякой формѣ: внутренней или *субъективной* и внѣшней или *объективной*.

1) *Субъективный экспериментъ* производится путемъ усилій воображенія и воли самого субъекта. Психологъ мысленно ставитъ себя въ извѣстное положеніе, чтобы убѣдиться, произойдетъ ли на самомъ дѣлѣ такое-то явленіе сознанія, или искусственно вызываетъ у себя извѣстныя представленія и чувства, чтобы видѣть, какія психологическія слѣдствія могутъ изъ нихъ вытекать. Если, наприм., онъ хочетъ знать, правдоподобно ли, что герой извѣстной комедіи Мольера, ростовщикъ Гарпагонъ, желая обыскать съ головы до ногъ своего слугу Ляфлеша, осматриваетъ его руки и затѣмъ требуетъ, чтобы тотъ показалъ ему *другія* („*Скупой*“, дѣйств. I, яв. 3), то онъ долженъ путемъ воображенія поставить себя въ положеніе Гарпагона. Такой именно методъ примѣняется въ подобныхъ случаяхъ литературною критикой. Въ этомъ видѣ субъективный экспериментъ, конечно, не можетъ дать точныхъ результатовъ; но при благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ можетъ получить въ рукахъ психолога болѣе научную форму. Такъ напр., онъ былъ примѣненъ со всею научною строгостію нѣмецкимъ психологомъ Эббингаузомъ, который, желая изслѣдовать законы памяти и забвенія, заучивалъ болѣе или менѣе длин-

ные ряды слоговъ и затѣмъ опредѣлялъ въ точныхъ числахъ условія репродукціи ихъ въ зависимости отъ ихъ длины, числа повтореній, времени и проч. Такимъ путемъ онъ пришелъ къ нѣкоторымъ очень любопытнымъ результатамъ: изъ его опытовъ наприм., оказалось, что въ теченіе перваго часа послѣ заучиванія мы забываемъ больше, чѣмъ въ теченіе цѣлаго слѣдующаго затѣмъ мѣсяца. Возможность и научное значеніе внутренняго эксперимента безспорны, но примѣненіе его въ большинствѣ случаевъ трудно и его предѣлы по необходимости ограниченны.

2) *Объективный экспериментъ* производится путемъ воздѣйствія одного лица на внѣшнія чувства, умъ и волю другого. Онъ можетъ быть чисто психологическимъ, психофизическимъ, психофизіологическимъ и психопатологическимъ.

a. Объективный психологическій экспериментъ состоитъ въ искусственномъ измѣненіи *психологическихъ* условій и наблюденіи сопровождающихъ ихъ психологическихъ слѣдствій. Субъекту сообщаютъ рядъ извѣстныхъ воспріятій и, цѣлесообразно измѣняя ихъ, изучаютъ тѣ явленія, которыя вызываются ими въ области его представленій, понятій или чувствъ. Такимъ способомъ можно изслѣдовать *качественныя* свойства душевныхъ процессовъ: законы памяти, воображенія, ассоціаціи представленій, апперцепціи, абстракціи и проч. Для примѣра можно указать на нѣкоторыя работы о памяти и ассоціаціи идей, сдѣланныя французскимъ психологомъ Бинэ и учениками знаменитаго нѣмецкаго психолога Вундта, Скрайпчуромъ, Мюнстербергомъ и др., а также на превосходное изслѣдованіе памяти Мюллера и Пильцекера.

b. *Психофизическій экспериментъ*, который въ большинствѣ случаевъ трудно отдѣлить отъ чисто психологическаго, состоитъ въ искусственномъ измѣненіи *физическихъ*

условій душевныхъ явленій и наблюденіи сопровождающихъ ихъ психологическихъ слѣдствій. Психологъ методически измѣняетъ раздраженія, дѣйствующія на внѣшнія чувства субъекта, и изслѣдуетъ тѣ отношенія, которыя устанавливаются въ зависимости отъ нихъ въ области его ощущеній и другихъ непосредственно связанныхъ съ послѣдними психическихъ процессовъ. Посредствомъ этого метода изучаются преимущественно *количественныя* свойства душевныхъ явленій. Проблема, на которой главнымъ образомъ сосредоточено вниманіе психофизиковъ, двоякая: измѣреніе психическихъ процессовъ и опредѣленіе отношенія между интенсивностью ощущенія и интенсивностью раздраженія. Измѣреніе психическихъ процессовъ (или *психометрія*) дало возможность опредѣлить съ большею или меньшею точностію время психической реакціи на раздраженіе, время апперцепціи, время репродукціи и ассоціаціи представленій, предѣлы различенія ощущеній, субъективное воспріятіе или чувство времени и пространства, колебанія вниманія, объемъ сознанія и нѣкоторые другіе факты. Изученіе отношеній между интенсивностью ощущенія и интенсивностью раздраженія привело къ открытію математической формулы этихъ отношеній, извѣстной подъ именемъ Веберова закона [1]). Экспериментальная провѣрка даннаго закона составляетъ одну изъ главныхъ задачъ современной психофизики. Психофизическій методъ былъ созданъ знаменитымъ нѣмецкимъ физикомъ и философомъ Фехнеромъ и разработанъ Вундтомъ и его учениками. Психофизическіе эксперименты производятся посредствомъ особыхъ аппаратовъ въ спеціальныхъ лабораторіяхъ или кабинетахъ, которые въ настоящее время существуютъ уже въ большинствѣ цивилизованныхъ странъ.

---

1) См. V гл. § VII.

*c. Психофизіологическій эксперимент*ъ состоитъ въ искусственномъ измѣненіи *физіологическихъ* условій душевныхъ явленій и наблюденіи сопровождающихъ ихъ психологическихъ слѣдствій. Психологъ дѣйствуетъ на органы внѣшнихъ чувствъ субъекта или на его нервные центры и изучаетъ вытекающія отсюда перемѣны въ области его душевныхъ состояній. Этотъ методъ можетъ быть полезенъ для двоякой цѣли: для качественнаго анализа психическихъ явленій, обусловленныхъ физіологическими процессами, и для изслѣдованія эмпирическихъ отношеній души и тѣла. Въ первомъ случаѣ онъ стоитъ въ тѣсной связи съ психофизическимъ методомъ и примѣняется главнымъ образомъ для изученія ощущеній; во второмъ онъ опирается на методы чистой физіологіи и сосредоточивается преимущественно на изслѣдованіи функцій нервной системы. Для психофизіологическаго изученія ощущеній всего болѣе сдѣлалъ великій нѣмецкій физикъ и физіологъ Гельмгольцъ, который при помощи многочисленныхъ остроумныхъ приспособленій изслѣдовалъ элементы звука и тэмбра, психофизіологическія основы консонанса и диссонанса, физическія и физіологическія условія зрительныхъ воспріятій, законы смѣшенія цвѣтовъ, законы контраста, особенности монокулярнаго и бинокулярнаго зрѣнія и проч. Для изученія функцій нервной системы съ психологической точки зрѣнія наиболѣе важны экспериментальныя работы физіологовъ: Флурана, Гольца, Мейнерта, Гитцига, Мунка, Лючіани, Флексига и Ферьера, которые изслѣдовали отправленія главнаго органа психической жизни, большого мозга, и, въ частности, его периферическаго сѣраго слоя, такъ называемой „мозговой корки“. Изслѣдованія такого рода производятся надъ животными и ихъ результаты примѣняются къ человѣку частію по закону аналогіи, частію на основаніи анатомическихъ и патологическихъ наблюденій

Впрочемъ, до сихъ поръ эти изслѣдованія дали не столько безспорныхъ фактовъ, сколько спорныхъ гипотезъ.

d. Наконецъ, *психопатологическій экспериментъ* состоитъ въ искусственномъ измѣненіи психологическихъ условій и наблюденіи сопровождающихъ ихъ психологическихъ слѣдствій при такихъ обстоятельствахъ, которыя нарушаютъ нормальное теченіе душевной жизни субъекта. Это—психологическій экспериментъ, производимый надъ гипнотизированными посредствомъ внушенія. Какъ извѣстно, *гипнозъ* (отъ греч. ὕπνος, сонъ) есть родъ искусственнаго сна, который вызывается различными способами (напр., при помощи „пассовъ“ или однообразныхъ легкихъ прикосновеній къ тѣлу субъекта, посредствомъ сосредоточенія его вниманія на блестящемъ предметѣ, путемъ словеснаго приказанія, и проч.) и появляется всего легче у людей, страдающихъ нервною болѣзнью, называемою истеріей. Субъектъ, погруженный въ такой искусственный сонъ, почти безусловно повинуется приказаніямъ или *внушеніямъ* того лица, которое его усыпило, и становится доступнымъ для всевозможныхъ психологическихъ экспериментовъ. Гипнотизеръ можетъ внушить ему какія-угодно мысли и дѣйствія и наблюдать рядъ автоматически развивающихся изъ нихъ душевныхъ состояній; онъ можетъ выдѣлить у субъекта извѣстную группу душевныхъ явленій и прослѣдить ея вліяніе на остальныя, и т. д. Гипнотическій экспериментъ, разработанный главнымъ образомъ знаменитымъ французскимъ невропатологомъ Шарко и его учениками, далъ интересный матеріалъ для изученія личности, памяти, сознанія и безсознательныхъ процессовъ, вліянія чувства на представленія и представленій на волю, законовъ ассоціаціи, иллюзій и галлюцинацій и проч. Слѣдуетъ замѣтить, что примѣненіе этого метода сопряжено съ нѣкоторыми опасностями и требуетъ не только психологическихъ, но и медицинскихъ знаній.

РЕЗЮМЭ.

I.—Психологія, какъ опытная наука, имѣетъ своею задачей: 1) *описать* явленія сознанія, 2) *опредѣлить ихъ законы* и 3) *провѣрить* эти законы на-опытѣ.

II.—Исторія психологіи, въ теченіе которой эти три задачи выдвигались постепенно, выработала для рѣшенія ихъ троякій методъ: 1) *наблюденіе*, 2) теоретическій *анализъ* и 3) *экспериментъ*.

III.—Психологическое наблюденіе можетъ быть *внутреннимъ* и *внѣшнимъ*. Внутреннее наблюденіе, или *интроспекція*, не только возможно, но составляетъ основу всякаго психологическаго изслѣдованія.

IV.—Внутренняго наблюденія могло бы быть достаточно для изученія основныхъ психологическихъ законовъ; но для изслѣдованія частныхъ явленій душевной жизни оно оказывается слишкомъ узкимъ и потому должно быть дополнено внѣшнимъ наблюденіемъ.

V.—Внѣшнее наблюденіе не можетъ быть непосредственнымъ; о душевной жизни другихъ людей мы заключаемъ только по ея внѣшнимъ обнаруженіямъ.

VI.—Въ сферу внѣшняго набюденія входятъ: a) *нормальныя душевныя состоянія* другихъ людей, b) психологическія *аномаліи* и *душевныя болѣзни*, c) психологическая жизнь *дѣтей* и *животныхъ* и d) проявленія индивидуальной и коллективной душевной жизни въ *исторіи*, *языкѣ* и *литературѣ*.

VII.—Обработка результатовъ внутренняго и внѣшняго наблюденія есть дѣло теоретическаго *анализа*, который извлекаетъ изъ нихъ психологическіе *законы*.

VIII.—Провѣрка психологическихъ законовъ производится посредствомъ эксперимента, который можетъ быть *субъективнымъ и объективнымъ*. Объективный экспериментъ въ свою очередь можетъ быть a) *чисто психологическимъ*, b) *психофизическимъ*, c) *психофизіологическимъ* и d) *психопатологическимъ*.

Литература.

Ланге*, Исторія матеріализма, II.—*Милль*, Логика.—*Льюисъ*, Изученіе психологіи.—*Маудсли*, Физіологія и патологія души. *Вундтъ*, Физіологическая психологія, I.—Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, 2 изд.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—*Вундтъ*, Гипнотизмъ и внушеніе.—*Гефдингъ*, Очерки психологіи.—**Рибо*, Современная англійская психологія.—**Рибо*, Современная германская психологія.—**Бинэ*, Введеніе въ экспериментальную психологію.—

Анри, Современное состояніе экспериментальной психологіи, ея методъ и задачи (*Вопр. фил. и психол.*, кн. 28).—*Кавелинъ*, Задачи психологіи.—*Съченовъ*, Психологическіе этюды.—*Остроумовъ*, О физіологическомъ методѣ въ психологіи.—*Владиславлевъ*, Психологія, I.—*Н. Ланге*, Психологическія изслѣдованія.—*Гротъ*, Жизненныя задачи психологіи; *Основанія экспериментальной психологіи (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 4 и 30).—*Соколовъ*, О задачахъ и методахъ психологіи (*Прибавл. къ твор. Св. Отцевъ*, 1890, II); Къ вопросу о задачахъ и методахъ психологіи (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 16); Философскій скиталецъ (*Богосл. Вѣстникъ*, 1899, ноябрь—декабрь).—*Чижъ*, Научная психологія въ Германіи.—*Токарскій*, Записки психологической лабораторіи Психіатрической клиники Императорскаго Московскаго университета (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 31—35).—*Гобчанскій*, Опытная психологія.—*Корсаковъ*, Курсъ психіатріи, I.—**Челпановъ*, Мозгъ и душа—**Лопатинъ*, Методъ самонаблюденія въ психологіи (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 61).—*Серебренниковъ*, Опытная психологія и ея методы; Узость яснаго сознанія (статьи въ журн. *Христ. Чтеніе*).—*Гартманнъ*, Современная психологія.—*Штеррингъ*, Общая психопатологія въ примѣненіи къ нормальной психологіи.—*Бальдзингъ*, Введеніе въ психологію.—*Липпсъ*, Основы психофизики.

ГЛАВА III.

Сознаніе и способности.

I.—Сознаніе и психическія явленія.—II. Существуютъ ли безсознательныя психическія явленія?—III. Общая классификація сознательныхъ явленій. Понятіе способности.—IV. Три душевныхъ способности: чувство, умъ и воля.—V. Эта классификація необходима и достаточна.—VI. Единство душевныхъ способностей.

I. Сознаніе и психическія явленія.—Сознаніе, какъ мы видѣли, есть отличительный признакъ тѣхъ явленій, которыя изучаетъ психологія. Въ немъ выражается ихъ своеобразная природа и состоитъ ихъ главное отличіе отъ физіологическихъ процессовъ. Отсюда, психологи обыкновенно признаютъ его неотдѣлимымъ отъ этихъ явленій. Сознаніе, по ихъ мнѣнію, не есть родъ внутренняго зрѣнія, которое находится за предѣлами душевныхъ явленій и видитъ ихъ наподобіе того, какъ глазъ видитъ лежащія предъ нимъ вещи; съ другой стороны, душевныя явленія не могутъ находиться внѣ сознанія и оставаться безсознательными, подобно тому, какъ вещи, лежащія за предѣлами зрѣнія, остаются невидимы. Такимъ образомъ, сознаніе не есть особая способность, а скорѣе общая форма всѣхъ душевныхъ способностей.

II. Существуютъ ли безсознательныя психическія явленія?—Однако есть психологи, которые не раздѣляютъ этого мнѣнія. Они, напротивъ, утверждаютъ, что душевныя явленія по своей природѣ безсознательны и что только тѣ

изъ нихъ появляются въ сознаніи, которыя удовлетворяютъ извѣстнымъ условіямъ интенсивности и продолжительности. Такимъ образомъ, сознаніе, съ этой точки зрѣнія, есть новое качество, которое присоединяется къ явленію, слагающемуся уже изъ другихъ качествъ; оно есть добавочное явленіе высшаго порядка, *эпифеноменъ* (отъ греч. *ἐπί*, надъ, и *φαινόμενον*, явленіе). Сознательное явленіе есть психическое явленіе съ прибавленіемъ сознанія.

Такой взглядъ пытаются доказать слѣдующимъ или подобнымъ соображеніемъ. Для того, чтобы звукъ достигъ сознанія, онъ долженъ имѣть не менѣе шестнадцати колебаній въ секунду. Если бы одно колебаніе не производило никакого звукового ощущенія, т. е. психологически равнялось нулю, то и шестнадцать колебаній не могли бы произвести ощущенія, потому что $16 \times 0 = 0$. Отсюда заключаютъ, что каждому колебанію соотвѣтствуетъ опредѣленный психическій элементъ, равный одной шестнадцатой долѣ сознательнаго явленія. Эта шестнадцатая доля есть величина психическая, но вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательная.

Чтобы подвергнуть критикѣ этотъ доводъ, возстановимъ его въ цѣлости. Выходятъ изъ подразумѣваемаго принципа, что всякая часть причины производитъ часть ея дѣйствія, и разсуждаютъ такимъ образомъ: если всякая часть причины производитъ часть ея дѣйствія, то одно колебаніе есть часть причины и, слѣдовательно, должно производить часть дѣйствія, наприм., вызывать одну шестнадцатую долю психическаго явленія.

Но принципъ, на который опираются въ этомъ умозаключеніи и который признаютъ настолько безспорнымъ, что даже не считаютъ нужнымъ доказывать его, въ дѣйствительности не только весьма споренъ, но совершенно ложенъ. Въ самомъ дѣлѣ, десять градусовъ тепла составляютъ часть причины

кипѣнія; однако они не производятъ ни малѣйшаго признака кипѣнія. Дѣйствіе происходитъ только тогда, когда осуществлена вся совокупность его условій; какъ скоро одного изъ этихъ условій не достаетъ, дѣйствіе даже не начинается.

Такимъ образомъ, чтобы получить ощущеніе звука, мы должны ожидать, пока будутъ осуществлены всѣ его условія: это ощущеніе произойдетъ только тогда, когда звукъ будетъ имѣть по крайней мѣрѣ 16 колебаній въ секунду.

Кромѣ того, чѣмъ было бы вполнѣ безсознательное психическое явленіе? Этого нельзя даже себѣ представить. Въ дѣйствительности оба термина: психическій и сознательный— синонимы. Область психологіи таже, что и область сознанія. Она не простирается за предѣлы послѣдняго. Какъ мы сказали въ первой главѣ, могутъ существовать явленія низшаго и темнаго сознанія, которыя остаются психическими, но не можетъ быть абсолютно безсознательныхъ психическихъ явленій. То, что въ насъ можетъ быть безсознательнымъ, относится къ области физіологіи или метафизики, а не къ психологіи.

III. Общая классификація сознательныхъ явленій. Понятіе способности.—Прежде чѣмъ изслѣдовать явленія сознанія, нужно дать ихъ классификацію.

Языкъ и психологія, т. е. здравый смыслъ и наука, дѣлятъ сознательныя явленія на нѣсколько классовъ, которые обыкновенно называются *способностями* или *дѣятельностями*. Терминъ „способность“, конечно, имѣетъ свои основанія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы открываемъ въ себѣ явленія чувствительности, то это значитъ, что мы обладаемъ чувствительностью, можемъ чувствовать, имѣемъ „способность“ чувства. Но слѣдуетъ остерегаться принимать этотъ терминъ за объясненіе. Мы познаемъ способности только по тѣмъ явленіямъ, которыя ихъ обнаруживаютъ; мы знаемъ о

томъ, что мы можемъ дѣлать, лишь изъ того, что мы дѣлаемъ. Слѣдовательно, явленія намъ лучше извѣстны, чѣмъ способности, а нѣтъ ничего болѣе противоположнаго научному методу, какъ объяснять то, что не ясно, посредствомъ того, что еще менѣе ясно, *obscurum per obscurius*. Слово „способность“ есть удобное слово, которое притомъ можетъ соотвѣтствовать метафизической истинѣ; но имъ нужно пользоваться въ психологіи только какъ ярлыкомъ для обозначенія извѣстнаго класса явленій. Это классификаціонный терминъ и ничего болѣе. Отсюда, должно быть столько „способностей“, сколько существуетъ классовъ сознательныхъ явленій.

IV. Три душевныхъ способности: чувство, умъ и воля.—Всѣ психическія явленія можно раздѣлить на три класса: 1) явленія *чувственныя*, къ которымъ принадлежатъ различныя формы внѣшней и внутренней чувствительности, т. е. *ощущенія* и *чувствованія* или эмоціи, 2) явленія *умственныя*, къ которымъ принадлежатъ различныя формы мыслительныхъ операцій, и 3) явленія *волевыя*, къ которымъ относятся различныя формы стремленій и дѣйствій. Такимъ образомъ, можно различать три способности: *чувство*, *умъ* и *волю*.

Чувство. Явленія чувственныя, т. е. ощущенія и эмоціи,—*пассивны*, *неизбѣжны* и ослабляются отъ привычки. Такъ, видъ этой бумаги неизбѣжно дѣйствуетъ на меня, когда я на нее смотрю. Я получаю здѣсь зрительное ощущеніе помимо своей воли. Это ощущеніе пассивно, и, пока продолжаются указанныя условія, я не могу его подавить. Но если я буду смотрѣть на бумагу слишкомъ долго, ощущеніе ослабляется. Эти особенности можно легко наблюдать на всѣхъ ощущеніяхъ и чувствованіяхъ.

Умъ. Явленія умственныя—*неизбѣжны* и *активны*.

Привычка уже не имѣетъ на нихъ такого вліянія. Когда я произвожу сложеніе или доказываю теорему, я чувствую, что дѣйствую: слѣдовательно, это явленіе активно. Но окончательное развитіе явленія отъ меня не зависитъ; результатъ ариѳметической операціи или доказательство теоремы слагаются необходимо, сами собою: такимъ образомъ, это явленіе—неизбѣжно. Я могу возобновить сложеніе или вновь доказать теорему, но полученная мною истина отъ этого не увеличится и не уменьшится. Эти законы легко провѣрить и на другихъ интеллектуальныхъ явленіяхъ.

Воля. Явленія волевыя—*активны* и *свободны.* Если я собираюсь прогуляться или хочу приняться за трудъ, то, рѣшаясь на это, я хорошо чувствую, что я дѣйствую; съ другой стороны, когда я размышляю о своемъ рѣшеніи, я чувствую, что могъ бы захотѣть и чего-нибудь другого. Такимъ образомъ, въ моментъ исполненія явленіе кажется мнѣ активнымъ, а въ моментъ размышленія—свободнымъ. Тѣже особенности легко найти и во всякомъ другомъ актѣ воли.

V. Эта классификація необходима и достаточна.— Нетрудно видѣть, что эта классификація основывается на дѣйствительныхъ, и коренныхъ различіяхъ душевныхъ явленій. Невозможно помѣстить въ одномъ и томъ же классѣ явленія, которыя имѣютъ противорѣчивыя свойства; нельзя соединить вмѣстѣ явленія активныя и пассивныя; тѣмъ болѣе нельзя смѣшивать явленія неизбѣжныя и свободныя. Итакъ, необходимо допустить по крайней мѣрѣ три класса душевныхъ явленій и, слѣдовательно, три „способности“, которыя мы только что различили.

Но нѣтъ необходимости допускать другихъ. Жуффруа, напримѣръ, признавалъ кромѣ трехъ указанныхъ выше способностей еще первоначальныя склонности, способность ходить и способность рѣчи. Но склонности сводятся къ удовольствію и

страданію и, слѣдовательно, относятся къ чувству: напримѣръ, если я имѣю склонность къ чтенію, или люблю читать, то это значитъ, что я нахожу удовольствіе въ чтеніи. Ходьба, поскольку она физіологическій процессъ, вовсе не относится къ психологіи, потому что дѣйствіе нервовъ и мускуловъ ногъ не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ тѣлесныхъ движеній; а поскольку она психологическое явленіе, она зависитъ отъ воли, потому что движенія нервовъ и мускуловъ обусловливаются здѣсь желаніемъ идти. Наконецъ, языкъ является только выраженіемъ различныхъ душевныхъ состояній, т. е. опять есть психофизіологическое явленіе, зависящее отъ чувства, воли и ума. Такимъ образомъ, приведенная выше классификація удовлетворяетъ всѣмъ необходимымъ условіямъ [1]).

VI. Единство душевныхъ способностей.—Въ заключеніе нужно замѣтить, что эти три вида душевныхъ явленій раздѣляются только абстракціей. Въ дѣйствительности они такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что совпадаютъ въ каждомъ актѣ нашей сознательной жизни. Нѣтъ ни одного явленія чувствительности, которое не соединялось бы съ какимъ нибудь умственнымъ и волевымъ процессомъ. Каждое ощущеніе и чувство предполагаетъ остановку вниманія на вызвавшемъ ихъ предметѣ, т. е. требуютъ извѣстнаго направленія ума и воли; каждое изъ нихъ тотчасъ же сопровождается группой болѣе или менѣе сложныхъ представленій и мыслей и неизбѣжно выражается въ болѣе или менѣе

---

[1]) Данная авторомъ классификація принята у французскихъ и отчасти англійскихъ психологовъ. Нѣмецкіе и русскіе психологи дѣлятъ душевныя явленія нѣсколько иначе. Они относятъ ощущенія не къ чувствованіямъ, а къ интеллектуальнымъ состояніямъ, соединяя ихъ въ общую группу „познавательныхъ“ процессовъ. Отсюда, они различаютъ три душевныхъ дѣятельности: *познаніе, чувство и волю. Ред.*

ясныхъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ. Равнымъ образомъ, нѣтъ ни одного умственнаго явленія, которое не было бы тѣсно связано съ явленіями чувственными и не встрѣчало бы отголоска со стороны воли. Чтобы мыслить или разсуждать, нужно имѣть ощущенія и чувственныя представленія, нужно употреблять вниманіе и, слѣдовательно, сосредоточивать умъ, нужно дѣлать усиліе и, слѣдовательно, обнаруживать волю. Наконецъ, нѣтъ ни одного волевого явленія, которое не было бы связано съ чувственными явленіями и съ интеллектуальными представленіями. Чтобы захотѣть пойти прогуляться или начать читать книгу, нужно, во первыхъ, представить себѣ этотъ актъ, какъ пріятный или хорошій, и пожелать его, т. е. испытать опредѣленное чувство; во вторыхъ, нужно въ извѣстной мѣрѣ обдумать, его выполненіе, т. е. совершить опредѣленныя умственныя операціи. Всякій разъ, какъ мы дѣйствуемъ, мы дѣйствуемъ всѣми нашими соединенными силами; и мы никогда не чувствуемъ лучше единство нашего существа, какъ въ томъ случаѣ, когда мы различаемъ участіе каждой изъ этихъ силъ въ единствѣ общаго дѣла. Это единство не есть единство математическое и абстрактное, а конкретное единство синтеза и гармоніи.

РЕЗЮМЭ.

I.—Сознаніе, по мнѣнію большинства психологовъ, составляетъ отличительный признакъ психическихъ явленій и потому неотдѣлимо отъ нихъ.

II.—Нѣкоторые оспариваютъ этотъ взглядъ и допускаютъ существованіе *безсознательныхъ* душевныхъ явленій. Но 1) доводъ, посредствомъ котораго пытаются это доказать, основанъ на ложномъ умозаключеніи; 2) безсознательное душевное явленіе есть противорѣчіе.

III.—Явленія сознанія дѣлятся на нѣсколько классовъ, которые называются *способностями*. Слово „способность“ нужно употреблять

только въ качествѣ ярлыка для обозначенія различныхъ группъ этихъ явленій, а не въ качествѣ ихъ объясненія.

IV.—Существуютъ три класса явленій сознанія: 1) явленія *чувственныя*, которыя неизбѣжны и пассивны, 2) явленія *умственныя*, которыя неизбѣжны и активны, и 3) явленія *волевыя*, которыя активны и свободны. Отсюда, можно различать три душевныхъ способности: *чувство, умъ* и *волю*.

V.—Нельзя сократить число этихъ классовъ, потому что тогда пришлось бы соединить вмѣстѣ явленія, имѣющія противоположные признаки, и нельзя увеличить это число, потому что всѣ другіе возможные классы могутъ быть сведены къ указаннымъ тремъ.

VI.—Отдѣльныя способности или классы душевныхъ явленій различаются только абстрактнымъ анализомъ; въ дѣйствительности же всѣ они слиты въ каждомъ актѣ сознательной жизни.

Литература.

Милль, Изслѣдованіе философіи Гамильтона.—*Льюисъ*, Вопросы о жизни и духѣ.—**Карпентеръ*, Основанія физіологіи ума, II.—*Гартманнъ*, Философія безсознательнаго. —**Гартманнъ*, Современная психологія.—**Лотце*, Микрокосмъ, I.—*Гербартъ*, Психологія.—*Ульрици*, Душа и тѣло.—*Вундтъ*, Физіологическая психологія, I—II.—**Геффдингъ*, Очерки психологіи.—*Джемсъ*, Психологія.—*Гротъ*, Психологія чувствованій. —**Снегиревъ*, Психологія.—*Каптеревъ*, Педагогическая психологія, 2 изд., I,—**Лопатинъ*, Вопросъ о реальномъ единствѣ сознанія (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 49—50).—*Токарскій*, Сознаніе и воля (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 24).—*Смирновъ*, О сознаніи и безсознательныхъ душевныхъ явленіяхъ.—*Компейрэ*, Основанія элементарной психологіи.—*Гиляревскій*, Пособіе къ изученію психологіи.—*Гобчанскій*, Опытная психологія.—*Несмѣловъ*, Наука о человѣкѣ, I.—*Лосскій*, Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Аффективная психологія.

ГЛАВА IV.

Органы чувствъ [1]).

I. Классификація ощущеній и органы чувствъ.—II. Органъ зрѣнія.—III. Органъ слуха.—IV. Органы вкуса и обонянія.—V. Органы осязанія.—VI. Специфическія энергіи органовъ чувствъ.

I. Классификація ощущеній и органы чувствъ.—Явленія чувствительности очень разнообразны и сложны. Когда мы читаемъ или пишемъ, мы въ одно и тоже время видимъ, слышимъ, осязаемъ, и каждое изъ этихъ состояній въ свою очередь слагается изъ множества ощущеній. Такимъ образомъ, ощущенія тѣсно переплетаются между собой и образуютъ весьма сложныя соединенія. Однако при ближайшемъ анализѣ мы можемъ, по крайней мѣрѣ теоретически, обособить ихъ другъ отъ друга и раздѣлить на нѣсколько классовъ, различающихся и по своимъ психологическимъ качествамъ, и по своимъ физіологическимъ *органамъ*, и по своимъ физическимъ стимуламъ или „*раздраженіямъ*“. Такихъ классовъ ощущеній приблизительно семь:

---

[1]) *Ред.*

1. Ощущенія *зрѣнія*, вызываемыя *химическимъ* дѣйствіемъ свѣтового *эѳира* на сѣтчатую оболочку глаза.

2. Ощущенія *слуха*, порождаемыя *механическимъ* раздраженіемъ слухового аппарата *волнообразными колебаніями воздуха*.

3. Ощущенія *вкуса*, возникающія вслѣдствіе *химическаго* раздраженія слизистой оболочки языка и нёба *жидкими* тѣлами.

4. Ощущенія *обонянія*, вызываемыя *химическимъ* раздраженіемъ слизистой оболочки носа *газообразными* веществами.

5. Ощущенія *осязанія*, обусловленныя *механическимъ* дѣйствіемъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ на кожу.

6. *Мускульныя* ощущенія, порождаемыя также *механическими* раздраженіями: сокращеніемъ *мышцъ*, растяженіемъ *сухожилій* и треніемъ *суставовъ*.

7. *Органическія* или *общія* ощущенія, стоящія въ связи съ различными *механическими* и *химическими* измѣненіями внутри организма: съ процессами *пищеваренія*, *кровообращенія*, *дыханія*, *выдѣленія железъ*, и проч. [1]).

Какъ мы видимъ, первые пять классовъ ощущеній, зрительныя, слуховыя, вкусовыя, обонятельныя и осязательныя, получаются нами на периферіи тѣла подъ вліяніемъ раздраженій, идущихъ изъ внѣшняго міра. Поэтому они называются *внѣшними чувствами*. Напротивъ, два остальныхъ

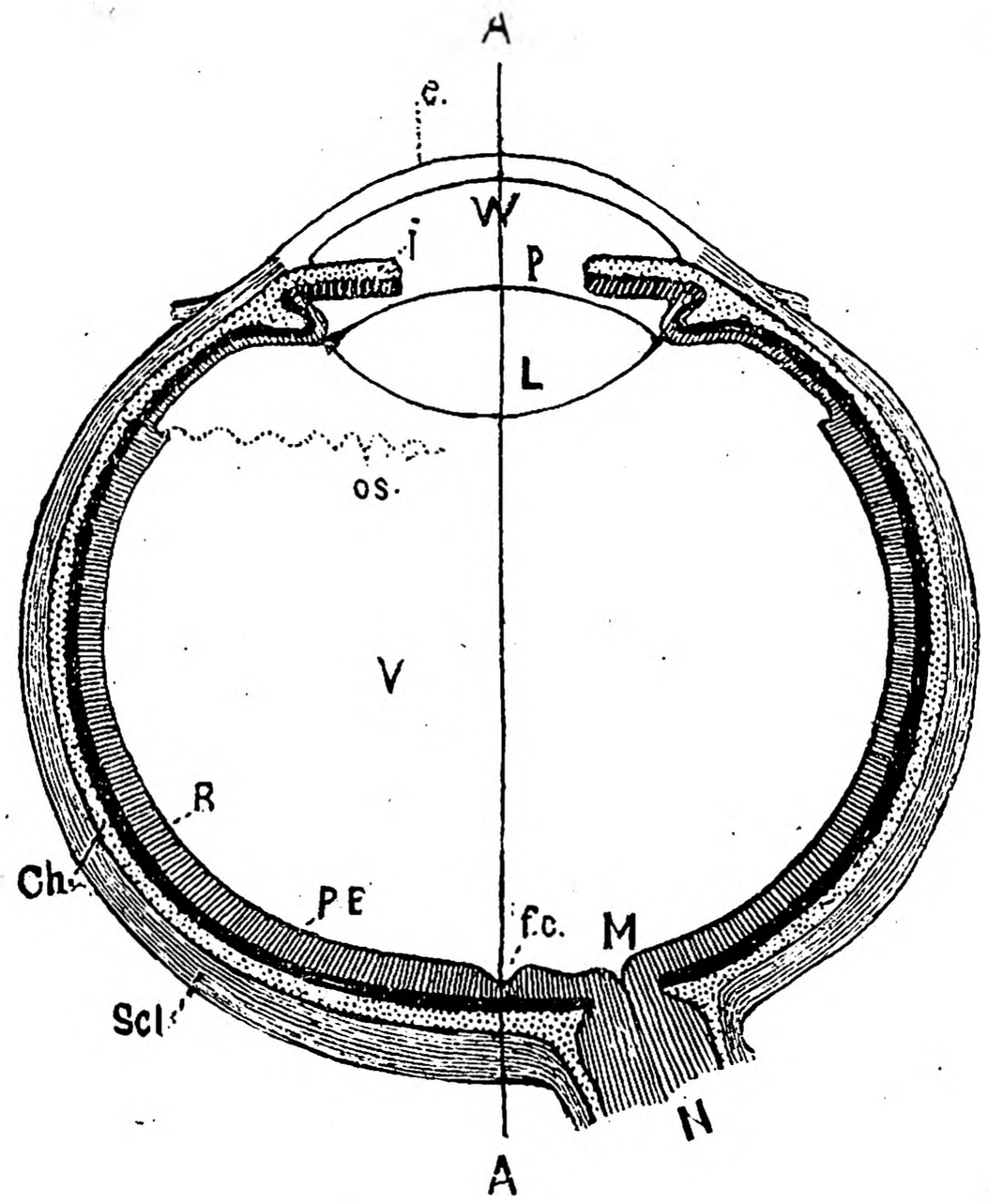
---

[1]) Кромѣ указанныхъ механическихъ и химическихъ факторовъ, ощущенія могутъ вызываться еще *электрическими* раздраженіями. Но электрическій токъ дѣйствуетъ на органы чувствъ, вѣроятно, частію механически,—путемъ молекулярныхъ толчковъ, частію химически,—посредствомъ электролиза.

класса,—мускульныя и органическія ощущенія, порождаются раздраженіями, возникающими въ нѣдрахъ самого организма, и потому составляютъ группу „*внутреннихъ*“ ощущеній.

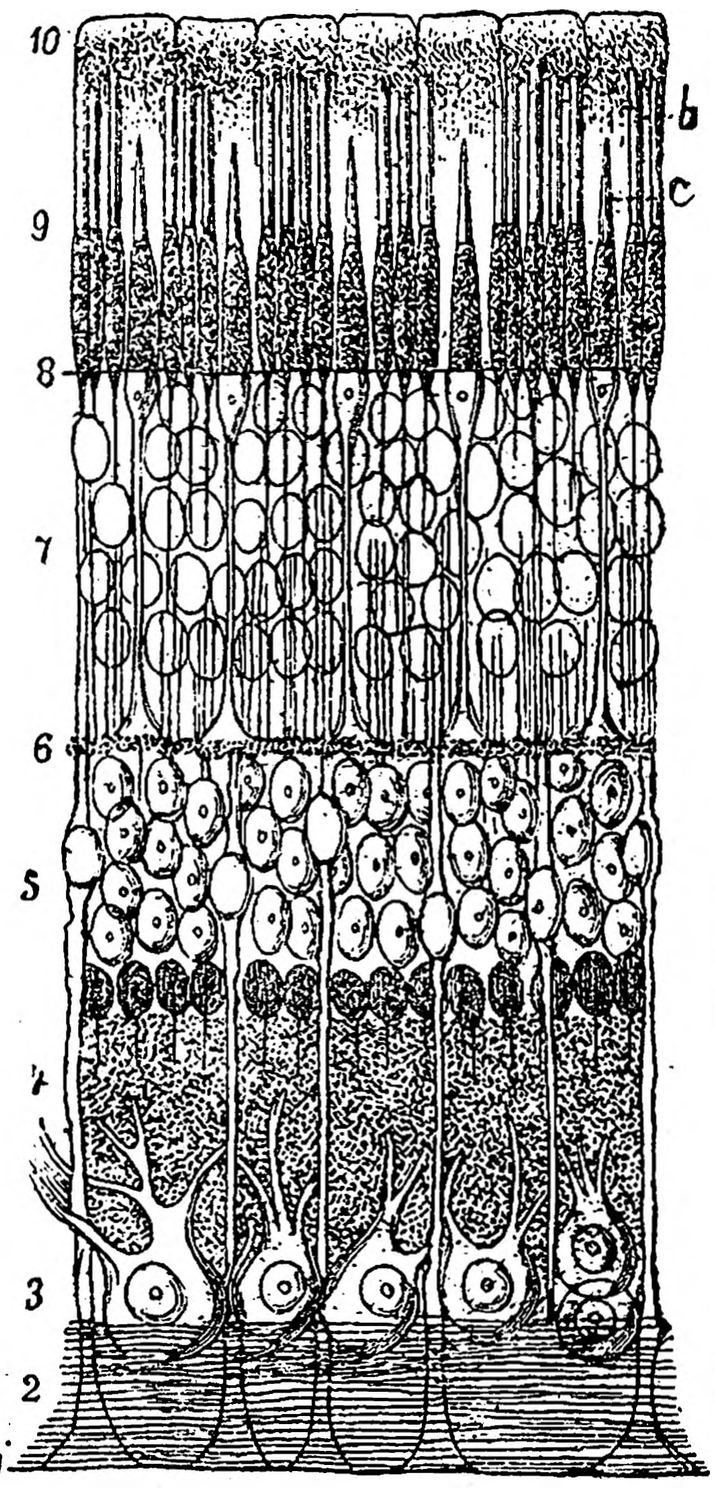
Спеціальными органами обладаютъ только пять внѣшнихъ чувствъ,—зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе и, до извѣстной степени, осязаніе. Что же касается мускульныхъ и органическихъ ощущеній, то они передаются частію посредствомъ анатомическихъ элементовъ, сходныхъ съ органами осязанія, частію посредствомъ свободныхъ нервныхъ окончаній, расположенныхъ въ мускулахъ, сухожиліяхъ, оболочкахъ суставовъ и во внутреннихъ частяхъ тѣла. Намъ нужно разсмотрѣть эти физіологическіе аппараты ощущеній въ отдѣльности, начиная съ органа зрѣнія.

II. Органъ зрѣнія.—*Органъ зрѣнія*, глазъ, состоитъ изъ трехъ свѣтопреломляющихъ тѣлъ,—„водянистой жидкости“, „хрусталика“ и „стекловиднаго тѣла“, и трехъ окружающихъ ихъ концентрическихъ оболочекъ,—„склеротики“, „сосудистой оболочки“ и „сѣтчатки“ (см. фиг. 1). Самымъ важнымъ элементомъ глаза является его послѣдняя, внутренняя оболочка, *сѣтчатка* или *ретина*, стоящая въ непосредственной связи съ зрительнымъ нервомъ. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ микроскопически тонкихъ слоевъ клѣтокъ и нитей, изъ которыхъ главную (хотя и несовсѣмъ выясненную) роль въ процессѣ зрѣнія играетъ содержащій пигменты слой цилиндрическихъ и веретенообразныхъ клѣтокъ, называемыхъ „*палочками*“ и „*колбочками*“ (фиг. 2). Центромъ наиболѣе яснаго зрѣнія служитъ помѣщающійся на срединѣ сѣтчатки пунктъ, состоящій исключительно изъ колбочекъ и называемый по своему цвѣту *желтымъ пятномъ*. Недалеко отъ желтаго пятна находится другой маленькій участокъ, совершенно лишенный палочекъ и колбо-



Фиг. 1. Схема глаза (Горизонтальный разрѣзъ лѣваго глазного яблока). *W* передняя камера, наполненная водянистою жидкостью; *L* хрусталикъ; *V* стекловидное тѣло; *Scl* склеротика; *c* ея передняя часть, роговица; *Ch* сосудистая оболочка: *R* сѣтчатка волнообразная линія *os* показываетъ ея границы); *PE* (густо затушеванная, черная полоса) пигментный слой между сосудистою оболочкой и сѣтчаткой; *i* радужная оболочка; *p* зрачокъ: *fc* желтое пятно; *M* слѣпое пятно; *N* зрительный нервъ; *AA* зрительная ось (линія наиболѣе яснаго зрѣнія).

чекъ и потому не воспринимающій никакихъ зрительныхъ впечатлѣній. Это—такъ называемое *слѣпое* или *Маріоттово пятно*, расположенное въ томъ самомъ мѣстѣ ретины, гдѣ вступаетъ въ глазъ зрительный нервъ (который самъ по себѣ нечувствителенъ къ свѣту). Повидимому, свѣтъ дѣйствуетъ на сѣтчатку такъ же, какъ на фотографическую пластинку: онъ разлагаетъ ея свѣточувствительныя вещества и пигменты, которые потомъ при отсутствіи свѣта снова возстановляются, и раздраженіе зрительнаго нерва обусловливается уже этими „фотохимическими“ процессами. Чтобы объяснить различія нашихъ цвѣтовыхъ ощущеній нѣкото-

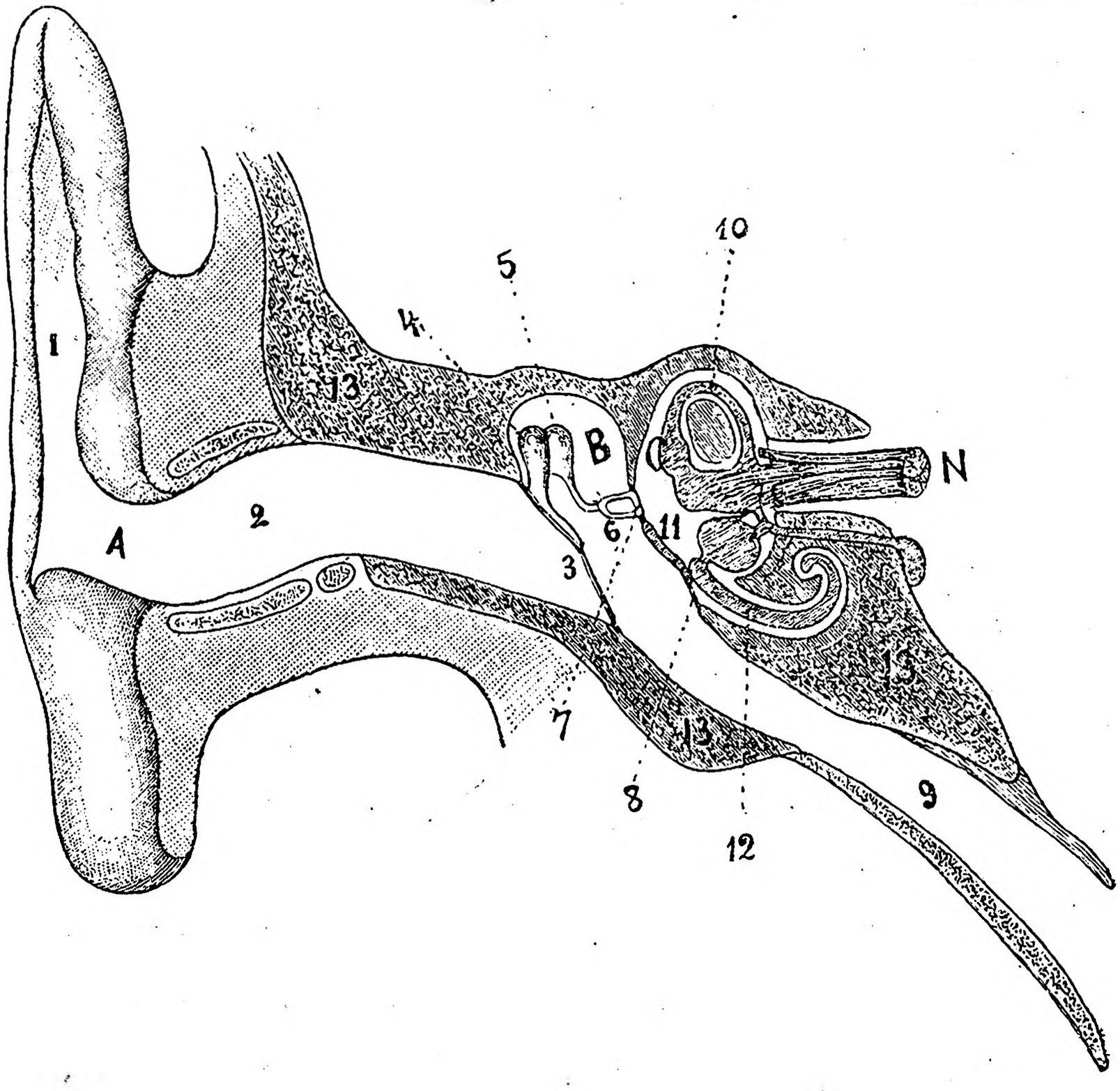


Фиг. 2. Разрѣзъ сѣтчатки. *1*, внутренняя пограничная пленка (обращенная къ свѣту); *2*, слой волоконъ зрительнаго нерва; *3—7*, слои гангліозныхъ клѣтокъ, зернистой массы и ядеръ; *8*, наружная пограничная пленка; *9*, слой палочекъ (*b*) и колбочекъ (*c*); *10*, слой пигментовъ (обращенный къ сосудистой оболочкѣ).

рые допускаютъ на сѣтчаткѣ три рода нервныхъ элементовъ, изъ которыхъ одни всего сильнѣе раздражаются свѣтовыми лучами съ наибольшею длиною волнъ,—*красными*, другіе преимущественно чувствительны къ лучамъ съ волнами средней длины,—*зелеными*, третьи наиболѣе воспріимчивы къ лучамъ съ волнами самой малой длины,—*фіолетовыми*; изъ различной комбинаціи этихъ трехъ видовъ раздраженій получаются ощущенія всѣхъ остальныхъ цвѣтовъ (теорія Юнга и Гельмгольца). Но слѣдуетъ думать, что физіологическая причина цвѣтовыхъ ощущеній заключается не только въ различіи элементовъ сѣтчатки, но и въ различіи совершающихся на ней фотохимическихъ процессовъ. Какъ мы видѣли, эти процессы состоятъ въ *разложеніи* („диссимиляціи“) и *возстановленіи* („ассимиляціи“) свѣточувствительныхъ веществъ и пигментовъ. Отсюда можно предполагать, что ощущенія свѣтлыхъ и яркихъ цвѣтовъ (наприм., *бѣлаго*, *краснаго* и *желтаго*) обусловливаются различными процессами разложенія этихъ „зрительныхъ субстанцій“, а ощущенія темныхъ (наприм., *чернаго*, *зеленаго* и *синяго*) являются результатомъ ихъ возстановленія (теорія Геринга). Химическія раздраженія сѣтчатки передаются волокнами зрительнаго нерва *за-*

тылочнымъ долямъ большаго мозга, въ сѣромъ корковомъ слоѣ которыхъ предполагаются „зрительные центры“ [1]).

III. Органъ слуха.—*Органъ слуха* имѣетъ очень сложное устройство. Онъ состоитъ изъ трехъ частей, называемыхъ *наружнымъ*, *среднимъ* и *внутреннимъ ухомъ* (фиг. 3). „Наружное ухо“ образуютъ ушная раковина и



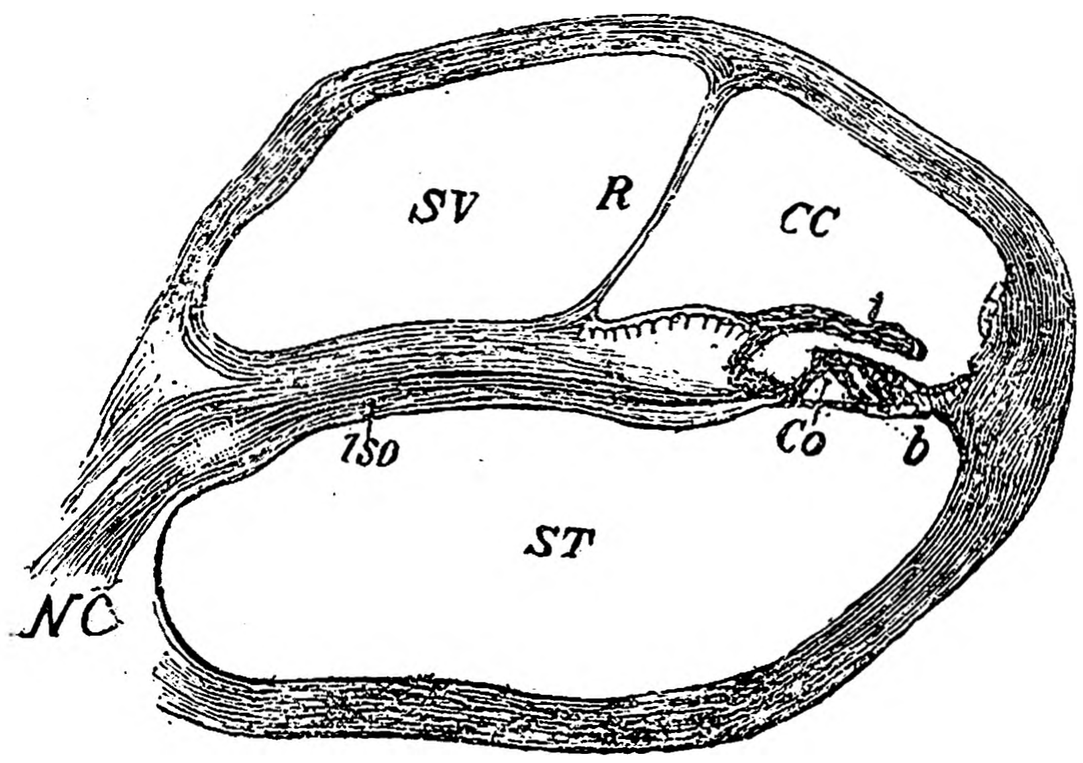
Фиг. 3. Схема уха. *A* наружное ухо; *B* среднее ухо; *C* внутреннее ухо: *N* слуховой нервъ. *1*, ушная раковина; *2*, наружный слуховой проходъ; *3*, барабанная перепонка; *4*, *5* и *6*, слуховыя косточки: молоточекъ, наковальня и стремя; *7*, овальное окно, затянутое эластичною оболочкой, въ которую упирается подножка стремени; *8*, круглое окно; *9*, Евстахіева труба; *10*, полукружные каналы (на рисункѣ виденъ только одинъ изъ нихъ): *11*, преддверіе; *12*, улитка (изображена только часть ея изгиба); *13*, височная кость.

---

[1]) См. гл. XXXVI, § II.

„слуховой проходъ“, отдѣленный отъ средняго уха воронкообразною „барабанною перепонкой“. „Среднее ухо“, или *барабанная полость*, есть камера, наполненная воздухомъ и соединенная посредствомъ особаго канала („Евстахіевой трубы“) съ полостью рта и носа. Въ этой камерѣ расположена система такъ называемыхъ „слуховыхъ косточекъ“ („молоточекъ“, „наковальня“ и „стремя“), которыя, подобно маленькимъ рычагамъ, передаютъ движенія барабанной перепонки внутреннему уху. Съ внутреннимъ ухомъ барабанная полость соединяется двумя отверстіями, затянутыми эластичными оболочками и называемыми „овальнымъ“ и „круглымъ окномъ“. „Внутреннее ухо“, или *ушной лабиринтъ*, въ свою очередь слагается изъ трехъ отдѣленій, стоящихъ въ непрерывной связи между собой и наполненныхъ водянистою жидкостью (эндолимфой). Верхнюю его часть образуютъ три „полукружныхъ канала“, среднюю—камера, называемая „преддверіемъ“, а нижнюю—„улитка“. Самою важною частью ушного лабиринта является *улитка*. Это узкій каналъ, спирально изгибающійся въ два съ половиною раза, наподобіе обыкновенной улитки, и раздѣленный внутри костною перегородкой на два этажа. Верхній изъ этихъ этажей, выходящій въ преддверіе, называется „преддверною лѣстницей“, а нижній, оканчивающійся круглымъ окномъ и примыкающій къ барабанной полости,—„барабанною лѣстницей“ (см. фиг. 4). Между краями костной перегородки и наружною стѣнкой улитки существуетъ небольшой промежутокъ, затянутый *перепонкой*, которая называется *основною*. Эта постепенно расширяющаяся „основная перепонка“ состоитъ изъ безчисленнаго множества нервныхъ нитей, натянутыхъ поперекъ улитки, подобно струнамъ фортепіано, и настроенныхъ благодаря своей различной длинѣ на разные тоны. Надъ нитями (или „струнами“) основной перепонки возвышаются, наподо-

бiе сурдинъ, тонкiе хрящевидные отростки, дугообразно соединенные своими верхними концами и называемые (по имени открывшаго ихъ итальянскаго анатома) „дугами Корти“. Кортiевы дуги идутъ другъ за другомъ тѣсно сплоченнымъ рядомъ на протяженiи всего канала улитки и служатъ какъ бы подпорками, на которыхъ покоится множество снабженныхъ рѣсничками клѣтокъ, стоящихъ въ непосредственной связи съ слуховымъ нервомъ. Вся эта система Кортiевыхъ дугъ, рѣсничатыхъ клѣтокъ и другихъ примыкающихъ къ нимъ образованiй называется *органомъ Корти*. Основная перепонка и органъ Корти,— это и есть главнѣйшiй элементъ нашего слухового аппарата. Процессъ слуха идетъ слѣдующимъ образомъ. Звуковыя волны, попадая въ изгибы

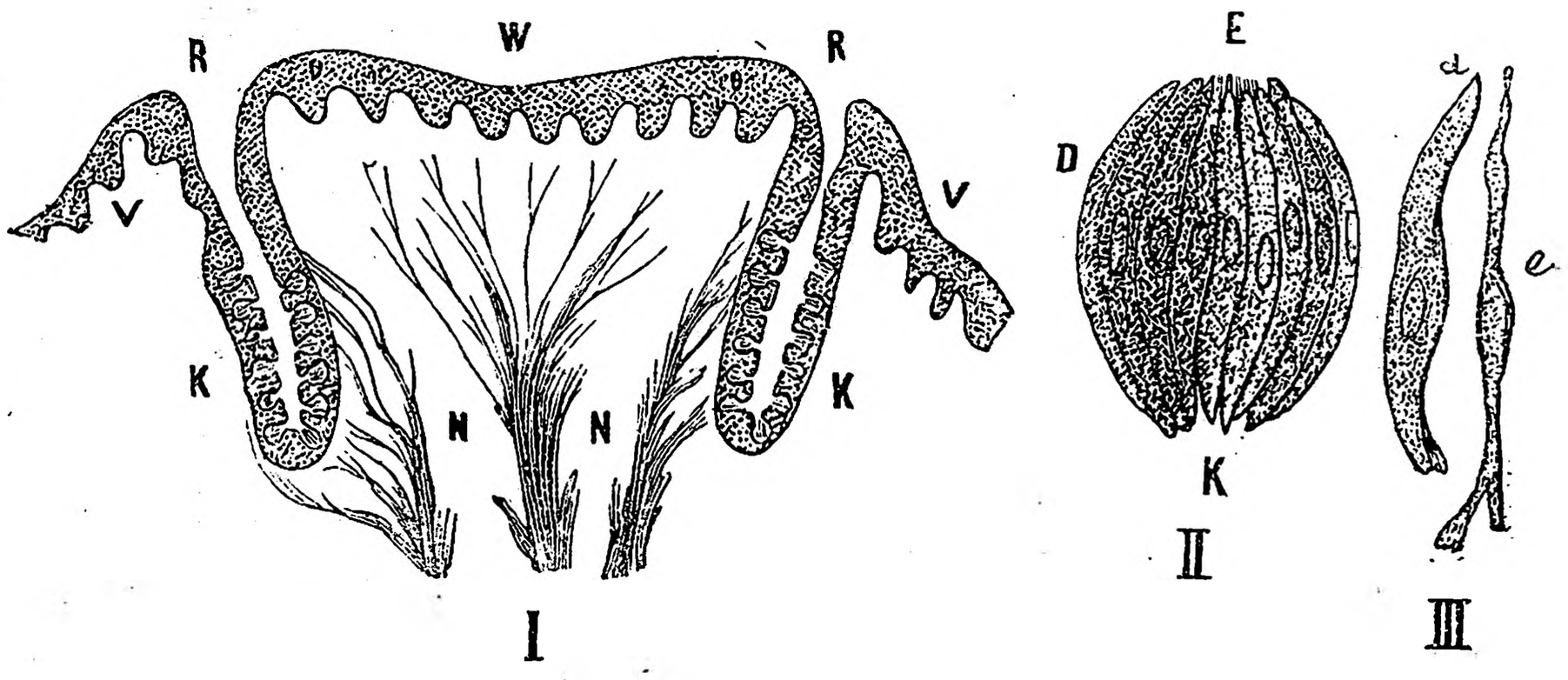


Фиг. 4. Поперечный разрѣзъ улитки. *SV* преддверная лѣстница; *ST* барабанная лѣстница; *CC* каналъ улитки, отгороженный отъ преддверной лѣстницы Рейсснеровой перепонкой (*R*); *t* покрышечная пластинка; *lso* костная спиральная перегородка; *b* основная перепонка; *Co* органъ Корти: *NC* улиточная вѣтвь слухового нерва.

ушной раковины и въ слуховой проходъ, приводятъ въ соотвѣтствующiя колебательныя движенiя барабанную перепонку, а движенiя барабанной перепонки сообщаются слуховыми косточками (чрезъ посредство эластичной оболочки „овальнаго окна“) водянистой жидкости лабиринта. Въ свою очередь, лабиринтная жидкость приводитъ въ сотрясенiе настроенныя на соотвѣтствующiй тонъ, „струны“ основной перепонки, колебанiя которыхъ передаются посредствомъ органа Корти волокнамъ слухового нерва. Слуховой нервъ переноситъ полученныя раздраженiя въ корковый слой *височныхъ*

долей большого мозга, гдѣ, повидимому, находятся „слуховые центры“ [1]).

IV. Органы вкуса и обонянія.—*Органомъ вкуса* служатъ расположенные въ слизистой оболочкѣ языка, мягкаго неба и надгортанника „*вкусовые сосочки*“ и заключающіяся въ нихъ группы особыхъ клѣточныхъ образованій, такъ называемыя „*вкусовыя почки*“ („луковицы“ или „бокалы“). Внутреннія клѣтки „вкусовыхъ почекъ“, называемыя въ свою очередь „*вкусовыми клѣтками*“, по преимуществу сосредоточиваютъ въ себѣ функціи этого органа (фиг. 5). Большинство вкусовыхъ сосочковъ находится у основанія языка,



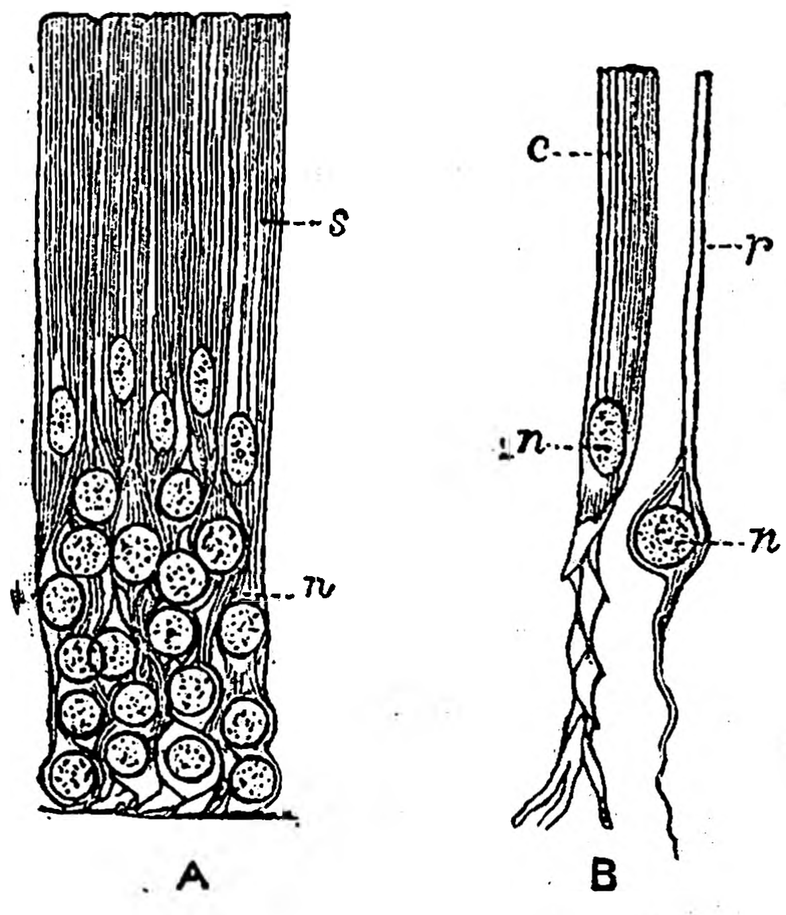
Фиг. 5.—I. Поперечный разрѣзъ вкусового сосочка (вида papillae circumvallatae). *W* вкусовой сосочекъ; *VV* окружающій его валикъ; *RR* кольцеобразная борозда между валикомъ и сосочкомъ; *KK* вкусовыя почки, заложенныя на днѣ и по стѣнкамъ борозды; *NN* нервы. — II. Вкусовая почка въ отдѣльномъ видѣ. *D* клѣточная покрышка; *K* нижній конецъ, стоящій въ связи съ нервомъ; *E* верхняя, отверстая часть съ выступающими кончиками вкусовыхъ клѣтокъ.—III. Вкусовая клѣтка (*e*) и покровная клѣтка (*d*) въ отдѣльности.

на его кончикѣ и на его краяхъ. Основаніе языка наиболѣе

---

[1]) Кромѣ улиточной вѣтви, соединенной съ органомъ Корти и съ основною перепонкой, слуховой нервъ имѣетъ еще развѣтвленіе, стоящее въ связи съ преддверіемъ и полукружными каналами. Функція этого „преддвернаго нерва“ состоитъ, повидимому, въ томъ, что онъ устанавливаетъ координацію звуковыхъ ощущеній съ движеніями тѣла и обусловливаетъ явленія равновѣсія.

чувствительно къ вкусовымъ впечатлѣніямъ, а его средина совсѣмъ нечувствительна къ нимъ. Повидимому, различныя вкусовыя ощущенія локализированы въ разныхъ частяхъ языка. Такъ, основаніе его особенно чувствительно къ горькому вкусу, кончикъ къ сладкому, а края къ кислому. Вкусовые сосочки раздражаются, какъ уже сказано, химически, жидкими или растворенными въ слюнѣ веществами. Ихъ раздраженія передаются мозгу двумя вкусовыми нервами,—„языкоглоточнымъ“ и одною вѣтвью „тройничнаго“ (n. lingualis). Мозговые центры вкуса предполагаются въ *височныхъ* доляхъ.



Фиг. 6.—*A*. Обонятельный эпителій: *s* наружная часть, образующая поверхность слизистой оболочки; *n* внутренній, болѣе глубокій слой, содержащій ядра эпителіальныхъ и обонятельныхъ клѣтокъ. — *B*. Обонятельная клѣтка (*r*) и эпителіальная клѣтка (*c*) въ изолированномъ видѣ; *nn* клѣточныя ядра.

Органомъ обоняніа являются особыя „*обонятельныя клѣтки*“, заложенныя въ слизистой оболочкѣ верхней части носа и составляющія концевой аппаратъ обонятельнаго нерва. Вмѣстѣ съ наружнымъ слоемъ слизистой оболочки эти клѣтки образуютъ *обонятельный эпителій* (фиг. 6)[1]). Пахучія вещества дѣйствуютъ на обонятельныя клѣтки только въ газообразномъ состояніи и раздражаютъ ихъ путемъ химической реакціи. Центръ обоняніа находится, повидимому, также въ *височныхъ* доляхъ, на границѣ съ лобными.

V. Органы осязанія. — *Органами осязанія* считаются „*осязательныя клѣтки*“

---

[1]) „Эпителіемъ“ называется клѣточная ткань, покрывающая всѣ

и „*тѣльца*“ различныхъ формъ и наименованій, расположенныя во внутреннихъ слояхъ кожи и непосредственно соединенныя съ осязательными нервами [1]). Но на ряду съ этими элементами въ кожѣ всюду распространены и свободныя окончанія осязательныхъ нервовъ, которыя также воспринимаютъ осязательныя впечатлѣнія. Количество нервныхъ развѣтвленій въ кожныхъ слояхъ не вездѣ одинаково, а потому и осязательная чувствительность кожи различна. Всего болѣе она на кончикѣ языка и на концахъ пальцевъ, а всего менѣе на спинѣ. По наблюденіямъ Вебера, на оконечностяхъ пальцевъ можно различить два одновременныхъ осязательныхъ раздраженія на разстояніи 2 миллиметровъ, между тѣмъ какъ на спинѣ это разстояніе достигаетъ 68 милл. При меньшихъ разстояніяхъ два раздраженія бываютъ уже не различимы другъ отъ друга и принимаются за одно. Участки кожи, въ предѣлахъ которыхъ два одновременныхъ раздраженія порождаютъ лишь одно ощущеніе, называются „кругами ощущенія“. Не менѣе различается кожная чувствительность и по своему качеству. На поверхности кожи существуютъ пункты троякаго рода: одни даютъ ощущеніе простого прикосновенія или давленія, другіе—ощущеніе холода и тепла, а третьи—ощущеніе боли. Нужно думать, что обыкновенныя ощущенія давленія получаются нами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ окончанія осязательныхъ нервовъ значительно удалены отъ наружнаго слоя кожи (эпидермы) или достаточно защищены осязательными клѣтками и тѣльцами, а боль чув-

---

открытыя поверхности тѣла и стѣнки его пустотъ,—особенно наружная ткань слизистыхъ оболочекъ.

[1]) Ихъ нѣсколько видовъ: „осязательныя клѣтки“ Меркеля, „осязательныя тѣльца“ Мейсснера, „колбочки“ Краузе, „тѣльца“ Фатера-Пачини. Фатеровскія тѣльца находятся, кромѣ кожи, еще на сухожиліяхъ и въ оболочкахъ суставовъ.

ствуется тамъ, гдѣ раздраженіе слишкомъ близко затрогиваетъ самый нервъ. Что же касается ощущеній температуры, то они, повидимому, обусловливаются расширеніемъ и суживаніемъ кровеносныхъ сосудовъ (подъ вліяніемъ тепла и холода), т. е. стоятъ въ связи съ дѣятельностью не только осязательныхъ, но и вазомоторныхъ нервовъ [1]). Мозговой центръ осязанія предполагается въ теменныхъ доляхъ.

VI. Специфическія энергіи органовъ чувствъ.—Своеобразная особенность органовъ чувствъ состоитъ въ томъ, что они реагируютъ на внѣшнія раздраженія всегда однимъ специфическимъ для нихъ образомъ. Глазъ всегда даетъ ощущенія свѣта, раздражается ли онъ волнами свѣтового эѳира или другимъ какимъ-нибудь способомъ. При давленіи на глазное яблоко получаются такъ называемые „фосфены“; при ударѣ по головѣ „сыплются искры изъ глазъ“; разсѣченіе зрительнаго нерва (при нѣкоторыхъ глазныхъ операціяхъ) сопровождается ощущеніемъ, похожимъ на блескъ ракеты. Равнымъ образомъ, слуховой аппаратъ отвѣчаетъ на всѣ раздраженія ощущеніями звука. Если пустить въ глазъ электрическій токъ, то получится ощущеніе яркихъ искръ или молній; если соединить тотъ же токъ съ ухомъ, то получится ощущеніе неопредѣленнаго шума; если направить его на слизистую оболочку языка, то произойдетъ ощущеніе кислаго или щелочнаго вкуса; если, наконецъ, привести его въ соприкосновеніе съ кожей, то послѣдуетъ ощущеніе своеобразныхъ уколовъ. Эта способность органовъ чувствъ отвѣчать на всѣ раздраженія однимъ и тѣмъ же видомъ ощущеній называется ихъ *специфическими энергіями*. Знаменитый нѣмецкій физіологъ Іоганнъ Мюллеръ, открывшій эти „специ-

---

[1]) Группа двигательныхъ нервовъ, регулирующихъ объемъ артерій.

фическія энергіи“ органовъ чувствъ, искалъ ихъ причину въ различныхъ свойствахъ и функціяхъ чувствовательныхъ нервовъ. Но въ настоящее время есть основанія думать, что сами по себѣ нервы только безразличные проводники раздраженій. Поэтому „специфическія энергіи“ нужно объяснить, вѣроятно, частію различнымъ устройствомъ внѣшнихъ органовъ чувствъ, частію различною физіологическою дѣятельностью „корковыхъ центровъ“ мозга, которые, благодаря приспособленію къ извѣстному роду раздраженій, пріобрѣтаютъ спеціальныя функціи.

РЕЗЮМЭ.

I.—Ощущенія можно раздѣлить, по ихъ качествамъ, органамъ и соотвѣтствующимъ внѣшнимъ раздраженіямъ, на *семь* классовъ: *зрительныя, слуховыя, вкусовыя, обонятельныя, осязательныя, мускульныя* и *органическія*. Первые пять видовъ ихъ называются *внѣшними чувствами*, а два послѣднихъ образуютъ группу *внутреннихъ* ощущеній. Изъ этихъ классовъ ощущеній особыми *органами* обладаютъ только пять внѣшнихъ чувствъ. Анатомическіе субстраты „внутреннихъ“ ощущеній сходны съ органами осязанія.

II.—*Органъ зрѣнія* составляетъ внутренняя оболочка глаза, *сѣтчатка*, раздражаемая *химическимъ* дѣйствіемъ свѣтового эѳира. Самымъ важнымъ элементомъ сѣтчатки служитъ покрытый пигментами слой *палочекъ* и *колбочекъ*, а самымъ чувствительнымъ мѣстомъ ея является *желтое пятно*. Качественное различіе зрительныхъ ощущеній объясняется или различіемъ элементовъ сѣтчатки (теорія Юнга-Гельмгольца), или, еще вѣроятнѣе, различіемъ совершающихся на ней „фотохимическихъ“ процессовъ (теорія Геринга). Физіологическіе „центры“ зрѣнія находятся въ корковомъ слоѣ *затылочныхъ* долей большого мозга.

III.—*Органомъ слуха* является *основная перепонка* и *органъ Корти* въ улиткѣ ушного лабиринта. Слуховой аппаратъ раздражается *механически*, волнообразными колебаніями воздуха. Процессъ раздраженія идетъ слѣдующимъ образомъ: попадая въ *слуховой проходъ*, звуковыя волны ударяютъ въ *барабанную перепонку* и посредствомъ системы связанныхъ съ нею *слуховыхъ косточекъ* приводятъ въ движеніе *жидкость лабиринта*, а лабиринтная жидкость въ свою

очередь приводитъ въ сотрясеніе „струны“ основной перепонки, колебанія которыхъ передаются органомъ Корти слуховому нерву. „Слуховые центры“ расположены въ коркѣ *височныхъ* долей мозга.

IV.—*Органъ вкуса* образуютъ *вкусовые сосочки* въ слизистой оболочкѣ языка и отчасти въ полости рта. Они раздражаются *химически*, *жидкими* веществами. Есть основанія допустить *локализацію вкусовъ* въ различныхъ мѣстахъ языка. „Вкусовые центры“ предполагаются въ *височныхъ* доляхъ.—*Органомъ обонянія* служатъ *обонятельныя клѣтки* въ слизистой оболочкѣ носа. Онѣ раздражаются также *химически*, но *газообразными* веществами. „Обонятельные центры“ лежатъ, повидимому, также въ *височныхъ* доляхъ.

V.—*Органомъ осязанія* считаются *осязательныя клѣтки* и *тѣльца* во внутреннихъ слояхъ кожи; но ту же роль исполняютъ и свободныя окончанія осязательныхъ нервовъ. Чувствительность кожи не вездѣ одинакова и не однородна по качеству. Раздраженія *механическія*. „Осязательные центры“ предполагаются въ *темянныхъ* доляхъ.

VI.—Каждый органъ чувствъ имѣетъ свойство отвѣчать на всѣ внѣшнія раздраженія только однимъ соотвѣтствующимъ ему видомъ ощущеній. Эти свойства органовъ чувствъ называются ихъ *специфическими энергіями*.

Литература.

Фогтъ, Физіологическія письма.—*Гельмгольцъ*, Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ.—**Бернштейнъ*, Физіологія органовъ внѣшнихъ чувствъ.—*Гексли*, Уроки элементарной физіологіи.—*Вундтъ*, Физіологическая психологія, I.—*Германнъ*, Руководство физіологіи III, 1—2.—*Кёлликеръ*, Основы исторіи развитія человѣка и высшихъ животныхъ.—**Ландуа*, Учебникъ физіологіи человѣка.—**Сѣченовъ*, Физіологическіе очерки, II.— *Цигенъ*, Физіологическая психологія.—**Макъ Кендрикъ и Снодграсъ*, Физіологія органовъ чувствъ.—**Фостеръ и Шоръ*, Физіологія для начинающихъ.—*Пизонъ*, Человѣкъ и животный міръ.—*Сикорскій*, Всеобщая психологія.

ГЛАВА V.

Ощущенія [1]).

I. Качество и интенсивность ощущеній.—II. Зрѣніе.—III. Слухъ.—IV. Вкусъ и обоняніе.—V. Осязаніе.—VI. Мускульныя и органическія ощущенія.—VII. Относительность ощущеній и Веберовъ законъ.

I. Качество и интенсивность ощущеній.—Ощущенія обладаютъ двумя общими свойствами,—*качествомъ* и *интенсивностью*. Подъ именемъ „качества“ разумѣются тѣ особенности ощущеній, которыми они различаются отъ остальныхъ душевныхъ переживаній и другъ отъ друга. По качеству мы отличаемъ *ощущеніе* вообще отъ *мысли*, *чувства* или *воли*, ощущеніе *цвѣта* отъ ощущеній *звука*, *вкуса* или *запаха*, ощущеніе *краснаго* цвѣта отъ ощущенія *синяго*, *высокій* звукъ отъ *низкаго*, *сладкій* вкусъ отъ *горькаго*, и т. д. Напротивъ, „интенсивностью“ ощущеній называется то ихъ свойство, въ которомъ выражаются собственныя различія каждаго изъ нихъ,—различія одного и того же ощущаемаго качества. Этимъ свойствомъ является *сила*, *ясность или живость* ощущенія: одинъ и тотъ же цвѣтъ можетъ быть видимъ ясно и смутно; одинъ и тотъ же по высотѣ звукъ можетъ быть громкимъ и тихимъ; одинъ и тотъ же по качеству вкусъ или запахъ бываетъ сильнымъ и слабымъ. Такимъ образомъ, качество составляетъ самую

---

[1]) *Ред.*

основу или сущность ощущенія, а интенсивность представляется только его состояніемъ. Перемѣна качества всегда означаетъ переходъ одного ощущенія въ другое, между тѣмъ какъ перемѣна интенсивности можетъ и не сопровождаться такою метаморфозой.

И качество, и интенсивность ощущенія стоятъ въ зависимости отъ соотвѣтствующихъ имъ физическихъ и физіологическихъ условій: въ основѣ ихъ лежатъ качественныя и количественныя различія внѣшнихъ раздраженій и вызываемыхъ послѣдними процессовъ въ нашемъ тѣлѣ. Эти раздраженія и процессы, какъ мы знаемъ, очень разнообразны, но въ концѣ концовъ всѣ они сводятся къ одному феномену,—къ *молекулярному движенію* различной формы и силы. Форма движенія составляетъ то, что мы называемъ качественными особенностями этихъ физическихъ и физіологическихъ стимуловъ, а сила его совпадаетъ съ ихъ количественными различіями. Такимъ образомъ, *качество* ощущеній обусловливается *формой* молекулярнаго движенія, а *интенсивность*—*силой* его. Но ни качество, ни интенсивность ощущеній не должны быть смѣшиваемы съ этими физическими и физіологическими условіями ихъ. Сами по себѣ ощущенія не представляютъ ничего сходнаго съ молекулярнымъ движеніемъ и, съ какой бы стороны ни разсматривать ихъ, имѣютъ ту же природу, какъ и остальныя явленія душевной жизни. И по качеству, и по интенсивности они являются совершенно своеобразною реакціей сознанія на воздѣйствія окружающей его физической и физіологической среды.

Чтобы изучить ощущенія, мы сначала разсмотримъ ихъ качества, слѣдуя той классификаціи, которая была дана въ предшествующей главѣ.

II. Зрѣніе.—Качествами *зрительныхъ* ощущеній служатъ *цвѣта*. Смотря по характеру физическихъ раздраже-

ній, цвѣта бываютъ двоякаго рода,—*простые* и *смѣшанные*. Первые ощущаются нами тогда, когда на сѣтчатку нашего глаза дѣйствуютъ *однородные* свѣтовые лучи (т. е. лучи съ одинаковою длиною волнъ и съ одинаковымъ числомъ колебаній въ секунду), а вторые получаются въ томъ случаѣ, когда ихъ лучи *разнородны* (т. е. имѣютъ разную длину волнъ и разное число колебаній). „Простыми“, или чистыми, цвѣтами считаются пять цвѣтовъ спектра: *красный*, *желтый*, *зеленый*, *синій* и *фіолетовый* [1]). Но при ближайшемъ анализѣ желтый и синій цвѣта являются простыми лишь въ относительномъ смыслѣ: желтый цвѣтъ можетъ быть воспроизведенъ (въ нѣсколько слабомъ видѣ) путемъ комбинаціи лучей краснаго и зеленаго, а синій путемъ подобнаго же соединенія зеленаго и фіолетоваго. Отсюда, абсолютно простыми слѣдуетъ признать только три цвѣта, лежащихъ по краямъ и въ срединѣ спектра: *красный*, *зеленый* и *фіолетовый*. Эти три цвѣта называются *основными* [2]).

„Смѣшанные“ цвѣта получаются изъ различнаго смѣшенія простыхъ цвѣтовъ спектра и образуютъ всю остальную совокупность доступныхъ воспріятію красокъ [3]). Ихъ можно

---

[1]) Первый изъ нихъ, *красный*, имѣетъ наибольшую длину волнъ (около 680 милліонныхъ долей миллиметра) и наименьшее число колебаній (450 билліоновъ въ секунду), а послѣдній, *фіолетовый*, наоборотъ—обладаетъ наименьшею длиною волнъ (ок. 390 милліонныхъ миллиметра) и наибольшимъ числомъ колебаній (790 бил. въ сек.).

[2]) Иногда „основными“ цвѣтами считаются красный, зеленый и синій, или красный, желтый и синій. Но эти формулы менѣе удобны.

[3]) Во избѣжаніе недоразумѣній нужно всегда имѣть въ виду, что подъ „смѣшеніемъ цвѣтовъ“ въ психологіи и физикѣ разумѣется не смѣсь *красящихъ веществъ* (какъ, наприм., въ живописи), а соединеніе цвѣтныхъ *лучей* спектра. Смѣсь матеріалныхъ кра-

раздѣлить на три категоріи. Прежде всего къ нимъ принадлежатъ *цвѣтовые нюансы*, каковыми являются переходныя формы спектральныхъ цвѣтовъ: *красно-желтый* (оранжевый), *желто-зеленый*, *зелено-голубой* и *сине-фіолетовый*. Сюда же относится *красно-фіолетовый* или пурпурный цвѣтъ, не существующій въ спектрѣ, но представляющій смѣшеніе его крайнихъ цвѣтовъ. Вторую группу смѣшанныхъ цвѣтовъ образуютъ *нейтральные* цвѣта: *бѣлый*, *сѣрый* и *черный*. Бѣлый цвѣтъ получается или изъ смѣшенія *всѣхъ* цвѣтовъ спектра, или изъ смѣшенія *трехъ основныхъ* его красокъ, или, наконецъ, изъ смѣшенія какихъ-нибудь *двухъ* опредѣленныхъ его цвѣтовъ, которые называются *дополнительными*. Такими дополнительными цвѣтами, нейтрализующими другъ друга и дающими вмѣстѣ бѣлый или сѣроватый цвѣтъ, являются:

красный	и	зелено-голубой,
желтый	и	сине-фіолетовый,
зеленый	и	красно-фіолетовый (пурпурный),
синій	и	красно-желтый (оранжевый),
фіолетовый	и	желто-зеленый.

Психологически дополнительные цвѣта характеризуются тѣмъ, что производятъ на насъ противоположное впечатлѣніе, образуютъ рѣзкій взаимный *контрастъ*: красный особенно ярко выдѣляется рядомъ съ зелено-голубымъ, желтый рядомъ съ сине-фіолетовымъ, и т. д. Поэтому они называются также „контрастными“ цвѣтами. Сѣрый цвѣтъ возникаетъ изъ тѣхъ же хроматическихъ соединеній, что и бѣлый, только составляющіе его свѣтовые лучи болѣе слабы. Что же касается чернаго цвѣта, то его можно причислить

сокъ сама по себѣ создаетъ не цвѣта, а только отражающую или поглощающую ихъ крашенную поверхность.

къ смѣшаннымъ цвѣтамъ только ради удобства, какъ контрастъ бѣлому: его причиной служитъ не физическое смѣшеніе разнородныхъ свѣтовыхъ лучей, а, вѣроятно, исключительно физіологическій процессъ возстановленія свѣточувствительныхъ элементовъ сѣтчатки [1]). Наконецъ, третью категорію смѣшанныхъ цвѣтовъ составляютъ безконечно разнообразные *цвѣтовые оттѣнки*, получаемые изъ смѣшенія спектральныхъ цвѣтовъ и нюансовъ съ нейтральными цвѣтами, бѣлымъ и чернымъ. Примѣсь бѣлыхъ свѣтовыхъ лучей даетъ цвѣтамъ свѣтлый колоритъ, и при усиленномъ освѣщеніи всѣ они стремятся перейти въ бѣлый цвѣтъ; напротивъ, при слабомъ освѣщеніи всѣ краски получаютъ темный оттѣнокъ и постепенно приближаются къ черному. Основное цвѣтовое качество такихъ смѣшанныхъ красокъ составляетъ ихъ хроматическій *тонъ*, а степень, въ какой онѣ сохраняютъ это качество при смѣшеніи съ нейтральными цвѣтами, называется ихъ *насыщенностью*. Кромѣ „насыщенности“, цвѣтовые оттѣнки различаются еще степенью *блеска*, который зависитъ отъ свойствъ отражающей или поглощающей свѣтовые лучи поверхности предметовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что, *какъ ощущенія*, всѣ цвѣта *безусловно просты:* ощущеніе желто-зеленаго цвѣта такъ же однородно, какъ и ощущеніе зеленаго, а ощущеніе бѣ-

---

[1]) Нейтральные цвѣта часто не считаются „цвѣтами“, такъ какъ физически бѣлый и сѣрый цвѣтъ выражаютъ только степень ясности „безцвѣтнаго“ (или „ахроматическаго“) *свѣта*, а черный есть отсутствіе всякаго цвѣтового впечатлѣнія. Физически такая точка зрѣнія, конечно, правильна, но психологически она совершенно невѣрна. Психологически „безцвѣтныхъ“ зрительныхъ впечатлѣній не существуетъ и нейтральные цвѣта имѣютъ такія же опредѣленныя хроматическія качества, какъ и всякіе другіе: черный цвѣтъ для нашего воспріятія есть такой же цвѣтъ, какъ синій или красный.

лаго психологически такъ же цѣльно и неразложимо, какъ ощущеніе краснаго или синяго. Тѣ сочетанія свѣтовыхъ лучей, на основаніи которыхъ цвѣта дѣлятся на простые и смѣшанные, составляютъ не психологическіе элементы зрительныхъ ощущеній, а только физическіе условія ихъ, и служатъ психологу лишь необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ для анализа и классификаціи зрительныхъ качествъ. При помощи нихъ мы опредѣляемъ эти качества наподобіе того, какъ измѣряемъ разницу температуры градусами термометра.

III. **Слухъ.**—*Слуховыя ощущенія* дѣлятся по своему качеству на двѣ группы: правильные и ясно различимые *звуки* (каковы, наприм., звуки человѣческихъ голосовъ и музыкальныхъ инструментовъ) и смутные, смѣшанные *шумы* (трескъ, стукъ, лязгъ, гулъ толпы, завыванье вѣтра, рокотъ моря, и т. п.). Тѣ и другія ощущенія вызываются волнообразными колебаніями воздуха, но въ первомъ случаѣ эти колебанія *періодически правильны* (т. е. имѣютъ одинаковую форму и быстроту и слѣдуетъ другъ за другомъ правильными ритмическими періодами), а во второмъ—*неправильны* (т. е. имѣютъ разную форму и быстроту и смѣняютъ другъ друга безъ опредѣленнаго порядка). Какъ „шумы“, такъ и „звуки“ имѣютъ *сложный* характеръ. Каждый шумъ можно, по крайней мѣрѣ теоретически, разложить на извѣстную совокупность правильныхъ звуковъ, а звуки въ свою очередь, разлагаются на еще болѣе простые звуковые элементы, называемые *тонами*. Разложеніе звуковъ на простые тоны производится на практикѣ при помощи особыхъ трубъ, называемыхъ *резонаторами*: резонаторы имѣютъ свойство усиливать соотвѣтствующіе имъ частичные тоны звука и такимъ способомъ выдѣляютъ ихъ изъ общаго звукового состава. Но тотъ же самый результатъ достигается до извѣстной степени

и невооруженнымъ ухомъ. Наше ухо съ его „основною перепонкой“ и „органомъ Корти“ есть довольно тонкій анализирующій аппаратъ: каждый тонъ раздражаетъ, повидимому, только тѣ нити основной перепонки, которыя „настроены“ на соотвѣтствующій ему ладъ, и потому можетъ восприниматься сознаніемъ отдѣльно отъ другихъ звуковыхъ элементовъ. Изъ музыкальныхъ инструментовъ ни одинъ не издаетъ простыхъ тоновъ; только звуки флейты до извѣстной степени приближаются къ нимъ. Въ наиболѣе чистомъ видѣ тоны получаются отъ камертоновъ. Въ области слуховыхъ ощущеній тоны являются такими же *простыми качествами*, какъ основные цвѣта спектра для зрительныхъ ощущеній: изъ различнаго сочетанія ихъ слагается все безконечное разнообразіе звуковыхъ формъ. Но существенная особенность слуховыхъ ощущеній состоитъ, какъ мы видимъ, въ томъ, что эти элементарныя качества ихъ могутъ быть выдѣлены не только физическими средствами, а и психологическимъ анализомъ: въ бѣломъ лучѣ свѣта нельзя разсмотрѣть составляющихъ его цвѣтныхъ спектральныхъ лучей, между тѣмъ какъ въ сложномъ звукѣ иногда можно различить простымъ ухомъ его составные тоны. Такимъ образомъ, ощущеніе звуковъ оказывается сложнымъ не только по своимъ физическимъ условіямъ, но и по своему психологическому составу.

Качественныя различія простыхъ *тоновъ* состоятъ только въ ихъ *высотѣ*. Съ этой точки зрѣнія тоны образуютъ непрерывно восходящую скалу, приблизительнымъ выраженіемъ которой является музыкальная гамма. Высота тоновъ зависитъ отъ *быстроты* (или числа) соотвѣтствующихъ имъ звуковыхъ колебаній. Самый низкій доступный нашему воспріятію тонъ имѣетъ около 16 колебаній съ секунду, а самый высокій около 50,000 колебаній. Чувствительность къ различію высоты тоновъ, какъ извѣстно, бываетъ у людей

неодинакова и много зависитъ отъ упражненія; но для высокихъ тоновъ она вообще гораздо слабѣе, чѣмъ для низкихъ. Между тѣмъ какъ въ предѣлахъ низкихъ и среднихъ тоновъ можно замѣтить разницу въ $^1/_5$ колебанія и даже меньше, тоны въ 12,000 и 16,000 колебаній неразличимы другъ отъ друга для самаго тонкаго слуха. Тоны, употребляемые въ музыкѣ, сравнительно немногочисленны и обыкновенно не бываютъ ниже 30 и выше 4000 колебаній въ секунду. Выборъ ихъ опредѣляется здѣсь не простыми акустическими свойствами звуковъ, а эстетическими соотношеніями ихъ. На основаніи этихъ соотношеній музыкальные тоны, или, точнѣе, звуки, образуютъ рядъ „ступеней“, раздѣленныхъ опредѣленными промежутками, или „интервалами“, и соединенныхъ въ „октавы“. Величина интерваловъ бываетъ различна, и наименьшая звуковая единица, принятая въ музыкѣ для измѣренія ихъ, называется „полутономъ“ [1]).

Что же касается сложныхъ *звуковъ*, то они различаются, кромѣ высоты, еще по своему *тембру*. Какъ мы знаемъ, звуки человѣческаго голоса не похожи на звуки музыкальныхъ инструментовъ; тонъ одинаковой высоты звучитъ иначе на роялѣ, чѣмъ на скрипкѣ, и иначе на скрипкѣ, чѣмъ на флейтѣ или кларнетѣ. Вотъ эти-то качественныя особенности звуковъ и

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что понятіе „тона“ въ музыкѣ иное, чѣмъ въ психологіи или физикѣ. Музыканты употребляютъ этотъ терминъ въ двоякомъ смыслѣ. Съ одной стороны, они обозначаютъ имъ извѣстныя звуковыя *качества*,—звуки разной высоты: *c* (do), *d* (re), *e* (mi), *f* (fa), *g* (sol), *a* (la), *h* (si). Всѣ такіе музыкальные „тоны“ въ дѣйствительности суть сложные „звуки“. Съ другой стороны, „тонами“ называются здѣсь извѣстныя звуковыя *отношенія*. Въ этомъ смыслѣ „тоны“ и „полутоны“ образуютъ, какъ сейчасъ сказано, систему условныхъ звуковыхъ величинъ или звуковыхъ единицъ, которыми измѣряются интервалы. Наприм., интервалъ „большая секунда“ равняется 1 тону, „большая терція“=2 тонамъ, „чистая кварта“=$2^1/_2$ тонамъ, и т. д.

называются ихъ „тембромъ“. Какъ показали изслѣдованія Гельмгольца, тембръ звуковъ зависитъ отъ высоты и силы ихъ составныхъ, или „частичныхъ“, тоновъ. Съ *основнымъ тономъ* звука, которымъ опредѣляется его высота, всегда соединяется рядъ другихъ, болѣе высокихъ и слабыхъ, которые называются „верхними гармоническими тонами“ или *обертонами*. Смотря по голосу и инструменту, количество обертоновъ въ звукѣ можетъ быть различно; такъ же различна бываетъ ихъ высота и сила, и всѣ эти особенности отражаются на свойствахъ тембра. Тембръ рояля, наприм., обусловливается тѣмъ, что здѣсь слышны первые шесть обертоновъ, приближающихся по своей высотѣ къ основному тону; напротивъ, въ звукахъ скрипки съ особенною силой выдѣляются дальнѣйшіе обертоны, гораздо болѣе высокіе, чѣмъ основной тонъ.

„Шумы“ также имѣютъ различную высоту и тембръ, которые измѣняются въ зависимости отъ ихъ звукового состава. Но съ точностью опредѣлить ихъ звуковые элементы бываетъ не всегда возможно.

IV. Вкусъ и обоняніе.—Психологическій анализъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній основывается, какъ мы видимъ, главнымъ образомъ на изученіи ихъ физическихъ условій. При изслѣдованіи другихъ классовъ ощущеній мы почти лишены этого вспомогательнаго средства, такъ какъ установить закономѣрную связь между ихъ качествами и соотвѣтствующими имъ раздраженіями чрезвычайно трудно. Кромѣ того, эти виды ощущеній слишкомъ мало дифференцированы, т. е. плохо обособлены въ качественномъ отношеніи другъ отъ друга. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что научныя свѣдѣнія о нихъ весьма неполны. Все это нужно сказать прежде всего объ ощущеніяхъ *вкуса* и *обонянія*.

Въ области *вкусовыхъ* ощущеній можно различать четыре

простыхъ качества: *кислый*, *сладкій*, *горькій и соленый* вкусъ. Всѣ остальные вкусы, повидимому, представляютъ собой или нюансы этихъ элементарныхъ качествъ, или смѣшанныя формы ихъ, или, наконецъ, соединеніе вкусовыхъ ощущеній съ обонятельными и осязательными. Въ сложныхъ вкусахъ послѣдней категоріи особенно большую роль играютъ *обонятельные* элементы: множество вкусовъ получаютъ свои качественныя особенности только оттого, что къ нимъ примѣшиваются различные запахи. Кромѣ упомянутыхъ четырехъ вкусовъ нерѣдко считаются простыми еще два: *щелочный* и *металлическій*; но они имѣютъ, вѣроятно, сложный характеръ. Между вкусовыми ощущеніями не существуетъ ничего похожаго на тотъ непрерывный переходъ, какой наблюдается между звуками; но они представляютъ два своеобразныхъ явленія, которыя сближаютъ ихъ съ зрительными ощущеніями. Во первыхъ, вкусы оказываются способными „дополнять“ и нейтрализовать другъ друга. Такими *дополнительными вкусами* являются, наприм., сладкій и соленый: при смѣшеніи сладкихъ и соленыхъ веществъ получается неопредѣленное впечатлѣніе, которое обыкновенно называется „безвкуснымъ“. Во вторыхъ, „дополнительные“ вкусы, подобно дополнительнымъ цвѣтамъ, представляютъ взаимный *контрастъ*: одновременныя или послѣдовательныя ощущенія сладкаго и соленаго усиливаютъ другъ друга.

Качества *обонятельныхъ* ощущеній безчисленны и классификація ихъ невозможна. Всѣ попытки дѣлить ихъ на опредѣленныя группы были искусственны и неудачны. Мало того, въ нашемъ языкѣ не существуетъ даже выраженій для обозначенія обонятельныхъ качествъ, и мы называемъ запахи только по именамъ тѣхъ предметовъ или веществъ, отъ которыхъ они исходятъ: „запахъ розы“, „запахъ фіалки“, „запахъ мускуса“, „запахъ камфары“, и проч. Это тѣмъ

болѣе удивительно, что обоняніе отличается необыкновенною тонкостью: чтобы различить специфическій запахъ камфары или мускуса, достаточно микроскопической дозы этихъ пахучихъ веществъ (тысячныхъ долей миллиграмма). Подобно ощущеніямъ другихъ „химическихъ“ чувствъ, зрѣнія и вкуса, обонятельныя качества способны, повидимому, къ взаимному „дополненію“: при смѣшеніи нѣкоторыхъ запаховъ получается нейтральное или безразличное впечатлѣніе.

V. Осязаніе.—*Осязательныя* ощущенія очень сложны и съ трудомъ поддаются анализу. Соотвѣтственно различной локализаціи ихъ на поверхности кожи, ихъ можно раздѣлить на три вида: ощущенія *давленія*, *температуры* и *боли*.

Ощущенія *давленія*, или „прикосновенія“, имѣютъ весьма разнообразныя качества, изъ которыхъ главными являются ощущенія *жесткаго*, *мягкаго*, *гладкаго* и *шероховатаго*. Эти качества съ ихъ многочисленными переходными формами представляютъ собой или нюансы простого давленія, обусловленные мѣстными особенностями кожи и различными свойствами дѣйствующихъ на нее раздраженій, или смѣсь элементовъ давленія съ мускульными ощущеніями. Наприм., ощущенія „гладкаго“ и „шероховатаго“ различаются между собой тѣмъ, что въ первомъ случаѣ давленіе распространяется на всю соприкасающуюся съ предметомъ поверхность кожи, а во второмъ только на ея опредѣленные пункты; въ ощущеніи „жесткаго“ давленіе сильно и осложнено замѣтнымъ мускульнымъ напряженіемъ, а въ ощущеніи „мягкаго“ оно слабо и примѣсь мускульныхъ элементовъ къ нему незначительна. Подобное же можно сказать объ ощущеніяхъ „остраго“, „тупого“, „густого“, „жидкаго“, и проч. Всѣ такія ощущенія являются *сложными* формами, въ которыхъ элементъ давленія играетъ роль *простого качества*. Ощущенія давленія тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ меньше

затронутый раздраженіемъ участокъ кожи; давленія, равномѣрно простирающіяся на всю кожную поверхность, каково, наприм., давленіе окружающей насъ атмосферы, совсѣмъ для насъ нечувствительны.

Въ ощущеніяхъ *температуры* различаются лишь два простыхъ качества, *тепло* и *холодъ*. Сами по себѣ эти ощущенія измѣняются, повидимому, только по интенсивности; но они могутъ осложняться примѣсью ощущеній давленія и боли. Между „теплomъ“ и „холодомъ“ лежитъ пунктъ безразличія, соотвѣтствующій температурѣ кожи и называемый „физіологическимъ нулемъ“. Температура физіологическаго нуля не всегда постоянна, такъ какъ кожа можетъ приспособляться къ внѣшнимъ температурнымъ условіямъ; въ среднемъ она равняется 34^0 Цельсія. Средняя температура воздуха, которая, при нашей одеждѣ, составляетъ для насъ границу между теплomъ и холодомъ, какъ извѣстно, гораздо ниже этой физіологической нормы: она равна приблизительно 15^0. Подобно давленію, тепло и холодъ ощущаются нами съ наибольшею ясностью тогда, когда раздраженіе дѣйствуетъ на болѣе или менѣе ограниченные участки кожи.

Ощущенія *боли* носятъ разныя названія („острая“, „тупая“, „жгучая“, „колющая“, „рѣжущая“ боль, и т. п.), но въ сущности они очень мало различаются по своему качеству. Если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ они имѣютъ сложный характеръ: въ ихъ составъ входятъ интенсивныя ощущенія давленія или температуры, соединенныя съ рѣзкимъ чувствомъ страданія. Всякое слишкомъ сильное или слишкомъ продолжительное осязательное ощущеніе въ концѣ концовъ превращается въ боль. Во внутреннихъ органахъ тѣла ощущенія боли осложняются мускульными элементами. Особенностью ощущенія боли служитъ ихъ длительность, объясняемая тѣмъ обстоятельствомъ, что съ болевыми раз-

драженіями обыкновенно соединяется болѣе или менѣе значительное поврежденіе тканей.—Къ ощущеніямъ боли приближаются по своимъ качествамъ ощущенія *щекотки* и *зуда*. Въ ихъ основѣ лежатъ слабыя, но часто повторяющіяся ощущенія давленія и температуры, осложненныя непріятнымъ чувствомъ и мѣстами переходящія въ боль.

Несмотря на свои качественныя особенности и различную физіологическую локализацію, всѣ осязательныя ощущенія имѣютъ склонность *сливаться*. Отдѣльные элементы давленія, температуры и боли обыкновенно образуютъ сложныя соединенія или комплексы, получающіе для сознанія характеръ простыхъ, цѣльныхъ и неразложимыхъ впечатлѣній.

VI. Мускульныя и органическія ощущенія.—Еще болѣе сложны и трудны для изслѣдованія „внутреннія“ ощущенія,—*мускульныя* и *органическія*. По своимъ качествамъ (какъ и по своимъ анатомическимъ субстратамъ) они очень близки къ осязанію, съ которымъ обыкновенно стоятъ въ самой тѣсной связи. Но они имѣютъ и свои особенности, которыя позволяютъ выдѣлить ихъ въ самостоятельную группу.

Мускульныя (или „двигательныя“) ощущенія вызываются пассивными и активными движеніями тѣла и его конечностей, особенно рукъ, ногъ, головы и глазъ. Ихъ традиціонное названіе представляется въ настоящее время уже несовсѣмъ точнымъ, потому что они обусловливаются не только сокращеніемъ мускуловъ или мышцъ, а также растяженіемъ примыкающихъ къ мускуламъ сухожилій и треніемъ суставовъ. Съ различными источниками этихъ ощущеній стоитъ въ связи и нѣкоторое различіе ихъ качествъ. Сокращеніе мускуловъ и сухожилій, возникающее главнымъ образомъ при активной работѣ, даетъ ощущенія *напряженія* или „усилія“, а треніе суставовъ, особенно замѣтное при пассивномъ измѣненіи положеній тѣла, выражается въ ощущеніяхъ простого *давле-*

нія. Эти два элементарныхъ качества образуютъ безконечно разнообразныя переходныя и смѣшанныя формы, измѣняющіяся въ зависимости отъ осложняющихъ ихъ ощущеній температуры и боли и отъ предѣловъ ихъ собственнаго распространенія. Въ послѣднемъ случаѣ они часто переходятъ уже въ органическія ощущенія. Общая совокупность мускульныхъ ощущеній нерѣдко называется „*мускульнымъ чувствомъ*“.

Органическія или „общія“ ощущенія обусловливаются различными процессами, совершающимися внутри нашего тѣла. Одни изъ нихъ возникаютъ на почвѣ мускульной дѣятельности: таковы ощущенія *усталости*, причина которыхъ заключается въ истощеніи мышечной энергіи и, вѣроятно, въ отравленіи мускуловъ продуктами распада тканей при работѣ. Другія стоятъ въ связи съ процессами кровообращенія, дыханія, выдѣленія железъ и съ различными внутренними рефлексами: таковы, наприм., ощущенія тѣхъ *рефлекторныхъ физіологическихъ измѣненій*, которыя называются „выраженіями чувствъ“,—ощущенія краски и блѣдности лица, смѣха, рыданій, дрожи, сердцебіенія, стѣсненія дыханія, и проч. Третьи находятся въ зависимости отъ процессовъ питанія: таковы ощущенія *голода*, *жажды* и *тошноты*. Наконецъ, органическія ощущенія отражаютъ общій правильный или неправильный ходъ всѣхъ нашихъ жизненныхъ функцій; въ этомъ случаѣ они получаютъ характеръ неопредѣленныхъ ощущеній физическаго *благосостоянія* или *разстройства*. По своему качественному составу органическія ощущенія представляютъ хаотическую смѣсь многочисленныхъ и въ большинствѣ случаевъ очень слабыхъ ощущеній давленія, напряженія, температуры и боли. Всѣ они осложняются болѣе или менѣе интенсивными чувствованіями удовольствія и страданія и въ цѣломъ иногда походятъ скорѣе на эмоціональныя состоянія, чѣмъ

на ощущенія. Отличительною особенностью органическихъ ощущеній является ихъ слабая локализація: обыкновенно каждая отдѣльная группа ихъ вызываетъ подобныя же „сопутствующія ощущенія“ въ другихъ частяхъ тѣла и распространяется на весь организмъ. Вся совокупность органическихъ ощущеній иногда называется „*общимъ чувствомъ*“.

VII. Относительность ощущеній и Веберовъ законъ.— Разсмотрѣвъ качества ощущеній, мы должны теперь точнѣе выяснить условія ихъ *интенсивности*. Ближайшее изъ этихъ условій намъ хорошо извѣстно: интенсивность ощущеній зависитъ прежде всего отъ *силы* внѣшнихъ раздраженій. Сильный свѣтъ мы видимъ, конечно, яснѣе, чѣмъ слабый; громкій звукъ для насъ слышнѣе, чѣмъ тихій; гиря вѣсомъ въ фунтъ, положенная на руку, оказываетъ, разумѣется, большее давленіе на кожу, чѣмъ гиря вѣсомъ въ золотникъ; чтобы поднять пудъ, требуется большее мускульное напряженіе, чѣмъ для того, чтобы поднять фунтъ. Но можно ли сказать, что зависимость интенсивности ощущенія отъ силы раздраженій сводится къ ихъ равенству? Можно ли считать эти явленія вполнѣ *пропорціональными* величинами и думать, что ощущеніе возрастаетъ въ той же мѣрѣ, какъ и внѣшнее раздраженіе?

Если мы обратимся къ фактамъ, то они дадутъ намъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Мы уже знаемъ, что слишкомъ слабыя раздраженія совсѣмъ не вызываютъ ощущеній: для раздраженія существуетъ извѣстный минимальный предѣлъ, или такъ называемый „порогъ“, ниже котораго оно не сознается [1]). Но то же самое бываетъ и въ томъ случаѣ, когда раздраженіе является слабымъ не само по себѣ, а лишь

---

[1]) См. гл. I, § V.

по отношенію къ другимъ, одновременнымъ или предшествующимъ, раздраженіямъ того же рода. Въ самомъ дѣлѣ, если мы поднимемъ тяжесть вѣсомъ въ одинъ фунтъ и затѣмъ прибавимъ къ ней еще фунтъ, то различіе въ мускульномъ ощущеніи вѣса будетъ намъ сразу замѣтно; если же мы прибавимъ эту тяжесть къ десяти фунтамъ, мы почувствуемъ разницу уже слабо; наконецъ, если мы прибавимъ тотъ же фунтъ къ пуду, прибавка будетъ для насъ совсѣмъ нечувствительна и сила ощущенія не измѣнится. Давленіе фунтовой гири на кожу руки ничуть не увеличится, если мы наложимъ на нее еще золотникъ. Зажгите свѣчу въ вашей комнатѣ вечеромъ, и въ комнатѣ будетъ гораздо свѣтлѣе, чѣмъ прежде; но зажгите ту же свѣчу въ той же комнатѣ днемъ, и освѣщеніе нисколько не усилится. Кусокъ сахару, положенный въ стаканъ чаю, дѣлаетъ его сладкимъ; но положите тотъ же кусокъ въ стаканъ меду, и отъ него уже не будетъ слаще. Вѣсъ одного фунта, свѣтъ свѣчи, кусокъ сахару,—все это внѣшнія раздраженія, и изъ приведенныхъ фактовъ мы видимъ, что одно и то же раздраженіе ощущается нами то сильно, то слабо, а то и совсѣмъ не ощущается, смотря по его отношенію къ другимъ, одновременнымъ или предшествующимъ, раздраженіямъ. Такимъ образомъ, интенсивность ощущеній зависитъ не только отъ силы раздраженій, но и отъ ихъ взаимнаго *отношенія*. По своей интенсивности ощущенія—относительныя величины.

Каково же должно быть отношеніе раздраженій, чтобы вызвать извѣстную перемѣну въ интенсивности ощущенія? Допустимъ, что перемѣна въ интенсивности ощущенія состоитъ въ томъ, что ощущеніе возрастаетъ на *минимальную разницу*, т. е. становится чуть замѣтно сильнѣе. Опыты показали, что въ этомъ случаѣ соотвѣтствующее раздраженіе должно возрастать въ *кратномъ отношеніи*: для *свѣтовыхъ*

ощущеній оно должно быть увеличено на $^1/_{100}$ его долю, для *мускульныхъ* ощущеній на $^1/_{17}$, для ощущеній *давленія* на $^1/_3$, для *звуковыхъ* ощущеній также на $^1/_3$ [1]). Другими словами, чтобы свѣтовое ощущеніе стало чуть замѣтно сильнѣе, соотвѣтствующее раздраженіе нужно усилить настолько, чтобы прибавка относилась къ его первоначальной величинѣ, какъ 1 къ 100; чтобы въ интенсивности мускульнаго ощущенія получилась чуть замѣтная разница, приростъ раздраженія долженъ относиться къ его первоначальной силѣ, какъ 1 къ 17, и т. д. Сами по себѣ эти цифры имѣютъ лишь приблизительную точность; но важно то обстоятельство, что выражаемое ими *кратное отношеніе* раздраженій оказывается всегда *одинаковымъ*, какова бы ни была абсолютная величина этихъ раздраженій. Если, наприм., тяжесть, положенная на руку, должна быть увеличена на $^1/_3$, чтобы вызванное ею ощущеніе давленія стало чуть замѣтно сильнѣе, то будетъ-ли это золотникъ, фунтъ, 3 фунта, 5 фунтовъ,— каждую изъ этихъ тяжестей при данномъ условіи мы должны увеличить не иначе, какъ на $^1/_3$ ея вѣса: къ 1 золотнику нужно прибавить—$^1/_3$ золотника, къ 1 фунту—$^1/_3$ фунта, къ 3 ф.—1 ф., къ 5 ф.—$1^1/_3$ фунта, и т. д. Такъ какъ, въ свою очередь, минимальная, чуть замѣтная *разница* въ интенсивности ощущенія психологически должна быть также всегда *одинаковой* величиной, то мы получаемъ слѣдующій простой законъ: „*Если разница въ интенсивности ощущеній одинакова, то кратное отношеніе соотвѣтствующихъ имъ раздраженій также одинаково*“.

Нетрудно видѣть, что рядъ ощущеній, возрастающихъ *на одинаковую разницу*, будетъ представлять *ариѳметическую*

---

[1]) Такія предѣльныя величины называются „разностнымъ порогомъ“ ощущенія.

прогрессію, а рядъ раздраженій, возрастающихъ въ *одинаковомъ кратномъ отношеніи*,—*геометрическую прогрессію* [1]). Отсюда, этотъ законъ можно формулировать математически слѣдующимъ образомъ: „*Если ощущенія возрастаютъ въ ариѳметической прогрессіи, то соотвѣтствующія имъ раздраженія должны возрастать въ геометрической прогрессіи*“. Наконецъ, такъ какъ ариѳметическую прогрессію ощущеній легко выразить въ видѣ величинъ, равныхъ логариѳмамъ геометрической прогрессіи раздраженій при томъ или иномъ основаніи [2]), то возможна еще третья, болѣе краткая математическая формула того же закона, которая совершенно равносильна предыдущей: „*ощущеніе возрастаетъ какъ логариѳмъ раздраженія*.

Этотъ законъ былъ впервые открытъ для отдѣльныхъ классовъ ощущеній въ первой половинѣ минувшаго столѣтія нѣмецкимъ физіологомъ Э. Г. Веберомъ и по имени его называется *Веберовымъ закономъ*. Но обобщеніе, математическая формулировка и наиболѣе полная экспериментальная провѣрка Веберова закона принадлежитъ Фехнеру.

Веберовъ законъ представляетъ собой лишь частный случай болѣе общаго психологическаго закона,—*закона относительности*, въ силу котораго мы оцѣниваемъ внѣшнія впечатлѣнія и наши душевныя состоянія лишь по сравненію ихъ другъ съ другомъ. Каждое впечатлѣніе и каждое пси-

---

[1]) Если, наприм., мы предположимъ, что разница между ощущеніями, возрастающими, начиная съ 0, равняется 1, а отношеніе между приростомъ каждаго слѣдующаго раздраженія и цѣлой величиной предшествующаго также равно 1, то первыя образуютъ ариѳметическую прогрессію: 0, 1, 2, 3, 4, 5...., а вторыя—геометрическую прогрессію: 1, 2, 4, 8, 16, 32.....

[2]) Наприм., ариѳметическая прогрессія ощущеній: 0, 1, 2, 3, 4, 5.... представляетъ не что иное, какъ логариѳмы геометрической прогрессіи раздраженій: 1, 2, 4, 8, 16, 32...., при основаніи 2.

хическое состояніе настраиваетъ наше вниманіе на извѣстный ладъ и дѣлается невольнымъ масштабомъ для слѣдующихъ впечатлѣній и состояній. Поэтому, если внѣшнее раздраженіе сильно, то слѣдующія за нимъ раздраженія, хотя-бы сами по себѣ они и были сильны, кажутся намъ въ сравненіи съ нимъ слабыми, т. е. вызываютъ относительно слабыя ощущенія, и наоборотъ. Такимъ образомъ, Веберовъ законъ есть не что иное, какъ законъ *относительности ощущеній*, или, говоря точнѣе, законъ относительности *нашей субъективной оцѣнки раздраженій.*

РЕЗЮМЭ.

I.—Ощущенія различаются по *качеству* и по *интенсивности*. Качество служитъ ихъ основой, а интенсивность является ихъ состояніемъ. Качество ощущеній обусловливается *формою* молекулярнаго движенія, къ которому сводятся всѣ виды физическихъ и физіологическихъ раздраженій, а интенсивность зависитъ отъ его *силы.*

II.—Качество *зрительныхъ ощущеній* составляютъ *цвѣта*. Они дѣлятся на *простые* и *смѣшанные*. Простыми являются три „основныхъ цвѣта“ спектра: *красный, зеленый* и *фіолетовый*, а также *желтый* и *синій*. Къ смѣшаннымъ принадлежатъ *нюансы* этихъ спектральныхъ цвѣтовъ (красно-желтый или оранжевый, желто-зеленый, зелено-голубой, сине-фіолетовый и красно-фіолетовый или пурпурный), *нейтральные* цвѣта: *бѣлый*, *черный* и *сѣрый*, и безчисленные *цвѣтовые оттѣнки*, образующіеся изъ соединенія спектральныхъ цвѣтовъ и нюансовъ съ нейтральными. Цвѣта, изъ смѣшенія которыхъ получаются бѣлый или сѣрый, называются *дополнительными;* они представляютъ взаимный *контрастъ.*

III.—*Слуховыя ощущенія* дѣлятся на правильные *звуки* и смѣшанные *шумы*. Тѣ и другіе разлагаются (физически и психологически) на простѣйшіе звуковые элементы, *тоны*. Качество простыхъ тоновъ состоитъ въ ихъ *высотѣ*, которая различима для слуха въ предѣлахъ отъ 16 до 50000 колебаній въ секунду. Въ музыкѣ употребляются преимущественно тоны средней высоты; ихъ выборъ опредѣляется эстетическими мотивами. Сложные звуки (и шумы) различаются, кромѣ высоты, еще по своему *тембру*, который зави-

ситъ отъ высоты и силы ихъ составныхъ тоновъ: *основного* и *обертоновъ*.

IV.—Ощущенія вкуса и обонянія мало обособлены другъ отъ друга. *Вкусовыя ощущенія* имѣютъ четыре простыхъ качества: *кислый*, *сладкій*, *горькій* и *соленый* вкусъ. Нѣкоторыя изъ нихъ обнаруживаютъ явленія *дополненія* и *контраста*. *Обонятельныя ощущенія* не допускаютъ классификаціи и заимствуютъ свои названія у пахучихъ веществъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, способны *дополнять* другъ друга.

V.—*Осязательныя ощущенія* дѣлятся на три вида: ощущенія *давленія*, *температуры* и *боли*. Сложными формами *давленія* являются ощущенія *жесткаго*, *мягкаго*, *гладкаго*, *шероховатаго* и проч. Ощущенія *температуры* имѣютъ только два качества: *тепло* и *холодъ*, между которыми существуетъ пунктъ безразличія, „физіологическій нуль“. Ощущенія *боли* имѣютъ обыкновенно сложный характеръ, но по своему основному качеству мало различаются другъ отъ друга. Къ нимъ приближаются въ качественномъ отношеніи ощущенія *щекотки* и *зуда*. Всѣ осязательныя ощущенія склонны *сливаться*.

VI.—„Внутреннія“ ощущенія, мускульныя и органическія, сходны по качеству съ осязательными. Основными качествами *мускульныхъ ощущеній* служатъ *напряженіе* мышцъ и сухожилій и *давленіе* суставовъ. Обыкновенно эти ощущенія осложняются другими элементами осязанія и измѣняются въ зависимости отъ предѣловъ своего распространенія. Главными видами *органическихъ* или „*общихъ*“ *ощущеній* являются ощущенія *усталости*, *рефлекторныхъ физіологическихъ измѣненій* при эмоціяхъ, *голода*, *жажды*, *тошноты* и общаго физическаго *благосостоянія* и *разстройства*. Они представляютъ хаотическую смѣсь ощущеній давленія, напряженія, температуры и боли. Всѣ органическія ощущенія осложнены чувствованіями и плохо локализированы.

VII.—*Интенсивность* ощущеній зависитъ не только отъ *силы* раздраженій, но и отъ ихъ взаимнаго *отношенія*. Она подчиняется *Веберову закону*, который гласитъ: „*Если разница въ интенсивности ощущеній одинакова, то кратное отношеніе соотвѣтствующихъ имъ раздраженій также одинаково*“. Математически этотъ законъ можно формулировать такъ: „*Если ощущенія возрастаютъ въ ариѳметической прогрессіи, то раздраженія должны возрастать въ геометрической прогрессіи*“, или короче: „*Ощущеніе возрастаетъ какъ логариѳмъ раздраженія*“. Это—законъ *относительности ощущеній*.

Литература.

Вундтъ, Физіологическая психологія, I.—**Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (2 изд.).—**Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—*Гельмгольцъ*, Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ.—*Гельмгольцъ*, Популярныя рѣчи, II.—*Бернштейнъ*, Физіологія органовъ чувствъ.—*Германнъ*, Руководство физіологіи, III, 1—2.—*Ландуа*, Учебникъ физіологіи человѣка.—*Сѣченовъ*, Физіологическіе очерки, II.—*Макъ Кендрикъ и Снодграсъ*, Физіологія органовъ чувствъ.—*Фостеръ и Шоръ*, Физіологія для начинающихъ.—**Цигенъ*, Физіологическая психологія,—**Бэнъ*, Психологія (I).—**Джемсъ*, Психологія.—*Гефдингъ*, Очерки психологіи.—**Тиченеръ*, Очерки психологіи.—*Рибо*, Современная германская психологія.—*Рише*, Опытъ общей психологіи.—*Бинэ*. Введеніе въ экспериментальную психологію.—*Серебренниковъ*, Психофизическія изслѣдованія и ихъ значеніе для психологіи (*Христ. Чтеніе*, 1895, 1).—*Липпсъ*, Основы психофизики.—*Сикорскій*, Всеобщая психологія.

ГЛАВА VI.

Физическія чувствованія [1]).

I. Удовольствіе и страданіе.—II. Относительность физическихъ чувствованій.—III. Основной законъ физическихъ чувствованій.—IV. Теорія чувствованій Джемса-Ланге.—V. Критика этой теоріи.

I. Удовольствіе и страданіе.—Ощущенія имѣютъ не только различныя качества и интенсивность, но и различный эмоціональный *тонъ;* они бываютъ не только ощущеніями зеленаго и синяго, звуковъ *sol* или *la*, запаха гвоздики или вкуса яблока, но также состояніями *пріятными* или *непріятными*, т. е. сопровождаются чувствованіями *удовольствія* и *страданія*.

Нужно замѣтить, что чувствованія удовольствія и страданія сами по себѣ не составляютъ свойства ощущеній: они соединяются съ самыми различными душевными процессами и являются скорѣе свойствомъ цѣлаго сознанія, переживающаго эти процессы. Кромѣ ощущеній, они вызываются также представленіями и идеями, и смотря по тому, какой изъ этихъ психическихъ элементовъ лежитъ въ ихъ основѣ, могутъ быть раздѣлены на три группы: 1) *физическія чувствованія*, соединенныя съ ощущеніями и возникающія подъ непосредственнымъ вліяніемъ физическихъ раздраженій; 2) *ре-*

---

[1]) Перераб. *ред.*

презентативныя чувствованія [1]), соединенныя съ представленіями и возникающія подъ вліяніемъ ихъ взаимодѣйствія, и 3) *идейныя чувствованія*, соединенныя съ понятіями или идеями и возникающія подъ вліяніемъ ихъ отношеній. Но каждый изъ этихъ видовъ чувствованій имѣетъ очень своеобразный характеръ, и физическія формы удовольствія и страданія такъ тѣсно сливаются съ ощущеніями, что на практикѣ ихъ иногда бываетъ трудно различить отъ послѣднихъ. Наприм., физическая боль, щекотка или зудъ суть съ одной стороны осязательныя ощущенія, съ другой,—своеобразныя эмоціональныя состоянія, и элементы ощущенія и чувствованія въ нихъ такъ нераздѣльны, что иногда невозможно рѣшить, гдѣ кончается одинъ изъ нихъ и гдѣ начинается другой. Тѣмъ болѣе нужно сказать это, какъ мы видѣли, объ органическихъ ощущеніяхъ. Вотъ почему мы должны разсматривать физическія чувствованія въ связи съ ощущеніями, а репрезентативныя и идейныя въ связи съ представленіями и понятіями.

II. Относительность физическихъ чувствованій.— Физическое удовольствіе и страданіе, какъ и всѣ первичныя явленія сознанія, слишкомъ извѣстны и слишкомъ просты, чтобы ихъ можно было опредѣлить. Психологу остается только выяснить ихъ характеръ, условія и законы.

По своему характеру и условіямъ физическія чувствованія такъ же *относительны*, какъ и ощущенія, и даже еще болѣе относительны, чѣмъ послѣднія. Они зависятъ не столько отъ свойствъ тѣхъ впечатлѣній, которыми они вызываются, сколько отъ отношенія этихъ впечатлѣній другъ къ другу и особенно къ нашему личному благосостоянію. Звукъ *sol* мо-

---

[1]) Употребляемъ этотъ терминъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ Спенсеръ, который именемъ „representative feelings“ называетъ самыя представленія.

жетъ быть пріятнымъ для насъ или непріятнымъ не самъ по себѣ, а смотря по его положенію въ мелодической фразѣ; красный или синій цвѣтъ могутъ нравиться или не нравиться, смотря по другимъ цвѣтамъ, которые ихъ сопровождаютъ. Вкусъ блюда, которое ранѣе намъ нравилось, при иныхъ условіяхъ можетъ показаться непріятнымъ, хотя бы самъ по себѣ онъ и не измѣнился. Переходя отъ нулевой температуры къ 15^0 тепла, мы испытываемъ пріятное чувство; напротивъ, переходя отъ 15^0 тепла къ 0, мы получаемъ непріятное впечатлѣніе. Непрерывныя удовольствія и непрерывныя страданія ослабляютъ и притупляютъ другъ друга; напротивъ, если удовольствіе слѣдуетъ за страданіемъ или страданіе слѣдуетъ за удовольствіемъ, они ощущаются особенно сильно. Даже простое прекращеніе удовольствія чувствуется нами какъ страданіе, а прекращеніе страданія—какъ удовольствіе. Наприм., прекращеніе зубной боли или спазмъ желудка доставляютъ намъ очень живое удовольствіе.

Эта относительность физическихъ чувствованій, характеризующая и всѣ чувствованія вообще, дѣлаетъ ихъ одними изъ наиболѣе субъективныхъ душевныхъ состояній. Въ то же время она особенно ясно показываетъ, что чувствованія не суть свойства отдѣльныхъ ощущеній или какихъ-нибудь другихъ психическихъ процессовъ, а свойства всего сознанія, переживающаго и оцѣнивающаго эти процессы.

III. Основной законъ физическихъ чувствованій.—Мы сказали, что главнымъ условіемъ, опредѣляющимъ характеръ физическаго удовольствія и страданія, является ихъ отношеніе къ нашему личному благосостоянію. Въ этомъ отношеніи выражается основной законъ всѣхъ чувствованій вообще, который въ примѣненіи къ физическимъ чувствованіямъ можетъ быть формулированъ такъ: „*всѣ ощущенія, содѣйствующія нашему благосостоянію и соотвѣтствующія*

нормальнымъ процессамъ нашего организма или, по крайней мѣрѣ, того органа, съ которымъ они связаны, бываютъ пріятны; а всѣ ощущенія, противорѣчащія нашему благосостоянію или нарушающія наши нормальныя отправленія,—непріятны“.

Въ самомъ дѣлѣ, ощущенія доставляютъ намъ удовольствіе лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ они не превышаютъ нормальной траты нашихъ силъ и не колеблютъ нашего физическаго или психическаго равновѣсія. Слишкомъ слабый и слишкомъ сильный свѣтъ требуетъ излишняго напряженія, вреднаго для глазъ, и вотъ причина, почему онъ бываетъ обыкновенно непріятенъ. Слишкомъ сильные или рѣзкіе звуки причиняютъ страданіе вслѣдствіе подобныхъ же причинъ. Слишкомъ сильные запахи вліяютъ неблагопріятно на нервную систему и потому также вызываютъ страданіе. Температура, приблизительно въ 15^0 тепла, наиболѣе благопріятствующая отправленіямъ нашего организма, пріятна; напротивъ, температура, значительно удаляющаяся отъ этой нормы, непріятна. Тѣсная связь физическихъ чувствованій съ мышечною дѣятельностью доказана экспериментально докторомъ Ферэ, который констатировалъ, что физическое удовольствіе сопровождается увеличеніемъ силы, а физическое страданіе соединяется съ потерей ея. Опытъ Ферэ заключается въ слѣдующемъ. Къ носу субъекта, натягивающаго пружину динамометра, подносятъ флаконъ съ мускусомъ. Слишкомъ сильный запахъ мускуса непріятенъ и вызываетъ у экспериментируемаго лица отвращеніе; въ то же время стрѣлка динамометра показываетъ цифру, замѣтно болѣе слабую, чѣмъ тѣ, какихъ это лицо обыкновенно достигаетъ. Такимъ образомъ, непріятное впечатлѣніе соединяется съ потерей силы. Если теперь немножко удалить флаконъ, запахъ мускуса слабѣетъ и дѣлается пріятнымъ; тогда цифра, показываемая

стрѣлкой динамометра, становится замѣтно выше средней. Такимъ образомъ, пріятное впечатлѣніе соединяется съ подъемомъ мышечной энергіи.

Эти факты оправдываютъ старую теорію Аристотеля, который считалъ удовольствіе слѣдствіемъ дѣятельности, достигающей цѣли и осуществляющей нормальныя функціи чувствующаго существа. „Удовольствіе,—говорилъ онъ,—украшаетъ дѣйствіе, какъ цвѣтокъ юность“. Съ другой стороны, становится ясной односторонность противоположнаго мнѣнія Эпикура, который разсматривалъ всякое дѣйствіе какъ мучительное усиліе и потому признавалъ страданіе положительнымъ состояніемъ дѣйствующаго существа, а удовольствіе только отрицаніемъ страданія. Эпикуръ видѣлъ въ усиліи лишь то, что есть въ немъ тягостнаго, и опускалъ изъ виду то, что въ немъ соотвѣтствуетъ законамъ нашей природы и, слѣдовательно, можетъ быть пріятнымъ. Въ дѣйствительности усиліе оставляетъ непріятное чувство только тогда, когда вызванный имъ расходъ организма превышаетъ его доходы, когда сила, потраченная на дѣйствіе не вознаграждается тѣмъ, что организмъ вновь пріобрѣтаетъ посредствомъ питанія. Напротивъ, умѣренное усиліе, когда приходъ энергіи уравновѣшиваетъ расходъ и даже даетъ остатокъ, чувствуется какъ пріятное состояніе. Школьникъ, оставаясь неподвижнымъ во время класса, испытываетъ живѣйшее удовольствіе, когда ему потомъ удается привести въ дѣйствіе свои мускулы, побѣгать и покричать.

Такимъ образомъ, удовольствіе есть слѣдствіе осуществленія нормальныхъ законовъ нашей природы, а страданіе—слѣдствіе неосуществленія или нарушенія этихъ законовъ.

IV. Теорія чувствованій Джемса-Ланге [1]).—Какъ уже

---

[1]) *Ред.*

было сказано, чувствованія стоятъ въ особенно тѣсной связи съ органическими ощущеніями. Нормальныя и ненормальныя измѣненія въ нѣдрахъ нашего организма не только непосредственно ощущаются нами, но служатъ источникомъ болѣе или менѣе сильныхъ физическихъ удовольствій и страданій, которыя до такой степени сливаются съ элементами ощущенія, что иногда бываетъ невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Съ другой стороны, всѣ чувствованія, начиная съ физическаго удовольствія и страданія и кончая самыми сложными и высшими формами душевныхъ движеній или „эмоцій“, выражаются въ рефлекторныхъ физіологическихъ измѣненіяхъ, которыя, какъ мы знаемъ, передаются сознанію въ видѣ соотвѣтствующихъ органическихъ ощущеній. Мы смѣемся отъ удовольствія, плачемъ отъ печали, краснѣемъ отъ стыда, дрожимъ и блѣднѣемъ отъ страха, и каждый изъ такихъ физіологическихъ рефлексовъ, вызванныхъ эмоціей, ощущается нами какъ особое тѣлесное состояніе.

Эта тѣсная связь чувствованій съ органическими ощущеніями дала въ новѣйшее время поводъ отожествить ихъ. Знаменитый американскій психологъ Вильямъ Джемсъ и датскій психіатръ Карлъ Ланге почти одновременно и независимо другъ отъ друга пришли къ заключенію, что наши чувствованія обусловливаются не ощущеніями, представленіями и идеями, какъ обыкновенно принято думать, а различными органическими реакціями, которыми сопровождается всякое дѣйствующее на насъ впечатлѣніе [1]), и сами по себѣ представляютъ не что иное, какъ именно *ощущенія этихъ тѣлесныхъ реакцій*. Согласно этой теоріи, тѣ физіологическія измѣненія и рефлексы, которые мы считаемъ *выраженіями чувствъ*, въ дѣйствительности служатъ ихъ

[1]) Сравн. ниже гл. XI.

причинами. Какъ выражается немножко парадоксально Джемсъ, мы не потому плачемъ, что бываемъ печальны, а бываемъ печальны потому, что плачемъ; не потому бьемъ врага, что приходимъ въ ярость, а приходимъ въ ярость оттого, что бьемъ врага; не потому дрожимъ, что боимся, а боимся оттого, что дрожимъ. Другими словами, печаль есть ощущеніе рыданій, задержки сердцебіенія, „тоски подъ ложечкой“, и т. п.; гнѣвъ есть совокупность ощущеній, связанныхъ съ волненіемъ въ груди, приливомъ крови къ лицу, усиленнымъ біеніемъ пульса, расширеніемъ ноздрей, энергическими тѣлодвиженіями, и т. д.; страхъ есть комплексъ ощущеній, вызванныхъ дрожью, сердцебіеніемъ, уменьшеніемъ объема кровеносныхъ сосудовъ (которое выражается въ блѣдности), стѣсненіемъ дыханія, тѣлесною слабостью, и проч. Даже „болѣе тонкія“ эмоціи, эстетическія, интеллектуальныя и моральныя, являются дѣйствительными эмоціями только тогда, когда ихъ объекты „возбуждаютъ“ насъ, волнуютъ нашу кровь, вызываютъ трепетъ въ нашемъ тѣлѣ, заставляютъ сильнѣе биться наше сердце, поднимаютъ выше нашу грудь, извлекаютъ слезы изъ нашихъ глазъ. Вообще всѣ чувствованія, какъ низшія, такъ и высшія, какъ простыя, такъ и сложныя, имѣютъ свой источникъ въ болѣе или менѣе замѣтныхъ *органическихъ*, *мускульныхъ и вазомоторныхъ рефлексахъ*, возникающихъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ раздраженій и различныхъ интеллектуальныхъ состояній [1]). Въ подтвержденіе этой теоріи Джемсъ и Ланге указываютъ на много-

---

[1]) Въ оцѣнкѣ значенія этихъ рефлексовъ Джемсъ и Ланге различаются только тѣмъ, что первый видитъ главную причину чувствованій во внутреннихъ органическихъ и мускульныхъ реакціяхъ, а второй приписываетъ особенно важную роль вазомоторнымъ процессамъ (измѣненіямъ въ объемѣ кровеносныхъ сосудовъ).

численные случаи, когда чувствованія вызываются, повидимому, исключительно физіологическими факторами, помимо всякихъ психическихъ причинъ: страдающіе сердцебіеніемъ испытываютъ безотчетное чувство страха; при отравленіи мухоморомъ и при временномъ буйномъ помѣшательствѣ наблюдаются припадки безпричиннаго бѣшенства; опьяненіе алкоголемъ сопровождается повышеннымъ настроеніемъ и выражается въ весельи или буйствѣ, и т. п. Съ другой стороны, они приводятъ то соображеніе, что если бы мы попытались отдѣлить эмоцію отъ связанныхъ съ нею физіологическихъ состояній и вычесть изъ нея органическія ощущенія, то отъ нея ровно ничего бы не осталось. Подавить тѣлесныя выраженія эмоціи значитъ подавить самую эмоцію: печаль безъ слезъ, разстройства сердцебіенія, потери аппетита, и проч. уже не есть печаль; веселье безъ смѣха и другихъ аналогичныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ рефлексовъ уже не чувство, а простое интеллектульное состояніе. Наоборотъ, давая полную волю внѣшнимъ проявленіямъ чувства, мы этимъ усиливаемъ самое чувство: бѣгство увеличиваетъ паническое чувство страха; плачущій бываетъ еще болѣе растроганъ своими слезами, и т. п.

V. Критика этой теоріи [1]).—При своемъ первоначальномъ появленіи (лѣтъ двадцать тому назадъ) теорія Ланге-Джемса была принята какъ выдающееся научное открытіе и пріобрѣла себѣ много горячихъ сторонниковъ; но въ настоящее время ея кредитъ начинаетъ падать. Во первыхъ, *ее трудно примирить съ данными самонаблюденія*, которыя никакъ нельзя игнорировать въ психологическихъ вопросахъ. Если *физическія* чувствованія удовольствія и страданія дѣйствительно не всегда можно различить или по

---

[1]) *Ред.*

крайней мѣрѣ отдѣлить отъ связанныхъ съ ними органическихъ ощущеній (наприм., въ физической боли или сердечной „тоскѣ“), то высшія, *нравственныя* формы эмоцій: печаль, радость, стыдъ, гнѣвъ, страхъ, и т. п. мы никогда не смѣшиваемъ съ этими ощущеніями. Ощущенія рыданій, слезъ, спазмъ въ груди, потери аппетита не тожественны для нашего сознанія съ печалью; ощущеніями блѣдности, дрожи, сердцебіенія, стѣсненнаго дыханія и проч. не исчерпывается то, что мы называемъ страхомъ. Эти чувствованія бываютъ связаны у насъ съ гораздо болѣе сложными психическими переживаніями, чѣмъ простое воспріятіе тѣлесныхъ перемѣнъ. Тѣмъ болѣе, конечно, нужно сказать это объ эстетическихъ и интеллектуальныхъ эмоціяхъ. Во вторыхъ, *факты, приводимые въ защиту этой теоріи, гораздо менѣе убѣдительны, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ.* Сердцебіеніе, буйное помѣшательство, отравленіе мухоморомъ, опьяненіе, и другія подобныя ненормальныя состоянія вызываютъ сами по себѣ не чувствованія, а только извѣстную совокупность ощущеній, представленій и идей, располагающихъ къ различнымъ чувствованіямъ. Подъ вліяніемъ разстройства сердечной дѣятельности, усиленнаго притока крови къ низшимъ нервнымъ центрамъ, мышечныхъ рефлексовъ, и т. п. ощущенія субъекта становятся иными, теченіе его представленій измѣняется, возникаютъ новыя мысли, внѣшнія впечатлѣнія получаютъ иную оцѣнку,—словомъ, создается совсѣмъ иное содержаніе сознанія, которое и выражается въ чувствахъ страха, печали, веселья, гнѣва, и проч. Тамъ, гдѣ между физіологическими измѣненіями и чувствомъ не существуетъ этихъ психологическихъ звеньевъ, исчезаетъ и самое чувство. Наприм., сердечные больные, убѣдившіеся въ томъ, что припадки сердцебіенія имѣютъ у нихъ лишь нервное происхожденіе и не влекутъ за собой

опасности для жизни, могутъ освободиться отъ угнетающаго ихъ страха. Мысль, что чувствованія безусловно неотдѣлимы отъ ихъ внѣшнихъ выраженій, фактически также не вполнѣ вѣрна. Подавить физическія проявленія печали, еще не значитъ искоренить печаль; веселье безъ смѣха и быстрыхъ тѣлодвиженій не превратится въ чисто интеллектуальное состояніе. Подавленіе этихъ рефлексовъ только ослабляетъ эмоціи, лишаетъ ихъ бурнаго характера, но не уничтожаетъ совсѣмъ. Равнымъ образомъ, внѣшнія проявленія чувствъ еще не всегда свидѣтельствуютъ о дѣйствительномъ существованіи чувства. Можно обнаруживать всѣ внѣшнія признаки радости, когда „на душѣ кошки скребутъ“, и лить притворныя слезы, когда душа ликуетъ. Есть нервные больные, которые смѣются, не испытывая никакого веселья, и плачутъ, не чувствуя печали: физическіе спутники эмоціи и соотвѣтствующія имъ органическія ощущенія у нихъ существуютъ, а самой эмоціи нѣтъ. Если же обыкновенно наблюдаются факты иного рода, если бѣгство дѣйствительно усиливаетъ страхъ, а слезы увеличиваютъ печаль, то причины этихъ явленій не физіологическія, а психологическія: съ бѣгствомъ соединяется невольная мысль объ опасности; слезы напоминаютъ и поддерживаютъ вызвавшія ихъ грустныя представленія. Наконецъ, въ третьихъ,—и это, можетъ быть, самое важное,—теорія Ланге-Джемса *не совсѣмъ подтверждается экспериментальными изслѣдованіями*. Если бы чувствованія были слѣдствіемъ измѣненій кровообращенія, дыханія, сердцебіенія, и т. д., и совпадали съ органическими ощущеніями, то эти физіологическія перемѣны должны были бы имъ *предшествовать;* между тѣмъ, экспериментальныя данныя показываютъ скорѣе *обратное*. Такъ, датскій психофизіологъ Леманъ констатировалъ, что пріемъ хинина вызываетъ чувство неудовольствія значительно раньше, чѣмъ наступаютъ

измѣненія въ кровеносныхъ сосудахъ. При испугѣ тотчасъ же слѣдуетъ дрожь, какъ физіологическій рефлексъ внѣшняго раздраженія; но лишь нѣсколько секундъ спустя начинается уменьшеніе объема кровеносныхъ сосудовъ, выражающееся въ блѣдности. При боли отъ легкаго ожога наибольшія перемѣны въ кровообращеніи и пульсѣ наблюдаются уже послѣ прекращенія страданія. Эти и другіе подобные имъ факты опровергаютъ всякую попытку отождествить чувствованія съ органическими ощущеніями и подтверждаютъ обычный взглядъ, что тѣлесныя измѣненія при эмоціяхъ служатъ не причинами, а только выраженіями ихъ.

Все, что можно допустить на основаніи тѣсной связи чувствованій съ органическими состояніями, сводится—не къ тожеству ихъ, а—къ ихъ взаимной *зависимости*. Возникая послѣ первоначальнаго чувствованія, органическія ощущенія потомъ до извѣстной степени сами входятъ въ его составъ и, осложняя его своимъ эмоціональнымъ тономъ, даютъ ему болѣе сильный, глубокій и страстный характеръ. Но при всемъ этомъ остается безспорнымъ тотъ фактъ, что главными и непосредственными источниками чувствованій служатъ иныя состоянія сознанія,—объективныя воспріятія, представленія и идеи.

РЕЗЮМЭ.

I.—Кромѣ качества и интенсивности, ощущенія имѣютъ еще *эмоціональный тонъ*, т. е. сопровождаются чувствованіями *удовольствія* и *страданія*. Однако эти чувствованія не составляютъ ихъ свойства, а скорѣе являются свойствами цѣлаго сознанія. Кромѣ ощущеній, они соединяются съ представленіями и идеями и потому могутъ быть раздѣлены на три группы: 1) *физическія*, 2) *репрезентативныя* и 3) *идейныя*.

II.—Физическія чувствованія, какъ и чувствованія вообще, *относительны*. Одно и то же ощущеніе бываетъ то пріятно, то непріятно, смотря по его отношенію къ другимъ ощущеніямъ и къ нашему личному благосостоянію.

III.—Основной законъ физическихъ чувствованій слѣдующій: „*Всѣ*

ощущенія, содѣйствующія нашему благосостоянію и соотвѣтствующія нормальнымъ отправленіямъ нашего организма или, по крайней мѣрѣ, того органа, съ которымъ они связаны, бываютъ пріятны, а всѣ ощущенія противорѣчащія нашему благосостоянію или нарушающія наши нормальныя функціи,—непріятны". Этотъ законъ находится въ согласіи съ ученіемъ Аристотеля о природѣ удовольствія и страданія, и противорѣчитъ ученію Эпикура, основанному на неточномъ наблюденіи.

IV.—Новѣйшая физіологическая *теорія чувствованій Джемса-Ланге* отожествляетъ эти душевныя состоянія съ *органическими ощущеніями* и видитъ ихъ причину въ тѣхъ рефлекторныхъ измѣненіяхъ кровообращенія, дыханія, сердцебіенія, выдѣленія железъ, питанія и мышечной дѣятельности, которыя обыкновенно называются „выраженіями чувствъ".

V.—Противъ этой теоріи нужно возразить слѣдующее. 1) Она *противорѣчитъ даннымъ самонаблюденія*, которое никогда не смѣшиваетъ эмоцій нравственнаго порядка съ ощущеніями тѣлесныхъ перемѣнъ. 2) Она *опирается на недостаточно убѣдительные факты*: всюду, гдѣ чувствованія обусловливаются, повидимому, исключительно физіологическими причинами, на самомъ дѣлѣ въ ихъ основѣ лежатъ психическія состоянія, — объективныя ощущенія, представленія и идеи. Наконецъ, 3) она *не подтверждается экспериментальными изслѣдованіями*, которыя показываютъ, что тѣлесныя измѣненія не предшествуютъ эмоціямъ, а слѣдуютъ за ними. Между органическими ощущеніями и чувствованіями можно признать взаимную зависимость, но нельзя допустить ихъ тожества.

Литература.

Спенсеръ, Основанія психологіи, I.—**Бэнъ*, Психологія (II).—*Маудсли*, Физіологія и патологія души —*Вундтъ*, Физіологическая психологія, I—II.—*Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (2 изд.).—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—*Цигенъ*, Физіологическая психологія.—**Гефдингъ*, Очерки психологіи.—**Джемсъ*, Психологія.—**Ланге*, Душевныя движенія.—*Тиченеръ*, Очерки психологіи.—**Рибо*, Психологія чувствъ.—*Фулье*, Страданіе и удовольствіе.—*Дарвинъ*, О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ.—*Моссо*, Усталость.—*Моссо*, Страхъ.—*Бинэ и Анри*, Умственное утомленіе.—*Гротъ*, Психологія чувствованій.—*Снегиревъ*, Психологія.—*Сикорскій*, Всеобщая психологія.—*Лосскій*, Недомолвки въ теоріи эмоцій Джемса (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 57).—*Виноградовъ*, Теорія эмоцій Джемса-Ланге (*Тамъ же*, кн. 69).

ГЛАВА VII.

Воспріятія [1]).

I. Ощущенія и воспріятія.—II. Воспріятіе собственнаго тѣла.—III. Образованіе мускульно-осязательнаго и зрительнаго „атласа“.—IV. Воспріятіе внѣшнихъ вещей.—V. Воспріятіе пространственныхъ отношеній.—VI. Пространственныя воспріятія у дѣтей и оперированныхъ слѣпорожденныхъ.—VII. Эмпирическая теорія воспріятія пространства.

I. Ощущенія и воспріятія.—Ощущеніе есть простой субъективный элементъ; оно выражается въ какомъ-нибудь одномъ качествѣ и есть такое-же внутреннее состояніе сознанія, какъ любое представленіе или мысль. Но въ такомъ видѣ ощущенія, собственно говоря, суть только психологическія абстракціи. Такъ разсматриваетъ ихъ психологъ, когда онъ отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга и изучаетъ помимо ихъ конкретныхъ соотношеній, подобно тому, какъ это дѣлаетъ химикъ, выдѣляя изъ сложнаго соединенія какой-нибудь простой химическій элементъ. Въ дѣйствительности ощущенія всегда являются намъ сложными группами и воспринимаются нами не въ самомъ сознаніи, а за его предѣлами, на периферіи тѣла или даже во внѣшнемъ мірѣ, въ видѣ вещей и объективныхъ качествъ. Если вы, наприм., прикоснетесь пальцемъ къ своей щекѣ, то вы не только испытываете опредѣленное осязательное ощущеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуете движенія руки, головы и туловища, переносите всѣ

---

[1]) *Ред.*

эти ощущенія за предѣлы сознанія и локализируете ихъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ вашего тѣла. Если мы видимъ предъ собой яблоко, то мы имѣемъ цѣлую совокупность ощущеній цвѣта, формы, величины и запаха, съ которыми ассоціируются представленія объ извѣстномъ вкусѣ и извѣстныхъ осязательныхъ качествахъ; всѣ эти ощущенія мы проэцируемъ внѣ себя, объективируемъ, т. е. разсматриваемъ какъ свойства внѣшняго предмета, который мы называемъ яблокомъ, и локализируемъ въ томъ мѣстѣ окружающаго пространства, гдѣ лежитъ это яблоко. Такія *группы ощущеній, проэцированныхъ, объективированныхъ и локализированныхъ за предѣлами сознанія*, называются *воспріятіями*.

Почему ощущенія отчуждаются сознаніемъ, переносятся за его предѣлы и разсматриваются какъ вещи или свойства вещей, эта проблема уже не принадлежитъ къ области аффективной психологіи. Проэкція и объективація состояній сознанія основываются на своеобразномъ актѣ рефлексіи и будутъ разсмотрѣны нами ниже, когда мы будемъ говорить объ образованіи идеи внѣшняго міра [1]). Принимая внѣшнее воспріятіе по существу не какъ проблему, а какъ фактъ, мы попытаемся изучить здѣсь только *его элементы и тѣ соотношенія, въ какихъ они локализируются*.

Смотря по тому, гдѣ локализируются ощущенія, на поверхности нашего тѣла или во внѣшнемъ мірѣ, мы имѣемъ двѣ общихъ формы внѣшняго воспріятія,—воспріятіе *собственнаго тѣла* и воспріятіе окружающихъ *вещей и пространственныхъ отношеній*. Изъ какихъ же психологическихъ элементовъ слагается то и другое и чѣмъ психологически обусловливается ихъ локализація?

---

[1]) Гл. XXII.

II. Воспріятіе собственнаго тѣла.—Воспріятіе нашего тѣла слагается прежде всего изъ совокупности разнообразныхъ *осязательныхъ* ощущеній. Прикосновеніе къ каждому пункту кожи даетъ намъ ощущеніе давленія, которое по качеству и силѣ болѣе или менѣе различается отъ ощущеній другихъ ея частей. Наприм., прикосновеніе пальца къ щекѣ тотчасъ-же вызываетъ соотвѣтствующее осязательное ощущеніе и притомъ чувствуется иначе, чѣмъ прикосновеніе ко лбу или къ рукѣ. Но, спрашивается, почему эти ощущенія всегда относятся нами къ опредѣленнымъ мѣстамъ? Почему прикосновеніе къ щекѣ ощущается именно на щекѣ, а не въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ? Почему перо, которымъ я пишу, чувствуется въ концахъ моихъ пальцевъ, а полъ, котораго касаются мои ноги,—въ ногахъ?

Нѣкоторые психологи держатся того взгляда, что локализація осязательныхъ ощущеній основывается именно на ихъ *качественныхъ* и *количественныхъ* различіяхъ: своеобразныя качественныя особенности и различная сила этихъ ощущеній, будто-бы, уже сами по себѣ свидѣтельствуютъ о мѣстѣ ихъ происхожденія, сообщаютъ имъ особый „*мѣстный знакъ*“. Однако, эта теорія не рѣшаетъ вопроса. Во первыхъ, качественныя или количественныя особенности осязательныхъ ощущеній и ихъ „мѣстные знаки“ суть двѣ разныя вещи. Ощущенія отдѣльныхъ частей кожи могутъ быть очень различны между собой, но это еще не дѣлаетъ для насъ понятнымъ, почему они всегда пріурочиваются къ опредѣленнымъ мѣстамъ и безошибочно локализируются въ нихъ. Во вторыхъ, если ощущенія различныхъ частей тѣла въ каждой его половинѣ дѣйствительно отличаются другъ отъ друга, то ощущенія въ одинаковыхъ мѣстахъ съ той и другой его стороны не имѣютъ никакихъ замѣтныхъ различій. Наприм., прикосновеніе къ правой щекѣ ничѣмъ, повидимому,

не различается отъ прикосновенія къ такому-же мѣсту лѣвой щеки. Между тѣмъ, мы никогда не смѣшиваемъ такихъ сходныхъ ощущеній и прикосновеніе къ правой щекѣ всегда локализируемъ именно въ правой щекѣ, а не въ лѣвой. Очевидно, мѣстные знаки осязательныхъ ощущеній обусловливаются не качественными или количественными особенностями ихъ, а чѣмъ-то другимъ.

Нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ проливаетъ наблюденіе надъ паралитиками, сдѣланное еще въ XVIII столѣтіи докторомъ Рей Рэжи (Rey Régis) въ Монпелье и повторенное много разъ позднѣе. Субъектъ, страдавшій гемиплегіей (одностороннимъ параличемъ), оставался нечувствительнымъ къ уколамъ въ тѣхъ частяхъ тѣла, которыми онъ не могъ двигать, если при этомъ у него были завязаны глаза; но онъ чувствовалъ эти уколы и совершенно правильно локализировалъ ихъ, когда онъ ихъ видѣлъ. Анализируемъ этотъ любопытный фактъ. Если паралитикъ не можетъ различать и локализировать осязательныя ощущенія въ тѣхъ частяхъ своего тѣла, которыхъ онъ не видитъ, то, спрашивается, почему можемъ дѣлать это мы, здоровые люди? Очевидно, потому, что мы обладаемъ тѣмъ, чего не достаетъ паралитику,—способностью движенія и мускульнаго чувства,—другими словами, потому, что съ осязательными ощущеніями у насъ ассоціируются мускульныя. Съ другой стороны, почему паралитикъ можетъ локализировать осязательныя ощущенія даже въ неподвижныхъ частяхъ своего тѣла, если онъ видитъ, какъ ему дѣлаютъ уколы? Безъ сомнѣнія, потому, что въ этомъ случаѣ съ осязательными ощущеніями у него ассоціируются зрительныя. Отсюда слѣдуетъ прямой выводъ, что локализація осязательныхъ ощущеній обусловливается *мускульными* и *зрительными* ощущеніями: ассоіируясь съ элементами осязанія, эти ощущенія опредѣляютъ

ихъ мѣсто на поверхности тѣла, т. е. сообщаютъ имъ тотъ „мѣстный знакъ“, который безуспѣшно ищутъ въ ихъ качественныхъ особенностяхъ; какъ это происходитъ, мы сейчасъ увидимъ.

Итакъ, воспріятіе нашего тѣла, не смотря на его кажущуюся простоту, слагается изъ трехъ группъ ощущеній: *осязательныхъ, мускульныхъ и зрительныхъ*. Осязательныя ощущенія всегда локализируются на периферіи, но ихъ локализація объясняется только ихъ тѣсною связью съ мускульными и зрительными элементами.

III. Образованіе мускульно-осязательнаго и зрительнаго „атласа“.—Если осязательныя ощущенія локализируются на поверхности кожи лишь при помощи зрѣнія и мускульнаго чувства, то воспріятіе нашего тѣла, очевидно, не можетъ быть прирожденнымъ: оно образуется постепенно, въ теченіе извѣстнаго времени, хотя и очень короткаго, начиная съ перваго момента жизни ребенка. Который изъ двухъ элементовъ, обусловливающихъ локализацію осязанія, болѣе первоначаленъ и болѣе важенъ,—мускульное чувство или зрѣніе,—это нетрудно рѣшить. Слѣпорожденные не имѣютъ зрительнаго представленія о своемъ тѣлѣ, однако они совершенно точно локализируютъ свои осязательныя ощущенія. Отсюда ясно, что *мускульное чувство* есть первоначальный и основной факторъ осязательной локализаціи.

Въ самомъ дѣлѣ, всякое осязательное ощущеніе уже непосредственно вызываетъ мѣстную мускульную реакцію. Раздраженіе осязательнаго нерва, достигая мозга, рефлекторно передается смежному двигательному нерву и обусловливаетъ сокращеніе мышцъ въ томъ самомъ мѣстѣ периферіи тѣла, откуда оно выходитъ. Прикосновеніе къ щекѣ сопровождается рефлекторнымъ сокращеніемъ личныхъ мускуловъ; прикосновеніе къ рукѣ или ногѣ соединяется съ сокращеніемъ мѣст-

ныхъ мускуловъ этихъ органовъ. Съ другой стороны, всякое сильное осязательное ощущеніе вызываетъ движеніе рукъ въ направленіи къ тому предмету, который служитъ его причиной: ребенокъ инстинктивно ощупываетъ и этотъ предметъ, и ту часть своего тѣла, которой онъ касается. Мускульныя ощущенія, сопровождающія рефлекторное сокращеніе мѣстныхъ мышцъ и движеніе рукъ въ соотвѣтствующую сторону, ассоціируются съ элементами осязанія и указываютъ ихъ мѣсто на периферіи тѣла. Какъ скоро устанавливается эта ассоціація, она уже прочно сохраняется въ памяти. Осязательныя и мускульныя *ощущенія* превращаются въ систему соотвѣтствующихъ *представленій*, которыя опредѣляютъ границы тѣла и позволяютъ намъ безошибочно локализировать каждое новое осязательное ощущеніе: изъ нихъ образуется въ сознаніи то, что Тэнъ называетъ *осязательно-мускульной картой или атласомъ* нашего тѣла.

Уже сравнительно позднѣе возникаетъ система *зрительныхъ* представленій о тѣлѣ. Когда ребенокъ научается при помощи мускульнаго чувства опредѣлять мѣста своихъ осязательныхъ ощущеній, онъ поворачиваетъ голову въ ихъ сторону и останавливаетъ свой взоръ на тѣхъ частяхъ тѣла, въ которыхъ эти ощущенія локализированы. Благодаря этому съ осязательно-мускульными ощущеніями у него ассоціируются, съ одной стороны, новая группа мускульныхъ ощущеній, соотвѣтствующихъ движеніямъ головы и глазъ, съ другой, опредѣленныя зрительныя ощущенія и представленія. Ребенокъ видитъ тѣ мѣста тѣла, которыхъ касается предметъ, и, запоминая эти мѣста, представляетъ ихъ потомъ всякій разъ, когда повторяется то-же самое осязательное ощущеніе. Такимъ образомъ, на почвѣ мускульно-осязательнаго „атласа“ у него создается *зрительный атласъ* тѣла, который является дополненіемъ и объясненіемъ перваго.

Оба атласа, мускульно-осязательный и зрительный, вполнѣ совпадаютъ другъ съ другомъ и сливаются въ сознаніи въ одно *цѣлое*. Ощущая прикосновеніе предмета къ какой-нибудь части тѣла, мы не только чувствуемъ связанную съ этимъ ощущеніемъ систему движеній, но и неизбѣжно видимъ, въ дѣйствительности или въ воображеніи, то мѣсто, въ которомъ оно локализируется. Прикосновеніе къ рукѣ вызываетъ у насъ зрительный образъ руки; прикосновеніе къ ногѣ заставляетъ насъ тотчасъ же представлять эту ногу. Ассоціація мускульныхъ и зрительныхъ представленій съ элементами осязанія становится настолько привычной, что продолжается даже въ томъ случаѣ, когда органъ, къ которому обыкновенно относится осязательное ощущеніе, уже утраченъ. Какъ извѣстно, ампутированные локализируютъ свои осязательныя ощущенія въ потерянныхъ частяхъ тѣла. Они чувствуютъ ревматическія боли въ отрѣзанной ногѣ, холодъ въ пальцахъ отрѣзанной руки, движенія въ томъ отсутствующемъ членѣ, которымъ они хотятъ двигать, и т. под. Эти своеобразныя иллюзіи были бы, конечно, необъяснимы, если-бы локализація была свойствомъ самихъ осязательныхъ ощущеній: периферическое ощущеніе само по себѣ не можетъ локализироваться тамъ, гдѣ его нѣтъ. Такая иллюзорная локализація возможна лишь въ томъ случаѣ, если она имѣетъ центральное происхожденіе, т. е. обусловливается ощущеніями и представленіями, идущими изъ области мозга и сознанія. Какъ мы сказали, осязательное впечатлѣніе, достигая мозга, рефлекторно раздражаетъ смежные двигательные нервы и обусловливаетъ сокращеніе соотвѣтствующихъ мускуловъ. Хотя-бы периферическія окончанія этихъ нервовъ и были уничтожены, но ихъ центральное раздраженіе остается такимъ же, какъ и прежде, т. е. вызываетъ тѣ же двигательныя ощущенія, которыя сознаніе привыкло относить къ мускуламъ потерянаго члена.

Сюда присоединяется группа другихъ мускульныхъ ощущеній, связанныхъ съ движеніями головы, глазъ и рукъ (если послѣднія цѣлы) и вполнѣ соотвѣтствующихъ нормальной локализаціи осязательнаго впечатлѣнія. Наконецъ, со всѣми этими ощущеніями ассоціируется привычное зрительное представленіе того самаго члена, въ которомъ они обыкновенно локализируются. Такимъ образомъ, всѣ элементы обычной локализаціи остаются на лицо, и вотъ причина, почему ампутированный локализируетъ свои осязательныя ощущенія въ органѣ, котораго уже не существуетъ.

IV. Воспріятіе внѣшнихъ вещей.—Каковы дѣйствительныя свойства вещей и въ какой мѣрѣ они соотвѣтствуютъ нашимъ субъективнымъ воспріятіямъ, это вопросъ теоріи познанія и метафизики,—вопросъ, быть можетъ, совершенно неразрѣшимый. Все, что мы знаемъ о нихъ, сводится къ совокупности тѣхъ ощущеній, которыя вызываются ими въ нашемъ сознаніи и которыя въ свою очередь переносятся нами на вещи. Другими словами, извѣстныя намъ качества внѣшнихъ вещей суть качества нашихъ ощущеній, объективированныя и локализированныя за предѣлами сознанія.

Въ воспріятіи качествъ вещей участвуютъ всѣ наши внѣшнія чувства. Зрѣніе показываетъ намъ цвѣтъ предметовъ; слухъ даетъ намъ понятіе о звукахъ, которые отъ нихъ исходятъ и въ которыхъ выражаются ихъ состоянія и взаимныя отношенія; осязаніе опредѣляетъ для насъ свойства ихъ поверхности,—ихъ мягкость, твердость, гладкость, шероховатость, холодъ, теплоту; связанное съ осязаніемъ мускульное чувство показываетъ намъ ихъ вѣсъ, ихъ упругость, ихъ формы, размѣры и разстоянія; наконецъ, обоняніе и вкусъ знакомятъ насъ съ свойственными имъ запахами и вкусовыми особенностями. Но какъ локализируются эти субъективныя качества? Всѣ ли внѣшнія чувства обладаютъ способностію

распознавать тѣ вещи, къ которымъ относятся наши ощущенія, и опредѣлять ихъ мѣсто въ пространствѣ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Вкусъ можетъ локализировать свои ощущенія лишь тогда, когда вкусовыя вещества, попадая въ полость рта, производятъ давленіе на кожу и вызываютъ соотвѣтствующія мускульно-осязательныя впечатлѣнія. Обоняніе можетъ найти источникъ запаха лишь въ томъ случаѣ, когда его откроетъ зрѣніе. Слухъ, быть можетъ, способенъ опредѣлить самъ по себѣ общее направленіе звука, но предметы, которыми производится этотъ звукъ, и ихъ точное мѣсто въ пространствѣ указываются ему только зрѣніемъ, осязаніемъ и мускульнымъ чувствомъ. Такимъ образомъ, качества вещей даются или открываются всѣми внѣшними чувствами, но локализація этихъ качествъ въ пространствѣ обусловливается лишь *зрительными* и *мускульно-осязательными* ощущеніями.

V. Воспріятіе пространственныхъ отношеній. — Локализируя ощущаемыя нами качества вещей въ пространствѣ, мы въ свою очередь воспринимаемъ ихъ въ *пространственныхъ* формахъ и отношеніяхъ. Окружающіе насъ предметы имѣютъ не только цвѣтъ, вкусъ, запахъ и проч.: они бываютъ плоскими или круглыми, широкими или узкими, длинными или короткими, отдаленными или близкими.

Какъ извѣстно, пространственныя формы и отношенія имѣютъ *три геометрическихъ измѣренія:* длину, ширину и глубину. Первыя два измѣренія воспринимаются нами въ видѣ *плоскости*, а третье въ видѣ *разстоянія* или *перспективы*. Какъ образуются у насъ эти пространственныя воспріятія?

Этотъ вопросъ породилъ цѣлый рядъ теорій, которыя дѣлятся на двѣ общихъ группы, извѣстныхъ подъ названіемъ *нативизма* и *эмпиризма*. *Нативисты* (Герингъ, Штумпфъ, Джемсъ) разсматриваютъ воспріятіе пространства, какъ

врожденную функцію сознанія и органовъ чувствъ. По ихъ мнѣнію, пространственность есть неизбѣжное *свойство* зрительныхъ, осязательныхъ и отчасти другихъ ощущеній,—такое же свойство, какъ ощущаемыя нами качества: цвѣтъ, запахъ, вкусъ и проч. Цвѣтъ мы не можемъ воспринимать иначе, какъ въ видѣ цвѣтной плоскости, лежащей на извѣстномъ разстояніи отъ нашихъ глазъ; осязаемая нами поверхность предмета не можетъ представляться намъ иначе, какъ въ формѣ пространственной поверхности, имѣющей извѣстную длину, ширину и глубину. Человѣкъ приноситъ съ собою на свѣтъ готовый физіологическій аппаратъ для ощущеній и движеній; онъ отъ природы обладаетъ способностью поворачивать глаза къ предметамъ, координировать ихъ движенія и приспособлять ихъ къ разстояніямъ. А это показываетъ, что онъ отъ природы способенъ различать всѣ пространственныя формы и отношенія. Такимъ образомъ, воспріятіе пространства, по воззрѣнію нативистовъ, есть неотдѣлимый элементъ ощущеній и основывается на прирожденномъ физіологическомъ механизмѣ; пространство дано намъ въ полномъ видѣ, со всѣми тремя измѣреніями, уже въ тотъ моментъ, когда мы въ первый разъ видимъ открывающуюся передъ нами дѣйствительность и осязаемъ окружающія насъ вещи. Въ противоположность этому приверженцы *эмпирической* или *генетической* теоріи (Бэркли, Милль, Бэнъ, Спенсеръ, Лотце, Вундтъ, Гельмгольцъ) утверждаютъ, что воспріятіе пространства *образуется путемъ опыта и развивается постепенно.* Пространство вовсе не есть врожденное свойство ощущеній, а только *форма внѣшняго воспріятія ихъ*, основанная на ихъ проэкціи и локализаціи. Вѣдь ощущенія суть явленія сознанія, а явленія сознанія тѣмъ именно и различаются отъ матеріальныхъ вещей, что они не пространственны. Конечно, цвѣтъ и осязательныя

качества мы не можемъ воспринимать иначе, какъ въ формѣ плоскости, удаленной отъ насъ на извѣстное разстояніе; но это лишь потому, что мы переносимъ ихъ за предѣлы сознанія и разсматриваемъ какъ свойства пространственныхъ вещей. Другими словами, пространственная форма этихъ ощущеній обусловливается только тѣмъ, что мы ихъ локализируемъ въ пространствѣ. Обладаемъ ли мы отъ природы готовымъ физіологическимъ аппаратомъ для воспріятія пространственныхъ отношеній? Также нѣтъ. Мы обладаемъ только задатками этого аппарата, а его выработка, развитіе и функціи обусловливаются уже опытомъ. Но если пространство не можетъ быть ни врожденнымъ свойствомъ ощущеній, ни результатомъ врожденнаго физіологическаго механизма, то невозможно утверждать и того, что оно воспринимается нами со всѣми тремя измѣреніями въ первый же моментъ нашей жизни, съ первымъ актомъ осязанія или зрѣнія. Пространственныя воспріятія, какъ и всякія другія, возникаютъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ мы привыкаемъ локализировать наши ощущенія и научаемся измѣрять окружающіе насъ предметы. Сначала, путемъ неоднократнаго ощупыванія и разглядыванія этихъ предметовъ, образуется воспріятіе плоскости съ ея двумя измѣреніями, длиной и шириной; затѣмъ, благодаря соединенію осязательныхъ и зрительныхъ ощущеній съ движеніями, возникаетъ воспріятіе третьяго измѣренія,—разстоянія или глубины.

Которая изъ этихъ двухъ теорій болѣе справедлива? Чтобы отвѣтить на данный вопросъ, нужно обратиться къ фактамъ.

VI. Пространственныя воспріятія у дѣтей и оперированныхъ слѣпорожденныхъ.—Если нативисты держатся мнѣнія, что воспріятіе пространства врожденно, а эмпиристы утверждаютъ, что оно образуется путемъ опыта, то лучшимъ средствомъ рѣшить ихъ споръ будетъ изслѣдовать

пространственныя воспріятія у людей, только что начинающихъ познавать окружающій міръ, т. е. у новорожденныхъ *дѣтей* и у *слѣпорожденныхъ*, вновь получившихъ зрѣніе благодаря операціи. Такія изслѣдованія были производимы не разъ, и нетрудно видѣть, что ихъ результаты говорятъ безусловно въ пользу эмпиризма.

По наблюденіямъ нѣмецкаго физіолога Прейера, *ребенокъ* имѣетъ осязательныя ощущенія и зачатки зрительныхъ уже съ самаго момента рожденія; но воспріятіе пространственныхъ отношеній у него сначала, повидимому, совершенно отсутствуетъ, а затѣмъ остается очень несовершеннымъ вплоть до *третьяго* года жизни. При ударѣ новорожденный чувствуетъ боль и выражаетъ ее крикомъ, но онъ не имѣетъ никакого понятія ни о мѣстѣ удара, ни о его причинѣ. Другими словами, онъ *не локализируетъ своихъ ощущеній ни на периферіи тѣла, ни во внѣшнемъ мірѣ*. Та и другая форма локализаціи образуется у него постепенно, вмѣстѣ съ накопленіемъ впечатлѣній и развитіемъ движеній. Смутное воспріятіе тѣхъ частей тѣла, къ которымъ прикасается предметъ, появляется у ребенка сравнительно рано,—быть можетъ, даже въ теченіе первыхъ-же дней жизни; но первое *осязательное* воспріятіе *разстоянія* вещей возникаетъ не ранѣе четырехъ или пяти мѣсяцевъ, потому что первое сознательное движеніе рукъ къ предмету замѣчается у него приблизительно лишь на 18 недѣлѣ. Подобнымъ же образомъ развивается и *зрительное* воспріятіе пространства. Первоначальныя зрительныя ощущенія у новорожденнаго состоятъ только въ различеніи *свѣта* и *темноты*. Затѣмъ ребенокъ начинаетъ различать нѣкоторые *цвѣта* и, слѣдовательно, получаетъ первое смутное представленіе о *плоскости;* но въ это время онъ еще ничего не знаетъ ни о *формѣ* предметовъ, ни о ихъ *разстояніи*. Въ теченіе перваго мѣ-

сяца, а можетъ быть и далѣе, всѣ предметы кажутся ему плоскими и онъ, повидимому, ощущаетъ ихъ не въ окружающемъ пространствѣ, а *на поверхности глазъ*. Даже на 17 недѣлѣ ребенокъ старается подносить случайно схваченные предметы къ самымъ глазамъ. Вопреки мнѣнію нативистовъ, *движенія глазъ* у новорожденнаго не координированы и не симметричны: онъ не умѣетъ ни направлять оба глаза вмѣстѣ на предметъ, ни приспособлять свое зрѣніе къ разстоянію. Если у него иногда и можно замѣтить координированныя движенія глазъ, то это случайныя явленія. Но всего любопытнѣе тотъ фактъ, что ребенокъ не имѣетъ точнаго воспріятія разстоянія даже тогда, когда механизмъ координаціи движеній глазъ и аккоммодаціи у него уже вполнѣ сложился. Ребенокъ можетъ совершенно ясно видѣть предметы, удаленные отъ глазъ на различное разстояніе; но онъ не только не знаетъ, какъ различно это разстояніе, но не имѣетъ понятія даже о томъ, что оно вообще *различно*. Онъ пріучается распознавать разстоянія при помощи движеній тѣла и рукъ по направленію къ предметамъ; но насколько медленно образуется у него эта привычка, можно судить по тому, что еще на второмъ и даже на третьемъ году онъ пытается хватать вещи, которыя находятся отъ него очень далеко.

Слѣпорожденные имѣютъ то преимущество предъ дѣтьми, что въ моментъ возвращенія зрѣнія они обладаютъ уже готовымъ *осязательнымъ* воспріятіемъ пространства; кромѣ того они не такъ абсолютно слѣпы, какъ это можно думать, и обыкновенно сохраняютъ способность различать свѣтъ и темноту. Тѣмъ не менѣе образованіе и развитіе *зрительныхъ* представленій о пространствѣ у нихъ, повидимому, таково-же, какъ и у дѣтей. Слѣпорожденный, которому англійскій окулистъ Чесльденъ снялъ съ обоихъ глазъ катаракту (1728),

сначала не могъ различать ни *формы*, ни *разстоянія* предметовъ. Ему казалось, что всѣ видимыя имъ вещи *касались его глазъ*, подобно тому, какъ онѣ касались его рукъ, когда онъ ихъ осязалъ. Онѣ поражали его своими необыкновенными размѣрами, и ихъ длина и ширина выяснялась для него только тогда, когда онъ сравнивалъ ихъ съ другими, бо́льшими или меньшими вещами. Такимъ образомъ, онъ не только *не имѣлъ никакого понятія о третьемъ измѣреніи пространства*, но даже очень плохо воспринималъ первое и второе. Слѣпорожденному, оперированному Францемъ (1841), всѣ предметы казались *плоскими:* кубъ онъ принималъ за квадратъ, шаръ за кругъ, пирамиду за треугольникъ. Онъ видѣлъ вещи такъ близко отъ себя, что иногда боялся натолкнуться на нихъ, хотя въ дѣйствительности онѣ находились очень далеко. При этомъ онѣ представлялись ему гораздо больше, чѣмъ онъ думалъ, основываясь на данныхъ осязанія. Когда онъ хотѣлъ издали опредѣлить разстояніе предмета, онъ разсматривалъ его съ различныхъ сторонъ, поворачивая голову вправо и влѣво. Тѣ-же самыя явленія наблюдались и у другихъ оперированныхъ слѣпорожденныхъ.

Какъ показываетъ случай Чесльдена, слѣпорожденному кажется, что первые видимые имъ предметы касаются его глазъ. Какъ нужно понимать этотъ странный фактъ? Нѣкоторые думаютъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло только съ неточнымъ способомъ выраженія. Слѣпорожденные могутъ пользоваться только однимъ извѣстнымъ имъ языкомъ,—языкомъ осязанія, и заявляя, что предметы „касаются“ ихъ глазъ, хотятъ сказать этимъ, будто-бы, лишь то, что предметы производятъ впечатлѣнія на ихъ глаза. Если даже согласиться съ такимъ толкованіемъ, то все-таки остается сомнительнымъ, чтобы слѣпорожденные ясно воспринимали различія въ раз-

стояніи предметовъ: если бы одни предметы представлялись имъ ближе, а другіе дальше, то слѣпорожденные едва ли могли бы выражать всѣ свои зрительныя впечатлѣнія однимъ и тѣмъ же безразличнымъ терминомъ: „касаются глазъ“. Но, повидимому, это выраженіе нужно понимать *буквально:* оперированные слѣпорожденные, какъ и дѣти, локализируютъ свои первоначальныя зрительныя ощущенія не во внѣшнемъ мірѣ, а на поверхности глазъ, и имъ на самомъ дѣлѣ свойственна иллюзія, что видимые предметы соприкасаются съ ихъ глазами. На это указываетъ не только опредѣленность ихъ заявленій, но и то обстоятельство, что они иногда подносятъ руки къ глазамъ, желая защитить ихъ отъ видимыхъ ими вещей. Такъ, въ одномъ случаѣ, сообщенномъ еще старинnымъ окулистомъ Ноннели, слѣпорожденный, которому казалось, что предметы прикасались къ его глазамъ, ходилъ, закрывая глаза руками, изъ предосторожности, чтобы эти предметы не поранили ихъ.

VII. Эмпирическая теорія воспріятія пространства.— Итакъ, факты безусловно доказываютъ, что воспріятіе пространства не врожденно, а возникаетъ постепенно на основаніи опыта. Какъ же мы должны представлять себѣ процессъ его образованія? Мы видѣли, что воспріятіе нашего тѣла есть результатъ ассоціаціи осязательныхъ, мускульныхъ и зрительныхъ ощущеній. Каждое осязательное ощущеніе сопровождается, съ одной стороны, сокращеніемъ мѣстныхъ периферическихъ мышцъ и движеніями рукъ, головы и глазъ, которыя даютъ ему своего рода „мѣстный знакъ“ и опредѣляютъ его положеніе на поверхности тѣла, съ другой—зрительными ощущеніями, которыя помогаютъ запомнить и представить мѣсто его локализаціи. Воспріятіе внѣшняго пространства образуется, безъ сомнѣнія, по тѣмъ же самымъ законамъ, только съ тою существенной разницей, что у зрячихъ его основнымъ

элементомъ являются не осязательныя, а *зрительныя* ощущенія. Мускульно-осязательныя ощущенія сначала воспринимаются ребенкомъ не какъ свойства внѣшнихъ вещей, а лишь какъ состоянія его собственнаго тѣла; они объективируются и становятся условіемъ развитія пространственныхъ представленій только тогда, когда ребенокъ видитъ соотвѣтствующіе имъ предметы. Такимъ образомъ, если воспріятіе собственнаго тѣла начинается мускульно-осязательными ощущеніями и дополняется зрительными, то воспріятіе внѣшняго пространства, наоборотъ, *начинается зрительными ощущеніями и дополняется мускульно-осязательными.*

Какъ мы знаемъ, первоначальныя *зрительныя ощущенія* у ребенка состоятъ только въ различеніи свѣта и темноты. Они представляютъ собой хаотическую массу одновременныхъ и послѣдовательныхъ субъективныхъ впечатлѣній, которыя еще не имѣютъ никакой пространственной формы. Но мало по малу эта хаотическая масса впечатлѣній начинаетъ дифференцироваться и приходить въ порядокъ; общее ощущеніе свѣта разлагается на ощущенія цвѣтовыхъ лучей; ребенокъ различаетъ краски и вмѣстѣ съ ними получаетъ первое пространственное воспріятіе въ видѣ *цвѣтной плоскости.* Однако, это первое пространственное воспріятіе еще смутно и безформенно. Видимыя ребенкомъ краски не имѣютъ еще ни границъ, ни формы, ни разстоянія; онъ локализируетъ ихъ не въ отдаленіи, а на поверхности своихъ глазъ, подобно осязательнымъ ощущеніямъ. Чтобы найти границы видимой имъ цвѣтной плоскости и опредѣлить разстояніе ея частей отъ глазъ, онъ долженъ ее измѣрить; а измѣрить ее онъ можетъ только посредствомъ *движеній.* Первоначально въ распоряженіи ребенка находится только одинъ родъ движеній,—*движенія глазъ.* Некоординированныя и несимметричныя, эти движенія постепенно примѣняются къ

условіямъ зрѣнія. Ребенокъ научается поворачивать оба глаза вправо и влѣво, вверхъ и внизъ, внутрь и наружу; онъ невольно начинаетъ устанавливать ихъ такимъ образомъ, чтобы зрительныя оси сходились подъ извѣстнымъ угломъ, хрусталикъ приспособлялся къ разстоянію и предметъ попадалъ на самое чувствительное мѣсто сѣтчатки, „желтое пятно“. Вотъ эти-то движенія вмѣстѣ съ соотвѣтствующими имъ *мускульными ощущеніями* служатъ средствомъ, при помощи котораго ребенокъ первоначально измѣряетъ *длину*, *ширину* и *разстояніе* предметовъ. Если предметъ находится вправо, то ребенокъ долженъ повернуть глаза въ правую сторону, если же влѣво, то наоборотъ. Если предметъ великъ, то ребенокъ долженъ сдѣлать большія движенія глазами во всѣ стороны; если же малъ, то и движенія глазъ незначительны. Если предметъ близокъ, то глаза ребенка поворачиваются внутрь и хрусталикъ дѣлается болѣе выпуклымъ; если же предметъ далекъ, то глаза поворачиваются наружу и хрусталикъ становится болѣе плоскимъ. Ощущенія этихъ различныхъ движеній прочно *ассоціируются* съ *зрительными* впечатлѣніями и сообщаютъ имъ такой же „мѣстный знакъ“, какой даютъ сокращенія периферическихъ мускуловъ осязательнымъ ощущеніямъ. Смотря по направленію глазъ и по степени мускульнаго усилія, соединеннаго съ ихъ движеніемъ, ребенокъ начинаетъ опредѣлять, въ какой части поля зрѣнія находится видимый имъ предметъ, насколько удалены другъ отъ друга различныя точки его поверхности въ сравненіи съ остальными, гдѣ его границы, каковы его очертанія и формы. Однако, движенія глазъ еще не создаютъ полнаго воспріятія пространства. При помощи ихъ ребенокъ можетъ измѣрить величину предметовъ, уяснить ихъ взаимное положеніе на плоскости и отчасти различить ихъ форму, но онъ еще не имѣетъ яснаго понятія о ихъ разстояніи; онъ не локализируетъ болѣе

свои зрительныя ощущенія на поверхности глазъ, но онъ представляетъ всѣ вещи поблизости отъ себя и видитъ луну на такомъ же разстояніи, какъ и лицо стоящей передъ нимъ няньки. Ориентироваться въ разстояніи предметовъ помогаютъ ему сначала *движенія головы и рукъ*, а затѣмъ *движенія тѣла*. Считая видимый имъ предметъ очень близкимъ, ребенокъ пытается схватить его и, убѣдившись путемъ многократнаго опыта въ безуспѣшности своихъ попытокъ, приходитъ къ сознанію, что предметъ находится гораздо дальше, чѣмъ онъ думалъ. Это сознаніе получаетъ еще болѣе опредѣленную форму, когда ребенокъ начинаетъ ходить. Теперь онъ можетъ по произволу приближаться къ предметамъ и удаляться отъ нихъ, разсматривать ихъ издали и вблизи; теперь онъ можетъ путемъ тысячи маленькихъ экспериментовъ убѣдиться, что разстояніе этихъ предметовъ различно, что въ однихъ случаяхъ оно преодолѣвается скоро и легко, а въ другихъ требуютъ значительнаго времени и усилій. Вмѣстѣ съ тѣмъ ребенокъ дѣлаетъ важное открытіе, которое является послѣднимъ шагомъ въ развитіи его пространственныхъ воспріятій: онъ замѣчаетъ, что издали предметы кажутся меньшими, чѣмъ вблизи. Опираясь на это наблюденіе, онъ начинаетъ оцѣнивать разстояніе вещей уже по одному ихъ виду. Зная ихъ дѣйствительные размѣры, онъ судитъ по ихъ *видимой величинѣ* о ихъ относительной отдаленности и дополняетъ воспріятіе плоскости воспріятіемъ *перспективы*.

Такимъ образомъ, воспріятіе пространства возникаетъ благодаря *ассоціаціи зрительныхъ ощущеній съ движеніями и соотвѣтствующими мускульно-осязательными ощущеніями*. Зрѣніе даетъ намъ первое, элементарное воспріятіе *плоскости* съ двумя ея измѣреніями, длиной и шириной; движенія глазъ, головы, рукъ и тѣла, съ одной стороны, развиваютъ и уясняютъ это воспріятіе,

съ другой—дополняютъ его представленіемъ третьяго измѣренія,—*глубины* или *разстоянія* вещей.

РЕЗЮМЭ.

I. Воспріятіями называются *группы ощущеній, проэцированныхъ, объективированныхъ и локализированныхъ за предѣлами сознанія.* Ихъ можно раздѣлить на два класса: къ первому принадлежитъ воспріятіе нашего *тѣла*, ко второму—воспріятія внѣшнихъ *вещей* и *пространственныхъ отношеній.*

II.—Воспріятіе нашего *тѣла* образуется путемъ *ассоціаціи осязательныхъ, мускульныхъ и зрительныхъ ощущеній.* Основнымъ его элементомъ являются *осязательныя* ощущенія, но локализація этихъ ощущеній на поверхности тѣла обусловливается только мускульнымъ чувствомъ и зрѣніемъ.

III.—Мускульное чувство есть главный факторъ *осязательной локализаціи.* Благодаря ему, осязательныя ощущенія получаютъ *„мѣстные знаки“*, относятся къ различнымъ пунктамъ тѣлесной поверхности и превращаются въ систему соотвѣтствующихъ представленій о ней, которую вмѣстѣ съ Тэномъ можно назвать *мускульно-осязательнымъ атласомъ* тѣла. Позднѣе возникаетъ такая-же система зрительныхъ представленій о тѣлѣ, *зрительный атласъ*, который служитъ дополненіемъ и объясненіемъ мускульно-осязательнаго.

IV.—Воспріятіе *внѣшнихъ вещей* слагается изъ совокупности различныхъ ощущаемыхъ качествъ, объективированныхъ и локализированныхъ въ окружающемъ пространствѣ. Качества вещей даются всѣми внѣшними чувствами, но ихъ пространственная локализація обусловливается только *зрительными и мускульно осязательными ощущеніями.*

V.—Вопросъ о возникновеніи пространственныхъ воспріятій рѣшается двояко. По мнѣнію *нативистовъ*, воспріятіе пространства есть врожденная функція сознанія и органовъ чувствъ; по мнѣнію *эмпиристовъ*, оно есть результатъ опыта и образуется постепенно изъ взаимодѣйствія зрительныхъ и мускульно-осязательныхъ ощущеній.

VI.—Наблюденія надъ развитіемъ пространственныхъ воспріятій у *дѣтей* и *оперированныхъ слѣпорожденныхъ* говорятъ безусловно въ пользу эмпиризма. У ребенка пространственныя воспріятія, особенно воспріятіе разстоянія вещей, сначала совершенно отсутствуютъ и вполнѣ слагаются только на третьемъ году жизни. Оперирован-

ные слѣпорожденные имѣютъ смутное воспріятіе плоскости, но сначала не имѣютъ никакого представленія о разстояніи.

VII.—На основаніи этихъ наблюденій можно думать, что воспріятіе пространства возникаетъ путемъ *ассоціаціи зрительныхъ и мускульно-осязательныхъ ощущеній*. Основнымъ его элементомъ являются (у зрячихъ) *зрительныя* ощущенія, которыя даютъ намъ первое представленіе о *плоскости* съ двумя ея измѣреніями,—длиной и шириной; мускульно-осязательныя ощущенія, связанныя съ движеніями глазъ, головы, рукъ и тѣла, дополняютъ его представленіемъ третьяго измѣренія,—*глубины* или *разстоянія*.

Литература.

Лотце, Микрокозмъ, I, III.—**Лотце*, Основанія психологіи.—*Гельмгольцъ*, Популярныя рѣчи, II.—*Вундтъ*, Физіологическая психологія, II.—*Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, 2 изд.—**Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—**Прейеръ*, Душа ребенка.—*Прейеръ*, Духовное развитіе въ первомъ дѣтствѣ.—**Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Милль*, Изслѣдованіе философіи Гамильтона.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, II.—**Бэнъ*, Психологія.—**Джемсъ*, Психологія.—**Тэнъ*, Объ умѣ и познаніи.—**Рибо*, Современная германская психологія.—*Бинэ*, Введеніе въ экспериментальную психологію.—*Германнъ*, Руководство физіологіи, III, 1,—*Сѣченовъ*, Физіологія органовъ чувствъ.—*Остроумовъ*, О физіологическомъ методѣ въ психологіи.—*Челпановъ*, Проблема воспріятія пространства.—*Бехтеревъ*, Теорія образованія нашихъ представленій о пространствѣ.—*Бернштейнъ*, Физіологія органовъ чувствъ.—*Мейнертъ*, Механика душевной дѣятельности.—*Компейрэ*, Основанія элементарной психологіи.

ГЛАВА. VIII.

Представленія и ихъ основные законы.

I. Ослабленіе ощущеній. Представленіе.—II. Причины ослабленія ощущеній.—III. Существуютъ ли представленія всѣхъ чувствъ?—IV. Сохраненіе и репродукція представленій.—V. Законъ ассоціаціи.

I. Ослабленіе ощущеній. Представленіе.—Состоянія сознанія каждую минуту смѣняютъ другъ друга; сознаніе есть непрерывный процессъ. Ощущенія подчиняются тому же общему закону: они постоянно исчезаютъ съ поля сознанія, поочередно вытѣсняя другъ друга. Сейчасъ я уже не вижу того, что видѣлъ въ предшествующій моментъ, и не слышу того, что слышалъ. Однако, ощущенія исчезаютъ не вдругъ: между первымъ появленіемъ и полнымъ исчезновеніемъ ихъ проходитъ болѣе или менѣе значительное время, въ теченіе котораго они постепенно теряютъ свою интенсивность. Послѣ яснаго свѣта сознанія, когда всѣ элементы ощущенія воспринимаются совершенно отчетливо, наступаетъ низшее состояніе, въ которомъ отсутствуетъ значительная часть этихъ элементовъ: ощущеніе блѣднѣетъ, теряетъ свою живость и ясность и замѣняется общимъ образомъ предмета, въ которомъ остаются только его наиболѣе существенныя и характерныя черты. Такой общій образъ предмета, который, впрочемъ, въ свою очередь, имѣетъ безконечное множество степеней интенсивности, называется *представленіемъ*.

Такимъ образомъ, представленіе по природѣ тожественно съ ощущеніемъ и отличается отъ него только въ степени. Когда, наприм., я смотрю на извѣстнаго человѣка, всѣ черты его лица, всѣ подробности его костюма видны мнѣ живо и ясно. Но мало по малу подробности сглаживаются и остаются только общіе контуры. Тогда я имѣю представленіе, а не ощущеніе. Это бываетъ особенно замѣтно, когда мы закроемъ глаза тотчасъ послѣ того, какъ мы взглянули на человѣка. Зрительный образъ остается еще очень яснымъ, но какъ онъ слабъ въ сравненіи съ ощущеніемъ! И онъ сталъ такимъ именно потому, что изъ ощущенія исчезли его подробности. Поэтому Тэнъ былъ правъ, назвавъ представленіе *остаткомъ* ощущенія.

II. Причины ослабленія ощущеній.—Ослабленіе ощущеній обусловливается двумя причинами. Первою и наиболѣе обычною изъ нихъ является *соперничество другихъ ощущеній*. Если между лицомъ, на которое я смотрю, и моимъ глазомъ помѣстить экранъ, то мое зрительное ощущеніе сразу отодвигается на задній планъ и становится представленіемъ. Это представленіе продолжается такое короткое время, что даже кажется, будто оно въ эту минуту совсѣмъ не существуетъ. Однако при небольшомъ размышленіи можно замѣтить его присутствіе.

Второю причиной является *продолжительность* самого ощущенія. Вотъ опытъ, который доказываетъ это. Смотрите пристально на какой нибудь предметъ, думая въ тоже время о другихъ вещахъ: вы будете имѣть заразъ и сознаніе вашей мысли, и сознаніе зрительнаго впечатлѣнія. Но по мѣрѣ того, какъ вы смотрите, это впечатлѣніе становится все менѣе и менѣе яснымъ, все болѣе и болѣе неопредѣленнымъ, и если послѣдовательность вашихъ мыслей приведетъ васъ къ размышленію о томъ, что вы видите, вы найдете, что

предметъ почти исчезъ изъ вашихъ глазъ и ощущеніе замѣнилось смутнымъ представленіемъ. Лишь тогда, когда вы вновь сосредоточите вниманіе на данномъ объектѣ, представленіе опять сдѣлается ощущеніемъ. Между тѣмъ, зрительное впечатлѣніе не прекращалось ни на одно мгновенье во время всѣхъ этихъ измѣненій сознанія. Отсюда видно, что *продолжительность ощущенія ослабляетъ его.* Это—психологическій законъ, и въ приведенномъ примѣрѣ мы находимъ его первое примѣненіе.

III. Существуютъ ли представленія всѣхъ чувствъ?—Слово „представленіе“ относится главнымъ образомъ къ чувству зрѣнія, такъ какъ именно это чувство даетъ намъ наиболѣе живые и ясные образы ощущеній. Однако, и ощущенія другихъ чувствъ могутъ точно также ослабѣвать и дѣлаться представленіями. Вспоминая о лѣсѣ, я могу внутренно слышать шумъ деревьевъ; вспоминая знакомую мелодію, я мысленно воспроизвожу ея звуки. Это будутъ представленія слуха. *Внутренняя рѣчь,* которая является умственнымъ выраженіемъ нашей мысли, есть почти непрерывный рядъ звуковыхъ представленій. Равнымъ образомъ я могу представить себѣ впечатлѣніе гладкаго или шероховатаго, и это будутъ представленія осязанія. Наконецъ, до нѣкоторой степени можно мысленно воспроизвести извѣстный вкусъ или запахъ, и это будутъ вкусовыя и обонятельныя представленія. Эти два послѣднихъ вида представленій гораздо менѣе многочисленны, чѣмъ другіе, и даже почти совершенно отсутствуютъ у многихъ людей.

IV. Сохраненіе и репродукція представленій.—Когда представленіе, непосредственно слѣдовавшее за ощущеніемъ, исчезаетъ изъ сознанія, мы говоримъ, что оно *позабыто.* Но оно забывается не навсегда. Какъ мы знаемъ, многія изъ прежнихъ состояній нашего сознанія могутъ снова воз-

вращаться съ большею или меньшею ясностью, иногда въ формѣ представленій, а иногда даже въ формѣ ощущеній, какъ это бываетъ при галлюцинаціяхъ. Я могу представить извѣстную мѣстность, припомнить знакомое лицо, мысленно воспроизвести слова или мотивъ знакомой пѣсни. Такимъ образомъ, мои представленія не исчезли совершенно. Они *сохраняются* въ глубинѣ моего сознанія и при благопріятныхъ обстоятельствахъ могутъ быть вновь воспроизведены или *репродуцированы*.

Всѣ ли представленія сохраняются въ нашей душѣ? Нашъ личный опытъ не въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ, потому что мы никогда не можемъ знать, составляютъ ли наши воспоминанія все, что мы когда-то ощущали. Скорѣе намъ кажется, что не все сохраняется, такъ какъ въ нашихъ воспоминаніяхъ мы всюду находимъ пробѣлы. Но намъ можетъ помочь здѣсь внѣшнее наблюденіе. Если мы увидимъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ сохраняются крайне слабыя и неясныя состоянія сознанія, то мы вправѣ будемъ сказать, что сохраняются всѣ психическія состоянія безъ исключенія, и всѣ они при благопріятныхъ условіяхъ могутъ вновь появиться.

Это именно доказываетъ слѣдующій случай, хорошо извѣстный и часто цитируемый психологами. Безграмотная служанка одного швейцарскаго пастора произносила въ горячечномъ бреду цѣлые отрывки изъ греческихъ и еврейско-раввинскихъ сочиненій, которыя за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ читалъ вслухъ этотъ пасторъ, прохаживаясь по корридору около кухни, гдѣ она находилась. Трудно вообразить ощущенія болѣе слабыя, чѣмъ звуковыя ощущенія непонятныхъ словъ, которыя обращены не къ вамъ и которыя вы слышите издали, не обращая на нихъ вниманія. И однако приведенный фактъ свидѣтельствуетъ, что такія ощущенія сохраняются. Можно было бы привести немало и другихъ по-

добныхъ фактовъ. Отсюда мы должны *a fortiori* заключить, что и всякое другое ощущеніе способно къ сохраненію и, слѣдовательно, къ репродукціи.

Такимъ образомъ, мы можемъ формулировать слѣдующій законъ: *„всякое явленіе, представлявшееся сознанію, можетъ быть вновь воспроизведено имъ“*, или короче: *„ни одинъ элементъ сознанія не исчезаетъ совершенно“*. Это психологическій *законъ сохраненія*, законъ чрезвычайно важный, потому что онъ служитъ основой памяти, а чрезъ нее и всей психической жизни.

V. Законъ ассоціаціи.—Воспроизведеніе представленій возможно лишь тогда, когда представленія стоятъ въ тѣсной взаимной связи и въ силу этой связи, называемой „ассоціаціей“, вызываютъ другъ друга. Такимъ образомъ, репродукція основывается на *законѣ ассоціаціи представленій*, который, въ свою очередь, есть не что иное, какъ дальнѣйшій выводъ изъ психологическаго закона сохраненія.

Какъ мы сказали, элементы сознанія сложны и всегда являются цѣлыми группами. Отсюда, по закону сохраненія, въ сознаніи должны храниться и воспроизводиться не только отдѣльные психическіе элементы, но и ихъ группировка. Другими словами, всякій элементъ извѣстной психической группы, будучи репродуцированъ, долженъ стремиться къ воспроизведенію и всѣхъ остальныхъ элементовъ этой группы въ ихъ первоначальной связи. Допустимъ, что группа представленій A B C исчезла изъ сознанія: когда вновь появляется представленіе A, оно стремится возстановить всю группу, къ которой оно принадлежитъ, вызывая ассоціированныя съ нимъ представленія B и C. Если, наприм., мнѣ запомнилась *карусель (A)* на *деревенской ярмаркѣ (B)* вертѣвшаяся подъ звуки шарманки, которая наигрывала *марсельезу (C)*, то по ассоціаціи этихъ элементовъ, видъ или

представленіе карусели напомнитъ мнѣ о деревенской ярмаркѣ и марсельезѣ, а звуки марсельезы могутъ вызвать воспоминаніе о карусели и деревенской ярмаркѣ. Такимъ образомъ, законъ ассоціаціи можно формулировать такъ: „*всякое представленіе, вновь появляющееся въ сознаніи, стремится возстановить всю группу психическихъ элементовъ, къ которой оно когда-то принадлежало, репродуцируя другія первоначально связанныя съ нимъ представленія*“. Этотъ законъ играетъ весьма важную роль въ душевной жизни и объясняетъ значительную часть ея явленій.

РЕЗЮМЭ.

I.—Ощущеніе ослабляется и оставляетъ послѣ себя общій образъ предмета, который называется *представленіемъ*.

II.—Причина ослабленія ощущеній двоякая: 1) *конкурренція* другихъ ощущеній и 2) *продолжительность* самого ощущенія.

III.—Представленія существуютъ въ области всѣхъ чувствъ. Наиболѣе многочисленны представленія *зрѣнія* и *слуха*. Между послѣдними особенно важны представленія, составляющія *внутреннюю рѣчь*.

IV.—Представленія *сохраняются* и при благопріятныхъ обстоятельствахъ вновь *воспроизводятся* въ сознаніи. Есть основанія думать, что сохраненіе и репродукція возможны для всѣхъ представленій безъ исключенія. Отсюда, мы получаемъ психологическій *законъ сохраненія*, который можно кратко формулировать такъ: „*ни одинъ элементъ сознанія не исчезаетъ совершенно*“.

V.—Репродукція представленій совершается *по закону ассоціаціи*. Этотъ законъ является дальнѣйшимъ выводомъ изъ психологическаго закона сохраненія и можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: „*старыя группы представленій стремятся къ возстановленію*.

Литература.

Гербартъ, Психологія.—*Лотце*, Микрокозмъ, I.—*Вундтъ*, Физіологическая психологія, II.—*Цигенъ*, Физіологическая психологія.—**Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Ульрици*, Тѣло и душа.—*Карпентеръ*, Основанія физіологіи ума—**Бэнъ*, Психологія.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, I.—*Селли*, Психологія въ примѣненіи къ воспитанію.—**Тэнъ*, Объ умѣ и познаніи.—*Бинэ*, Введеніе въ экспериментальную психологію.—*Рибо*, Болѣзни памяти. *Снегиревъ*, Психологія.—*Каптеревъ*, Педагогическая психологія.—*Джемсъ*, Психологія.

ГЛАВА IX.

Ассоціація представленій.

I. Условія ассоціаціи.—II. Недостаточность пространственной смежности.—III. Недостаточность объективной временной смежности.—IV. Недостаточность причинной зависимости.—V. Недостаточность сходства.—VI. Конструктивная ассоціація.

I. Условія ассоціаціи.—Изъ того, что мы сейчасъ сказали, съ очевидностію слѣдуетъ, что единственнымъ условіемъ ассоціаціи представленій является смежность элементовъ въ предѣлахъ извѣстной психической группы, или, другими словами, ихъ *смежность въ сознаніи.*

Это условіе необходимо, потому что если бы психическіе элементы не были смежны въ сознаніи, то образованіе психическихъ группъ было бы невозможно, и, слѣдовательно, было бы невозможно ихъ возстановленіе. Съ другой стороны, оно вполнѣ достаточно, потому что для возстановленія извѣстной психической группы не нужно ничего другого, кромѣ ея предварительнаго образованія въ сознаніи. Чтобы представленіе о Гулливерѣ вызвало у меня представленіе о лиллипутахъ, имъ достаточно было только разъ соединиться въ моемъ умѣ.

Отсюда, всѣ другія условія ассоціаціи, предполагаемыя психологами, сводятся къ этому основному закону. Такими условіями считаются: 1) *сосуществованіе*, или *смежность* явленій *въ пространствѣ*, 2) *послѣдовательность*, или ихъ

смежность во времени, 3) *причинная зависимость* и 4) *сходство*.

II. Недостаточность пространственной смежности.—Два предмета могутъ быть сколько угодно смежны въ пространствѣ, но если ихъ смежность не констатирована сознаніемъ, если она изъ пространственной смежности не превратилась въ смежность мысли, она ничего не значитъ, и представленія этихъ двухъ предметовъ никогда не будутъ ассоціированы. Если бы мы не знали, что Неаполь находится у подошвы Везувія, то, думая о Везувіи, мы никогда не могли бы вспомнить о Неаполѣ или обратно. Смежность въ пространствѣ является въ нѣкоторыхъ случаяхъ условіемъ смежности въ сознаніи, но только эта послѣдняя составляетъ условіе ассоціаціи.

III. Недостаточность объективной временной смежности.—Равнымъ образомъ, два явленія могутъ быть сколько угодно смежны во времени, но если эта смежность не сдѣлается смежностію сознанія, они никогда не будутъ ассоціированы. Кто не знаетъ, что Мазарини былъ министромъ Людовика XIV, тотъ можетъ тысячу разъ читать эти два имени въ отдѣльности,—и ни одно изъ нихъ не напомнитъ ему о другомъ. Смежность во времени также можетъ быть условіемъ смежности въ сознаніи, но только эта послѣдняя является условіемъ ассоціаціи.

VI. Недостаточность причинной зависимости.—Причина заставляетъ думать о дѣйствіи, а дѣйствіе о причинѣ; но и здѣсь реальная причинная зависимость ничего не значила бы для ассоціаціи, если бы она не была представляема въ сознаніи. Причинная смежность должна превратиться въ смежность мысли. Тотъ, кто не знаетъ, что Иктинъ построилъ Парѳенонъ, не вспомнитъ объ Иктинѣ, когда рѣчь будетъ идти о Парѳенонѣ, или наоборотъ. Причинная смежность, въ свою

очередь, можетъ быть условіемъ смежности въ сознаніи, но только эта послѣдняя служитъ условіемъ ассоціаціи.

V. Недостаточность сходства.—Наконецъ, и сходство само по себѣ не можетъ быть условіемъ ассоціаціи. Возьмемъ слѣдующую ассоціацію по сходству. Вы читаете исторію *Наполеона* и вдругъ вспомните объ *Александрѣ*. Предположимъ, что эти два имени соединяются въ нашемъ умѣ впервые, и вамъ кажется, что вы имѣете дѣло съ оригинальной ассоціаціей, а не съ повтореніемъ какой нибудь прежней. Отсюда вы заключаете, что воспоминаніе имени *Александра* въ связи съ именемъ *Наполеона* не можетъ быть слѣдствіемъ прежней смежности ихъ въ сознаніи. Таково явленіе съ перваго поверхностнаго взгляда. Но разсмотримъ его ближе и мы увидимъ нѣчто иное. Въ самомъ дѣлѣ, имя *Наполеонъ* не есть простое слово: оно пробуждаетъ цѣлую группу идей, и между этими идеями находится идея *завоевателя*, которая смежна съ нимъ въ сознаніи. Съ другой стороны, та же идея *завоевателя* смежна въ сознаніи съ именемъ *Александръ*. Такимъ образомъ, мнимо оригинальная ассоціація по сходству сводится къ *двумъ* ассоціаціямъ по смежности въ сознаніи, изъ которыхъ каждая имѣетъ общій элементъ:

Наполеонъ *завоеватель*

завоеватель Александръ.

Слѣдовательно, и здѣсь дѣйствительнымъ условіемъ ассоціаціи является смежность представленій въ сознаніи.

Сходство играетъ важную роль только въ *составленіи* ассоціативныхъ группъ, а не въ *воспроизведеніи* ихъ. Для того, чтобы два представленія были ассоціированы и воспроизведены, они должны быть смежны въ сознаніи; но ихъ смежность во многихъ случаяхъ была бы непонятна,

если бы въ нихъ не было чего нибудь общаго, или сходнаго. При всѣхъ своихъ различіяхъ, элементы сознанія въ основѣ тожественны другъ съ другомъ. Между ними существуетъ внутреннее сродство, которое соединяетъ ихъ въ группы и сливаетъ эти группы въ цѣлую совокупность сознанія. Такое тожество различныхъ психическихъ элементовъ, такое сродство разнородныхъ психическихъ состояній и называется ихъ сходствомъ. Въ этомъ смыслѣ сходство есть одинъ изъ основныхъ законовъ сознанія вообще, который эмпирическая психологія можетъ только констатировать, а не объяснить. Но для ассоціаціи оно не составляетъ непосредственнаго условія: оно служитъ условіемъ лишь для той группировки представленій, на которой основывается ассоціація. Другими словами, сходство есть условіе смежности представленій въ сознаніи, но только послѣдняя является условіемъ ассоціаціи.

Итакъ, всѣ предполагаемыя психологами условія ассоціаціи сводятся къ *смежности представленій въ сознаніи*. Основаніе этого очевидно. Пространственная, временная и причинная смежность,—все это чисто объективныя отношенія вещей, лежащія за предѣлами сознанія; между тѣмъ, условія явленій сознанія никогда не могутъ находиться внѣ самого сознанія. Что же касается сходства, то, какъ мы сейчасъ видѣли, оно можетъ быть условіемъ ассоціаціи лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно превращается въ смежность.

VI. Конструктивная ассоціація.—Ассоціація не ограничивается воспроизведеніемъ группъ психическихъ элементовъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ когда-то составились. Она допускаетъ *построеніе* изъ нихъ новыхъ группъ, какъ это мы, наприм., наблюдаемъ во снѣ, гдѣ мы видимъ вещи, какихъ не видали никогда, и дѣлаемъ то, чего никогда не дѣлали. Эти *построительныя* или *конструктивныя ассоціаціи* объясняются такъ. Если одни и тѣ же элементы общи нѣ-

сколькимъ группамъ, то достаточно представленіямъ одной изъ этихъ группъ быть въ сознаніи, чтобы вызвать представленія другой; эти представленія въ свою очередь вызовутъ элементы третьей группы и т. д.,—такъ что въ очень короткое время можно оказаться очень далеко отъ исходной точки. Такъ, наприм., отъ прогулки верхомъ вы можете перейти къ мысли о скачкахъ, отъ скачекъ къ пари, отъ пари къ игрѣ, отъ игры къ людямъ, которыхъ она разорила, отъ разоренія этихъ людей къ развалинамъ какого-нибудь замка, отъ развалинъ замка къ развалинамъ Помпеи, отъ Помпеи къ картинамъ древнеримской жизни и т. д.

Иногда случается, что посредствующія звенья между ассоціированными представленіями совершенно ускользаютъ отъ сознанія. Примѣромъ этого можетъ служить случай съ шотландскимъ философомъ Гамильтономъ. Разъ, думая объ одной изъ горъ въ Шотландіи, Бенъ-Ломондъ, Гамильтонъ къ собственному удивленію вдругъ безъ всякой причины вспомнилъ о прусской системѣ воспитанія. Повидимому, между этими двумя представленіями не было никакой связи. Однако, послѣ небольшаго размышленія, ему удалось возстановить скрытые мотивы этой ассоціаціи: оказалось, что при своемъ послѣднемъ восхожденіи на Бенъ-Ломондъ Гамильтонъ встрѣтилъ на вершинѣ горы нѣмца, и безсознательное воспоминаніе объ этомъ нѣмцѣ навело его на мысль о прусской системѣ воспитанія. Такія ассоціаціи посредствомъ безсознательныхъ звеньевъ называются *косвенными ассоціаціями*. Нетрудно видѣть, что эти ассоціаціи могутъ вызвать самыя странныя и непредвидѣнныя сочетанія представленій. Такимъ именно путемъ объясняются странныя формы нашихъ сновидѣній. Элементы однѣхъ группъ сливаются съ элементами другихъ и образуютъ группы совершенно новыя, иногда правдоподобныя, иногда же совершенно неестественныя. Мы при-

сутствуемъ во снѣ на псовой охотѣ, которой никогда не видали; мы чувствуемъ, что летаемъ въ облакахъ, или путешествуемъ на воздушномъ шарѣ и т. п. Въ этомъ случаѣ ассоціація уже переходитъ въ *воображеніе*.

РЕЗЮМЭ.

I.—Единственнымъ необходимымъ и вполнѣ достаточнымъ условіемъ ассоціаціи является *смежность психическихъ элементовъ въ сознаніи*. Всѣ другія условія объективны и недостаточны.

II.—Два предмета, *смежные въ пространствѣ*, могутъ быть ассоціированы лишь въ томъ случаѣ, если ихъ смежность констатирована сознаніемъ.

III.—Тоже самое нужно сказать и о предметахъ, *смежныхъ во времени*.

VI.—*Причинная смежность* подчиняется тому же закону.

V.—Наконецъ, и *сходство*, какъ условіе ассоціаціи, въ концѣ концовъ, также сводится къ смежности въ сознаніи. Само по себѣ оно необходимо только для *составленія* ассоціативныхъ группъ, а не для *воспроизведенія* ихъ.

VI.—Ассоціація не только воспроизводитъ старыя группы представленій, но и *построяетъ* изъ нихъ новыя. Въ этомъ случаѣ она становится *конструктивной*. Конструктивныя ассоціаціи при помощи безсознательныхъ звеньевъ называются *косвенными*.

Литература.

Милль, Изслѣдованіе философіи Гамильтона.—*Милль*, Система логики.—**Бэнъ*, Психологія.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, I.—*Селли*, Психологія въ примѣненіи къ воспитанію.—**Джемсъ*, Психологія.—*Тиченеръ*, Очерки психологіи.—*Карпентеръ*, Основанія физіологіи ума.—*Вундтъ*, Физіологическая психологія, II—**Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ.—**Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—**Цигенъ*, Физіологическая психологія.—**Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Тэнъ*, Объ умѣ и познаніи.—*Рибо*, Современная англійская психологія.—*Троицкій*, Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи —*Троицкій*, Наука о духѣ, I—II.—*Владиславлевъ*, Психологія, I.—*Снегиревъ*, Психологія.—*Каптеревъ*, Педагогическая психологія.—*Лопатинъ*, Подвижныя ассоціаціи представленій (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 19).

ГЛАВА X.

Общія представленія.

I Законъ образованія общихъ представленій.—II. Представленіе антецедентовъ и слѣдствій.—III. Представленіе всеобщей связи явленій.—IV. Представленіе пространственной и временной непрерывности.—V. Субъективный характеръ общихъ представленій.—

I. Законъ образованія общихъ представленій.—Всякая новая группа ощущеній оставляетъ послѣ себя представленіе въ сознаніи. Когда нѣсколько такихъ представленій наслояются другъ на друга, то ихъ сходныя черты совпадаютъ, сливаются и становятся особенно живы, а ихъ разнородные элементы взаимно ослабляются и исчезаютъ. Отсюда мы получаемъ слѣдующій законъ: *въ области представленій сходства усиливаютъ, а различія уничтожаютъ другъ друга..*

Соотвѣтственно этому закону, въ сознаніи послѣ извѣстнаго числа ощущеній должно образоваться одно *общее представленіе*, въ которомъ сохраняются всѣ сходные ихъ элементы и исчезаютъ всѣ ихъ различія. Такое общее представленіе единично и просто, потому что оно имѣетъ свои индивидуальныя особенности; но въ то-же время оно множественно и сложно, потому что оно обнимаетъ всѣ группы ощущеній, входящихъ въ его составъ, и легко ассоціируется съ каждой изъ нихъ. Оно походитъ на тѣ „составные портреты“, которые получалъ англійскій психологъ Гальтонъ,

фотографируя на одной и той-же пластинкѣ нѣсколько лицъ подрядъ, такъ что портретъ напоминалъ всѣхъ ихъ и въ частности не былъ похожъ ни на кого. Если вы видѣли нѣсколько птицъ,—напр. чижа, воробья, курицу, попугая, соловья,—то у васъ останется общее зрительное представленіе, которое будетъ ассоціировано съ словомъ *птица*, съ представленіемъ *пѣнія* и проч. Поэтому, если вы, нѣкоторое время спустя, увидите щегленка, то элементы этого зрительнаго ощущенія, сходные съ элементами другихъ ощущеній, напомнятъ вамъ общее зрительное представленіе птицы, а по ассіоціаціи съ нимъ—представленіе пѣнія, и вы будете ожидать, что щегленокъ запоетъ. Точно также видъ прицѣливающагося охотника вызываетъ у васъ общее представленіе стрѣльбы, и вы будете въ психофизическомъ ожиданіи выстрѣла даже прежде, чѣмъ успѣете ясно подумать о немъ. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣйствительное чувственное познаніе предмета, но такое познаніе еще нельзя назвать осмысленнымъ и разумнымъ.

II. Представленіе антецедентовъ и слѣдствій.—Общее представленіе можетъ образоваться не только изъ простаго соединенія сходныхъ ощущеній оно можетъ быть также результатомъ постояннаго *отношенія* различныхъ психическихъ элементовъ, непосредственно *слѣдующихъ другъ за другомъ*. Въ этомъ случаѣ мы получаемъ психологическое представленіе *антецедентовъ* и *слѣдствій*.

Положимъ, напримѣръ, что вы видѣли *руку въ перчаткѣ*, дергавшую *зеленый шнурокъ*, и вслѣдъ затѣмъ слышали *звукъ колокольчика*; потомъ вы видѣли *голую руку*, дергавшую *красный шнурокъ*, и слышали также *звукъ колокольчика*; наконецъ, вы видите просто *колеблющійся шнурокъ* и слышите *звенящій колокольчикъ*. На основаніи всѣхъ этихъ воспріятій у васъ образуется общее представленіе

двухъ группъ явленій: предшествующей, которая сводится къ *движенію шнурка*, и послѣдующей, которая сводится къ *звуку*. Постоянная связь этихъ двухъ группъ явленій точно такъ-же сохранится въ вашемъ представленіи, какъ и самыя явленія, и вы, помимо всякихъ теоретическихъ соображеній, въ силу простой привычки, будете считать одну изъ нихъ неизмѣннымъ антецедентомъ, а другую неизмѣннымъ слѣдствіемъ. Слыша звукъ, вы будете представлять движеніе шнурка, а видя движущійся шнурокъ, будете ждать звука. Такимъ образомъ, вы будете психологически вынуждены *ждать слѣдствія, когда данъ антецедентъ, и предполагать антецедентъ, когда дано слѣдствіе.*

Между эмпирическими антецедентами и слѣдствіями существуетъ реальная связь, которая является приблизительно точнымъ *практическимъ эквивалентомъ истинныхъ причинъ и дѣйствій*. Такимъ образомъ, ассоціація, обусловливающая возникновеніе общихъ представленій, пріучаетъ насъ ставить въ причинную связь явленія, которыя всегда представляются вмѣстѣ.

III. Представленіе всеобщей связи явленій.—Законъ ассоціаціи позволяетъ идти еще далѣе и даетъ сознанію *практическій эквивалентъ закона всеобщей связи вещей*, на основаніи котораго мы соединяемъ прошедшее съ настоящимъ, а настоящее съ будущимъ и образуемъ изъ явленій вселенной непрерывную ткань.

Какъ мы сейчасъ видѣли, между антецедентами и слѣдствіями могутъ образоваться сложныя ассоціаціи. Возьмемъ рядъ слѣдующихъ ассоціацій:

A^a B^c
C^b D^c
E^a F^c
G^a H^c

По закону общихъ представленій, сходства усиливаютъ, а различія уничтожаютъ другъ друга. Отсюда представленія A, B, C, D, E, F, G, H, т. е. всѣ частныя опредѣленія даннаго ряда явленій, должны исчезнуть, и останется только общая связь этихъ явленій *ac*, которая будетъ побуждать сознаніе ожидать слѣдствія и предполагать антецедентъ.

Безъ сомнѣнія, въ дѣйствительности антецеденты и слѣдствія не всегда бываютъ связаны непосредственно, и существованіе между ними промежуточныхъ явленій должно, повидимому, препятствовать образованію такихъ неоразимыхъ ассоціацій. Наприм., на военномъ смотру послѣ какого-нибудь сигнала мы можемъ слышать и видѣть много вещей, прежде чѣмъ произойдетъ движеніе, предписываемое этимъ сигналомъ. Но эти вещи, наблюдаемыя между сигналомъ и движеніемъ, каждый разъ измѣняются; въ цѣломъ представленіи они образуютъ различія, которыя уничтожаютъ другъ друга, и послѣ нихъ въ концѣ концовъ остается лишь связь сходныхъ явленій: *такой-то сигналъ—такое-то движеніе*. Постепенно исчезаютъ даже различія между отдѣльными сигналами и отдѣльными движеніями, и у насъ сохраняется лишь общее представленіе о сигналѣ, связанное съ общимъ представленіемъ о движеніи. Законъ общихъ представленій самъ по себѣ устраняетъ измѣнчивыя и случайныя явленія, которыя кажутся необычными и, повидимому, бываютъ чужды всякаго неизмѣннаго антецедента, потому что эти явленія, въ силу именно ихъ случайности, не оставляютъ прочнаго слѣда въ сознаніи и изглаживаютъ другъ друга.

Такимъ образомъ, уже по законамъ ассоціаціи мы принуждены представлять себѣ міровую зависимость, т. е. разсматривать всѣ явленія міра, какъ неизмѣнно связанныя другъ съ другомъ, и вѣрить, что за тѣми же антецедентами должны наступать тѣ же самыя слѣдствія. Если мы слышимъ свистъ

въ вѣтвяхъ дерева, мы ищемъ глазами дрозда. Если мы видимъ охотника, подымающаго хлыстъ на собаку, мы ждемъ удара и собачьяго визга. Это представленіе непрерывной связи и зависимости явленій, это постоянное ожиданіе будущаго, сходнаго съ прошедшимъ, составляютъ практическій эквивалентъ идеи причинности. Мы никогда не представляемъ явленія изолированнымъ, а всегда соединяемъ его съ предыдущимъ и послѣдующимъ, съ прошедшимъ и будущимъ, т. е. воображаемъ его одновременно какъ дѣйствіе и какъ причину. Всякое явленіе напоминаетъ намъ предшествовавшее явленіе и заставляетъ ожидать явленія будущаго.

IV. Представленіе пространственной и временной непрерывности.—Кромѣ представленія непрерывной связи и зависимости явленій, ассоціація даетъ намъ также представленіе ихъ *пространственной и временной непрерывности:* между отдѣльными ощущеніями и представленіями, непосредственно доступными сознанію, она вводитъ рядъ другихъ полусознательныхъ элементовъ, которые дополняютъ ихъ и образуютъ въ связи съ ними извѣстную пространственную форму или временное преемство извѣстныхъ событій.

Если мы расположимъ нѣсколько точекъ такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ получились контуры круга или шестиугольника, то всякій, кто на нихъ взглянетъ, мысленно соединитъ ихъ посредствомъ одной или нѣсколькихъ непрерывныхъ линій и представитъ себѣ полную фигуру круга или шестиугольника. При быстромъ чтеніи мы безсознательно заполняемъ пробѣлы въ словахъ, происшедшіе вслѣдствіе опечатокъ или оттого, что намъ просто некогда разбирать отдѣльные элементы этихъ словъ.

То-же самое и съ событіями. При помощи ассоціаціи мы дополняемъ тѣ элементы, изъ которыхъ событія обыкновенно слагаются, не нуждаясь въ томъ, чтобы намъ нарочно о нихъ

напоминали. Если, наприм., человѣкъ вошелъ въ домъ, то для насъ уже само собой ясно, что онъ отворилъ дверь. Простой ассоціаціи достаточно, чтобы представить это. Тоже самое явленіе происходитъ, когда мы мысленно дополняемъ въ фразѣ оратора слово, которое мы не разслышали.

V. Субъективный характеръ общихъ представленій.—Ассоціація посредствомъ непрестанно вызываемыхъ ею представленій заполняетъ пробѣлы ощущеній и соединяетъ всѣ явленія въ непрерывную ткань. Все внѣ насъ кажется намъ связнымъ, однороднымъ и непрерывнымъ, хотя, быть можетъ, эта связанность, эта непрерывная однородность существуетъ только въ нашемъ сознаніи. Во всякомъ случаѣ изъ того, что мы ее представляемъ, не слѣдуетъ дѣлать поспѣшнаго заключенія, что она существуетъ и реально, внѣ насъ, потому что законы, по которымъ образуется у насъ это представленіе, совершенно субъективны. Словомъ, непрерывность нашихъ представленій доказываетъ не то, что непрерывны и вещи, а только то, что непрерывны наши представленія о нихъ.

РЕЗЮМЭ.

I.—Представленія нѣсколькихъ болѣе или менѣе сходныхъ предметовъ соединяются по слѣдующему закону: *сходства взаимно усиливаютъ, а различія взаимно уничтожаютъ другъ друга.* Результатомъ такого соединенія является представленіе цѣлой совокупности различныхъ явленій или *общее представленіе.*

II.—Изъ представленія послѣдовательной смѣны явленій образуется общее представленіе *антецедентовъ* и *слѣдствій*, которое служитъ практическимъ эквивалентомъ понятія частныхъ причинъ и дѣйствій.

III.—Изъ представленія антецедентовъ и слѣдствій возникаетъ общее представленіе *связи и зависимости вещей*, которое является практическимъ эквивалентомъ идеи всеобщей причинности.

IV.—Наконецъ, изъ представленія всеобщей связи вещей вытекаетъ общее представленіе *пространственной и временной непрерыв-*

ности, въ силу котораго мы по ассоціаціи заполняемъ пробѣлы нашихъ ощущеній.

V.—Такимъ образомъ, законы нашихъ представленій побуждаютъ насъ видѣть непрерывность всюду. Но это стремленіе нашего ума не нужно принимать за доказательство существованія непрерывности и въ дѣйствительномъ мірѣ.

Литература.

Милль, Система логики.—*Минто*, Логика.—*Льюисъ*, Вопросы о жизни и духѣ, II.—**Бэнъ*, Психологія.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, I—II.—*Ромэнсъ*, Умъ животныхъ.—*Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, 2 изд.—*Цигенъ*, Физіологическая психологія.—**Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Тэнъ*, Объ умѣ и познаніи.—**Рибо*, Эволюція общихъ идей.—*Рише*, Опытъ общей психологіи.—*Троицкій*, Наука о духѣ.—*Каптеревъ*, Педагогическая психологія.

ГЛАВА XI.

Двигательная роль представленій [1]).

I. Связь ощущеній съ движеніями.—II. Связь представленій съ движеніями.—III. Динамическій законъ представленій.—IV. Рефлекторныя, автоматическія и идеомоторныя дѣйствія.—V. Законы реализаціи представленій—VI. Вліяніе удовольствія и страданія на двигательныя представленія.

I. Связь ощущеній съ движеніями.—Ощущенія, при всемъ своемъ различіи отъ чувствованій, имѣютъ съ ними то сходство, что всегда сопровождаются какими-нибудь тѣлесными реакціями. При всякомъ ощущеніи органъ, чрезъ который оно получается, совершаетъ извѣстныя движенія, которыя мы сознаемъ одновременно съ самымъ ощущеніемъ. Такъ, зрительныя ощущенія связаны съ движеніемъ мускуловъ глазъ; слуховыя ощущенія—съ движеніями шейныхъ мускуловъ, а у нѣкоторыхъ животныхъ даже съ движеніями мускуловъ ушной раковины; обонятельныя ощущенія—съ движеніями ноздрей; вкусовыя ощущенія—съ движеніемъ губъ, языка, щекъ и челюстей; осязательныя ощущенія—съ движеніями рукъ, ногъ и другихъ частей тѣла. Этого мало: такъ какъ организмъ есть цѣлое, въ которомъ части тѣсно связаны другъ съ другомъ, то сокращеніе одного какого нибудь мускула распространяется и на всѣ другіе. Чрезмѣрное напряженіе рукъ заставляетъ насъ кричать; при ходьбѣ

---

[1]) Перераб. *ред.*

мы размахиваемъ руками и проч. Такимъ образомъ, *всякое ощущеніе ассоціировано съ движеніями*, и притомъ не только съ непосредственными движеніями того органа, который обусловливаетъ его появленіе, но и со всѣми другими сопутствующими имъ движеніями и вытекающими изъ нихъ ощущеніями.

II. Связь представленій съ движеніями.—Такъ какъ представленія суть слабые остатки ощущеній, то они подчиняются тѣмъ же самымъ условіямъ. По закону ассоціаціи они соединяются съ представленіями извѣстныхъ движеній, а эти представленія въ свою очередь сопровождаются соотвѣтствующими органическими перемѣнами, которыя отличаются отъ движеній, связанныхъ съ ощущеніями, только тѣмъ, что оно гораздо слабѣе ихъ. Наприм., зрительное представленіе ассоціируется со множествомъ мускульныхъ представленій и сопровождается въ слабой степени такими же движеніями, какъ и зрительное ощущеніе; слуховое представленіе имѣетъ *mutatis mutandis* такой же двигательный коэффиціентъ, какъ и слуховое ощущеніе и проч. Такимъ образомъ, *каждое представленіе* окружено, такъ сказать, цѣлой атмосферой двигательныхъ представленій и *связано со множествомъ движеній*, которыя могутъ быть очень слабы, но при ближайшемъ анализѣ становятся замѣтны.

Все это легко провѣрить на опытѣ. Говоря о кругѣ, мы не только имѣемъ зрительное представленіе окружности, но и дѣлаемъ рукой жесты, которые описываютъ части этой окружности въ пространствѣ. Говоря о слабомъ шумѣ или тихомъ шепотѣ, мы вытягиваемъ впередъ голову и напрягаемъ слухъ какъ бы для того, чтобы уловить ихъ. Представленіе запаха сопровождается расширеніемъ ноздрей. Представленіе пріятнаго вкуса вызываетъ движенія языка, сокращеніе глотательныхъ мускуловъ и даже теченіе слюны. Нако-

нецъ, осязательныя представленія гладкаго, шероховатаго, бархатистаго сопровождаются легкими рефлексами въ пальцахъ. Тѣмъ болѣе нужно сказать это въ частности о мускульныхъ представленіяхъ: они являются результатомъ мышечныхъ и сухожильныхъ сокращеній, и эти сокращенія воспроизводятся въ слабой формѣ всякій разъ, когда появляется представленіе. Каждое представленіе движенія есть уже само по себѣ зачаточное движеніе.

III. Динамическій законъ представленій.—Представленія не только ассоціируются съ движеніями, но и *выражаются* въ нихъ. Въ этомъ случаѣ движенія обыкновенно получаютъ болѣе сложную и цѣлесообразную форму и становятся тѣмъ, что мы называемъ внѣшними дѣйствіями. Такимъ образомъ, можно идти далѣе и формулировать слѣдующій законъ: *всякое представленіе связано съ стремленіемъ обнаруживаться въ дѣйствіи*, или другими словами: *всякое представленіе, всякая идея стремится къ своей реализаціи.*

Этотъ законъ основывается на естественномъ соотношеніи силъ въ нашемъ организмѣ. Живое существо есть своего рода аккумуляторъ: оно всегда содержитъ въ себѣ извѣстный запасъ энергіи, которая ждетъ только случая, чтобы перейти изъ статическаго состоянія въ динамическое, изъ скрытой формы въ дѣятельную. Нервныя раздраженія, ощущенія и, наконецъ, представленія служатъ точками приложенія этой энергіи; они даютъ ей выходъ и опредѣляютъ тѣ формы движеній и дѣйствій, въ которыхъ она должна проявиться. Если исходною точкой дѣйствія является нервное *раздраженіе*, то дѣйствіе бываетъ простымъ физіологическимъ *рефлексомъ;* если же оно вызывается *ощущеніями* и *представленіями*, то оно становится *автоматическимъ и идеомоторнымъ актомъ*. Живое существо дѣйствуетъ только тогда, когда оно возбуждается къ дѣйствію. Другими

словами, оно скорѣе реагируетъ, чѣмъ дѣйствуетъ. Разсмотримъ эти реакціи ближе.

IV. Рефлекторныя, автоматическія и идеомоторныя дѣйствія.—Какъ извѣстно, нервы дѣлятся по своимъ функціямъ на два класса: одни изъ нихъ передаютъ ощущенія и потому называются *чувствовательными;* другіе обусловливаютъ передачу движеній и называются *двигательными.* Въ первыхъ раздраженіе идетъ отъ периферіи тѣла къ нервнымъ центрамъ, т. е. къ спинному или головному мозгу; во вторыхъ оно идетъ обратнымъ путемъ,—отъ центра къ периферіи. Достигая мозга, раздраженіе чувствовательнаго нерва не сразу и даже не всегда проникаетъ въ сознаніе и становится ощущеніемъ; иногда оно непосредственно переходитъ на смежный двигательный нервъ и механически *отражается* въ видѣ соотвѣтствующихъ мускульныхъ сокращеній и дѣйствій. Вотъ такія-то дѣйствія и называются „отражательными“ или *рефлекторными.* Такимъ образомъ, рефлекторное дѣйствіе есть непосредственная двигательная реакція на чувственное раздраженіе. Къ числу рефлексовъ принадлежатъ: миганіе, кашель, глотаніе, многія инстинктивныя движенія для самозащиты, и проч. Спеціальное изученіе ихъ составляетъ задачу физіологіи.

Но всего чаще раздраженіе чувствовательнаго нерва достигаетъ сознанія и превращается въ ощущеніе. Тогда оно дѣйствуетъ на двигательный нервъ уже не прямо, а чрезъ посредство психологическихъ звеньевъ. Простѣйшій видъ такихъ двигательныхъ реакцій представляютъ *автоматическія движенія.* Кромѣ присутствія ощущеній, они ничѣмъ не различаются отъ рефлексовъ и даже обыкновенно называются рефлексами. Къ нимъ именно принадлежатъ тѣ формы непроизвольныхъ движеній, которыми сопровождаются ощущенія; къ нимъ же относятся, какъ мы видѣли,

тѣлесныя „выраженія чувствъ“ [1]). Болѣе сложную и болѣе сознательную форму двигательныхъ реакцій психическаго происхожденія образуютъ *идеомоторныя дѣйствія*, т. е. акты, обусловленные двигательною силой представленій или идей. Съ непосредственнымъ ощущеніемъ здѣсь ассоціируется болѣе или менѣе длинный рядъ представленій, которыя, смотря по обстоятельствамъ, и реализуются въ соотвѣтствующихъ движеніяхъ и актахъ. Наприм., если вы голодны, видъ ресторана вызоветъ у васъ представленіе о возможности зайти туда и утолить голодъ, или мысль о возвращеніи домой, чтобы пообѣдать, и при отсутствіи препятствій какое-нибудь изъ этихъ представленій осуществится. Идеомоторныя дѣйствія имѣютъ уже не физіологическій, а психологическій характеръ; они принадлежатъ къ области *воли* и, смотря по степени ея участія, могутъ быть необходимыми или свободными.

V. Законы реализаціи представленій.—Какъ совершается и чѣмъ обусловливается реализація представленій? Она зависитъ, съ одной стороны, отъ *количества* одновременныхъ представленій въ сознаніи, съ другой—отъ ихъ *взаимнаго отношенія*.

Если ассоціація вызываетъ только *одно* представленіе, которое поглощаетъ собой все сознаніе, тогда это представленіе реализуется непосредственно и неизбѣжно. Такъ бываетъ, наприм., при „навязчивыхъ идеяхъ“ *(idées fixes)*, которыми страдаютъ маньяки; такъ бываетъ при гипнотическомъ внушеніи. Въ этихъ случаяхъ у субъекта не можетъ быть ни сомнѣній, ни колебаній: дѣйствіе совершается съ быстротою и фатальностью рефлекса. Маньякъ, преслѣдуемый какою-нибудь неотступною мыслью, неизбѣжно приводитъ ее

---

[1]) Гл. VI, § IV.

въ исполненіе. Гипнотизированный, получивъ внушеніе, невольно осуществляетъ его. Исключеніе бываетъ лишь въ томъ случаѣ, когда внушеніе совершенно противорѣчитъ характеру субъекта; но тогда въ его сознаніи уже не можетъ быть одного представленія, и исключеніе здѣсь только подтверждаетъ правило. То же самое происходитъ и у совершенно нормальныхъ людей: всюду, гдѣ представленіе достигаетъ особенной живости и всецѣло овладѣваетъ умомъ, оно съ большею или меньшею неизбѣжностью реализуется въ дѣйствіи.

Если же, напротивъ, ассоціація вводитъ въ сознаніе одновременно *нѣсколько* представленій, то они осуществляются различно, смотря по ихъ взаимному отношенію. Когда эти представленія ни въ чемъ не противорѣчатъ другъ другу, тогда они координируются между собой, соединяются въ одну группу или систему и затѣмъ прямо или послѣ нѣкоторыхъ колебаній переходятъ въ послѣдовательный рядъ дѣйствій. Этотъ законъ можно формулировать такъ: *всѣ представленія, не противорѣчащія другъ другу, стремятся организоваться въ систему и реализовать эту систему.* Наприм., хорошая погода вызываетъ у меня представленіе прогулки пѣшкомъ и представленіе катанья на лодкѣ. Такъ какъ эти два представленія вполнѣ примиримы другъ съ другомъ, то они сливаются вмѣстѣ и послѣдовательно выполняются; я иду гулять на берегъ рѣки, а затѣмъ беру лодку и ѣду кататься.

Но часто представленія противорѣчатъ другъ другу и, слѣдовательно, не могутъ осуществиться вмѣстѣ. Тогда они раздѣляются на нѣсколько враждебныхъ группъ, которыя борются между собой, и отъ исхода этой борьбы зависитъ ихъ реализація. Если противоположныя группы представленій одинаково сильны, то онѣ уравновѣшиваютъ другъ друга и ни

одна изъ нихъ не переходитъ въ дѣйствіе. Вмѣсто дѣйствія наступаетъ состояніе сомнѣній и колебаній, которое иногда разрѣшается тѣмъ, что рядомъ съ борющимися группами представленій выплываютъ на сцену другія, болѣе слабыя представленія и, пользуясь раздоромъ первыхъ, постепенно овладѣваютъ сознаніемъ. Если-же одна изъ борющихся группъ оказывается сильнѣе другихъ, то она вытѣсняетъ ихъ изъ сознанія и затѣмъ безпрепятственно реализуется. Положимъ, наприм., что вмѣстѣ съ мыслью о прогулкѣ и катаньѣ на лодкѣ у меня возникаетъ мысль о необходимости сидѣть дома и заниматься неотложной работой. Такъ какъ прогулка и работа несовмѣстимы другъ съ другомъ, то въ моемъ сознаніи образуются двѣ враждебныхъ группы представленій, которыя сталкиваются между собой и борются за преобладаніе. Пока обѣ эти группы одинаково сильны и уравновѣшиваютъ другъ друга, я колеблюсь и не рѣшаюсь дѣйствовать ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи. Но какъ скоро одна изъ нихъ побѣждаетъ другую, мои сомнѣнія прекращаются и я иду гулять или остаюсь дома работать.

Итакъ, *всякое представленіе стремится къ реализаціи.* Когда оно изолировано, то оно осуществляется непосредственно и неизбѣжно; когда же поле сознанія занимаетъ нѣсколько представленій, то они организуются въ одну или нѣсколько группъ, изъ которыхъ осуществляется сильнѣйшая. То, что иногда называется инстинктомъ подражанія, не есть инстинктъ, а только слѣдствіе силы представленій, которая побуждаетъ ихъ къ реализаціи. Видъ дѣйствія создаетъ стремленіе совершить его.

VI. Вліяніе удовольствія и страданія на двигательныя представленія.—Какъ мы сейчасъ сказали, представленія и образующіяся изъ нихъ группы имѣютъ различную *силу*, которая является однимъ изъ условій ихъ реализаціи.

Откуда же происходитъ эта сила? У человѣка она можетъ имѣть двоякій источникъ: съ одной стороны, чувствованія, съ другой—разумъ и свободную волю. Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ мы изслѣдуемъ только законы аффективной психологіи, то вопросъ объ отношеніи представленій къ разуму и свободѣ мы оставимъ пока въ сторонѣ и разсмотримъ исключительно вліяніе на нихъ *эмоціональныхъ элементовъ*, т, е. чувствованій удовольствія и страданія.

Такъ какъ пріятныя ощущенія сопровождаются увеличеніемъ силы, а непріятныя уменьшеніемъ ея [1]), то въ свою очередь пріятныя представленія имѣютъ силу реализаціи, пропорціональную соединенному съ нимъ удовольствію, а непріятныя представленія дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ и парализуютъ тѣ мускульныя движенія, которыя должны играть роль при ихъ осуществленіи.

Наприм., пріятныя вкусовыя представленія такъ живо дѣйствуютъ на дѣтей, что тѣ часто ѣдятъ вредныя для нихъ лакомства, не смотря на всѣ запрещенія и наказанія. Напротивъ, представленіе о непріятномъ вкусѣ приводитъ ихъ въ такое состояніе, что имъ бываетъ трудно раскрыть ротъ и проглотить какое-нибудь горькое лѣкарство. Точно такъ же парализуетъ движенія страхъ: представляя что-нибудь ужасное, человѣкъ невольно останавливается; его сердце на минуту перестаетъ биться, ноги подкашиваются и языкъ не повинуется волѣ.

Но если съ непріятнымъ представленіемъ ассоціируется другое, способное помѣшать его осуществленію, то это новое представленіе сосредоточиваетъ на себѣ всю психическую энергію и тотчасъ же переходитъ въ дѣйствіе. Представленіе о непріятномъ вкусѣ лѣкарства парализируетъ глотательныя

---

[1]) См. Гл. VI, § III.

движенія ребенка, а желаніе избавиться отъ непріятныхъ ощущеній заставляетъ его отталкивать и выплевывать это лѣкарство. Представленіе угрожающей опасности вызываетъ вмѣстѣ съ страхомъ мысль о бѣгствѣ, и эта мысль немедленно приводится въ исполненіе: парализуя на минуту движенія, страхъ можетъ затѣмъ дать крылья.

Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ сила представленій не зависитъ отъ разума и свободы, она *обусловливается чувствомъ удовольствія*, которое эти представленія могутъ намъ доставить. Изъ двухъ группъ представленій, борющихся въ сознаніи, осуществляется та, которая наиболѣе пріятна или наименѣе непріятна.

РЕЗЮМЭ.

I.—*Всякое ощущеніе ассоціируется съ движеніями* и двигательными ощущеніями. Центромъ этихъ движеній служитъ органъ, чрезъ который получается ощущеніе; но они распространяются и на другія части тѣла.

II.—*Всякое представленіе*, какъ остатокъ ощущенія, также *ассоціируется съ двигательными представленіями и движеніями*, которыя отличаются отъ двигательнаго коэффиціента ощущеній только своею относительною слабостью.

III.—Представленія не только ассоціируются съ движеніями, но *выражаются и осуществляются* въ нихъ. Этотъ законъ можно формулировать такъ: *всякое представленіе стремится реализоваться въ дѣйствіи.*

IV.—Если дѣйствіе возникаетъ помимо ощущеній и представленій, какъ непосредственная реакція на раздраженіе, то оно имѣетъ чисто физіологическій характеръ и называется *рефлексомъ*. Если же оно обусловливается ощущеніями и представленіями, то оно становится въ простѣйшихъ случаяхъ *автоматическимъ движеніемъ*, а въ болѣе сложныхъ *идеомоторнымъ актомъ.*

V.—Представленія переходятъ въ дѣйствіе по слѣдующимъ законамъ. Если въ сознаніи присутствуетъ только одно представленіе, то оно реализуется непосредственно и неизбѣжно. Если въ сознаніи присутствуетъ нѣсколько представленій, ни въ чемъ не противорѣчащихъ другъ другу, то они соединяются въ одну группу

и затѣмъ вся эта группа реализуется въ послѣдовательномъ рядѣ актовъ. Если, наконецъ, въ сознаніи присутствуетъ нѣсколько представленій, противорѣчащихъ другъ другу, то они раздѣляются на нѣсколько враждебныхъ группъ, и изъ этихъ группъ осуществляется сильнѣйшая.

VI.—Сила представленій зависитъ прежде всего отъ связанныхъ съ ними *чувствованій:* удовольствіе усиливаетъ ихъ, а страданіе ослабляетъ, вызывая обыкновенно противоположныя представленія и противоположныя дѣйствія.

Литература.

Вундтъ, Физіологическая психологія, I—II.—**Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, 2 изд.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—*Цигенъ*, Физіологическая психологія.—*Прейеръ*, Душа ребенка.—*Маудсли*, Физіологія и патологія души.—*Карпентеръ*, Основанія физіологіи ума.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, I.—*Дарвинъ*, О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. **Бэнъ*, Психологія.—**Джемсъ*, Психологія.—*Тиченеръ*, Очерки психологіи.—**Рибо*, Психологія вниманія.—**Рише*, Опытъ общей психологіи.—*Бинэ*, Введеніе въ экспериментальную психологію.—*Бинэ и Анри*, Умственное утомленіе.—*Моссо*, Усталость.—*Моссо*, Страхъ.—*Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Гротъ*, Психологія чувствованій.—*Съченовъ*, Психологическіе этюды.—**Съченовъ*, Физіологія нервныхъ центровъ.—*Оршанскій*, Механизмъ нервныхъ процесовъ.—*Соколовъ*, Вѣра. Психологическій этюдъ.

ГЛАВА XII.

Репрезентативныя чувствованія и желанія

I. Законы репрезентативныхъ чувствованій.—II. Психологическія основанія этихъ законовъ.—III. Симпатія и антипатія.—IV. Понятіе и виды желанія.—V. Потребности и склонности.—VI. Склонность къ сохраненію и перемѣнѣ.—VII. Семейныя склонности.—VIII. Общественныя склонности.—IX. Осуществленіе потребностей и склонностей.

I. Законы репрезентативныхъ чувствованій.—Какъ мы сейчасъ показали, реализація представленій въ значительной степени обусловливается связанными съ ними чувствованіями удовольствія и страданія. Но отъ чего зависятъ самыя эти чувствованія? По своему происхожденію и по своему характеру *репрезентативныя чувствованія* такъ же относительны, какъ и физическія: они зависятъ не столько отъ содержанія представленій, сколько отъ ихъ *отношенія* къ другимъ представленіямъ, т. е. въ концѣ концовъ отъ склада нашихъ прежнихъ ассоціацій. Такимъ образомъ, дѣйствуя на представленія, эти чувствованія въ свою очередь обусловливаются ихъ взаимодѣйствіемъ: вступая въ систему ранѣе сложившихся ассоціацій, представленія вызываютъ состоянія удовольствія и страданія и подъ вліяніемъ ихъ реализуются или сходятъ со сцены.

Законы репрезентативныхъ чувствованій можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

1) Всякое *новое* представленіе, которое *легко* входитъ въ наши прежнія ассоціаціи, вызываетъ *пріятное* чувство.

2) Всякое *новое* представленіе, которое входитъ *съ трудомъ* въ наши прежнія ассоціаціи, вызываетъ *непріятное* чувство.

3) Всякое представленіе, которое не заключаетъ въ себѣ *ничего новаго*, не вызываетъ *никакого* чувства.

Такъ, удобная квартира, въ которой мы давно живемъ, успѣхи, которыми мы давно пользуемся, вообще всѣ блага, которыми мы давно владѣемъ и къ которымъ привыкли, уже не доставляютъ намъ болѣе никакого замѣтнаго наслажденія. Представленіе о нихъ уже не ново и потому не имѣетъ прелести. Напротивъ, когда эти блага послѣ долгихъ желаній и ожиданій въ первый разъ выпадаютъ на нашу долю, они кажутся очаровательными: тѣ ощущенія и представленія, которыя они намъ доставляютъ, гармонируютъ съ нашей мечтой и легко входятъ въ наши прежнія ассоціаціи. И если иногда ихъ привлекательность оказывается меньшею, чѣмъ мы предполагали, то это происходитъ оттого, что мы уже отчасти вкусили ихъ въ нашихъ прежнихъ представленіяхъ и эти представленія обезцвѣтили ихъ.

Но если новыя ощущенія и представленія не подготовлены ожиданіемъ, если они не встрѣчаютъ въ нашей душѣ подходящихъ ассоціацій, то они не доставляютъ намъ удовольствія даже въ томъ случаѣ, если сами по себѣ они желательны и пріятны. Внезапное счастіе вызываетъ на первый разъ непріятное потрясеніе. Говорятъ, что радость причиняетъ страданіе; но было-бы правильнѣе сказать, что страданіе причиняется непредвидѣннымъ благомъ. Нужно нѣкоторое время, чтобы представленіе объ этомъ благѣ вошло въ наши прежнія ассоціаціи и оказало надлежащее вліяніе на нашу душевную жизнь.

Съ другой стороны, насъ часто заставляетъ страдать отсутствіе извѣстныхъ ощущеній и представленій. Въ этомъ случаѣ наши наличныя ощущенія и представленія не согласуются съ представленіями прошлаго и это противорѣчіе смущаетъ и мучитъ насъ. Безпорядокъ въ комнатѣ непріятенъ намъ именно потому, что онъ лишаетъ насъ знакомыхъ ощущеній и этимъ нарушаетъ наши привычныя ассоціаціи. Даже недостатокъ нѣкоторыхъ мучительныхъ ощущеній можетъ причинить намъ страданіе, если представленіе о нихъ вошло въ систему нашихъ ассоціацій и стало привычнымъ. Поэтому былъ болѣе правъ, чѣмъ кажется, авторъ одной комедіи, который заставилъ жену, оплакивавшую своего умершаго мужа, говорить: „увы, онъ уже не будетъ меня больше бить!“

Отсюда именно объясняется тотъ фактъ, что молодость любитъ перемѣну, а старость не терпитъ ея. Немногочисленныя и плохо связанныя ассоціаціи молодыхъ людей легко воспринимаютъ новыя представленія; напротивъ, отвердѣвшія и кристаллизовавшіяся ассоціаціи стариковъ отталкиваютъ отъ себя все новое.

II. Психологическія основанія этихъ законовъ.— Объясненія этихъ законовъ нужно искать въ общихъ условіяхъ нашего духовнаго развитія. Разсматривая физическія чувствованія, мы пришли къ тому выводу, что удовольствіе обусловливается тѣми впечатлѣніями, которыя соотвѣтствуютъ нормальнымъ законамъ нашей природы и содѣйствуютъ нашему благосостоянію, а страданіе вызывается тѣми состояніями, которыя нарушаютъ эти законы и причиняютъ намъ вредъ [1]). То-же самое въ сущности нужно сказать и о репрезентативныхъ чувствованіяхъ: они бываютъ пріятными или непріят-

---

[1]). См. гл. VI, § III.

ными, смотря по тому, насколько вызвавшія ихъ представленія *благопріятствуютъ естественному теченію нашей душевной жизни и соотвѣтствуютъ нормальнымъ законамъ ея развитія*. Новое представленіе, легко вступающее въ прежнія ассоціаціи, увеличиваетъ пріобрѣтенія нашего сознанія, обогащаетъ его, не заставляя ничего терять, содѣйствуетъ его развитію, не нарушая его естественныхъ процессовъ, и потому чувствуется какъ удовольствіе. Напротивъ, новое ощущеніе, нарушающее прежнія ассоціаціи, разстраиваетъ сознаніе, лишаетъ его нѣкоторыхъ прежнихъ пріобрѣтеній, задерживаетъ его естественное теченіе или измѣняетъ направленіе его развитія, и потому вызываетъ чувство страданія. Наконецъ, представленіе, не заключающее въ себѣ ничего новаго, является безразличнымъ для нашего сознанія; оно не обогащаетъ его ничѣмъ и не лишаетъ его ничего; оно не содѣйствуетъ его развитію и не препятствуетъ ему, и потому не доставляетъ намъ ни удовольствія, ни страданія.

Какъ удовольствіе, такъ и страданіе пропорціональны числу и важности тѣхъ ассоціацій, которыя поддерживаются или разрушаются новыми представленіями. Этимъ именно объясняется та страшная скорбь, та мучительная нравственная ампутація, какую причиняетъ намъ смерть дорогихъ лицъ. Этимъ же объясняется и то облегченіе, какое приноситъ страданію время: на мѣстѣ разрушенныхъ ассоціацій образуются новыя, которыя постепенно пріобрѣтаютъ господствующее вліяніе и рана заживаетъ. Вотъ почему лица съ живымъ и пылкимъ воображеніемъ, у которыхъ ассоціаціи образуются и измѣняются особенно быстро, сначала очень глубоко страдаютъ, а затѣмъ скоро забываютъ о своихъ страданіяхъ. Иногда разстройство привычныхъ ассоціацій можетъ быть настолько сильно, что представленія уже не въ состояніи вновь организоваться: тогда наступаетъ помѣша-

тельство. Влѣдствіе связи нарушенныхъ ассоціацій съ двигательными представленіями и мускульными движеніями, необходимыми для сохраненія жизни, ихъ разстройство можетъ сопровождаться патологическими измѣненіями въ кровообращеніи, пищевареніи или дыханіи, которыя влекутъ за собою смерть. Въ такихъ случаяхъ люди буквально умираютъ отъ горя.

III. Симпатія и антипатія.—Если предметомъ репрезентативныхъ чувствованій являются не вещи, а лица, то эти чувствованія получаютъ спеціальную форму *симпатіи* и *антипатіи*. Симпатія есть не что иное, какъ удовольствіе, которое доставляетъ намъ видъ человѣка, пробуждающаго по ассоціаціи и часто безъ нашего вѣдома пріятныя представленія. Декартъ, полюбивъ въ молодости особу, которая имѣла косые глаза, сохранилъ на всю жизнь симпатію къ людямъ съ неправильнымъ зрѣніемъ. Мы чувствуемъ симпатію къ тѣмъ, кому мы сдѣлали добро, потому что представленіе о нихъ ассоціируется въ нашемъ умѣ съ удовольствіемъ, которое доставила намъ наша дѣятельность.

Напротивъ, антипатія есть неудовольствіе, которое доставляетъ намъ видъ человѣка, пробуждающаго по ассоціаціи и часто даже безъ нашего вѣдома непріятныя представленія. Мы можемъ чувствовать антипатію не только къ людямъ, причинившимъ намъ вредъ, но и къ людямъ, избавившимъ насъ отъ страданія, потому что представленіе о нихъ связывается въ нашемъ умѣ съ мучительнымъ чувствомъ нашей собственной слабости.

IV. Понятіе и виды желанія.—Когда группы представленій вызываютъ чувствованія удовольствія и страданія и подъ вліяніемъ ихъ стремятся перейти въ дѣйствіе или устранить другъ друга, то это стремленіе сознается нами какъ *желаніе*. Такимъ образомъ, желаніе есть *стремленіе*,

осуществить пріятныя представленія и устранить непріятныя, или, другими словами, *стремленіе достигнуть удовольствія и избѣжать страданія.*

Всякое желаніе *начинается страданіемъ и кончается удовольствіемъ*. Оно предполагаетъ, съ одной стороны, мучительное чувство лишенія, съ другой—пріятное представленіе объ обладаніи тѣмъ, чего мы лишены. Тотъ, кто не страдаетъ отъ недостатка какихъ нибудь благъ, точно такъ же не можетъ желать ихъ, какъ и тотъ, кто не понимаетъ удовольствія владѣть ими. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что страданіе есть дѣйствующая причина желанія, а удовольствіе—его конечная причина.

Желанія могутъ быть *опредѣленными* и *неопредѣленными*. Иногда они возникаютъ изъ смутныхъ состояній неудовлетворенности, усталости или стѣсненія, недостаточно сильныхъ, чтобы вызвать опредѣленныя двигательныя представленія, и выражаются въ неясномъ стремленіи къ перемѣнѣ положенія. Къ такимъ неяснымъ желаніямъ принадлежитъ, наприм., то, что называется скукой. Но обыкновенно представленія и чувства, изъ которыхъ слагаются эти состоянія, постепенно упорядочиваются, систематизируются, проясняются и даютъ желаніямъ болѣе или менѣе опредѣленную форму. Такъ, смутныя представленія, порождающія скуку, могутъ сложиться въ систематическія группы, и тогда скука смѣняется желаніемъ совершить путешествіе или приняться за то или иное занятіе.

Далѣе, желанія могутъ быть *общими* и *частными*. Въ первомъ случаѣ они возникаютъ изъ цѣлой совокупности ощущеній и представленій и образуютъ классъ *общихъ стремленій*, аналогичный съ общими представленіями. Таково, наприм., общее желаніе ѣсть или пить; таково общее желаніе скучающаго человѣка совершить путешествіе, безъ даль-

нѣйшихъ разсужденій о времени, направленіи и конечной цѣли этого путешествія. Во второмъ случаѣ желанія опредѣляются отдѣльными ощущеніями и представленіями. Такъ, наприм., желаніе отправиться путешествовать въ такое-то время, въ такія-то мѣста, въ такомъ-то обществѣ, при такихъ-то условіяхъ, будетъ уже не общимъ, а спеціальнымъ или частнымъ.

Наконецъ, желанія могутъ быть *физическими* и *моральными*. Въ первомъ случаѣ они вытекаютъ изъ органическихъ ощущеній и бываютъ направлены на удовлетвореніе тѣлесныхъ нуждъ; во второмъ они являются результатомъ болѣе или менѣе сложныхъ ассоціацій и сосредоточиваются на удовлетвореніи духовныхъ интересовъ, правильныхъ или ложныхъ, дѣйствительныхъ или призрачныхъ.

V. Потребности и склонности. — Общія физическія желанія, возобновляющіяся періодически, обыкновенно называются потребностями. Главными изъ нихъ являются голодъ, жажда, потребность въ движеніи и потребность въ покоѣ. Всѣ потребности имѣютъ постоянный *ритмъ*: слѣдуя общему закону желаній, онѣ начинаются страданіемъ и кончаются удовольствіемъ; затѣмъ наступаетъ болѣе или менѣе продолжительный перерывъ, послѣ котораго снова появляется страданіе и т. д. Наприм., голодъ и жажда сначала вызываютъ страданіе, а потомъ, будучи удовлетворены, становятся источниками наслажденія; послѣ этого слѣдуетъ довольно продолжительный покой, и страданіе возвращается лишь тогда, когда организмъ подвергнется потерямъ, требующимъ новаго питанія. Въ потребностяхъ время покоя продолжительнѣе времени дѣятельности. Поэтому о человѣкѣ, который вѣчно голоденъ, можно сказать, что онъ боленъ физически или нравственно: это или обжора, или человѣкъ съ дурнымъ пищевареніемъ.

Общія моральныя желанія, имѣющія продолжительный или постоянный характеръ, называются *склонностями*. Склонности могутъ быть рефлексивными, т. е. основанными на разумѣ и свободѣ, и аффективными, т. е. основанными на чувственныхъ впечатлѣніяхъ и ассоціаціяхъ. Здѣсь мы должны имѣть въ виду исключительно послѣднія. Главныя изъ нихъ слѣдующія: склонность *къ сохраненію и перемѣнѣ*, склонности *семейныя* и склонности *общественныя*. Разсмотримъ ихъ подробнѣе.

VI. Склонность къ сохраненію и перемѣнѣ.—Всѣ люди до нѣкоторой степени боятся перемѣнъ и склонны сохранять то, что у нихъ есть, въ томъ видѣ, какъ оно есть; и въ то же самое время у всѣхъ ихъ существуетъ нѣкоторая склонность къ измѣненіямъ, которая побуждаетъ ихъ улучшать свое состояніе или просто измѣнять его ради перемѣны. Эта двоякая и противорѣчивая склонность замѣчается во всякомъ возрастѣ и на всѣхъ ступеняхъ развитія. Школьникъ радуется всякому измѣненію въ порядкахъ своей школы, а потомъ чувствуетъ себя выбитымъ изъ привычной колеи и скучаетъ. Но между обѣими склонностями далеко не всегда поддерживается равновѣсіе. Вотъ почему консервативныя склонности могутъ породить не только разумное сопротивленіе необдуманнымъ перемѣнамъ, но регрессъ и рутину; а склонность къ измѣненію можетъ вызвать не только прогрессъ, но и просто непостоянство.

Склонность къ домосѣдству есть видъ склонности къ сохраненію. Извѣстно, какъ сильна она у стариковъ, которые боятся малѣйшаго путешествія, самой незначительной перемѣны мѣста. Она происходитъ оттого, что нѣкоторыя группы зрительныхъ ощущеній и представленій такъ прочно ассоціируются съ другими, что послѣднія безъ нихъ теряютъ свою силу, свою живость и, слѣдовательно, свою пріятность. Тоска

по родинѣ основывается на той-же склонности и тѣхъ-же ассоціаціяхъ; и даже самая любовь къ родинѣ имѣетъ въ нихъ свой первоначальный источникъ.

VII. Семейныя склонности.—Ту-же ассоціативную основу имѣютъ семейныя склонности. Благодаря одному только факту присутствія ребенка въ семьѣ, его образъ становится элементомъ привычныхъ ассоціацій его родителей, а образъ родителей въ свою очередь становится частью его собственныхъ привычныхъ ассоціацій. Такимъ образомъ, въ сознаніи членовъ семьи образуется прочная группа представленій другъ о другѣ, въ которой каждый элементъ тѣсно связанъ съ другими и не можетъ исчезнуть безъ глубокаго потрясенія остальныхъ. Вотъ почему интересы семьи становятся дороги для каждаго изъ ея представителей и семейныя горести дѣлаются такими же общими, какъ и радости.

Семейныя склонности свойственны не только людямъ, но и животнымъ, у которыхъ ихъ прочность и продолжительность зависитъ отъ психическихъ и физіологическихъ особенностей вида. Наиболѣе прочная семейная связь въ животномъ мірѣ существуетъ между матерью и дѣтенышами у млекопитающихъ. Но она продолжается у нихъ лишь въ періодъ кормленія дѣтенышей: какъ скоро прекращается выдѣленіе молока, дѣтеныши, за очень рѣдкими исключеніями, становятся для матери какъ-бы чужими. Вѣроятно, измѣненіе физіологическаго состоянія производитъ у животныхъ нарушеніе психическихъ процессовъ, аналогичное тому, какое мы увидимъ далѣе у человѣка при амнезіи [1]).

VIII. Общественныя склонности. — Общественныя склонности, которыя замѣчаются также не только у человѣка, но и у нѣкоторыхъ животныхъ, побуждаютъ существо сближаться

---

[1]) См. Гл. XXX, § VII.

съ себѣ подобными и защищать ихъ, когда на нихъ нападаютъ. У тѣхъ изъ животныхъ, взаимныя отношенія которыхъ не являются слѣдствіемъ чистыхъ инстинктовъ, образованіе общественныхъ склонностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ общественныхъ группъ объясняется слѣдующимъ образомъ.

Всякое животное имѣетъ о самомъ себѣ нѣкоторое чувственное представленіе, главнымъ образомъ обонятельное и зрительное. Отсюда, по законамъ репрезентативныхъ чувствованій, присутствіе существа, очень различнаго отъ него самого, должно быть для него мучительнымъ, а присутствіе существа, подобнаго ему, напротивъ,—пріятнымъ. Если достаточно пищи для всѣхъ и нѣтъ внѣшнихъ причинъ, которыя могли-бы сдѣлать особей одного и того-же вида непріятными другъ другу, то всѣ онѣ естественно будутъ стремиться къ взаимному сближенію. Когда наступитъ опасность и одна изъ особей подвергнется нападенію, каждая изъ остальныхъ почувствуетъ въ себѣ отраженіе ея страданія и подъ вліяніемъ этого чувства сдѣлаетъ рядъ оборонительныхъ движеній противъ врага. Такимъ образомъ, частный врагъ сдѣлается общимъ въ силу однѣхъ психологическихъ ассоціацій. Извѣстно, что особи нѣкоторыхъ породъ, наприм. буйволы, находясь въ изолированномъ состояніи, бываютъ осуждены на вѣрную гибель въ странахъ, изобилующихъ сильными дикими звѣрями, и только тѣ изъ нихъ, которыя соединяются въ стада, имѣютъ нѣкоторые шансы на жизнь; поэтому такихъ животныхъ обыкновенно и встрѣчаютъ стадами. Такимъ образомъ, общественные союзы имѣютъ свой источникъ отчасти въ простой ассоціаціи представленій.

Въ силу того-же психологическаго механизма животныя бываютъ способны сближаться съ существами иного рода, чѣмъ они. Такъ, собака привязывается къ своему господину; въ зоологическихъ садахъ можно видѣть львовъ, привязав-

шихся къ другимъ животнымъ, помѣщеннымъ въ одной клѣткѣ съ ними.

IX. Осуществленіе потребностей и склонностей.—Какъ мы сказали, потребности и склонности суть виды общихъ стремленій, тѣсно связанныхъ съ аналогичными имъ общими представленіями. Чтобы осуществиться на дѣлѣ, эти общія стремленія должны подвергнуться извѣстной метаморфозѣ: они должны ассоціироваться съ отдѣльными представленіями или ощущеніями, превратиться подъ вліяніемъ ихъ въ частныя желанія и выразиться въ послѣдовательномъ рядѣ отдѣльныхъ актовъ. Возьмемъ человѣка, который въ дорогѣ чувствуетъ жажду, т. е., другими словами, имѣетъ общее стремленіе напиться. У него нѣтъ съ собою ни запаса воды, ни кружки или стакана для питья. Гдѣ, когда и какъ онъ напьется? Общее стремленіе или потребность, которую онъ чувствуетъ, конечно, не опредѣляетъ этого. Но вотъ онъ видитъ источникъ и, подойдя къ нему, безъ дальнѣйшихъ размышленій тотчасъ-же пьетъ горстью. Что произошло съ нимъ? Общее стремленіе напится ассоціировалось у него съ зрительнымъ ощущеніемъ источника и превратилось въ частное стремленіе напиться воды изъ этого именно источника; сюда по дальнѣйшей ассоціаціи присоединилась мысль о возможности пить безъ кружки при помощи горсти,—и стремленіе тотчасъ-же перешло въ дѣйствіе. Подобнымъ же образомъ должны дѣйствовать животныя. Какъ хорошо замѣтилъ Аристотель, въ основѣ такихъ дѣйствій лежитъ нѣчто въ родѣ силлогизма: нужно пить, говоритъ потребность; вотъ вода, говоритъ ощущеніе, и животное тотчасъ-же пьетъ.

РЕЗЮМЭ.

I.—*Репрезентативныя чувствованія* зависятъ отъ склада нашихъ прежнихъ ассоціацій. Представленія вызываютъ удовольствіе или

страданіе, смотря по тому, насколько они *новы* и насколько *легко входятъ въ прежнія ассоціаціи.*

II.—Психологическое основаніе этихъ законовъ заключается въ общихъ условіяхъ нашего духовнаго развитія: новыя представленія, легко вступающія въ систему прежнихъ ассоціацій, пріятны потому, что они *содѣйствуютъ психическому развитію, не нарушая нормальнаго теченія душевной жизни;* напротивъ, представленія, лишенныя новизны и противорѣчащія прежнимъ ассоціаціямъ, непріятны потому, что они *препятствуютъ духовному развитію или нарушаютъ обычный ходъ психическихъ процессовъ.*

III.—Спеціальную форму репрезентативныхъ чувствованій составляютъ *симпатія* и *антипатія* къ людямъ. Эти чувствованія суть виды удовольствія и страданія, вытекающіе изъ ассоціацій, связанныхъ съ представленіемъ человѣка.

IV.—Стремленіе достигнуть удовольствія и избѣжать страданія называется *желаніемъ.* Общій законъ желаній состоитъ въ томъ, что всякое желаніе *начинается страданіемъ и кончается удовольствіемъ.* Желанія бываютъ *опредѣленными* и *неопредѣленными, общими* и *частными, физическими* и *моральными.*

V.—Общія физическія желанія, возобновляющіяся періодически какъ, наприм., голодъ, жажда, потребность въ движеніи и потребность въ покоѣ, называются *потребностями.* Общія моральныя желанія, имѣющія продолжительный или постоянный характеръ: называются *склонностями.* Главныя аффективныя склонности суть, склонность къ сохраненію и перемѣнѣ, склонности семейныя и склонности общественныя.

VI.—*Склонность къ сохраненію* побуждаетъ насъ упорно держаться привычекъ всякаго рода и избѣгать новизны, а *склонность къ перемѣнѣ* ведетъ къ противоположному. Та и другая склонность зависитъ отъ свойства нашихъ ассоціацій, ихъ относительной прочности или подвижности.

VII.—*Семейныя склонности* имѣютъ также ассоціативную основу: онѣ соединяютъ членовъ одной семьи на почвѣ ихъ привычныхъ представленій другъ о другѣ. Эти склонности свойственны не только человѣку, но отчасти и высшимъ животнымъ.

VIII,—Наконецъ, *общественныя склонности,* которыя также существуютъ не только у человѣка, но и у нѣкоторыхъ животныхъ, первоначально обусловливаются тѣми-же психологическими законами: онѣ соединяютъ для совмѣстной жизни и защиты индивидуумовъ, принадлежащихъ обыкновенно къ одному и тому-же виду и ставшихъ близкими другъ другу въ силу привычныхъ ассоціацій.

IX.—Чтобы перейти въ дѣйствія, потребности и склонности должны сначала ассоціироваться съ отдѣльными ощущеніями и подъ вліяніемъ ихъ превратиться изъ общихъ стремленій въ частныя желанія.

Литература.

*Бэнъ, Психологія.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, I-II.—*Джемсъ*. Психологія.—*Тиченеръ*, Очерки психологіи.—*Маудсли*, Физіологія и патологія души.—*Вундтъ*, Физіологическая психологія. II.—*Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, 2 изд.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—**Гефдингъ*, Очерки психологіи.—**Рибо*, Психологія чувствъ.—*Ульрици*, Душа и тѣло.—*Гротъ*, Психологія чувствованій.—*Троицкій*, Наука о духѣ, I.—*Владиславлевъ*, Психологія. I-II—*Ушинскій*, Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія.—**Снегиревъ*, Психологія.—*Эспинасъ*, Соціальная жизнь животныхъ.—*Адамъ Смитъ*, Теорія нравственныхъ чувствъ.—*Потѣхинъ*, Значеніе чувствованій въ душевной жизни человѣка.—*Лентичъ*, О своенравныхъ настроеніяхъ.

ГЛАВА XIII.

Инстинктъ.

I. Понятіе и свойства инстинкта.—II. Безсознательность инстинкта.—III. Безошибочность инстинкта.—IV. Неизмѣнность инстинкта.—V. Прирожденность инстинкта.—VI. Зависимость инстинкта отъ организаціи вида.—VII. Природа инстинкта.—VIII. Осуществленіе инстинкта.

I. Понятіе и свойства инстинкта.—Кромѣ сознательныхъ и пріобрѣтенныхъ стремленій къ дѣйствію, вытекающихъ изъ представленій, сознательныя существа подчиняются еще другимъ, врожденнымъ стремленіямъ, которыя называются *инстинктами*. Въ этомъ смыслѣ инстинктъ можно опредѣлить какъ *врожденное стремленіе къ осуществленію извѣстныхъ движеній, полезныхъ для сохраненія индивидуума или вида*. Благодаря именно инстинкту бобры сооружаютъ свои плотины и жилища; благодаря ему пчелы строятъ свои соты.

Инстинктъ можно распознать по слѣдующимъ пяти признакамъ: 1) Онъ *не знаетъ своей цѣли*. 2) Онъ *безошибоченъ*. 3) Онъ *неизмѣненъ* и не допускаетъ прогресса. 4) Онъ *прирожденъ* и предшествуетъ опыту. 5) Онъ совершенно одинаковъ у индивидуумовъ одного и того же вида, и различается у особей разныхъ видовъ, т. е. *зависитъ отъ ихъ видовой организаціи*.

II. Безсознательность инстинкта.—Незнаніе цѣли

является очевиднымъ въ большинствѣ дѣйствій животныхъ. Кювье, наблюдавшій бобровъ въ Парижскомъ музеѣ естественной исторіи, клалъ въ ихъ клѣтку матеріалы для постройки и бобры строили плотину, хотя она уже ни къ чему не могла имъ служить. Подобное же бываетъ и въ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ человѣка. Когда, наприм., мы оступимся, мы совершаемъ рядъ движеній съ цѣлью предупредить паденіе; но сознаніе этой цѣли является у насъ только послѣ того, когда движенія уже совершены. Въ этомъ случаѣ мы дѣйствуемъ по безсознательному инстинкту. Носильщикъ, сгибающій свое тѣло, чтобы сохранить равновѣсіе, дѣйствуетъ также по инстинкту, потому что онъ не имѣетъ никакого яснаго представленія о цѣли, которую онъ преслѣдуетъ этимъ дѣйствіемъ, и ничего не знаетъ о физическомъ законѣ центра тяжести.

III. Безошибочность инстинкта. — Удивительныхъ сооруженій бобровъ было бы достаточно для доказательства безошибочности инстинкта. Бобры строятъ свои плотины по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства. Но вотъ еще примѣръ. Нѣкоторыя изъ перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ, наприм., песочная оса *(Ammophila sabulosa)*, нуждаются для кормленія своихъ личинокъ въ мясѣ живыхъ гусеницъ; и вотъ какъ они поступаютъ, чтобы сохранить свою жертву живою и въ то же время сдѣлать ее неподвижной: они прокалываютъ у гусеницы своимъ жаломъ всѣ нервные узлы, управляющіе ея кольцами, и затѣмъ, дойдя до головы, мнутъ ее въ своихъ челюстяхъ, пока гусеница не сдѣлается совершенно парализованной, не переставая однако жить. Если даже справедливо и вѣроятно, что насѣкомое нѣсколько разъ принимается за свою жертву, чтобы найти и проколоть каждый ея нервный центръ, то все-таки остается несомнѣннымъ, что физіологическія и анатомическія знанія, которыя предполагаетъ эта сложная операція, много превышаютъ умственныя способ-

ности насѣкомыхъ. Здѣсь существуетъ столь совершенное приспособленіе средствъ къ цѣли, что мы нисколько не преувеличимъ, если назовемъ его безошибочнымъ.

IV. Неизмѣнность инстинкта.—Если инстинктъ безошибоченъ, какъ мы сейчасъ показали, то онъ, очевидно, неизмѣненъ и не можетъ прогрессировать. Это не значитъ, конечно, что всѣ инстинктивныя дѣйствія необходимо должны быть тожественны: когда измѣняются подъ вліяніемъ среды условія приложенія инстинкта, то измѣняются и зависящія отъ него дѣйствія. Но въ этихъ случаяхъ мѣняются именно только инстинктивныя *дѣйствія;* самый же *инстинктъ* остается одинъ и тотъ-же. Эти дѣйствія составляютъ только его *приспособленіе,* а не прогрессъ. Прогрессировать—значитъ переходить отъ дурнаго состоянія къ хорошему и отъ хорошаго къ лучшему; приспособляться—значитъ мѣнять способъ дѣйствія для сохраненія того же самаго состоянія. Мѣнять одежду, смотря по времени года, не значитъ прогрессировать, а только приспособляться. Животное, которое, за недостаткомъ извѣстнаго рода добычи, измѣняетъ свои дѣйствія и свои привычные способы охоты, приспособляясь къ ловлѣ другой дичи, ни въ какомъ случаѣ не прогрессируетъ. Оно можетъ обнаруживать прогрессъ въ другихъ отношеніяхъ, но во всемъ, что зависитъ прямо и исключительно отъ инстинкта, оно всегда остается на одной и той-же ступени.

V. Прирожденность инстинкта.—Ясно, что если-бы никакой внутренній импульсъ ни побуждалъ живое существо дѣйствовать извѣстнымъ образомъ ранѣе всякаго опыта и, слѣдовательно, ранѣе всякаго познанія, то оно умерло-бы прежде чѣмъ что нибудь узнать. Чтобы знать, нужно жить, а чтобы жить, нужно сначала дѣйствовать; слѣдовательно, способность дѣйствовать уже должна предшествовать знанію. Такимъ образомъ, инстинкты прирожденны. Въ самомъ дѣлѣ,

что стало-бы съ ребенкомъ, если бы ему нужно было учиться сосать? Что стало бы съ породой песочныхъ осъ, если бы имъ нужно было напередъ учиться парализовать гусеницу? Въ началѣ всякой жизни уже обнаруживаются опредѣленныя направленія движеній; и если бы даже всѣ другіе инстинкты можно было свести къ наслѣдственнымъ привычкамъ, все-таки нужно было-бы признать, что инстинкты, обусловливавшіе жизнь перваго живаго существа, уклонялись отъ этого закона и были даны вмѣстѣ съ самой его природой.

VI. Зависимость инстинкта отъ организаціи вида.—Инстинкты одинаковы у существъ одного и того-же вида и различны у особей разныхъ видовъ. Всѣ ласточки обыкновенно вьютъ гнѣзда на одинъ манеръ; всѣ пчелы строятъ свои соты однимъ и тѣмъ-же способомъ. Но иволги строятъ свои гнѣзда иначе, чѣмъ щеглы; воробьи имѣютъ иные инстинкты, чѣмъ голуби; куры по инстинктамъ не походятъ на утокъ. Такимъ образомъ, инстинкты зависятъ отъ видовыхъ особенностей живыхъ существъ, отъ ихъ видовой организаціи.

Можно, конечно, спорить о томъ, что чему первоначально предшествовало,—видовая организація инстинктамъ, или, быть можетъ, инстинкты видовой организаціи. Но на теперешней стадіи развитія зависимость инстинктовъ отъ свойствъ вида совершенно ясна. Такъ, наприм., инстинкты питанія у животныхъ уже заранѣе опредѣляются самымъ устройствомъ ихъ пищеварительнаго аппарата. Если плотоядныя имѣютъ инстинкты плотоядныхъ, то именно потому, что малая длина ихъ пищеварительнаго канала съ трудомъ позволяетъ имъ переваривать травы. Если шакалъ и гіенна имѣютъ инстинктъ отыскивать скорѣе падаль, чѣмъ живую добычу, то это зависитъ отъ ноздреватаго строенія ихъ зубовъ, которое не позволяетъ имъ раздирать слишкомъ плотныя ткани неиспорченнаго мяса.

VII. Природа инстинкта.—Существуетъ взглядъ, что

инстинктъ имѣетъ чисто психологическую природу. Животное, по этой теоріи, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ полусознательныхъ представленій, напоминающихъ гипнотическія внушенія. Такъ, будто-бы, птица вьетъ свое гнѣздо, побуждаемая къ этому представленіемъ о будущихъ дѣтенышахъ. Весь рядъ ея дѣйствій автоматически развивается подъ вліяніемъ этого конечнаго представленія, подобно тому, какъ развивается рядъ нашихъ движеній, когда, наприм., мы предполагаемъ сдѣлать какую нибудь маленькую покупку: мы совершаемъ множество мелкихъ актовъ, необходимыхъ для этой конечной цѣли, нисколько не думая о нихъ. Однако это психологическое объясненіе инстинкта проблематично и смѣло. Если у животнаго есть представленія и вытекающія изъ нихъ стремленія, то оно не можетъ имѣть ихъ ранѣе ощущеній. Но чтобы получить ощущенія и научиться чему-нибудь, нужно, какъ мы выше сказали, сначала жить, и дѣйствовать, чтобы жить.

Мы согласимся скорѣе съ мнѣніемъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что инстинктъ есть только *сочетаніе координированныхъ рефлексовъ* въ зависимости отъ своеобразной организаціи живыхъ существъ. Какъ скоро дана извѣстная организація животнаго, его рефлекторныя дѣйствія систематизируются и координируются такимъ образомъ, чтобы благопріятствовать развитію этой организаціи и противиться всякому акту, который могъ-бы вредить ей. Съ этой точки зрѣнія инстинктъ будетъ уже *физіологическимъ* явленіемъ.

VIII. Осуществленіе инстинкта.—Однако инстинктивныя дѣйствія имѣютъ и *психологическую* сторону. Въ самомъ дѣлѣ, нужно различать между инстинктомъ самимъ по себѣ, который есть только общее стремленіе или импульсъ дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи, и отдѣльными инстинктивными дѣйствіями, которыя суть *осуществленіе* этого стремленія, реализація этого импульса въ формѣ опредѣленныхъ движеній.

Если инстинктивное стремленіе имѣетъ физіологическія причины, то дѣйствія, въ которыхъ оно осуществляется, невозможны безъ психологическаго факта *ощущеній*. Только наличное ощущеніе опредѣляетъ точку приложенія инстинкта и сообщаетъ дѣйствію его своеобразную форму, по закону всѣхъ общихъ стремленій [1]).

Такъ, песочная оса, о которой мы говорили, дѣйствуетъ сообразно своему инстинкту подъ вліяніемъ вида гусеницы. Зрительное ощущеніе гусеницы присоединяется къ инстинктивному стремленію и превращаетъ его въ актъ. Парализуя свою добычу, песочная оса дѣйствуетъ не какъ машина, всегда одинаково распредѣляющая свои удары; она видоизмѣняетъ ихъ силу и разстоянія, смотря по толщинѣ гусеницы и длинѣ ея колецъ. Ощущеніе служитъ здѣсь ей руководителемъ. Одинъ наблюдатель даже замѣтилъ, что она далеко не всегда успѣваетъ съ перваго удара проколоть нервные узлы каждаго кольца, и это доказываетъ, что ея дѣйствія регулируются не только инстинктомъ, но и непосредственными ощущеніями. Если ощущенія ее обманываютъ, то ея удары могутъ быть неправильны и не достигаютъ цѣли. Вотъ почему въ дѣйствіяхъ животныхъ бываютъ возможны ошибки, отъ которыхъ самый инстинктъ совершенно свободенъ.

Такимъ образомъ, однимъ инстинктомъ нельзя всецѣло объяснить дѣйствій животныхъ: кромѣ инстинкта они руководятся еще ощущеніями. Другими словами, ихъ дѣйствія суть функціи неизмѣннаго инстинкта и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно измѣнчивыхъ и способныхъ къ ошибкамъ ощущеній. Отсюда, дѣйствія животныхъ, даже наиболѣе зависимыя отъ инстинктовъ, какъ, наприм., постройки пчелъ или ласточекъ, могутъ быть измѣнчивы; но изъ ихъ измѣнчивости нельзя

---

[1]) См. гл. XII, § IX.

вывести никакого серьезнаго доказательства противъ неизмѣнности самого инстинкта.

РЕЗЮМЭ.

I.—Инстинктъ есть *врожденное стремленіе къ осуществленію тѣхъ которыхъ дѣйствій, полезныхъ для сохраненія индивидуума или вида.*

II.—Онъ *безсознателенъ*, т. е. не знаетъ своей цѣли и дѣйствуетъ слѣпо въ одномъ и томъ-же направленіи.

III.—Онъ *безошибоченъ*, т. е. въ совершенствѣ приспособленъ къ достиженію той безсознательной цѣли, которая имъ руководитъ.

IV.—Онъ *неизмѣненъ*, т. е. не допускаетъ развитія и прогресса. Могутъ измѣняться только формы примѣненія инстинкта, или инстинктивныя дѣйствія, но не самый инстинктъ.

V.—Онъ *прирожденъ*, т. е. предшествуетъ всякому опыту и познанію и составляетъ предварительное условіе самаго существованія живыхъ существъ.

VI.—Онъ одинаковъ у существъ одного и того-же вида и различенъ у особей разныхъ видовъ, т. е. *зависитъ отъ ихъ видовой организаціи.*

VII.—По своей природѣ инстинктъ едва ли можетъ быть чисто психологическимъ явленіемъ, подобнымъ, наприм., гипнотическому внушенію. Онъ представляетъ собой скорѣе *систему координированныхъ рефлексовъ.*

VIII.—Инстинктъ осуществляется въ дѣйствіяхъ чрезъ посредство *ощущеній*, которыя объясняютъ разнообразіе и измѣнчивость въ его проявленіяхъ, не смотря на его неизмѣнность по существу.

Литература.

Дарвинъ, Происхожденіе видовъ.—*Дарвинъ*, Происхожденіе человѣка —*Уоллесъ*, Естественный подборъ.—*Ромэнсъ*, Умъ животныхъ.—*Лёббокъ*, Муравьи, пчелы и осы.—**Морганъ*, Привычка и инстинктъ.—**Спенсеръ*, Основанія психологіи, I. — *Бэнъ*, *Психологія.* — *Льюисъ*, Вопросы о жизни и духѣ.—**Джемсъ*, Психологія.—**Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, 2 изд.—*Эспинасъ*, Соціальная жизнь животныхъ.—*Фаберъ*, Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ.—**Флурансъ*, Объ инстинктѣ и умѣ животныхъ.—*Рише*, Опытъ общей психологіи.—*Вл. Вагнеръ*, Вопросы зоопсихологіи. — *Вагнеръ*, Психологія животныхъ.—*Холодковскій*, Инстинктъ и разумъ (*Науч. Обозрѣніе*, 1897, январь).—*Прейеръ*, Душа ребенка.—*Метерлинкъ*, Жизнь пчелъ.

ГЛАВА XIX.

Привычка.

I. Понятіе привычки и условія ея возникновенія.—II. Привычка у живыхъ существъ.—III. Физическія, умственныя и нравственныя привычки.—IV. Вліяніе привычки на ощущенія, чувства и стремленія.—V, Безсознательность привычныхъ дѣйствій. — VI. Наслѣдственныя привычки.—VII. Переходъ ко второй части.

I. Понятіе привычки и условія ея возникновенія.— Какъ мы сказали выше, основной законъ психической жизни есть *сохраненіе ея элементовъ* [1]). Этотъ законъ лежитъ въ природѣ всякаго бытія вообще и основывается на его субстанціальной неизмѣнности. Элементы сознанія точно такъ-же не исчезаютъ безслѣдно, какъ и элементы вещей; наши представленія, мысли и желанія такъ-же стремятся къ сохраненію, какъ недѣлимыя частицы и силы матеріи. Но законъ сохраненія простирается не только на неизмѣнные элементы бытія, а отчасти и на его измѣнчивыя *формы* и *отношенія*. Все существующее стремится сохранить вмѣстѣ съ своимъ существованіемъ и ту форму, въ которой оно существуетъ. Измѣненія съ теченіемъ времени превращаются въ устойчивыя состоянія, становятся новою природой существъ и вещей и производятся тѣмъ легче, чѣмъ чаще они повторяются. Такая *способность существъ и вещей сохранять ранѣе пріобрѣтенныя измѣненія и болѣе или*

---

[1]) См. гл. VIII, § IV.

менѣе легко воспроизводить ихъ есть то, что въ общемъ смыслѣ называется *привычкой.*

Для того, чтобы измѣненіе могло стать привычнымъ, оно должно соотвѣтствовать остальнымъ свойствамъ существа или вещи и не противорѣчить ихъ природѣ. Камень нельзя пріучить летать по воздуху, а животное—жить безъ пищи; собака не можетъ пріобрѣсти навыка оставаться безъ дыханія, а человѣкъ не можетъ привыкнуть повторять постоянно одинъ и тотъ же рядъ движеній. Всякій піанистъ знаетъ, что послѣ повторенія нѣсколько разъ одной и той-же аппликатуры на фортепіано пальцы судорожно сжимаются, и продолженіе такого упражненія было-бы скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Привычка усвояется лучше послѣ отдыха.

Привычка начинается съ перваго измѣненія. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы послѣ перваго измѣненія не оставалось ничего, то привычка не могла-бы образоваться и послѣ сотни или тысячи повтореній этого измѣненія. Аристотель говорилъ по этому поводу, что одна ласточка не дѣлаетъ весны; эта правда, но она ее возвѣщаетъ.

II. Привычка живыхъ существъ.—Какъ простое сохраненіе ранѣе пріобрѣтенныхъ измѣненій, привычка свойственна не только живымъ существамъ, но и всѣмъ вообще формамъ бытія. Разъ согнутый кусокъ бумаги никогда не сдѣлается вновь совершенно гладкимъ и всегда будетъ легче складываться въ прежнихъ сгибахъ; одежда примѣняется къ тѣлу, сохраняя привычныя складки, и проч.

Но у живыхъ и сознательныхъ существъ привычка, какъ функція ихъ самодѣятельности, порождаетъ другія явленія, управляемыя новымъ закономъ, который можно формулировать такъ: *непрерывность или повтореніе какого-нибудь измѣненія создаетъ стремленіе самостоятельно воспроизводить это измѣненіе.*

Въ самомъ дѣлѣ, у неодушевленныхъ существъ источникъ дѣятельности, способный производить въ нихъ измѣненія, лежитъ внѣ ихъ; такъ бумага сгибается не сама собою, а внѣшнею силой. Привычка можетъ только увеличить ихъ пластичность и уменьшить трату силы внѣшнихъ дѣятелей, сообщающихъ имъ измѣненія; бумага по привычкѣ можетъ только легче складываться въ старыхъ сгибахъ. Напротивъ, у живыхъ и сознательныхъ существъ источникъ дѣятельности находится внутри нихъ самихъ; собака, наприм., сама лаетъ и бѣгаетъ, сама производитъ свои движенія. А такъ какъ дѣятельность всегда стремится обнаружиться по линіи наименьшаго сопротивленія, то привычка, ослабляя сопротивленіе существа тѣмъ или инымъ измѣненіямъ, создаетъ у него внутреннее стремленіе воспроизводить эти измѣненія. Живое существо будетъ дѣйствовать въ направленіи ранѣе пріобрѣтенныхъ измѣненій подобно тому, какъ дождевой токъ скорѣе проложитъ свое русло по старымъ рытвинамъ и оврагамъ, чѣмъ прорoетъ его вновь. Вотъ почему собака, привыкшая отскакивать предъ ударомъ палки, тотчасъ-же отскочитъ, когда увидитъ предъ собой трость, хотя-бы этотъ предметъ ей и не угрожалъ.

III. Физическія, умственныя и нравственныя привычки.—Этимъ закономъ объясняются всѣ наши привычки,—физическія, умственныя и нравственныя. Если мускулы часто сокращались извѣстнымъ образомъ и въ извѣстномъ порядкѣ, то какъ скоро они вновь приводятся въ движеніе, они стремятся дѣйствовать въ томъ-же направленіи, какъ и ранѣе. Такъ возникаетъ то, что называется *физическими привычками*, наприм., привычные жесты, танцы, игра на фортепіано, фехтованіе, искусство верховой ѣзды и проч.

Часто повторявшіяся ассоціаціи идей служатъ причиной *умственныхъ привычекъ*, которыя играютъ громадную роль

какъ въ обычной жизни, такъ и въ научномъ мышленіи. Каждый ученый усвояетъ привычку вносить всюду методы той науки, которую онъ разрабатываетъ. Математика даетъ уму привычку къ точности и ясности; но она можетъ также пріучить его считать истинными только тѣ идеи и доказательства, которыя представляютъ ясность математическихъ идей и доказательствъ. Философія Декарта, наприм., есть не что иное, какъ умственная привычка такого рода, возведенная въ систему. Точно также и позитивизмъ есть только умственная привычка, возведенная въ систему. Опытныя науки сообщаютъ ученому привычку считать истиной только то, что провѣрено на опытѣ; позитивизмъ дѣлаетъ эту привычку теоретическимъ принципомъ и утверждаетъ, что все недоступное опыту должно быть совершенно игнорировано. Всѣ эти привычки въ концѣ концовъ сводятся къ привычнымъ ассоціаціямъ.

Отсюда самъ собой рѣшается вопросъ о томъ, зависитъ-ли привычка отъ ассоціаціи идей, или ассоціація вытекаетъ изъ привычки. Какъ способность сохраненія измѣненій, привычка вообще, очевидно, есть условіе существованія ассоціацій; но въ свою очередь ассоціаціи, разъ онѣ образовались, служатъ условіемъ существованія частныхъ привычекъ.

Наконецъ, часто повторявшіяся дѣйствія въ одномъ и томъ-же направленіи создаютъ *нравственныя привычки*, т. е. способность управлять волей тѣмъ или инымъ образомъ. Порокъ и добродѣтель суть въ концѣ концовъ нравственныя привычки.

IV. Вліяніе привычки на ощущенія, чувства и стремленія.—Когда привычка касается ощущеній и чувствъ, то, уменьшая соединенную съ ними трату энергіи, она вмѣстѣ съ тѣмъ *ослабляетъ и самые эти процессы*. „Мой букетъ,—говорилъ Монтэнь,—служитъ сначала моему носу,

а потомъ онъ служитъ уже только носу моихъ сосѣдей.“ Ощущенія и чувства притупляются отъ привычки.

Но въ тоже самое время *желаніе ощущать и стремленіе наслаждаться* не только не уменьшаются подъ вліяніемъ привычки, а напротивъ *прогрессивно возрастаютъ*. Чтобы испытывать удовольствіе, равное тому, какое мы испытывали ранѣе и о которомъ свидѣтельствуетъ наша память, мы должны чаще повторять актъ, доставлявшій намъ пріятное ощущеніе, и непрерывно увеличивать дозу. Воспоминаніе о прежнемъ удовольствіи въ этомъ случаѣ присоединяется къ привычкѣ какъ новый импульсъ и дѣлаетъ стремленіе еще болѣе сильнымъ. Если привычка не подавляется усиліемъ воли или не ослабляется другими, противоположными привычками, то стремленіе подъ ея вліяніемъ можетъ получить силу почти непреодолимой страсти. Вотъ почему пьяницы и морфинисты въ концѣ концовъ бываютъ безсильны бороться съ своимъ недугомъ, и чтобы удовлетворить свою страсть, принуждены постоянно увеличивать дозы алкоголя и морфія.

V. Безсознательность привычныхъ дѣйствій.—Привычныя дѣйствія становятся въ концѣ концовъ *безсознательными*. Наши мускулы приводятся въ дѣйствіе съ такою легкостію, что сознаніе уже не отмѣчаетъ ихъ; раздраженіе остается ниже порога сознанія. Вотъ почему музыканту можетъ быть достаточно лишь одного желанія, чтобы сыграть на фортепіано сложную пьесу, думая въ это время о совершенно другихъ вещахъ. Легкость привычныхъ движеній и дѣйствій бываетъ даже тѣмъ большей, чѣмъ менѣе принимаетъ въ нихъ участіе разумная воля. Размышленіе при исполненіи быстрой пьесы могло-бы только остановить или по меньшей мѣрѣ значительно замедлить движеніе пальцевъ, т. е. сдѣлало бы исполненіе несовершеннымъ.

Итакъ, привычка *увеличиваетъ легкость дѣйствій и*

уменьшаетъ ихъ сознательность; она умножаетъ результатъ и уменьшаетъ трату. Сознаніе является намъ все болѣе и болѣе пропорціональнымъ усилію. Привычки становятся общими стремленіями, всегда готовыми безсознательно осуществиться, какъ скоро ощущеніе указываетъ для нихъ точку приложенія, по тѣмъ механическимъ законамъ, которые уже были выяснены нами при анализѣ склонностей и инстинктовъ. Въ этомъ случаѣ привычка вполнѣ принимаетъ форму инстинкта. Она отличается отъ него только тѣмъ, что она не врожденна, а пріобрѣтается болѣе или менѣе искусственно.

VI. Наслѣдственныя привычки. — Привычка можетъ даже сдѣлаться *наслѣдственной*. Для этого достаточно, чтобы она, дѣйствуя на нервные центры и мускулы, произвела въ организмѣ измѣненія, способныя воспроизводиться по наслѣдству. Можно считать вѣроятнымъ, что значительное число инстинктовъ животныхъ является такими наслѣдственными привычками. Именно здѣсь уступка эволюціонной школѣ будетъ совершено справедлива. Невозможно только допустить, чтобы всѣ инстинкты были таковы, потому что для пріобрѣтенія привычекъ нужно жить, а чтобы жить нужны инстинкты, какъ это мы показали выше. Даже по эволюціонной гипотезѣ первое живое существо, очевидно, ничего не могло получить по наслѣдству; оно должно было само своими естественными силами выполнить первыя движенія, необходимыя для его существованія.

VII. Переходъ ко второй части. — Мы исчерпали рядъ явленій сознанія, которыми живое существо можетъ располагать безъ рефлексіи. Это существо чувствуетъ, испытываетъ удовольствіе, страдаетъ, представляетъ, обнаруживаетъ всѣ внѣшніе признаки ума и практически дѣйствуетъ такъ, какъ если-бы оно имъ владѣло. Оно имѣетъ чувствованія, позывы, склонности, инстинкты, привычки; всѣ его

внѣшнія дѣйствія могутъ походить на дѣйствія человѣка, но есть-ли это настоящій, полный человѣкъ? Отвѣтъ ясенъ. Легко видѣть, что человѣкъ размышляетъ, судитъ, сравниваетъ, что онъ дѣйствуетъ самъ по себѣ, тогда какъ сознательное существо, которое мы сейчасъ описали, подвергается всѣмъ этимъ измѣненіямъ, не принимая въ нихъ участія, подчиняется всѣмъ этимъ законамъ пассивно. Конечно, этотъ запасъ пассивности находится и въ человѣкѣ; но онъ составляетъ только общую канву его существованія, матеріалъ, изъ котораго разумная дѣятельность образуетъ, благодаря рефлексіи, самые возвышенные акты, какими гордится человѣчество.

Такимъ образомъ, если крайніе эмпирики превращаютъ человѣка лишь въ очень замысловатый снарядъ, функціи и законы котораго нами сейчасъ указаны, то мы находимъ въ немъ *разумную и свободную активность*, способную приводить въ дѣйствіе этотъ снарядъ. Его психическая жизнь слагается съ одной стороны изъ тѣхъ-же представленій и стремленій, съ другой,—изъ болѣе высшихъ формъ самодѣятельности. Чтобы доказать это, намъ стоитъ только тщательно проанализировать эти явленія высшаго порядка. Тогда мы на опытѣ убѣдимся, какъ недостаточны чисто механическія объясненія душевной природы человѣка. Мы признали правильность этихъ объясненій въ извѣстныхъ предѣлахъ; но если мы попытаемся примѣнить ихъ къ болѣе сложнымъ и высшимъ психическимъ процессамъ, то ихъ неудовлетворительность намъ будетъ ясна.

РЕЗЮМЭ.

1.—Привычка есть *способность сохранять и болѣе или менѣе легко воспроизводить прежнія измѣненія*. Она опредѣляется основными свойствами и законами существъ и начинается съ перваго измѣненія.

II.—Какъ простое пассивное сохраненіе прежнихъ измѣненій, привычка свойственна всѣмъ вещамъ. Но у живыхъ и сознательныхъ существъ она имѣетъ активный характеръ и подчиняется слѣдующему закону: *непрерывность или повтореніе какого нибудь измѣненія создаетъ стремленіе самостоятельно воспроизводить его.*

III.—Этимъ закономъ объясняются всѣ наши привычки: *физическія, умственныя и нравственныя.* Физическія привычки обусловливаются часто повторяющимися мускульными сокращеніями; умственныя привычки вытекаютъ изъ часто повторяющихся ассоціацій; нравственныя привычки основываются на часто повторяющихся дѣйствіяхъ.

IV.—Привычка *ослабляетъ ощущеніе и чувства и усиливаетъ стремленія.* Она заставляетъ прогрессивно увеличивать раздраженія, необходимыя для пріятныхъ ощущеній, и можетъ превратить стремленіе къ удовольствію въ непреодолимую страсть.

V.—Привычныя дѣйствія въ концѣ концовъ становятся *безсознательными* и исполняются тѣмъ легче, чѣмъ менѣе участвуетъ въ нихъ разумная воля. Въ этомъ случаѣ они получаютъ форму почти инстинктивныхъ актовъ.

VI.—Нѣкоторыя привычки *могутъ передаваться по наслѣдству.* Такими наслѣдственными привычками можно объяснить многіе инстинкты животныхъ, хотя и нельзя объяснить всѣхъ.

VII.—До сихъ поръ мы разсматривали низшія, аффективныя явленія сознанія: ощущеніе, представленіе, простѣйшія чувствованія и стремленія. Этими явленіями могла-бы заканчиваться психологія животныхъ и психологія человѣка, насколько онъ сходенъ съ животными. Но у человѣка кромѣ нихъ существуютъ еще высшіе и болѣе сложные процессы разума и воли, которые требуютъ спеціальнаго изученія. Изслѣдованіе этихъ *рефлексивныхъ* процессовъ составляетъ задачу второй части.

Литература.

Дарвинъ, Происхожденіе видовъ; Происхожденіе человѣка.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, I—II.—**Морганъ*, Привычка и инстинктъ.—**Карпентеръ*, Основанія физіологіи ума.—*Бэнъ*, Психологія.—**Джемсъ*, Психологія.—**Джемсъ*, Бесѣды съ учителями о психологіи.—*Льюисъ*, Вопросы о жизни и духѣ.—*Ромэнсъ*, О наслѣдственности.—*Рибо*, О наслѣдственности душевныхъ свойствъ.—*Вундтъ*, Физіологическая психологія, II.—*Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, 2 изд.—*Ушинскій*, Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Рефлексивная психологія.

ГЛАВА XV.

Рефлексивныя состоянія и вниманіе.

I. Различіе аффективныхъ и рефлексивныхъ состояній.—II. Понятіе вниманія.—III. Виды вниманія.—IV. Апперцепція.—V. Вниманіе и мускульныя состоянія.

I. Различіе аффективныхъ и рефлексивныхъ состояній.—Всѣ явленія, какія мы до сихъ поръ изучали, не смотря на кажущуюся ясность, которую они получаютъ на выражающемъ ихъ нашемъ языкѣ, суть явленія смутныя и темныя. Они составляютъ группу *аффективныхъ* психическихъ состояній,—такихъ состояній, которыя мы только чувствуемъ, не давая себѣ въ нихъ яснаго отчета. Благодаря этимъ именно явленіямъ, мы выполняемъ большую часть нашихъ обычныхъ и повседневныхъ дѣйствій. Они именно образуютъ скрытую основу нашей жизни.

Но на ряду съ этими смутными явленіями въ нашей душѣ совершаются другіе процессы, озаренные яснымъ свѣтомъ сознанія и самосознанія,—процессы, которые мы назвали *рефлексивными*. Идя по улицѣ, вы думаете о какихъ нибудь интересныхъ для васъ вещахъ. Погруженные

въ ваши мысли, вы машинально уступаете дорогу людямъ, идущимъ на встрѣчу, переходите перекрестки, сторонитесь отъ экипажей, раскланиваетесь съ знакомыми, произносите даже нѣкоторыя формулы вѣжливости, и во все это время нисколько не прерываете своей мыслительной работы. Всѣ эти разнообразныя дѣйствія суть аффективныя состоянія сознанія, управляемыя тѣми механическими законами ощущенія, ассоціаціи и движенія, которые мы ранѣе описали. Но надъ ними у васъ существуетъ другое состояніе,—то состояніе, которое васъ всецѣло поглощаетъ въ эти минуты, тѣ интересныя для васъ вещи, о которыхъ вы думаете. Это состояніе уже не принадлежитъ къ аффективнымъ; оно не безотчетно и чуждо слѣпого механизма; оно есть рефлексивное состояніе.

Какое различіе существуетъ между этими двумя родами явленій? Только одно, но очень важное: между тѣмъ, какъ первыя происходятъ въ насъ пассивно и мы не усвояемъ ихъ себѣ, вторыя *мы приписываемъ нашей собственной личности въ опредѣленномъ актѣ сужденія*. Всякій разъ, какъ мы ставимъ себя въ качествѣ субъекта своихъ состояній и приписываемъ эти состоянія себѣ, всякій разъ, когда мы про себя или вслухъ говоримъ: „*я* чувствую“, „*я* вижу“, „*я* слышу“, „*я* говорю“, „*я* думаю“,—мы находимся въ рефлексивномъ состояніи сознанія; напротивъ, всякій разъ, когда наши ощущенія или представленія смутны, неясны, неопредѣленны, и мы не относимъ ихъ къ себѣ самимъ,—мы испытываемъ аффективное состояніе сознанія.

Итакъ, рефлексивныя состоянія характеризуются тѣмъ, что они связаны съ сужденіемъ, подлежащимъ котораго служитъ наше *я*. Рефлексивная психологія есть по существу *психологія сужденія*.

Чтобы хорошенько уяснить это важное различіе между

двумя указанными видами психическихъ состояній, сравните то, что вы слышали вокругъ себя прежде, чѣмъ прочитали эти строки, и то, что вы слышите теперь. Ощущенія стука вашихъ стѣнныхъ часовъ или уличнаго шума, проникающаго въ комнату, безъ сомнѣнія, не измѣнились за это короткое время; но вы, будучи погружены въ чтеніе, не замѣчали ихъ, не относили ихъ къ себѣ, не различали ихъ, какъ ваши собственныя состоянія: они были для васъ простыми безсознательными или полусознательными впечатлѣніями, т. е. чисто аффективными состояніями. Напротивъ, теперь вы ясно различаете эти ощущенія, сознаете ихъ, какъ ваши личныя состоянія, приписываете ихъ своему *я*, такъ что могли-бы выразить ихъ въ сужденіяхъ: „я слышу стукъ часовъ“, „я слышу уличный шумъ“, и пр. Другими словами, они соединились съ вашею мыслью и превратились изъ безсознательныхъ впечатлѣній въ сознательныя рефлексивныя состоянія. Такимъ образомъ, рефлексія есть вступленіе *я* во владѣніе своими собственными состояніями, а аффекція—эти самыя состоянія, прежде чѣмъ *я* овладѣло ими.

II. Понятіе вниманія.—Для того, чтобы *я* могло вступить во владѣніе своими состояніями, оно должно *сосредоточиться на нихъ и отдѣлить ихъ другъ отъ друга*. Дѣйствіе, посредствомъ котораго *я* сосредоточивается на какомъ-нибудь своемъ состояніи и, выдѣляя его изъ совокупности остальныхъ, дѣлаетъ его рефлексивнымъ называется *вниманіемъ*.

Такимъ образомъ, вниманіе есть актъ, которымъ *я* превращаетъ аффективное состояніе въ рефлексивное. Наприм., для того, чтобы читатель въ настоящую минуту ясно слышалъ стукъ часовъ или уличный шумъ, т. е. различалъ ихъ, какъ свои собственныя ощущенія, онъ долженъ отдѣлить эти ощущенія другъ отъ друга и выдѣлить ихъ изъ совокупно-

сти остальныхъ своихъ ощущеній, представленій, мыслей и чувствъ, т. е. долженъ сосредоточить на нихъ свое вниманіе. Отсюда, состояніе, на которомъ мы останавливаемъ свое вниманіе, является господствующимъ и исключительнымъ.

III. Виды вниманія.—Если по аналогіи мы назовемъ вниманіемъ всякое исключительное преобладаніе одного психическаго состоянія надъ другими, то мы должны признать, что вниманіе можетъ быть непроизвольнымъ или пассивнымъ. Напримѣръ, въ разговорѣ намъ можетъ придти сама собой какая нибудь мысль, которая всецѣло овладѣваетъ сознаніемъ и мѣшаетъ ему сосредоточиться на другихъ вещахъ: подобное состояніе сознанія будетъ пассивнымъ вниманіемъ. Но, собственно говоря, это скорѣе непроизвольная ассоціація, чѣмъ вниманіе. Овладѣвая сознаніемъ, такая непроизвольная ассоціація скорѣе препятствуетъ вниманію, чѣмъ благопріятствуетъ ему.

По существу всякое вниманіе *произвольно* или *активно*, и можетъ различаться лишь по степени своей произвольности. Оно есть свободный актъ ума, который, сосредоточиваясь на извѣстномъ представленіи, стремится удержать въ сознаніи всѣ связанные съ этимъ представленіемъ элементы и удалить другія, конкуррирующія представленія.

IV. Апперцепція [1]).—Какъ мы сейчасъ сказали, актъ вниманія слагается, съ одной стороны, изъ представленія о предметѣ, который насъ занимаетъ, съ другой, — изъ усилія ума удержать въ сознаніи тѣ элементы, которые стоятъ въ связи съ этимъ представленіемъ, и устранить тѣ, которые не имѣютъ къ нему отношенія. Въ этомъ случаѣ представленіе о занимающихъ насъ вещахъ обыкновенно предвосхищаетъ или антиципируетъ дѣйствительность и налагаетъ

---

[1]) *Ред.*

свой отпечатокъ на всѣ остальныя наши воспріятія и представленія. Оно ослабляетъ одни изъ нихъ и усиливаетъ другія; оно подсказываетъ намъ смыслъ явленій и заставляетъ насъ оцѣнивать, истолковывать, и объяснять ихъ на свой образецъ; оно даетъ намъ возможность правильно распознавать ихъ или вводитъ насъ въ невольныя заблужденія. Такая функція вниманія, состоящая въ *оцѣнкѣ*, *объясненіи и распознаваніи однихъ воспріятій и представленій на основаніи другого, господствующаго въ сознаніи представленія*, называется *апперцепціей* [1]).

Положимъ, наприм., вы ожидаете пріѣзда какихъ-нибудь путешественниковъ. Вы заранѣе составляете себѣ представленіе о нихъ и о той обстановкѣ, въ которой вы должны ихъ увидѣть; вы представляете ихъ экипажъ, лошадей, спутниковъ. Подъ вліяніемъ этихъ представленій всякій стукъ колесъ, всякій шумъ и движеніе на улицѣ обращаютъ на себя ваше вниманіе, истолковываются вами въ смыслѣ вашихъ ожиданій и заставляютъ васъ подходить къ окну, чтобы убѣдиться въ правильности своихъ предположеній; напротивъ, всѣ впечатлѣнія, несоотвѣтствующія этимъ представленіямъ, оставляются вами безъ вниманія и не замѣчаются. Если ожидаемые путешественники дѣйствительно пріѣдутъ въ экипажѣ и при той обстановкѣ, какую вы предполагали, то вы издали увидите и узнаете ихъ; если же они случайно пройдутъ мимо васъ пѣшкомъ, то вы не только не узнаете ихъ, но можете даже совершенно не замѣтить. Съ другой стороны, вы можете принять за нихъ другихъ лицъ, проѣзжающихъ мимо при обстановкѣ, соотвѣтствующей вашимъ ожиданіямъ.

---

[1]) Отъ лат. *appercipere* или фр. *s' apercevoir*, усматривать, замѣчать, узнавать. Этотъ терминъ былъ въ первый разъ употребленъ Лейбницемъ и получилъ право гражданства преимущественно въ нѣмецкой психологіи.

Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ представленія, занимающія вашъ умъ и сосредоточивающія на себѣ вниманіе, выдвигаютъ и дѣлаютъ замѣтными впечатлѣнія, стоящія съ ними въ связи, и оставляютъ незамѣтными впечатлѣнія, которыя имъ не соотвѣтствуютъ; они помогаютъ вамъ распознавать эти впечатлѣнія гораздо скорѣе, чѣмъ вы сдѣлали бы при другихъ обстоятельствахъ, или внушаютъ невольныя ошибки. Другими словами, эти представленія даютъ вамъ возможность правильно или ложно *апперципировать* свои воспріятія. Подъ вліяніемъ апперципирующихъ представленій могутъ стать замѣтными и ясными даже самыя слабыя и ничтожныя ощущенія, если они стоятъ съ ними въ близкой связи, и могутъ пройти совсѣмъ незамѣченными очень сильныя ощущенія, когда они далеки отъ нихъ. Капельмейстеръ, хорошо знающій пьесу, которую онъ исполняетъ, замѣтитъ малѣйшую фальшивую ноту въ оркестрѣ, а его слушатели, не представляющіе этой пьесы, могутъ не замѣтить самыхъ грубыхъ ошибокъ.

На апперцепціи основываются всѣ наши истинныя знанія о природѣ вещей. Каждая форма научнаго познанія есть не что иное, какъ объясненіе и оцѣнка извѣстной группы явленій на основаніи добытыхъ опытомъ или построенныхъ мыслію представленій и идей. Но тѣмъ же актомъ обусловливаются и всѣ наши *иллюзіи*, будутъ ли это обманы чувствъ, или умственные самообманы. То, что мы называемъ иллюзіей, есть только ложная апперцепція воспріятія, ложное истолкованіе и оцѣнка его подъ вліяніемъ занимающихъ наше вниманіе представленій. Когда путникъ въ лѣсу принимаетъ пень дерева за притаившагося разбойника, то эта иллюзія зрѣнія объясняется именно тѣмъ, что онъ неправильно истолковываетъ свое наличное ощущеніе на основаніи занимающей его умъ идеи. Когда близорукій человѣкъ принимаетъ посто-

роннее лицо за своего знакомаго, то психологическая причина этого опять заключается въ томъ, что онъ ложно истолковалъ свои ощущенія подъ вліяніемъ извѣстной ассоціаціи. Когда мы считаемъ хорошимъ человѣка, который въ дѣйствительности оказывается дурнымъ, то наша иллюзія имѣетъ тѣ же причины: мы судимъ объ этомъ человѣкѣ и истолковываемъ его поступки на основаніи заранѣе составленнаго о немъ представленія. Таковъ же источникъ и другихъ самообмановъ, не только житейскихъ, но и научныхъ.

V. Вниманіе и мускульныя состоянія [1]).—Рибо показалъ, что всякій актъ вниманія сопровождается и въ значительной степени обусловливается *мускульными движеніями и двигательными ощущеніями*. Когда часовщикъ внимательно изучаетъ механизмъ часовъ, онъ напрягаетъ свои глаза, свои руки, все свое тѣло, приспособляя ихъ движенія къ этому акту. Когда мы ищемъ глазами какой-нибудь предметъ и не видимъ его, мы не испытываемъ желаемаго зрительнаго ощущенія, но ясно ощущаемъ напряженіе глазныхъ мускуловъ. Когда мы усиленно думаемъ о какой-нибудь вещи, наши глаза суживаются, брови нахмуриваются и на лбу образуются вертикальныя морщины. Всѣ эти движенія служатъ не только внѣшними выраженіями дѣятельности вниманія, какъ ранѣе думали, но и необходимымъ ея условіемъ. Ихъ роль въ механизмѣ вниманія состоитъ въ томъ, чтобы *поддержать* вызванное имъ состояніе сознанія и *усилить* его. Въ самомъ дѣлѣ, всякое движеніе, связанное съ воспріятіемъ или представленіемъ, занимающимъ нашъ умъ, отражается въ сознаніи въ видѣ соотвѣтствующаго мускульнаго ощущенія. Это ощущеніе, съ одной стороны, входитъ въ сознаніе, какъ новый элементъ и, слѣдовательно, усиливаетъ его дѣятель-

---

[1]) *Ред.*

ность, съ другой—прочно ассоціируется съ вызвавшимъ его воспріятіемъ или представленіемъ и въ силу этой ассоціаціи поддерживаетъ его въ сознаніи. Давъ толчокъ работѣ сознанія, мускульное ощущеніе возвращается къ своему исходному пункту и выражается въ новомъ движеніи, которое въ свою очередь превращается въ мускульное ощущеніе, и т. д. Такимъ образомъ, происходитъ непрерывный обмѣнъ между центромъ и периферіей, вызывающій непрерывную смѣну элементовъ сознанія и сосредоточивающій вниманіе на томъ явленіи, вокругъ котораго группируются эти элементы. Интенсивность вниманія есть только субъективное выраженіе этого сложнаго обмѣна. Устраните движенія изъ акта вниманія, и вниманіе тотчасъ-же сдѣлается невозможнымъ. Если мы неподвижно остановимъ взглядъ на какомъ-нибудь предметѣ, то чрезъ минуту этотъ предметъ изчезнетъ изъ сферы вниманія; если мы неподвижно приложимъ палецъ къ столу, не производя имъ давленія, то чрезъ нѣсколько минутъ прикосновеніе уже не будетъ чувствоваться. Вниманіе есть сосредоточеніе сознанія на извѣстномъ объектѣ; между тѣмъ, сознаніе невозможно безъ смѣны его состояній, а смѣна его состояній невозможна безъ движеній. Другими словами, вниманіе есть *не только сосредоточеніе сознанія, но и концентрація движеній.* Наоборотъ, разсѣянность, т. е. отсутствіе вниманія, есть не только разсѣянность состояній сознанія, но и разсѣянность движенія.

Связь вниманія съ движеніями и вліяніе двигательныхъ реакцій на его процессы безспорны. Если, какъ мы показали выше [1]), всякое ощущеніе и представленіе ассоціируется съ движеніями и окружается атмосферой мускульныхъ ощущеній и двигательныхъ представленій, то это тѣмъ болѣе должно

---

[1]) См. гл. XI.

происходить въ томъ случаѣ, когда психическіе элементы становятся предметомъ вниманія и сосредоточиваютъ на себѣ умственное усиліе. Чѣмъ болѣе представленіе поглощаетъ вниманіе и чѣмъ живѣе оно дѣлается, тѣмъ болѣе оно выражается въ движеніяхъ и соединяется съ мускульными ощущеніями; и наоборотъ, чѣмъ болѣе это представленіе выражается въ движеніяхъ и соединяется съ мускульными ощущеніями, тѣмъ яснѣе оно становится и тѣмъ болѣе приковываетъ къ себѣ вниманіе. Но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы мы могли смѣшивать вниманіе съ этими мускульными состояніями, какъ это въ концѣ концовъ дѣлаетъ Рибо. Въ качествѣ умственнаго акта, вниманіе совершенно отличается отъ движеній и мускульныхъ ощущеній. Движенія *образуютъ его необходимое психофизіологическое условіе, но не составляютъ его сущности.*

РЕЗЮМЭ.

I.—*Аффективныя* и *рефлексивныя* состоянія сознанія различаются тѣмъ, что первыя мы только смутно и безлично чувствуемъ, не отдавая себѣ въ нихъ отчета, а вторыя мы *ясно понимаемъ и относимъ къ нашему „я“ въ болѣе или менѣе опредѣленномъ актѣ сужденія.*

II.—Дѣйствіе, посредствомъ котораго аффективныя состоянія превращаются въ рефлексивныя, есть *вниманіе.* Оно состоитъ въ *сосредоточеніи сознанія* на какомъ-нибудь психическомъ состояніи и въ *выдѣленіи* этого состоянія изъ совокупности другихъ.

III.—Повидимому, существуетъ два вида вниманія, непроизвольное, или пассивное, и произвольное, или активное. Но въ дѣйствительности всякое вниманіе *произвольно* и различается только по степени его произвольности.

IV.—Вниманіе не только выдѣляетъ извѣстное представленіе изъ совокупности остальныхъ, но, сосредоточивая на немъ нашу мысль, заставляетъ насъ *оцѣнивать, истолковывать и распознавать* на основаніи его всѣ другія ощущенія и представленія. Эта функція вниманія называется *апперцепціей.* Правильная апперцепція является условіемъ нашего познанія дѣйствительности; ложная апперцепція служитъ источникомъ *иллюзій.*

V.—Вниманіе всегда сопровождается и въ значительной степени обусловливается *движеніями и мускульными ощущеніями*. Роль этихъ движеній и ощущеній въ процессахъ вниманія состоитъ въ томъ, чтобы *поддержать* въ сознаніи извѣстное состояніе и *усилить* его.

Литература.

Вундтъ, Физіологическая психологія, II.—**Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, 2 изд.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—*Гербартъ*, Психологія.—**Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Цигенъ*, Физіологическая психологія.—**Рибо*, Психологія вниманія.—*Рибо*, Современная германская психологія.—*Маудсли*, Физіологія и патологія души.—*Карпентеръ*, Основанія физіологіи ума.—**Джемсъ*, Психологія.—**Джемсъ*, Бесѣды съ учителями о психологіи.—*Тиченеръ*, Очерки психологіи.—*Моссо*, Усталость.—*Н. Ланге*, Психологическія изслѣдованія.—*Снегиревъ*, Психологія.—*Каптеревъ*, Педагогическая психологія.—*В. Ивановскій*, Къ исторіи ученія объ апперцепціи въ психологіи (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 36).—*Нечаевъ*, Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія.—*Соколовъ (П. А.)*, Чтенія по педагогической психологіи.

ГЛАВА XVI.

Образованіе и свойства понятій.

I. Абстракція, сравненіе и обобщеніе.—II. Понятія.—III. Свойства понятій.—IV. Различіе понятій отъ общихъ представленій.—V. Схематизмъ понятій.—VI. Значеніе понятій.

I. Абстракція, сравненіе и обобщеніе. — Вниманіе есть необходимое условіе переработки нашихъ ощущеній и представленій въ высшія формы познанія. Эта переработка производится посредствомъ трехъ умственныхъ операцій,— *абстракціи*, *сравненія* и *обобщенія*.

Когда вниманіе, сосредоточиваясь на одномъ элементѣ какой-нибудь психической группы, выдѣляетъ его изъ совокупности другихъ, то эта его функція и есть то, что называется „отвлеченіемъ“ или *абстракціей*. Такимъ образомъ, абстракція есть дѣйствіе, посредствомъ котораго умъ *отдѣляетъ одно состояніе сознанія отъ другихъ*, естественно связанныхъ съ нимъ состояній, чтобы разсмотрѣть его отдѣльно. Напр., думая о березѣ, мы можемъ мысленно выдѣлить и представить въ отдѣльности ея стволъ, ея вѣтви, ея кору, ея листья, цвѣтъ этихъ листьевъ, ихъ форму и проч.; думая о лошади, мы можемъ выдѣлить изъ цѣлаго представленія о ней и вообразить въ отдѣльности ея форму, ея цвѣтъ, строеніе ея копытъ, и т. д. Выдѣленіе этихъ элементовъ изъ цѣлаго будетъ абстракціей, а отдѣльныя представленія о нихъ—*абстрактными представленіями*.

Когда, посредствомъ абстракціи, мы разложили двѣ или нѣсколько психическихъ группъ на ихъ элементы, умъ обыкновенно стремится *сопоставить* эти группы другъ съ другомъ, если только въ нихъ есть какія-нибудь общія черты. Такое дѣйствіе называется *сравненіемъ*. Оно выражается въ двухъ сужденіяхъ, утвердительномъ и отрицательномъ. Посредствомъ перваго оно объединяетъ сравниваемыя группы на основаніи тѣхъ элементовъ, которые имъ общи; посредствомъ втораго оно раздѣляетъ эти группы на основаніи тѣхъ элементовъ, которые свойственны каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Такъ, лошадь и оселъ суть четвероногія, имѣющія по одному копыту на каждой ногѣ, но форма ихъ ушей и строеніе тѣла не одинаковы. Очевидно, сравненіе ихъ будетъ состоять изъ *двухъ сужденій*: *утвердительнаго*, которое выражаетъ ихъ сходство, и *отрицательнаго*, которое выражаетъ ихъ различія.

Когда, сравнивъ между собою извѣстное количество группъ явленій, мы найдемъ, что ихъ различія случайны, то отрицательное сужденіе, выражающее эти различія, само собой уничтожится и останется только первый элементъ сравненія,—*утвердительное* сужденіе о сходствѣ этихъ группъ, сужденіе, объединяющее, и обобщающее ихъ одинаковые признаки. Такое сужденіе называется *обобщеніемъ*.

Обобщеніе основывается на сравнительной оцѣнкѣ явленій, въ силу которой мы рѣшаемъ, что одни ихъ элементы случайны, а другіе существенны. Такая оцѣнка требуетъ извѣстнаго количества предварительныхъ наблюденій; но когда въ ея распоряженіи есть достаточный опытный матеріалъ, она происходитъ сразу, непосредственно, по какой-то внутренней интуиціи, которая такъ-же внезапна, какъ ощущеніе. Такимъ образомъ, у насъ существуетъ какъ-бы нѣкоторое ощущеніе или чувство существеннаго и всеобщаго, которое руководитъ

нами всякій разъ, когда мы сравниваемъ вещи. Это чувство есть не что иное, какъ самый нашъ умъ, основная функція котораго состоитъ въ томъ, чтобы открывать всеобщее въ единичномъ и существенное въ случайномъ.

II. Понятіе.—Когда мы абстрактно разлагаемъ, сравниваемъ и обобщаемъ извѣстную совокупность явленій, то въ результатѣ мы получаемъ *мысленный синтезъ ихъ общихъ свойствъ*, который уже не можетъ быть представленъ въ конкретномъ или чувственномъ видѣ, но который ясно сознается нами и выражается въ опредѣленной словесной формулѣ. Такой мысленный синтезъ общихъ свойствъ извѣстной совокупности явленій называется *идеей* или *понятіемъ*. Наприм., сравнивъ извѣстное количество лошадей,ословъ, муловъ и обобщивъ ихъ сходные признаки, мы получимъ понятіе однокопытнаго млекопитающаго.

Можно различать два рода понятій: понятія *вещей*, дающія начало естественнымъ опредѣленіямъ и классификаціямъ, каковы, напр., понятія животнаго, позвоночнаго, млекопитающаго и проч., и понятія *отношеній*, которыя суть не что иное, какъ *законы*. Въ самомъ дѣлѣ, законы природы, физическіе или химическіе, выражаютъ только общія отношенія явленій. Такъ, законъ тяжести $\frac{s}{s'} = \frac{t}{t'^2}$ выражаетъ общее отношеніе между разстояніями, пройденными падающимъ тѣломъ, и количествами времени, которыя оно употребляетъ на прохожденіе ихъ. Впрочемъ, по существу оба эти рода понятій сводятся къ одному и тому-же, потому что понятія вещей также выражаютъ общія отношенія между ихъ качествами.

Если актъ ума, посредствомъ котораго мы открываемъ общія понятія въ представленіяхъ отдѣльныхъ вещей, называется обобщеніемъ, то дѣйствіе, посредствомъ котораго умъ открываетъ общія отношенія въ представленіяхъ частныхъ

фактовъ, обыкновенно называется *индукціей*. Разсматривая вопросъ по существу, мы увидимъ, что эти операціи сами по себѣ тожественны: обѣ онѣ имѣютъ *интуитивный*, а не *дискурсивный* характеръ, т. е. требуютъ отъ ума не столько разсужденія или движенія мысли (*discurrere*, разбѣгаться), сколько непосредственнаго внутренняго усмотрѣнія (*intueri*, смотрѣть во что-нибудь, усматривать), созерцанія, которое стремится открыть неизмѣнную сущность подъ измѣнчивостью вещей и явленій, постоянное и общее среди различнаго, преходящаго и частнаго.

III. Свойства понятій.—Всякое понятіе имѣетъ извѣстный объемъ и извѣстное содержаніе. *Объемомъ* понятія называется большее или меньшее количество индивидуумовъ, которые въ немъ мыслятся, а его *содержаніемъ* называется большее или меньшее количество общихъ свойствъ и признаковъ, которые въ немъ приписываются этимъ индивидуумамъ. Такъ, признаки: *животное*, *позвоночное*, *млекопитающее*, *двурукое*, *разумное* составляютъ содержаніе понятія *человѣкъ*, а всѣ человѣческіе индивидуумы, мыслимые въ этомъ понятіи, составляютъ его объемъ. Содержаніе понятія стоитъ въ *обратномъ* отношеніи къ его объему, т. е. чѣмъ больше существъ обнимаетъ понятіе, тѣмъ менѣе они имѣютъ общихъ качествъ, и наоборотъ. Наприм., присоединивъ къ содержанію понятія *человѣкъ* качество *бѣлый*, мы тотчасъ-же исключимъ изъ его объема всѣхъ черныхъ, желтыхъ и красныхъ людей.

Отличительною особенностью понятія служитъ то, что оно не можетъ быть точно выражено никакимъ представленіемъ. Такъ, общее понятіе *цвѣта* существенно отличается отъ всякаго представленія о какомъ-бы то ни было отдѣльномъ цвѣтѣ,—*голубомъ*, *зеленомъ*, *красномъ*, и проч. Понятіе звука также существенно отличается отъ всякаго звукового пред-

ставленія въ отдѣльности. То-же самое можно сказать о понятіяхъ запаха, вкуса и осязанія. Несоизмѣримость понятій и представленій становится особенно очевидна, если мы возьмемъ еще болѣе общія и абстрактныя понятія. Наприм., сознаніе, которые мы имѣемъ о себѣ самихъ и о нашихъ состояніяхъ, даетъ намъ всеобщія понятія *бытія* и *качества* бытія. Когда мы произносимъ слово „бытіе“, мы ясно понимаемъ, что оно значитъ: мы соединяемъ въ немъ общіе свойства и признаки всего, что существуетъ, т. е. мыслимъ его какъ опредѣленное понятіе. Но можемъ-ли мы представить это понятіе въ точной конкретной формѣ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Мы можемъ представить только отдѣльный видъ бытія, а не бытіе вообще. Мы можемъ, наприм., имѣть представленіе о какомъ-нибудь извѣстномъ намъ человѣкѣ, Петрѣ или Иванѣ, о какомъ-нибудь единичномъ деревѣ, объ отдѣльномъ домѣ, объ отдѣльной церкви, и проч., но ни одно изъ этихъ представленій не выражаетъ бытія вообще, т. е. того, что есть общаго во всѣхъ отдѣльныхъ видахъ существующаго. Равнымъ образомъ, ни одно представленіе не можетъ выразить понятія „качества“. Мы можемъ представить какое-нибудь отдѣльное качество, но не качество вообще. Мы имѣемъ, наприм., представленіе о *бѣломъ* или *желтомъ* цвѣтѣ, о *сладкомъ* или *горькомъ* вкусѣ, о запахѣ *розы* или запахѣ *фіалки*. Каждое изъ этихъ представленій есть представленіе извѣстнаго качества, но не представленіе качества вообще, т. е. того, что есть общаго во всѣхъ этихъ отдѣльныхъ качествахъ, того, что, выражаетъ ихъ общій смыслъ и заставляетъ насъ относить ихъ къ какому-нибудь предмету, какъ его принадлежность.

Мы разсмотримъ ниже другія общія и основныя понятія нашего ума; теперь же достаточно показать, что понятія нельзя смѣшивать съ представленіями.

IV. Различіе понятій отъ общихъ представленій.— Если понятія невозможно смѣшивать съ представленіями отдѣльныхъ вещей, то нельзя-ли отождествить ихъ съ тѣми *общими представленіями*, которыя мы изучили выше [1]) и которыя позволяютъ уму представлять въ одномъ конкретномъ образѣ значительное число сходныхъ предметовъ?

Общія представленія дѣйствительно иногда замѣняютъ понятія и служатъ ихъ символами и эквивалентами; но чтобы видѣть ихъ различія, достаточно только сравнить ихъ. Этихъ различій четыре.

1) Понятія и общія представленія различаются по своей *природѣ*. Въ самомъ дѣлѣ, представленіе, какъ бы оно ни было обще, всегда имѣетъ *конкретную, чувственную форму;* оно есть только упрощенный образъ предмета, слагающійся изъ обрывковъ нашихъ прежнихъ воспріятій и сознаваемый нами *безъ словъ*. Наприм., общее представленіе птицы всегда имѣетъ извѣстные контуры, извѣстную пространственную форму, извѣстный цвѣтъ, которые всегда безъ словъ предносятся нашему воображенію, какъ бы они ни были смутны и неопредѣленны. Напротивъ, понятіе, какъ мы сейчасъ сказали, *само по себѣ непредставимо въ чувственной формѣ;* оно есть только мыслимый синтезъ общихъ свойствъ, признаковъ и отношеній вещей, раскрываемый въ опредѣленіи и всегда прикрѣпленный *къ слову*. Такъ, понятіе *птицы* есть синтезъ признаковъ: животное, позвоночное, кладущее яйца, двуногое, надѣленное болѣе или менѣе развитымъ летательнымъ аппаратомъ. Большинство этихъ признаковъ не содержится въ нашемъ обычномъ представленіи птицы, и тѣмъ болѣе не содержатся въ немъ всѣ они вмѣстѣ; но всѣ они содержатся въ понятіи птицы и непосредственно мыслятся въ немъ въ связи съ этимъ словомъ.

---

[1]) См. Гл. X.

2) Понятіе и общее представленіе различаются по ихъ *происхожденію*. Общее представленіе образуется пассивно, путемъ *механической ассоціаціи*, путемъ постепенныхъ наслоеній отдѣльныхъ воспріятій и представленій другъ на друга. Оно есть результатъ привычки и случая и зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей памяти, которая можетъ сохранить въ немъ не только существенныя подробности воспріятій, но и несущественныя. Такъ, общее представленіе птицы есть только слѣдъ, оставшійся въ нашей памяти послѣ нѣсколькихъ механически ассоціировавшихся и постепенно наслоявшихся другъ на друга представленій объ отдѣльныхъ птицахъ. Совершенно иначе образуется понятіе. Какъ мы видѣли, оно есть результатъ *абстракціи, сравненія и обобщенія*, т. е. активной дѣятельности ума, который сравниваетъ представленія, отдѣляетъ ихъ существенные и общіе элементы отъ случайныхъ и соединяетъ ихъ въ одно мысли-мое цѣлое. Чтобы образовать, наприм., понятіе „птицы“, умъ долженъ сравнить нѣсколько различныхъ птицъ, устранить всѣ ихъ индивидуальныя особенности, выдѣлить ихъ общіе признаки и соединить эти признаки вмѣстѣ.

3) Понятіе и общее представленіе различаются по своему *объему и содержанію*. Объемъ общаго представленія *ограниченъ*. Чѣмъ болѣе различныхъ явленій оно обнимаетъ, тѣмъ *сложнѣе* оно становится, и если оно переходитъ извѣстную границу, то оно исчезаетъ, потому что представлять одновременно слишкомъ большую совокупность разнородныхъ элементовъ невозможно. Представленіе цвѣта, какъ-бы оно ни было обще, не можетъ обнимать всѣхъ цвѣтовъ, и если-бы въ немъ соединились всѣ цвѣта, то оно сдѣлалось-бы безцвѣтнымъ, т. е. перестало-бы быть представленіемъ. Напротивъ, понятіе *неограниченно по своему объему*. Понятіе цвѣта обнимаетъ собой всѣ цвѣта. По мѣрѣ увеличенія

своего объема, оно становится все болѣе и болѣе *простымъ*. Понятіе „человѣка“ проще понятія „европейца“, понятіе „млекопитающаго“, въ свою очередь, проще понятія „человѣка“. Понятіе не имѣетъ другихъ предѣловъ, кромѣ общей категоріи „бытія“: т. е. мы можемъ обобщать все, что угодно, и обязаны остановиться лишь тогда, когда достигнемъ этой общей идеи. „Бытіе“ есть самое общее понятіе, какое возможно.

Подобное-же нужно сказать и о содержаніи общихъ представленій и понятій. По мѣрѣ того, какъ увеличивается содержаніе представленія, послѣднее становится все болѣе и болѣе *смутнымъ и темнымъ*. Зрительное представленіе тысячеугольника не отличается отъ представленія стоугольника. Напротивъ, каково-бы ни было содержаніе понятія, послѣднее всегда остается *опредѣленнымъ и яснымъ*. Понятіе „тысячеугольника“ не менѣе ясно, чѣмъ понятіе „треугольника“.

4) Наконецъ, понятіе и общее представленіе различаются по ихъ *примѣненію*. Будучи исключительнымъ продуктомъ наличныхъ ассоціацій, общее представленіе *распространяется лишь на тѣ явленія, которыя имѣютъ сходство съ знакомыми намъ вещами*, хотя-бы это сходство было чисто внѣшнимъ. Какъ мы сказали, оно основывается не на природѣ вещей, а на случайныхъ наблюденіяхъ, и, подобно этимъ наблюденіямъ, имѣетъ такой-же условный и субъективный характеръ. Для того, кто видѣлъ лишь маленькихъ птицъ нашихъ климатовъ, общее представленіе птицы было бы непримѣнимо, наприм., къ страусу, и могло бы вполнѣ подходить къ летучей мыши. Съ точки зрѣнія такого представленія страусъ былъ-бы менѣе птицей, чѣмъ зябликъ, а китъ менѣе млекопитающимъ, чѣмъ корова или овца. Недаромъ когда-то считали летучую мышь птицей, а кита рыбой.

Напротивъ, понятіе, основанное не на случайномъ сходствѣ отдѣльныхъ вещей, а на существенныхъ призракахъ класса, *примѣнимо ко всѣмъ явленіямъ этого класса*,—все равно, входили они въ сферу нашего личнаго наблюденія, или нѣтъ. Оно объединяетъ однородныя явленія даже въ томъ случаѣ, если они по своему внѣшнему виду совершенно уклоняются другъ отъ друга и отъ нашихъ обычныхъ представленій; и, наоборотъ, отдѣляетъ разнородныя вещи даже тогда, когда по внѣшности онѣ сходны другъ съ другомъ и соотвѣтствуютъ тому, какъ мы привыкли ихъ представлять Съ точки зрѣнія понятія, китъ не менѣе млекопитающее, чѣмъ быкъ, а летучая мышь не болѣе птица, чѣмъ крыса.

V. Схематизмъ понятій.—Однако нужно признать, что понятіе, какъ бы оно ни было различно отъ представленія, всегда нуждается въ немъ для своего выраженія, и притомъ не только для выраженія во внѣ, въ формѣ языка, но и для выраженія въ самомъ сознаніи, въ формѣ *внутренняго образа* или *внутренняго слова*. Когда вы мыслите понятіе треугольника, то одновременно съ геометрическими идеями, составляющими его опредѣленіе, вы имѣете *звуковое* представленіе слова „треугольникъ“ или *зрительное* представленіе маленькаго треугольника, изображеннаго черными линіями на бѣломъ фонѣ или бѣлыми линіями на черномъ фонѣ. Такое чувственное представленіе понятія,—звуковое, зрительное или мускульно-двигательное,—смотря по типу вашей памяти [1])—называется его *схемой* или *символомъ*.

Что такое символическое представленіе необходимо для мышленія, объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ наше сознаніе. „Ничто не мыслится безъ образа“, говорилъ еще Аристотель. Всякій разъ, когда мы что-нибудь мыслимъ, хотя-бы это

---

[1]) См. гл. XXX, § V.

были самыя абстрактныя и нематеріальныя вещи, мы имѣемъ въ умѣ представленіе. Съ другой стороны, не менѣе очевиденъ и тотъ фактъ, что это представленіе отличается отъ символизируемаго имъ понятія и только отъ него заимствуетъ свое значеніе. Это видно уже изъ того безразличія, съ какимъ понятіе избираетъ любое представленіе въ качествѣ своего проводника и истолкователя. Всякое понятіе можно выразить какимъ угодно представленіемъ, и различіе языковъ служитъ лучшимъ доказательствомъ этого.

VI. Значеніе понятій.—Понятія суть всеобщіе законы представляемыхъ нами вещей. Только благодаря имъ, вещи становятся мыслимы. Мыслимый міръ есть не что иное, какъ система идей. Мы начинаемъ понимать конкретные предметы только тогда, когда разлагаемъ ихъ на ихъ общія понятія и затѣмъ вновь возсоздаемъ ихъ изъ этихъ понятій. Въ этомъ именно и состоитъ задача науки о природѣ. Вотъ почему естественныя науки разлагаютъ міръ живыхъ существъ на органическія системы, изъ соединенія которыхъ затѣмъ образуются опредѣленія этихъ существъ.

Но имѣютъ-ли понятія какое-нибудь реальное значеніе? Выражаютъ ли они дѣйствительное бытіе и дѣйствительныя отношенія вещей, или они суть только наши субъективныя формулы, въ которыхъ мы представляемъ себѣ явленія неизвѣстной намъ дѣйствительности? Этотъ вопросъ породилъ нѣсколько философскихъ системъ, которыя имѣютъ преимущественно метафизическое значеніе, но могутъ быть отмѣчены и психологомъ.

Платонъ и его послѣдователи утверждали, что понятія или идеи суть единственныя реальности, какія вообще существуютъ. Они представляютъ собой умопостигаемыя сущности, которыя пребываютъ въ высшемъ мірѣ и въ отношеніи къ которымъ чувственныя вещи являются только тѣнью или

призракомъ. Въ средніе вѣка эта система была названа *реализмомъ*, потому что она допускала реальность родовыхъ понятій. Съ точки зрѣнія этой системы въ дѣйствительности не существуетъ отдѣльнаго человѣка, отдѣльнаго треугольника, отдѣльнаго круга, и проч. Существуютъ только ихъ родовыя идеи, общія понятія „человѣчности“, „треугольности“, „круглоты“, и проч., а соотвѣтствующія этимъ идеямъ вещи суть только ихъ несовершенныя и призрачныя копіи.

Другіе, какъ, наприм., въ средніе вѣка Абеляръ и въ новое время отчасти Кантъ, говорили, что понятія суть простыя категорія ума, которымъ ничего не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности. Общее существуетъ только въ нашей мысли, а то, что существуетъ въ вещахъ, всегда индивидуально и единично. Эта система называется *концептуализмомъ*, потому что она видитъ въ понятіи только субъективное обобщеніе опыта (*conceptus*). Съ этой точки зрѣнія реально существуютъ лишь отдѣльные люди, отдѣльные треугольники, отдѣльныя вещи; что-же касается ихъ понятій, то они суть лишь субъективныя формы, въ которыхъ намъ представляются эти вещи, и существуютъ въ нашемъ умѣ, пока мы ихъ мыслимъ.

Наконецъ, третьи, какъ, наприм., Кондильякъ, Юмъ или въ новѣйшее время Тэнъ, держались того мнѣнія, что общихъ понятій вообще не существуетъ, ни въ дѣйствительности, ни въ нашемъ умѣ, а существуютъ только замѣняющія ихъ слова или имена (*nomina*). Отсюда, эта система получила названіе *номиналізма*. Съ этой точки зрѣнія „человѣкъ“ не есть понятіе или мысль, а только слово, которое мы ассоціируемъ съ представленіемъ отдѣльныхъ людей, общій ярлыкъ, которымъ мы ихъ обозначаемъ. Существуютъ только отдѣльные люди, отдѣльныя существа, отдѣльныя вещи, которыя мы называемъ индивидуальными или общими именами.

Кромѣ этихъ трехъ системъ, страдающихъ одинаковой односторонностью, возможна еще четвертая, менѣе односторонняя, которую можно было-бы назвать *реалистическимъ концептуализмомъ* или *умѣреннымъ реализмомъ*, и которой держались въ особенности Аристотель и Лейбницъ. Съ точки зрѣнія этой системы, понятія выражаютъ дѣйствительныя умопостигаемыя реальности, но эти реальности не суть существа или вещи, а только мысли творческой причины вещей. Такимъ образомъ, наши понятія или идеи, съ этой точки зрѣнія, должны соотвѣтствовать *реальнымъ законамъ* по которымъ устроенъ міръ.

РЕЗЮМЭ.

I.—Переработка нашихъ ощущеній и представленій въ высшія формы познанія производится путемъ трехъ умственныхъ операцій: абстракціи, сравненія и обобщенія. *Абстракція* есть дѣйствіе, посредствомъ котораго умъ выдѣляетъ какое-нибудь состояніе сознанія изъ другихъ состояній, съ которыми оно связано, чтобы разсмотрѣть его отдѣльно. *Сравненіе* есть дѣйствіе, посредствомъ котораго умъ сопоставляетъ нѣсколько группъ состояній сознанія другъ съ другомъ и открываетъ ихъ сходства и различія. Наконецъ, *обобщеніе* есть дѣйствіе, посредствомъ котораго умъ объединяетъ въ одно цѣлое нѣсколько группъ состояній сознанія на основаніи ихъ общихъ элементовъ.

II.—Результатомъ этихъ трехъ умственныхъ операцій является образованіе *понятій*. Понятіе есть *мысленный синтезъ общихъ и существенныхъ свойствъ или признаковъ извѣстной совокупности явленій*. Можно различать два вида понятій: понятія *вещей* и понятія *отношеній* или законовъ.

III.—Понятіе имѣетъ извѣстный объемъ и извѣстное содержаніе, которые обратно пропорціональны другъ другу. *Объемъ* понятія есть совокупность индивидуумовъ, мыслимыхъ въ немъ, а его *содержаніе* есть совокупность признаковъ, приписываемыхъ этимъ индивидуумамъ. Отличительная особенность понятія состоитъ въ томъ, что оно не можетъ быть адэкватно выражено никакимъ представленіемъ.

IV.—Понятіе различается отъ общаго представленія 1) по своей *природѣ*: общее представленіе есть только упрощенный чувствен-

ный образъ сходныхъ предметовъ, а понятіе есть мысленный синтезъ ихъ основныхъ свойствъ; 2) по своему *происхожденію*: общее представленіе есть результатъ механическихъ ассоціацій, а понятіе—результатъ абстракціи, сравненія и обобщенія; 3) по своему *объему* и *содержанію*: при расширеніи объема общее представленіе становится сложнѣе, а понятіе проще; при расширеніи содержанія представленіе дѣлается все болѣе и болѣе смутнымъ, а понятіе продолжаетъ оставаться одинаково яснымъ; 4) по своему *примѣненію*: общее представленіе примѣнимо лишь къ явленіямъ, имѣющимъ внѣшнее сходство, а понятіи примѣнимо ко всѣмъ явленіямъ, сходнымъ по существу.

V.—При всемъ своемъ различіи отъ представленій, понятія тѣмъ не менѣе всегда нуждаются въ нихъ для своего внѣшняго и внутренняго выраженія. Такія вспомогательныя представленія называются *схемами* или *символами* понятія. Они могутъ быть звуковыми (языкъ), зрительными и мускульными. Въ то время, какъ выражаемое ими понятіе остается неизмѣннымъ, эти символическія представленія условны и измѣнчивы.

VI.—Понятія являются условіемъ мыслимости вещей и, можетъ быть, соотвѣтствуютъ ихъ реальнымъ законамъ. Вопросъ о реальномъ значеніи понятій породилъ три одинаково односторонніхъ философскихъ системы: *реализмъ*, *концептуализмъ* и *номинализмъ*. Этимъ тремъ системамъ можно предпочесть четвертую точку зрѣнія, которую мы сейчасъ высказали и которую можно назвать *реалистическимъ концептуализмомъ* или *умѣреннымъ реализмомъ*.

Литература.

Милль, Система логики.—*Милль*, Изслѣдованіе философіи Гамильтона.—*Льюисъ*, Вопросы о жизни и духѣ.—**Бэнъ*, Психологія.—*Джемсъ*, Психологія.—*Тиченеръ*, Очерки психологіи.—*Вундтъ*, Физіологическая психологія, II.—*Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи—**Тэнъ*, Объ умѣ и познаніи—**Рибо*, Эволюція общихъ идей.—*Рише*, Опытъ общей психологіи.—*Компейрэ*, Основанія элементарной психологіи.—*Селли*, Психологія въ примѣненіи къ воспитанію.—*Владиславлевъ*, Логика.—*Троицкій*, Наука о духѣ, II.—*Снегиревъ*, Психологія.—*Каптеревъ*, Педагогическая психологія.—**Н. Ланге*, Учебникъ логики.—**Минто*, Логика.

ГЛАВА XVII.

Сужденіе и умозаключеніе.

I. Опредѣленіе сужденія. — II. Классификація сужденій. — III. Умозаключеніе и его виды. — IV. Анализъ индукціи. — V. Основное условіе индуктивныхъ умозаключеній.

I. Опредѣленіе сужденія.—Сужденіе есть основной актъ мышленія. Всякій разъ, какъ мы размышляемъ, мы чувствуемъ въ себѣ наличность двухъ элементовъ сознанія, которые мы сводимъ къ единству посредствомъ третьяго. Когда, напримѣръ, я вижу собаку и думаю объ этомъ воспріятіи, я вслухъ или про себя высказываю сужденіе: *то, что я вижу, есть собака.* Въ этомъ сужденіи объединяются два элемента. Одинъ изъ нихъ: *то, что я вижу*, составляющій субъектъ или подлежащее сужденія, есть самое воспріятіе; другой: *собака*, составляющій предикатъ или сказуемое сужденія, есть понятіе, присоединяемое къ воспріятію въ качествѣ его опредѣленія. Синтетическій, актъ, посредствомъ котораго это понятіе присоединяется къ воспріятію, выражается другимъ понятіемъ: *есть*. Такимъ образомъ сужденіе есть *соединеніе какого-нибудь элемента сознанія съ понятіемъ чрезъ посредство новаго понятія.*

Всякое понятіе есть уже само по себѣ *скрытое сужденіе*. Какъ синтезъ родовыхъ свойствъ вещей, оно соединяетъ въ себѣ нѣсколько элементовъ, которые служатъ его предикатами, и стоитъ раскрыть эти элементы, чтобы превратить

его въ сужденіе. Наприм., понятіе „птицы“ раскрывается въ сужденіи: „птица есть двуногое позвоночное, кладущее яйца и надѣленное болѣе или менѣе развитымъ летательнымъ аппаратомъ“. Всѣ опредѣленія понятій суть не что иное, какъ сужденія, въ которыхъ раскрывается и формулируется ихъ содержаніе.

II. Классификація сужденій. — Сужденія дѣлятся на нѣсколько видовъ по ихъ *качеству*, *количеству*, *модальности* и *отношенію*.

1) По *качеству* сужденія бываютъ *утвердительными* или *отрицательными*. Наприм., „эта роза красна“ есть утвердительное сужденіе, а „эта роза не красна“ — отрицательное сужденіе. Сужденій неопредѣленныхъ или сомнительныхъ не существуетъ. Сказать, наприм: „*я сомнѣваюсь* въ этомъ происшествіи“, значитъ высказать утвердительное сужденіе. Сомнѣніе есть особое состояніе ума, которое сознаніе опредѣляетъ и приписываетъ себѣ чрезъ утвержденіе. Существуетъ взглядъ, что отрицательное сужденіе сводится къ сужденію утвердительному. Логически это можетъ быть вполнѣ правильно, но съ психологической точки зрѣнія нѣтъ, потому что сознаніе констатируетъ реальное различіе между утвержденіемъ или отрицаніемъ качества предмета. Актъ, посредствомъ котораго умъ *присоединяетъ* къ предмету „вино“ качество „хорошаго“, когда говоритъ: „вино хорошо“, всецѣло отличенъ отъ акта, которымъ онъ *отдѣляетъ* это качество отъ предмета и говоритъ: „вино не хорошо“.

2) По *количеству* сужденія бываютъ *единичными*, *частными* и *общими*. Въ единичныхъ сужденіяхъ субъектъ представляетъ только одинъ предметъ извѣстнаго вида; напримѣръ: „*этотъ* человѣкъ добръ“. Въ частныхъ сужденіяхъ субъектъ предствляетъ нѣсколько предметовъ одного и того-же вида; напримѣръ: „*нѣкоторые* люди добры“. Въ общихъ

сужденіяхъ субъектъ выражаетъ всѣ предметы вида; напримѣръ: *всѣ* люди смертны".

3) По *модальности*, или способу соединенія субъекта съ предикатомъ, сужденія бываютъ *случайными* и *необходимыми*. Въ случайныхъ сужденіяхъ предикатъ прилагается къ субъекту лишь по ассоціаціи, и при извѣстныхъ условіяхъ могъ-бы быть безъ противорѣчія отдѣленъ отъ него; наприм., „Спиноза умеръ въ Гагѣ". Въ необходимыхъ сужденіяхъ предикатъ, напротивъ, соединяется съ субъектомъ по существу и не можетъ быть отдѣленъ отъ него; напримѣръ: „три угла треугольника равны двумъ прямымъ".

4) По *отношенію* субъекта и предиката сужденія бываютъ *аналитическими* и *синтетическими*. Аналитическими сужденіями называются тѣ, въ коихъ предикатъ заранѣе содержится въ субъектѣ и выражаетъ вполнѣ или отчасти его содержаніе; наприм., „треугольникъ имѣетъ три стороны", „дважды-два составляютъ четыре", „всѣ тѣла пространственны". Напротивъ, синтетическими сужденіями называются такія, въ которыхъ предикатъ не содержится въ субъектѣ и присоединяетъ къ его содержанію нѣчто такое, что въ немъ непосредственно не мыслится; наприм., „этотъ треугольникъ имѣетъ десять метровъ въ основаніи", „дважды-два = четыре—есть всѣмъ извѣстная аксіома", „тѣла имѣютъ различный вѣсъ".

Кромѣ того, всѣ сужденія можно раздѣлить по ихъ *происхожденію* на *апріорныя* и *апостеріорныя*. Апріорными сужденіями называются тѣ, которыя образуются независимо отъ опыта или ранѣе его (*a priori*) и признаются истинными умомъ на основаніи его собственныхъ законовъ; наприм.: „цѣлое больше каждой изъ своихъ частей". Къ этой категоріи принадлежатъ всѣ математическія сужденія. Апостеріорными называются тѣ сужденія, которыя образуются на основаніи

опыта или послѣ него (*a posteriori*) и признаются истинными вслѣдствіе того или иного объективнаго соотношенія ихъ элементовъ; наприм.: „китъ есть млекопитающее“, „солнце свѣтитъ“, „Парижъ есть столица Франціи“. Апріорныя сужденія всегда необходимы, а апостеріорныя всегда случайны. Умъ не можетъ противорѣчить самому себѣ; опытъ-же можетъ завтра дать намъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что онъ даетъ сегодня.

III. Умозаключеніе и его виды. — Умозаключеніе есть *образованіе новаго сужденія на основаніи одного или нѣсколькихъ старыхъ*. Смотря по количественнымъ свойствамъ или объему этихъ сужденій, умозаключенія могутъ имѣть три вида.

1) Если умозаключеніе выходитъ изъ *общихъ* сужденій и образуетъ на основаніи ихъ *частное*, то оно называется выводомъ или *дедукціей*. Напримѣръ: „всякое млекопитающее имѣетъ легкія; китъ есть млекопитающее; слѣдовательно, китъ имѣетъ легкія“. Полною формой дедуктивнаго умозаключенія является *силлогизмъ*, который, какъ показываетъ намъ сейчасъ приведенный примѣръ, состоитъ изъ трехъ сужденій или *предложеній*. Два первыхъ предложенія силлогизма, на которыхъ основывается выводъ, называются *посылками*, а третье, представляющее результатъ вывода, называется *заключеніемъ*.

2) Если умозаключеніе выходитъ изъ *частныхъ* сужденій и составляетъ на основаніи ихъ также *частное* сужденіе, то оно называется *аналогіей*. Наприм., ребенокъ, обжегшій палецъ разъ или два на свѣчкѣ, уже болѣе не дотрогивается до огня, потому что онъ увѣренъ, что онъ вновь обожжется. Такимъ образомъ, онъ заключаетъ отъ одного или нѣсколькихъ частныхъ случаевъ къ новому частному случаю на основаніи ихъ простаго сходства безъ по-

мощи общаго сужденія: „всякій огонь жжетъ“. Аналогическія умозаключенія не имѣютъ строго необходимаго характера и основываются скорѣе на простой ассоціаціи, чѣмъ на логическихъ законахъ. Поэтому они свойственны не только человѣку, но, повидимому, и животнымъ.

3) Если, наконецъ, умозаключеніе отправляется отъ *частныхъ* сужденій и образуетъ на основаніи ихъ *общее* сужденіе, то оно называется наведеніемъ или *индукціей*. Напримѣръ: „этотъ китъ есть млекопитающее; другой и третій киты имѣютъ тѣ-же самые признаки; слѣдовательно, всѣ киты суть млекопитающія“.

IV. Анализъ индукціи.—Индукція предполагаетъ двоякое дѣйствіе: 1) различеніе существенныхъ свойствъ и отношеній вещей отъ случайныхъ и 2) возведеніе этихъ существенныхъ свойствъ и отношеній во всеобщій законъ. Первая изъ этихъ операцій есть не что иное, какъ *абстракція* и *сравненіе*: чтобы различить одни свойства и отношенія вещей отъ другихъ, нужно отдѣлить или абстрагировать ихъ отъ цѣлаго; чтобы различить и выдѣлить именно существенныя свойства и отношенія этихъ вещей, нужно сравнить ихъ съ несущественными. Вторая операція есть прежде всего *обобщеніе*: какъ мы сказали выше, законы суть общія понятія отношеній вещей и, слѣдовательно, основываются на томъ-же процессѣ, путемъ котораго образуются всѣ понятія вообще. Но достаточно-ли здѣсь простаго обобщенія? Возвести существенныя свойства и отношенія вещей во всеобщій законъ,—значитъ не только превратить ихъ въ общее понятіе, но и примѣнить это понятіе ко всѣмъ частнымъ случаямъ, какъ ихъ общее правило и норму. Но примѣнить общее понятіе къ частнымъ фактамъ значитъ выводить частное изъ общаго или дѣлать *дедукцію*. Такимъ образомъ, *дедукція есть необходимый элементъ или необходи-*

мое дополненіе индуктивныхъ обобщеній. Дедукцію и индукцію часто разсматривали какъ два совершенно несовмѣстимыхъ процесса и, настаивая на важности второй, иногда совершенно отрицали значеніе первой. Между тѣмъ, онѣ стоятъ между собой въ самой нераздѣльной связи и взаимно предполагаютъ другъ друга. Чтобы сдѣлать частный выводъ изъ общихъ посылокъ, мы сначала должны образовать эти посылки при помощи возведенія отдѣльныхъ наблюденій во всеобщіе законы или формулы, т. е. при помощи *индукціи*; съ другой стороны, чтобы возвести отдѣльныя наблюденія во всеобщіе законы или формулы, мы должны, какъ сейчасъ сказано, примѣнить эти законы и формулы ко всѣмъ частнымъ фактамъ того-же рода, т. е. провѣритъ или мыслить возможность ихъ провѣрки при помощи *дедукціи*. Обѣ операціи можно различать только теоретически; на практикѣ-же онѣ нераздѣльно слиты.

Итакъ, анализъ индукціи показываетъ намъ, что она слагается изъ четырехъ процессовъ: абстракціи, сравненія, обобщенія и дедуктивной провѣрки.

V. Основное условіе индуктивныхъ умозаключеній.— Необходимымъ условіемъ всякаго индуктивнаго умозаключенія служитъ *отдѣленіе обобщаемыхъ имъ явленій отъ частныхъ условій пространства и времени и распространеніе ихъ на всѣ пространства и времена.* Уже простое различеніе существенныхъ элементовъ вещей отъ случайныхъ, выражаемое въ понятіи, основывается на этомъ процессѣ. Такъ, понятіе кита обозначаетъ не того кита, котораго могли видѣть вчера около береговъ Атлантическаго океана, и не того, котораго видѣли въ Ледовитомъ океанѣ годъ тому назадъ: оно обозначаетъ всѣхъ китовъ, какіе вообще могутъ существовать когда-бы то ни было и гдѣ-бы то ни было. Точно также, понятіе какого нибудь физическаго

закона, наприм., любого закона тяжести, есть формула, абстрагированная отъ всѣхъ условій времени и мѣста. Въ этой формулѣ идетъ рѣчь не о томъ или другомъ тѣлѣ, имѣющемъ тяжесть, не о томъ или иномъ пространствѣ, на которомъ можетъ обнаруживаться это свойство, и не о томъ или иномъ моментѣ времени, когда оно нами наблюдалось: данная формула выражаетъ собой лишь общія абстрактныя отношенія извѣстныхъ идей, имѣющія значеніе вездѣ и всегда. Всякое родовое понятіе образуется независимо отъ пространства и времени, и, слѣдовательно, можетъ быть приложимо ко всякому пункту пространства и во всякомъ моментѣ времени. Чтобы подвести новое явленіе подъ это понятіе, для ума достаточно только открыть въ явленіи при помощи анализа и абстракціи его свойства; и наоборотъ, чтобы приписать явленію извѣстныя свойства, достаточно только подвести его подъ соотвѣтствующее понятіе. Разсматривая какое-нибудь явленіе A, умъ открываетъ въ немъ свойство x, составляющее одинъ изъ существенныхъ элементовъ понятія B; слѣдовательно, A должно принадлежать къ понятію B. Но въ понятіи B кромѣ свойства x мыслится еще другое существенное свойство y; слѣдовательно, A должно обладать вмѣстѣ съ свойствомъ x и свойствомъ y. Возьмемъ конкретный примѣръ. Наблюденіе открываетъ, что у кита существуютъ сосцы; отсюда становится обязательнымъ выводъ, что китъ есть млекопитающее. Но въ понятіи млекопитающаго мыслится какъ существенный признакъ легочное дыханіе; слѣдовательно, неизбѣжно заключеніе, что китъ дышетъ легкими. Такимъ образомъ, абстрактное родовое понятіе или абстрактный законъ, формулированные независимо отъ всѣхъ условій мѣста и времени, примѣняются посредствомъ дедукціи къ конкретнымъ явленіямъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ.

Только этотъ абстрактный характеръ индуктивныхъ зако-

новъ даетъ намъ возможность заключать на основаніи опытовъ прошлаго о явленіяхъ настоящаго, и на основаніи явленій настоящаго о явленіяхъ будущаго. Правда, съ теоретической точки зрѣнія такія заключенія всегда остаются условными и гипотетическими, потому что намъ неизвѣстно, оправдываются-ли они природой вещей. Чтобы имѣть дѣйствительное право распространять на все пространство и всѣ времена то, что наблюдалось лишь въ извѣстныхъ пунктахъ пространства и въ извѣстные моменты времени, нужно быть убѣжденнымъ, что индуктивные законы вполнѣ совпадаютъ съ реальными законами явленій. Но этотъ вопросъ уже выходитъ за предѣлы психологіи и относится къ метафизикѣ.

РЕЗЮМЭ.

I.—*Сужденіе* есть *соединеніе какого-нибудь элемента сознанія съ понятіемъ чрезъ посредство другаго понятія.* Каждое понятіе есть уже само по себѣ скрытое сужденіе.

II.—Сужденія дѣлятся по *качеству* на утвердительныя и отрицательныя, по *количеству* на единичныя, частныя и общія, по *модальности* на случайныя и необходимыя, по *отношенію* на аналитическія и синтетическія, и по *происхожденію* на апріорныя и апостеріорныя.

III.—*Умозаключеніе* есть *образованіе новаго сужденія на основаніи одного или нѣсколькихъ старыхъ.* Оно бываетъ *дедукціей*, когда мы заключаемъ отъ общаго къ частному, *аналогіей*, когда мы заключаемъ отъ частнаго къ частному, и *индукціей*, когда мы заключаемъ отъ частнаго къ общему.

IV.—*Индукція* есть различеніе существенныхъ свойствъ и отношеній вещей и возведеніе этихъ свойствъ и отношеній во всеобщій законъ. Она слагается изъ четырехъ процессовъ: *абстракціи, сравненія, обобщенія и дедуктивной провѣрки.*

V.—Основнымъ условіемъ индуктивныхъ умозаключеній служитъ *отвлеченіе обобщаемыхъ ими явленій отъ частныхъ условій пространства и времени и распространеніе ихъ на всѣ пространства и времена.* Только этотъ абстрактный характеръ индуктивныхъ законовъ даетъ возможность судить о фактахъ настоящаго на основаніи опытовъ прошлаго, и о явленіяхъ будущаго на основаніи фактовъ настоящаго.

Литература.

Кантъ, Критика чистаго разума.—*Милль*, Система логики; Изслѣдованіе философіи Гамильтона.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, II.—**Джевонсъ*, Элементарный учебникъ логики.—*Джевонсъ*, Основы науки.—**Минто*, Логика.—*Тичченеръ*, Очерки психологіи.—*Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи. *Селли*, Психологія въ примѣненіи къ воспитанію.—**Бинэ*, Психологія умозаключенія.—*Компейрэ*, Основанія элементарной психологіи.—*Владиславлевъ*, Логика.—*Троицкій*, Наука о духѣ, II.—*Снегиревъ, Психологія.— **Н. Ланге*, Учебникъ логики.

ГЛАВА XVIII.

Основныя понятія разсудка.

1. Пять основныхъ понятій разсудка.—II. Пространство.—III. Время.—IV. Число.—V. Причина.—VI. Природа причинности.—VII. Субстанція.—VIII. Тожество субстанціи и причины въ понятіи закона.

I. Пять основныхъ понятій разсудка.—Всякій разъ, когда умъ мыслитъ, онъ встрѣчается съ нѣкоторыми понятіями или идеями, которыя неизбѣжно вплетаются въ сложную цѣпь его мышленія, иногда всѣ вмѣстѣ, иногда же въ отдѣльности. Эти идеи, примѣшиваясь ко всѣмъ прочимъ представленіямъ, бываютъ до того тѣсно связаны съ ними, что послѣднія, повидимому, не могутъ безъ нихъ существовать. Онѣ составляютъ какъ-бы сущность или основу этихъ представленій, а самыя представленія, съ ихъ сложными подробностями, кажутся въ сравненіи съ ними случайными явленіями. Какія—же это идеи?

Когда мы имѣемъ какое-нибудь зрительное представленіе, то съ нимъ всегда соединяется идея *пространства*. Я вижу свою чернильницу, свой столъ, свою руку; и моя чернильница, и мой столъ, и моя рука находятся въ пространствѣ. Мы можемъ представить или мыслить пространство безъ цвѣта, но мы не можемъ представить цвѣта безъ пространства. Такимъ образомъ, пространство есть основной или существенный элементъ нашего зрительнаго представле-

нія, а цвѣтъ—до нѣкоторой степени случайное явленіе. Тоже самое нужно сказать и объ осязательныхъ представленіяхъ: пространство составляетъ ихъ существенный элементъ, а осязательное качество какъ-бы случайную подробность.

Всѣ состоянія нашего сознанія кажутся намъ продолжающимися и слѣдующими одно за другимъ; иными словами, каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ идею *времени*. Теперь я пишу, сейчасъ я читалъ, вчера я ходилъ на охоту; всѣ эти явленія имѣютъ положеніе во времени. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ время есть основной или существенный элементъ, а отдѣльныя состоянія сознанія, въ которыхъ они выражаются, представляются случайными.

Различные предметы нашихъ представленій, да и самыя представленія, всегда являются намъ съ признакомъ множественности, которая въ разныхъ случаяхъ бываетъ неодинакова. У меня на столѣ лежитъ нѣсколько предметовъ: одна чернильница, три карандаша, четыре ручки, пять пресъпанье; этихъ предметовъ много, и множественность карандашей не одинакова съ множественностью ручекъ или пресъпанье. Ихъ различная множественность выражается различными числами, а различныя числа являются выраженіями общей идеи *числа*. Такимъ образомъ, число есть основной или существенный элементъ множественности, а самая множественность кажется случайнымъ явленіемъ.

Какъ скоро мы соединяемъ наши представленія другъ съ другомъ съ статической точки зрѣнія т. е. разсматриваемъ ихъ, какъ нѣчто постоянное и неподвижное, по крайней мѣрѣ въ теченіе того времени, пока мы на нихъ останавливаемся, мы видимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ всегда и вездѣ предполагаются нами, какъ основа или *субстанція* остальныхъ. Напримѣръ, когда я разсматриваю эту бумагу и ея цвѣтъ, то на цвѣтъ я смотрю, какъ на принадлежность бу-

маги, а бумагу считаю носителемъ или субстанціей этого цвѣта. Такимъ образомъ, идея субстанціи есть основной или существенный элементъ нашихъ представленій, а тѣ качества, которыя мы въ связи съ нею представляемъ, суть случайныя явленія.

Когда мы соединяемъ наши представленія съ динамической точки зрѣнія, т. е. когда мы разсматриваемъ ихъ, какъ послѣдовательныя явленія, вытекающія другъ изъ друга, мы всегда признаемъ одни изъ нихъ производителями или *причинами* другихъ. Напримѣръ, когда я связываю уличный шумъ съ представленіемъ экипажа, то я разсматриваю экипажъ, какъ причину шума. Идея причины въ такихъ явленіяхъ есть основной или существенный элементъ, а самыя эти явленія по отношенію къ ней—случайны.

Итакъ, мы имѣемъ по крайней мѣрѣ пять основныхъ понятій или идей, заключающихся въ другихъ представленіяхъ: идею *пространства*, идею *времени*, идею *числа*, идею *субстанціи* и идею *причины*.

Эти идеи далеко не всѣ имѣютъ одинаковое значеніе и одинаковую роль. Такъ идеи субстанціи и причины, очевидно, заключаются во всѣхъ нашихъ представленіяхъ; напротивъ, идея числа или количества, будучи примѣнима ко всѣмъ пространственнымъ и временнымъ представленіямъ, не составляетъ необходимаго элемента чистыхъ идей субстанціи и причины. Въ свою очередь, идеи пространства и времени свойственны не всѣмъ явленіямъ сознанія. Чистыя понятія мыслятся внѣ пространства и времени. Время примѣнимо только къ процессу или смѣнѣ нашихъ внутреннихъ состояній и образуетъ, какъ показалъ Кантъ, форму нашего внутренняго опыта; пространство примѣняется только къ зрительнымъ и осязательнымъ представленіямъ и составляетъ форму нашего внѣшняго опыта.

Чтобы показать психологическій генезисъ этихъ понятій, мы разсмотримъ ихъ въ отдѣльности.

II. Пространство.—Идея пространства образуется посредствомъ *абстрактнаго анализа зрительныхъ и осязательныхъ воспріятій.* Когда мы абстрактно выдѣляемъ изъ этихъ воспріятій всѣ ихъ качественныя особенности,—цвѣта, формы, размѣры, осязательныя свойства,—у насъ остается лишь *общая возможность безконечнаго протяженія* съ тремя измѣреніями, *длиной*, *шириной* и *глубиной*, которое, благодаря своей однородности, является способнымъ принимать безразлично всѣ формы, всѣ цвѣта, всѣ осязательныя качества,—однимъ словомъ, всѣ свойства физическихъ тѣлъ. Эта-то возможность безконечнаго протяженія и есть *понятіе пространства.* Въ самомъ дѣлѣ, пространство можетъ простираться *безконечно*; для него нельзя указать никакихъ границъ. За міромъ дѣйствительнымъ простирается міръ возможный, который именно вслѣдствіе своего потенціальнаго характера мыслится нами какъ чистое пространство. Далѣе, пространство *однородно*, потому что всѣ его части абсолютно похожи одна на другую. Наконецъ, оно *безразлично*, потому что его можно дѣлить, какъ угодно, и помѣщать въ немъ всѣ тѣла и формы, какія мы можемъ представить.

III. Время.—Идея времени есть результатъ *абстрактнаго анализа послѣдовательныхъ измѣненій сознанія.* Когда мы выдѣляемъ изъ явленій сознанія всѣ случайные элементы, составляющіе ихъ содержаніе, и мысленно удерживаемъ только ихъ относительное положеніе въ ряду нашихъ психическихъ перемѣнъ, у насъ остается *общая возможность безконечной послѣдовательности* этихъ явленій съ тремя положеніями,—*прошедшимъ*, *настоящимъ* и *будущимъ*. Я вижу, наприм., летящаго воробья, потомъ слышу бой своихъ часовъ, и вслѣдъ затѣмъ слышу

стукъ въ мою дверь. Вотъ три явленія, смѣняющіяся въ послѣдовательномъ порядкѣ. Абстрагируя содержаніе каждаго изъ этихъ явленій, я получаю въ остаткѣ только ихъ относительное положеніе въ процессѣ сознанія. Во время второго явленія первое уже прошло, а третье еще готовится наступить. Эта абстрактная идея безконечной послѣдовательности или смѣны явленій и составляетъ наше *понятіе времени* въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Но слово „время“ имѣетъ еще другой смыслъ: кромѣ послѣдовательности или смѣны явленій оно обозначаетъ также ихъ *продолжительность* или *постоянство*. Не смотря на сходство въ названіи, эти двѣ идеи нужно ясно различать. Собственно говоря, онѣ противорѣчатъ другъ другу: послѣдовательность и смѣна исключаютъ продолжительность и постоянство, и наоборотъ. Тѣмъ не менѣе идея продолжительности есть такая-же эмпирическая абстракція, какъ и идея послѣдовательности. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ отношенія послѣдовательности, которыя я разсматривалъ въ предшествующемъ анализѣ, могли существовать только потому, что каждое изъ послѣдовательныхъ явленій, прежде чѣмъ стать прошедшимъ, существовало какъ настоящее, какъ наличный фактъ сознанія или дѣйствительности, имѣвшій извѣстную продолжительность. Настоящее не есть простой переходъ между прошедшимъ и будущимъ, между тѣмъ, что сейчасъ произошло, и тѣмъ, чего еще не было: оно есть кратковременная остановка между этими двумя моментами; оно представляетъ собой неподвижную дѣйствительность, продолжающуюся хотя-бы одно мгновенье.

Итакъ, подъ именемъ *времени* мы разумѣемъ двѣ различныхъ идеи: *идею послѣдовательности явленій*, въ которой они мыслятся какъ измѣнчивыя положенія или моменты, и *идею продолжительности* этихъ явленій, въ

которой они мыслятся какъ неподвижныя и неизмѣнныя состоянія.

IV. Число.—Идея числа есть результатъ *абстрактнаго анализа пространственныхъ и временныхъ отношеній.* Соотвѣтственно этому она можетъ возникать двоякимъ путемъ: или посредствомъ выдѣленія и соединенія различныхъ пунктовъ пространства: такъ, наприм., различая вершины угловъ многоугольника, мы можемъ затѣмъ образовать ихъ сумму; или посредствомъ выдѣленія и соединенія различныхъ моментовъ времени: такъ, различая послѣдовательныя событія, мы можемъ представить ихъ совокупность. Въ томъ и другомъ случаѣ мы получаемъ *понятіе множественности, которая слагается изъ нѣсколькихъ равныхъ частей или единицъ и опредѣляется ихъ суммой.* Это абстрактное понятіе и есть то, что мы называемъ *числомъ*.

V. Причина.—Подъ именемъ *причины* мы разумѣемъ то, что „причиняетъ“ или *производитъ* какую-нибудь вещь; другими словами, причина есть *предшествующая дѣятельность, съ которою необходимо связано какое-нибудь послѣдующее явленіе.* Мысль, движущая моимъ перомъ, есть причина его движеній; столяръ, дѣлающій столъ, есть причина стола. Подобно всѣмъ основнымъ идеямъ ума, понятіе причины имѣетъ опытное происхожденіе. Но въ какомъ опытѣ лежитъ его источникъ?

Прежде всего, какъ показалъ еще Юмъ, идея причины не можетъ вытекать изъ *внѣшняго опыта.* Такого рода опытъ въ дѣйствительности даетъ намъ только простую *послѣдовательность* явленій, а не ихъ причинную связь. Онъ позволяетъ намъ утверждать, что такое-то явленіе слѣдуетъ за такимъ-то другимъ; но онъ не показываетъ, да и не можетъ показать намъ той *зависимости* между ними, въ силу которой послѣдующее явленіе неизбѣжно вытекаетъ

изъ предыдущаго. Одинъ билліардный шаръ толкаетъ другой: мы прекрасно видимъ, что этотъ послѣдній движется послѣ того, какъ получилъ толчекъ отъ перваго; но мы отнюдь не видимъ связи, которая соединяетъ движеніе втораго шара съ движеніемъ перваго.

Если непосредственный внѣшній опытъ не даетъ намъ понятія причины, то намъ не поможетъ здѣсь и абстрактный *анализъ* этого опыта. Открыть причину посредствомъ анализа ея дѣйствія такъ-же невозможно, какъ и обратно,—открыть дѣйствіе путемъ анализа его причины. Какъ справедливо замѣтилъ Кантъ, причинное сужденіе есть синтетическое, а не аналитическое сужденіе. Даже величайшій механикъ въ мірѣ, сколько-бы онъ ни разбиралъ электрическую машину, не нашелъ-бы въ ней и слѣда электрической искры; и, съ другой стороны, сколько-бы онъ ни анализировалъ искру, онъ не нашелъ бы въ ней и слѣда машины.

Нужно согласиться съ мнѣніемъ Мэнъ де-Бирана и Ампера, что эмпирическимъ источникомъ идеи причины является нашъ *внутренній опытъ*, именно наше *непосредственное чувство собственной активности*. Мы чувствуемъ въ себѣ способность дѣйствовать, способность вызывать къ бытію новыя душевныя состоянія, и связь, которая соединяетъ эти состоянія съ нашею личностью, является причинною связью. Понятіе причины есть не что иное, какъ абстрактная идея перваго термина этого причиннаго отношенія,—*нашего „я“*, а понятіе дѣйствія—не что иное, какъ абстрактная идея второго термина даннаго отношенія,—*нашихъ психическихъ актовъ и состояній*. Такъ, наприм., я пишу, чтобы выразить свою мысль. Я чувствую въ себѣ мыслительную силу, которая возбуждаетъ мое воображеніе и память и въ тоже время опредѣляетъ движенія моей пишущей руки. Связь, которую я открываю между моею мыслью и выражающими ее

словами, есть причинная связь; сила моей мысли, разсматриваемая въ отдѣльности, является причиной, а письмо, взятое въ отдѣльности, является дѣйствіемъ.

VI. Природа причинности.—Мы сказали, что причина есть предшествующая дѣятельность, съ которою необходимо связаны какія-нибудь послѣдующія явленія. Но всякую-ли дѣятельность можно назвать причиной, и всякая-ли связь антецедентовъ и слѣдствій образуетъ причинное отношеніе? Связь заключенія съ посылками въ силлогизмѣ не есть причинная связь, и посылки не могутъ быть названы причинами заключенія; единственною причиною въ данномъ случаѣ является дискурсивная дѣятельность ума, а тѣ представленія или идеи, которыя выражаются въ посылкахъ и заключеніи, суть только логическія условія для обнаруженія этой дѣятельности.

Если мы глубже вникнемъ въ смыслъ причиннаго отношенія и попытаемся уяснить себѣ, какимъ образомъ слѣдствія могутъ быть необходимо связаны съ предшествующею дѣятельностью, то мы увидимъ, что это возможно только при *синтетической* и, слѣдовательно, *представляющей* дѣятельности, которая одновременно различаетъ, связываетъ, соединяетъ, координируетъ и подчиняетъ различные элементы своихъ представленій. Между тѣмъ, такая дѣятельность есть не что иное, какъ *мысль*.

Я мыслю и пишу. Мысль, которая является причиною моего письма, одновременно представляетъ въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ всѣ разнообразные элементы, входящіе въ его составъ. Она различаетъ эти элементы, потому что я мыслю каждое слово отдѣльно; она соединяетъ и связываетъ ихъ потому что каждое слово въ фразѣ имѣетъ непосредственное отношеніе къ предшествующему и послѣдующему; она координируетъ ихъ, потому что фраза, которую я пишу сейчасъ,

вполнѣ соотвѣтствуетъ той, которую я только-что написалъ; она, наконецъ, подчиняетъ ихъ другъ другу, потому что глаголъ подчиненъ подлежащему, а дополненіе — глаголу. Такъ бываетъ вездѣ, гдѣ дѣйствуетъ настоящая причина. Столяръ, дѣлающій столъ, различаетъ его части, соединяетъ, координируетъ и взаимно подчиняетъ ихъ, соотвѣтственно тѣмъ различеніямъ, соединеніямъ, соотношеніямъ и соподчиненіямъ, которыя онъ мыслитъ. Его руки только потому и могутъ строить этотъ столъ, что онъ строится въ его мысли. Даже машина дѣйствуетъ, только воспроизводя мысль инженера. Итакъ, *дѣйствительною причиною можетъ быть только мысль.*

Между тѣмъ какъ въ машинѣ или работѣ столяра отдѣльныя движенія различаются другъ отъ друга реально и могутъ осуществляться только послѣдовательно, въ чистой мысли связь, соединеніе, координація и субординація элементовъ представленій идеальны и *независимы отъ всякой послѣдовательности*; причина, какъ таковая, находится внѣ измѣнчивыхъ явленій, которыя она вызываетъ, и остается постоянной. Проявляясь въ дѣятельности, она вовсе не подвергается измѣненію; обнаруживая свою силу, она нисколько не теряетъ этой силы. *Causa movendo non movetur* говорили древніе, т. е. причина, будучи двигателемъ остается неподвижною.

VII. Субстанція.—Открывъ неподвижность и неизмѣнность чистой причины, мы вмѣстѣ съ тѣмъ уясняемъ себѣ и существенный элементъ понятія *субстанціи*. Въ самомъ дѣлѣ, неизмѣнность нашей активной мысли сама собой противополагается измѣнчивости и подвижности нашихъ ощущеній и чувствъ, безпрестанной смѣнѣ нашихъ душевныхъ явленій, которыя какъ-бы плаваютъ на ея поверхности, нисколько не касаясь ея глубины. Между тѣмъ, идея субстанціи есть не что иное, какъ *идея о томъ, что пребываетъ постояннымъ и неизмѣннымъ среди остальныхъ перемѣнъ.*

Эта мысль очень хорошо выражена у Декарта: „Возьмемъ для примѣра вотъ этотъ кусочекъ воску: онъ совсѣмъ недавно извлеченъ изъ улья; онъ еще не потерялъ сладости меда, который въ немъ содержался; онъ еще нѣсколько сохраняетъ запахъ тѣхъ цвѣтовъ, съ которыхъ онъ былъ собранъ. Мы видимъ его цвѣтъ, его форму, его величину; онъ твердъ, холоденъ, гибокъ, и если вы ударите по нему, онъ издастъ нѣкоторый звукъ. Наконецъ, все, что можетъ дать намъ ясное понятіе о тѣлѣ, входитъ въ него. Но вотъ, въ то время, какъ я это говорю, его подносятъ къ огню: весь вкусъ, какой въ немъ оставался, исчезаетъ; его запахъ испаряется, его цвѣтъ измѣняется, его форма утрачивается, его величина возрастаетъ: онъ становится жидкимъ и горячимъ; его съ трудомъ можно взять въ руки, и какъ-бы вы ни ударяли по нему, онъ уже не издастъ никакого звука. Остается-ли этотъ воскъ послѣ такой перемѣны тѣмъ-же самымъ воскомъ? Выходитъ, что еще остается: никто въ этомъ не сомнѣвается, никто не судитъ объ этомъ иначе“ [1]).

Именно то, что остается, и есть субстанція. Но, какъ замѣчаетъ Декартъ въ томъ-же самомъ мѣстѣ, не внѣшній опытъ можетъ дать намъ истинную идею постояннаго пребыванія среди разнообразія случайныхъ измѣненій, а только *внутренній опытъ*, опытъ нашей собственной мысли, въ которой мы находимъ нѣчто тожественное въ противоположность всякаго рода перемѣнамъ.

VIII. Тожество субстанціи и причины въ понятіи закона.—Если идти еще дальше, то можно видѣть, что идея причины и идея субстанціи совпадаютъ въ понятіи *закона*. Въ самомъ дѣлѣ, законъ есть не что иное, какъ *неизмѣнное отношеніе и связь явленій*, неизмѣнный

---

[1]) *2-me Méditation.*

порядокъ, по которому координируются и соподчиняются качества вещей. Причина, какъ упорядочивающая мысль, осуществляетъ неизмѣнный законъ, лежащій въ ея основѣ; а этотъ законъ, какъ неизмѣнная основа ея дѣйствій, есть то-же, что субстанція. Такимъ образомъ, субстанція есть законъ, разсматриваемый съ *статической* точки зрѣнія, въ его неизмѣнномъ существованіи, а причина есть законъ, разсматриваемый съ *динамической* точки зрѣнія, въ его дѣятельности. Другими словами, понятія субстанціи и причины суть абстракціи, взаимно дополняющія другъ друга и соединяющіяся въ болѣе конкретной идеѣ закона: субстанція есть причина *minus* дѣятельность, а причина есть субстанція *plus* дѣятельность.

РЕЗЮМЭ.

I.—Анализируя наши представленія, мы видимъ, что они постоянно заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя основныя идеи, безъ которыхъ они немыслимы. Такихъ идей приблизительно пять: *пространство, время, число, субстанція и причина.*

II.—Идея *пространства* образуется посредствомъ абстрактнаго анализа зрительныхъ и осязательныхъ воспріятій. Она обозначаетъ *возможность безконечнаго протяженія* въ длину ширину и глубину.

III.—Идея *времени* есть результатъ абстрактнаго анализа послѣдовательныхъ измѣненій сознанія. Она выражаетъ собой, съ одной стороны *возможность безконечной послѣдовательности* явленій въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, съ другой,—*мысль о продолжительности или постоянствѣ* этихъ явленій.

IV.—Идея *числа* есть результатъ абстрактнаго анализа пространственныхъ и временныхъ отношеній. Число есть *множественность слагающаяся изъ единицъ и опредѣляемая ихъ суммой.*

V.—Идея *причины* обозначаетъ *предшествующую дѣятельность, съ которою необходимо связано какое-нибудь послѣдующее явленіе.* Эта идея не можетъ вытекать изъ внѣшняго опыта или изъ анализа его явленій; она имѣетъ свой источникъ во *внутреннемъ опытѣ* и является результатомъ абстрактнаго анализа нашей психической дѣятельности.

VI.—Причинное отношеніе возможно лишь въ томъ случаѣ, когда антецеденты и слѣдствія необходимо соединяются въ актѣ синтетической дѣятельности, различающей, связывающей, координирующей и соподчиняющей ихъ, какъ свои состоянія, т. е. въ актѣ мысли. Отсюда, истинною причиной можетъ быть только *мысль*.

VII.—Идея *субстанціи* есть результатъ абстрактнаго анализа неизмѣнныхъ и тожественныхъ элементовъ нашей мысли. Она обозначаетъ то, что *остается постояннымъ среди измѣнчивыхъ явленій* и совпадаетъ съ идеей причины, какъ неизмѣнной основы дѣйствій.

VIII.—Идеи субстанціи и причины отождествляются въ понятіи *закона*. Причина есть законъ, разсматриваемый съ *динамической* точки зрѣнія, а субстанція есть законъ, разсматриваемый съ *статической* точки зрѣнія.

Литература.

Декартъ, Метафизическія размышленія.—*Локкъ*, Опытъ о человѣческомъ разумѣ.—*Кантъ*, Критика чистаго разума.—*Кантъ*, Пролегоменты ко всякой будущей метафизикѣ. — **Милль*, Система логики.—*Милль*, Изслѣдованіе философіи Гамильтона.—*Льюисъ*, Вопросы о жизни и духѣ.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, II.—*Бэнъ*, Психологія.—*Лотце*, Микрокозмъ, II.—*Джевонсъ*, Основы науки. — **Гефдингъ*, Очерки психологіи.—**Рибо*, Эволюція общихъ идей.—*Джемсъ*. Психологія.—*Гюйо*, Происхожденіе идеи времени. — **Тэнъ*, объ умѣ и познаніи.—*Троицкій*, Наука о духѣ, II.—*Гротъ*, Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности (*Труды Моск. Психолог. Обществ*а, вып. III); О времени (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 23, 24, 25). — *Челпановъ*, О природѣ времени (Вопр. фил. и псих., кн. 19).—*Кудрявцевъ*, Метафизическій анализъ раціональнаго познанія (*Сочиненія*, I, вып. 3).—*Серебренниковъ*, Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. — **Лопатинъ*, Положительныя задачи философіи, II.

ГЛАВА XIX.

Законы мышленія.

I. Законы тожества и достаточнаго основанія.—II. Законы цѣлесообразности, причинности и субстанціальности.—III. Вопросы о происхожденіи законовъ мышленія.—IV. Эмпирическая теорія закона тожества.—V. Эмпирическая теорія закона причинности.—VI. Происхожденіе законовъ мышленія съ точки зрѣнія эволюціонизма.—VII. Апріорность законовъ мышленія.

I. Законы тожества и достаточнаго основанія.—Законами мышленія называются *всеобщія и необходимыя отношенія, предполагаемыя во всякомъ актѣ ума.* Эти законы сводятся къ двумъ, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ остальные. Первый изъ нихъ есть законъ *тожества*; второй—законъ *достаточнаго основанія.*

По *закону тожества* всякая мыслимая вещь остается тожественной сама себѣ до тѣхъ поръ, пока она не подвергается измѣненію. Онъ можетъ быть формулированъ такъ: *А есть А; одно и тоже есть одно и тоже.* Человѣкъ есть человѣкъ. Изъ этого закона вытекаетъ, съ одной стороны, *законъ противорѣчія: вещь не можетъ быть въ одно и тоже время самою собой и чѣмъ-нибудь другимъ*, (наприм., столъ не можетъ одновременно быть столомъ и не быть имъ), съ другой,—*законъ исключеннаго третьяго: между предметомъ и его отрицаніемъ нѣтъ ничего средняго*, (наприм., всякій столъ есть столъ; все, что не есть столъ, не можетъ быть имъ, и эти два сужде-

нія исключаютъ всякое третье, которое могло бы занимать средину между ними). Противорѣчить закону тожества значитъ впадать въ абсурдъ, допускать то, что непонятно, немыслимо и противорѣчиво, наприм., говорить, что кругъ есть четыреугольникъ, или нуль есть нѣкоторое количество. Этотъ законъ обусловливаетъ возможность мышленія. Безъ него мысль въ одно и тоже время полагаетъ и уничтожаетъ себя, т. е. перестаетъ существовать.

По *закону достаточнаго основанія* умъ соединяетъ между собой различные элементы какого-нибудь понятія или мыслимаго явленія. Этотъ законъ можетъ быть формулированъ такъ: *всякое мыслимое явленіе имѣетъ достаточное основаніе*, т. е. можетъ быть разложено на его мыслимые элементы, связанные другъ съ другомъ мыслимыми отношеніями. Поэтому Фулье справедливо называетъ его *закономъ всеобщей мыслимости* (principe de l' intelligibilité universelle). Законъ основанія обусловливаетъ разумность и реальность мысли. Онъ опредѣляетъ и направляетъ всѣ ея логическіе процессы. Если законъ тожества можно назвать статическимъ закономъ ума, то законъ достаточнаго основанія есть его динамическій законъ.

Законъ достаточнаго основанія распадается на столько частныхъ законовъ, сколько можно найти необходимыхъ основаній для того, чтобы объяснить или сдѣлать мыслимымъ какое-нибудь явленіе. Такихъ основаній можетъ быть три: цѣль явленія, его причина и его неизмѣнная сущность или субстанція. Отсюда, изъ закона основанія вытекаютъ *законъ цѣлесообразности*, *законъ причинности* и *законъ субстанціальности*.

II. Законы цѣлесообразности, причинности и субстанціальности.—Каждое изъ мыслимыхъ нами явленій составляетъ часть какого-нибудь *цѣлаго*; отношеніемъ къ этому

цѣлому опредѣляются его свойства, и, взятое въ отдѣльности, оно часто теряетъ все свое значеніе. Отсюда, чтобы объяснить какое-нибудь явленіе, мы должны поставить его въ связь съ тѣмъ цѣлымъ, часть котораго оно составляетъ. Но цѣлое, подчиняющее себѣ свои части, есть вмѣстѣ съ тѣмъ не что иное, какъ ихъ *цѣль*, ихъ конечная причина. Наприм., цѣлью этихъ строкъ служитъ объясненіе одного изъ законовъ ума. Это объясненіе возможно лишь посредствомъ различныхъ элементовъ моей мысли, и тѣхъ движеній, которыя выражаютъ ихъ въ письмѣ. Каждая буква, каждое слово, каждая отдѣльная мысль есть средство для этой цѣли и составная часть ея, а самая цѣль есть результатъ и совокупность данныхъ элементовъ, т. е. ихъ цѣлое. Когда столяръ имѣетъ цѣлью сдѣлать столъ, то каждый кусокъ дерева есть часть стола, какъ цѣлаго, и въ тоже самое время средство для него, какъ для цѣли. Такимъ образомъ, всякое мыслимое явленіе имѣетъ какую-нибудь цѣль, съ которою оно должно стоять въ связи. Это *законъ цѣлесообразности*, который формулируется такъ: *ничто не существуетъ безъ цѣли.*

Каждое изъ мыслимыхъ нами явленій есть результатъ какой-нибудь *дѣятельности* и получаетъ свое объясненіе лишь въ связи съ этою дѣятельностью. Мои настоящія мысли вытекаютъ изъ рѣшенія моей воли; я развиваю ихъ, потому что я этого хотѣлъ, и моя воля есть ихъ дѣйствующая причина. Равнымъ образомъ, столяръ есть причина стола. Это *законъ причинности*, который выражается такъ: *никакое явленіе не существуетъ безъ причины.*

Каждое изъ мыслимыхъ нами явленій необходимо принадлежитъ какому-нибудь постоянному бытію, какъ своему *носителю* или *субстанціи*, и представляется намъ лишь измѣнчивымъ его состояніемъ. Наприм., каждая моя мысль принадлежитъ мнѣ, т. е. является состояніемъ, измѣненіемъ или

аттрибутомъ моего *Я*, а мое *Я* есть ея носитель или субстанція. Дерево, изъ котораго сдѣланъ столъ, есть также субстанція, а тѣ формы, которыя придалъ ему столяръ, суть его состоянія или аттрибуты; оно можетъ почернѣть, ссохнуться, сгнить, сохранить свою форму или развалиться, и всѣ эти измѣненія будутъ только его состояніями. Такимъ образомъ, всякій объектъ мысли есть или субстанція, или измѣненіе субстанціи. Это *законъ субстанціональности*, который можно формулировать такъ: *ни одно явленіе не существуетъ безъ субстанціи*, и иначе: *всякое измѣненіе принадлежитъ какой-нибудь сущности, всякое свойство имѣетъ своего носителя.*

Когда мы знаемъ, какова цѣль, причина и субстанція извѣстнаго явленія, то мы знаемъ о немъ все, что можно знать. Оно становится понятнымъ и мыслимымъ; мы можемъ указать для него всѣ основанія, какія возможны, и нашъ разумъ чувствуетъ себя удовлетвореннымъ. Если какой нибудь изъ этихъ вопросовъ останется безъ отвѣта, то существованіе явленія продолжаетъ быть несомнѣннымъ и даже его законность остается безспорной, но разумъ находитъ въ немъ нѣчто темное, непонятное и таинственное, нѣчто такое, что для него антипатично. Однако, незаконнымъ явленіе можно признать только тогда, когда нельзя отвѣтить ни на одинъ изъ этихъ трехъ вопросовъ.

III. Вопросъ о происхожденіи законовъ мышленія.— Разсматривая законы мышленія, мы должны различать два вопроса: *психологическій* вопросъ о томъ, какъ мы *открываемъ* эти законы и составляемъ о нихъ понятіе, и *гносеологическій* вопросъ о томъ, какъ они *происходятъ* или образуются въ нашемъ умѣ. Отвѣтъ на первый изъ этихъ вопросовъ ясенъ самъ собою: законы мышленія открываются нами эмпирически, посредствомъ анализа нашей умственной

дѣятельности. Нашъ умъ находитъ эти законы въ себѣ самомъ, подобно тому, какъ открываетъ законы физическіе въ анализѣ внѣшнихъ фактовъ. Онъ чувствуетъ здѣсь всеобщее и отличаетъ его отъ случайнаго еще глубже, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Постигая свое неизмѣнное существо въ противоположность измѣнчивымъ явленіямъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ констатируетъ, что законы, по которымъ онъ связываетъ свои представленія, отличны отъ самыхъ представленій Онъ чувствуетъ, что эти законы служатъ условіемъ его дѣятельности, что они необходимы для мысли, какъ мускулы необходимы для движеній. Отсюда, онъ объявляетъ эти законы необходимыми и, слѣдовательно, всеобщими.

Иной характеръ имѣетъ второй, гносеологическій вопросъ. Всѣ философы съ замѣчательнымъ согласіемъ въ общемъ, хотя и съ нѣкоторыми различіями въ подробностяхъ, признаютъ существованіе законовъ мышленія въ той или другой формѣ. Но это единодушіе тотчасъ же исчезаетъ, когда они пытаются уяснить себѣ происхожденіе или образованіе этихъ законовъ въ нашемъ умѣ. Ихъ мнѣнія, насколько они имѣютъ психологическій интересъ, сводятся къ двумъ противоположнымъ теоріямъ: *раціоналистической* и *эмпирической*. По теоріи раціоналистовъ, законы мышленія *апріорны*, т. е. предшествуютъ опыту и обусловливаютъ его возможность. Они составляютъ основу мысли и обнаруживаются въ первомъ же ея актѣ; они необходимы, неизмѣнны и прирожденны. Напротивъ, по теоріи эмпириковъ, эти законы *апостеріорны*, т. е. вытекаютъ изъ опыта и обусловливаются имъ. Они суть не что иное, какъ индивидуальныя или наслѣдственныя привычки, навязанныя мысли послѣдовательностью ея состояній; поэтому, они должны быть такъ-же случайны и подвержены измѣненіямъ, какъ всѣ привычки. Которая изъ этихъ теорій болѣе правильна?

Если бы намъ удалось уяснить себѣ, какимъ образомъ законы тожества, причинности и проч. могутъ постепенно возникнуть путемъ опыта и привычки, то теорія эмпириковъ была бы наиболѣе вѣроятной и плодотворной для науки. Какъ замѣчаетъ Бэнъ, апріористы не объясняютъ законовъ мышленія, а только констатируютъ ихъ существованіе; между тѣмъ, объясненіе есть нервъ всякаго научнаго знанія. Но дѣйствительно-ли эмпирическая теорія можетъ объяснить намъ образованіе этихъ законовъ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы разсмотримъ мнѣнія Юма, Д. С. Милля и Спенсера.

IV. Эмпирическая теорія закона тожества! — По мнѣнію Юма, тожественными мы называемъ тѣ вещи, измѣненія которыхъ бываютъ *незамѣтны*, или тѣ вещи, которыя, при всѣхъ своихъ измѣненіяхъ, *сохраняютъ одинаковое назначеніе*. Тожественнымъ будетъ корабль, въ которомъ исправлены или постепенно передѣланы кузовъ и мачты, при сохраненіи прежней формы; тожественной будетъ деревенская церковь, вновь построенная на другомъ мѣстѣ, по новому плану и изъ другихъ матеріаловъ, потому что ея назначеніе остается одно и тоже. Такимъ образомъ, тожество не есть какое-нибудь таинственное средство вещей: оно есть просто *нерасторжимая ассоціація* нашихъ представленій. Чтобы имѣть право назвать вещь тожественной себѣ самой, достаточно, чтобы наше теперешнее представленіе о ней было тѣсно связано съ прежнимъ представленіемъ. Отсюда, законъ тожества, по воззрѣнію Юма, сводится къ закону ассоціаціи и къ опыту, изъ котораго вытекаетъ ассоціація.

Однако, нетрудно видѣть, что Юмъ въ этой теоріи попросту искажаетъ и отрицаетъ законъ тожества, а не объясняетъ его. Иное дѣло *говорить*, что корабль при всѣхъ своихъ измѣненіяхъ остается однимъ и тѣмъ-же, и иное дѣло *вѣрить* въ это. Тожество формы и назначенія никогда

не можетъ быть полнымъ тожествомъ. Юмъ говоритъ и мыслилъ, конечно, по тѣмъ-же законамъ, какъ и всѣ другіе люди; но въ данномъ случаѣ онъ забылъ, что по закону тожества термины, которые нами употребляются или мыслятся, всегда должны имѣть одинъ и тотъ же смыслъ.

V. Эмпирическая теорія закона причинности.—Перейдемъ къ закону причинности. Мы видѣли, какъ путемъ механическихъ ассоціацій въ нашемъ умѣ возникаетъ привычка соединять антецеденты и слѣдствія и образуется ранѣе всякой рефлексіи *общее представленіе* постоянной связи явленій, составляющее эмпирическій эквивалентъ идеи причинности [1]); мы видѣли далѣе, какъ путемъ рефлексіи и анализа нашей внутренней дѣятельности слагается самая *идея* причинности въ ея абстрактной формѣ [2]). Всего этого, съ точки зрѣнія эмпиризма, совершенно достаточно, чтобы объяснить намъ происхожденіе и тѣхъ отношеній, которыя мыслятся въ данной идеѣ, т. е. происхожденіе *закона* причинности. По мнѣнію Юма и Стюарта Милля, этотъ законъ есть не что иное, какъ *привычка представлять въ связи съ каждымъ явленіемъ его неизмѣнный антецедентъ и его неизмѣнное слѣдствіе.* Законъ причинности кажется намъ необходимымъ, потому что привычка не позволяетъ намъ раздѣлять ассоціированные элементы; другими словами, его необходимость есть только ассоціація извѣстныхъ представленій, ставшая нерасторжимой вслѣдствіе привычки. Этотъ законъ кажется намъ всеобщимъ, потому что всѣ различія явленій, которыя могли ему противорѣчить, устраняются самымъ процессомъ его образованія. Таково происхожденіе всеобщности и необходимости всѣхъ законовъ нашего мыш-

---

[1]) Гл. X, §§ II и III.
[2]) Гл. XVIII, §§ VI и VII.

ленія. Это происхожденіе не имѣетъ ничего загадочнаго или таинственнаго; оно основывается на опытѣ и на законахъ ассоціаціи.

Противъ этой теоріи нужно возразить слѣдующее. Привычка слагается мало-по-малу, медленно, путемъ постепеннаго роста; напротивъ, связь причины съ дѣйствіемъ и дѣйствія съ причиной непосредственна, внезапна, и мы не припомнимъ, чтобы она когда-либо сознавалась нами слабѣе, чѣмъ въ настоящее время. Дитя съ перваго пробужденія его умственной жизни ищетъ причинъ во всякомъ явленіи; между тѣмъ, возможно-ли, чтобы его крайне скудный опытъ могъ создать въ немъ такія могущественныя привычки, отъ которыхъ его мысль была бы не въ состояніи освободиться? Очевидно, законъ причинности существуетъ въ нашемъ умѣ *ранѣе всякаго опыта и всякихъ привычекъ;* онъ не обусловливается ими, а напротивъ, самъ ихъ обусловливаетъ. Мы только потому и можемъ ассоціировать антецеденты и слѣдствія, какъ нераздѣльные элементы причиннаго отношенія, что мы имѣемъ инстинктивное внутреннее стремленіе къ такого рода ассоціаціи; мы только потому и привыкаемъ искать всюду причинную связь, что у насъ есть непреодолимая потребность въ ней. Наше конкретное представленіе всеобщей связи явленій и наша абстрактная идея причины суть лишь результаты *апріорнаго закона причинности*, закона, вложеннаго въ наше сознаніе самою природой. Этотъ законъ выражается въ каждой формѣ психологическаго взаимодѣйствія нашихъ представленій и идей; но особенно онъ воплощается въ томъ активномъ отношеніи нашего *я* къ своимъ состояніямъ, по образцу котораго человѣческій умъ строитъ свое абстрактное понятіе причины.

VI. Происхожденіе законовъ мышленія съ точки зрѣнія эволюціонизма.—Чтобы устранить недостатки обычныхъ

эмпирическихъ теорій, Спенсеръ примѣнилъ къ объясненію законовъ мышленія ту доктрину, по которой человѣческая раса со всѣми ея физическими и умственными свойствами есть результатъ постепеннаго развитія низшихъ животныхъ расъ,— доктрину эволюціонизма. По его воззрѣнію, законы мышленія суть также *привычки*, но не индивидуальныя, а *родовыя;* они не врождены индивидууму, но пріобрѣтены расой путемъ накопленія извѣстныхъ ассоціацій и постепеннаго превращенія ихъ въ прочные умственные навыки. Дитя при своемъ рожденіи наслѣдуетъ умственный капиталъ, накопленный прошедшими поколѣніями; его мозгъ есть продуктъ мозга его предковъ; поэтому нисколько неудивительно, что уже съ перваго момента своей умственной жизни оно обладаетъ законами мышленія и въ частности закономъ причинности.

VII. Апріорность законовъ мышленія.—Оставимъ въ сторонѣ всѣ затрудненія, связанныя съ теоріей эволюціи, и допустимъ, что она справедлива. Пріобрѣтеніе законовъ мышленія расой достаточно-ли для того, чтобы объснить намъ ихъ *необходимость* и *всеобщность?* Дѣлаетъ-ли оно понятнымъ для насъ тотъ фактъ, что мы считаемъ эти законы абсолютно истинными и никогда не можемъ отрицать ихъ существованія или признать ихъ недостовѣрность? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Эмпирическая теорія Юма и Милля и эволюціонная теорія Спенсера одинаково предполагаютъ въ прошедшей жизни индивидуума или расы такой моментъ, когда умственная привычка еще не была непреодолимой, когда на вопросъ о тождествѣ или причинности человѣческій умъ могъ отвѣчать отрицательно. Между тѣмъ, такое умственное состояніе представляется безусловно невозможнымъ и немыслимымъ. Мы не можемъ вообразить себѣ мыслящаго человѣка, который на вопросъ: „имѣетъ ли такое-то событіе или явленіе какую-нибудь причину?“, могъ бы отвѣтить; „нѣтъ, не имѣетъ“.

Можно не ставить этого вопроса, но разъ онъ поставленъ, на него можно отвѣтить лишь утвердительно. Съ другой стороны, можемъ-ли мы считать, съ точки зрѣнія эмпирической или эволюціонной теоріи, наше современное умственное состояніе совершенно законченнымъ и неизмѣннымъ? Вѣдь то, что создано опытомъ, можетъ быть и разрушено имъ; привычка всегда можетъ быть измѣнена или уничтожена противоположной привычкой. Слѣдовательно, и въ будущемъ мы должны вообразить такой моментъ, когда человѣческій умъ на вопросъ о тождествѣ или причинности будетъ въ состояніи отвѣчать отрицательно. Между тѣмъ, мы принуждены констатировать, что вообразить такое состояніе мышленія для насъ безусловно невозможно: допустить что-нибудь подобное значитъ допустить исчезновеніе самаго мышленія. Законы мышленія представляютъ для насъ не только непобѣдимую привычку ума, а дѣйствительную и аподиктическую необходимость. Но такая необходимость не имѣетъ степеней и, слѣдовательно, не допускаетъ медленнаго и постепеннаго образованія. Итакъ, мы неизбѣжно приходимъ къ тому взгляду, который защищаютъ апріористы: какъ скоро человѣкъ начинаетъ мыслить, онъ, ранѣе всякаго опыта, находитъ въ своемъ умѣ законы мысли: и какъ скоро онъ находитъ эти законы, онъ, независимо отъ всякаго опыта, признаетъ ихъ всеобщими и необходимыми. Другими словами, законы мышленія возникаютъ ранѣе опыта и являются его условіемъ; они вложены въ насъ самою природою, какъ основа нашей умственной жизни и необходимое средство нашего познанія; они *апріорны* и *прирожденны*.

РЕЗЮМЭ.

I.—Законы мышленія суть *всеобщія и необходимыя отношенія мыслимыхъ элементовъ*. Главными изъ этихъ законовъ являются законъ *тожества* и законъ *достаточнаго основанія*. Законъ тоже-

ства, обусловливающій возможность мысли, формулируется такъ: *„одно и то-же есть одно и то-же“*. Изъ него вытекаютъ законы *противорѣчія исключеннаго третьяго*. Законъ достаточнаго основанія, обусловливающій разумность и реальность мысли, гласитъ: *„всякое явленіе имѣетъ свое основаніе“*. Изъ него вытекаютъ законы цѣлесообразности, причинности и субстанціальности.

II.—Законы *цѣлесообразности*, *причинности* и *субстанціальности* указываютъ достаточное основаніе явленія въ томъ *цѣломъ*, часть котораго оно составляетъ, въ той *дѣятельности*, отъ которой оно происходитъ, и въ томъ *неизмѣнномъ бытіи*, для котораго оно служитъ измѣнчивымъ состояніемъ или признакомъ. Первый гласитъ: *„всякое явленіе имѣетъ какую нибудь цѣль“*; второй: *„всякое явленіе имѣетъ какую-нибудь причину“*; третій: *„всякое явленіе имѣетъ какого-нибудь носителя или субстанцію“*.

III.—Мы открываемъ законы мышленія посредствомъ анализа мысли, подобно тому, какъ открываемъ физическіе законы путемъ анализа физическихъ явленій. Но какъ сами эти законы происходятъ или возникаютъ въ нашемъ умѣ? Этотъ вопросъ рѣшается съ двоякой точки зрѣнія,—*раціоналистической* и *эмпирической*. По теоріи раціоналистовъ, законы мышленія *апріорны* и *прирожденны*; по теоріи эмпириковъ, они *апостеріорны*, т. е. образуются при помощи опыта.

IV.—Эмпирическая теорія Юма разсматриваетъ законъ тожества, какъ простую *нерасторжимую ассоціацію явленій, сходныхъ по своей формѣ или по своему назначенію*. Но эта теорія не объясняетъ указанный законъ, а искажаетъ его, понимая подъ нимъ совсѣмъ не то, что нужно понимать.

V.—Такимъ же образомъ разсматриваютъ эмпирики и законъ причинности. По теоріи Юма и Д. С. Милля, этотъ законъ есть только постепенно сложившаяся *привычка ассоціировать послѣдовательныя явленія въ качествѣ неизмѣнныхъ антецедентовъ и слѣдствій*. Но тогда законъ причинности былъ-бы чуждъ маленькимъ дѣтямъ, у которыхъ еще не успѣли образоваться умственныя привычки; между тѣмъ, дѣти съ перваго момента ихъ умственной жизни ищутъ причинъ для всякаго явленія.

VI.—Наконецъ, по эволюціонной теоріи Спенсера, законы мышленія суть не индивидуальныя, а *родовыя привычки*, пріобрѣтенныя расой путемъ постепеннаго накопленія извѣстныхъ ассоціацій и передаваемыя по наслѣдству.

VII.—Помимо всякихъ другихъ затрудненій, эволюціонная теорія не объясняетъ намъ *всеобщности* и *необходимости* данныхъ зако-

новъ. Съ точки зрѣнія эволюціонизма и эмпиризма мы всегда должны предполагать въ прошедшемъ такой моментъ, когда законы мышленія еще не были привычны и необходимы для ума, и воображать въ будущемъ такую эпоху, когда они перестанутъ быть обязательными и замѣнятся другими умственными привычками. Но допустить что-нибудь подобное значитъ просто допустить отсутствіе или исчезновеніе самаго мышленія. Такимъ образомъ, необходимо согласиться съ мнѣніемъ раціоналистовъ и признать, что законы мышленія *апріорны* и *прирожденны*.

Литература.

Локкъ, Опытъ о человѣческомъ разумѣ.—*Юмъ*, Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія.—*Кантъ*, Критика чистаго разума.—*Кантъ*, Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ.—*Милль*, Система логики.—*Милль*, Изслѣдованіе философіи Гамильтона. — *Спенсеръ*, Основанія психологіи, I-II.—*Джевонсъ*. Основы науки.—*Бэнъ*, Психологія. — *Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Шопенгауэръ*, О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія.—*Кроль*, Философская основа эволюціи.—*Жане*, Конечныя причины.—**Тэнъ*, Объ умѣ и познаніи.—*Компейрэ*, Основанія элементарной психологіи.—**Рибо*, Современная англійская психологія.—*Гротъ*, Къ вопросу о реформѣ логики.—*Троицкій*, Наука о духѣ, I-II; Логика. — *Владиславлевъ*, Логика —**Н. Ланге*, Учебникъ логики.—*Кудрявцевъ*, Метафизическій анализъ раціональнаго познанія (*Сочиненія*, I, вып. 3).—*Серебрениковъ*, Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности.—**Минто*, Логика.—**Лопатинъ*, Положительныя задачи философіи, II.

ГЛАВА XX.

Память.

I. Настоящія и прошедшія состоянія сознанія.—II. Условія воспоминанія.—III. Мотивы сужденія о прошломъ.—IV. Локализація воспоминаній въ прошедшемъ.—V. Типы памяти.—VI. Свойства хорошей памяти.—VII. Болѣзни памяти.

I. Настоящія и прошедшія состоянія сознанія.—Мы сейчасъ разсмотрѣли законы, по которымъ мы мыслимъ; теперь намъ необходимо показать, какимъ образомъ на основаніи этихъ законовъ перерабатываются данныя опыта и внѣшнихъ чувствъ въ высшія формы познанія и образуются тѣ различные виды сужденій, въ которыхъ мы относимъ явленія нашей мысли къ себѣ самимъ, къ внѣшнему міру и Богу.

Среди явленій нашего сознанія, которыя мы относимъ къ себѣ самимъ, одни представляются намъ настоящими, другія отодвигаются нами въ прошедшее. Явленія послѣдняго рода называются *воспоминаніями*, а ихъ совокупность—*памятью*. Постараемся изучить свойства и законы этихъ явленій.

Какъ психологическіе *факты*, всѣ явленія сознанія безъ всякихъ исключеній суть настоящія состоянія: они представляются намъ лишь въ настоящій моментъ и за предѣлами этого момента перестаютъ сознаваться. Но какъ психологическія *отношенія*, эти явленія могутъ мыслиться

нами не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ: съ представленіемъ, занимающимъ наше сознаніе въ настоящую минуту, можетъ ассоціироваться мысль или сужденіе, въ силу которыхъ мы разсматриваемъ его какъ отголосокъ ранѣе пережитыхъ состояній. Когда, наприм., я говорю: „вчера я гулялъ“, то представленіе вчерашней прогулки есть настоящее состояніе моего сознанія; но съ этимъ состояніемъ соединяется мысль, что оно не оригинально, что оно лишь воспроизводитъ минувшія воспріятія и представленія, и на основаніи этой мысли я признаю его прошедшимъ.

Такое *признаніе настоящаго психическаго состоянія прошедшимъ* и составляетъ характерную особенность воспоминанія.

II. Условія воспоминанія.—Если мы анализируемъ воспоминаніе, то мы увидимъ, что оно предлагаетъ четыре условія. Первымъ изъ этихъ условій является *сохраненіе* въ глубинѣ сознанія его прежнихъ состояній или ихъ слѣдовъ: если-бы представленіе вчерашней прогулки такъ или иначе не сохранилось въ моемъ умѣ, то оно не могло-бы вновь и появиться въ немъ [1]). Вторымъ условіемъ служитъ *забвеніе* этихъ состояній, т. е. болѣе или менѣе продолжительное исчезновеніе ихъ съ поля сознанія: если-бы я не забылъ своей вчерашней прогулки, то она постоянно занимала-бы мое сознаніе и была-бы для меня непрерывно продолжающимся фактомъ; въ настоящую минуту я не могъ-бы *вспомнить* о ней, потому что я сознавалъ-бы себя гуляющимъ. Третьимъ условіемъ является воспроизведеніе или *репродукція* прошлаго состоянія сознанія при посредствѣ того психологическаго механизма ассоціацій, который былъ описанъ нами въ первой части [2]). Наконецъ, четвертымъ условіемъ служитъ

[1]) Сравн. Гл. VIII, § IV.

[2]) Гл. VIII, §§ IV—V, и Гл. IX.

распознаваніе воспроизведеннаго состоянія, какъ прошедшаго, а не настоящаго. Это распознаваніе есть своеобразный актъ сужденія, непосредственно соединяющійся съ воспоминаніемъ и составляющій, какъ мы сейчасъ замѣтили, его характерную особенность. Безъ него воспоминаніе превратилось-бы въ простую безсознательную репродукцію, т. е. перестало-бы быть воспоминаніемъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Повторить чужія слова, не сознавая, что они чужія, не значитъ ихъ припомнить; безсознательная репродукція этихъ словъ станетъ воспоминаніемъ только тогда, когда съ ними соединится мысль, что они были ранѣе произнесены другимъ лицомъ.

III. Мотивы сужденія о прошломъ.—Чтобы признать какое-нибудь настоящее состояніе сознанія репродукціей прошедшаго, нужно имѣть извѣстные мотивы или основанія. Такихъ мотивовъ можетъ быть три.

1) Воспоминаемыя состоянія обыкновенно *носятъ уже въ себѣ самихъ признакъ прошедшаго, какъ свой составной элементъ.* Когда оканчивается какая-нибудь работа, чтеніе, прогулка, праздникъ, мы обыкновенно говоримъ, что они прошли. Этимъ мы влагаемъ въ нихъ *мысль о прошломъ*, и когда такія явленія вновь возникнутъ въ нашемъ сознаніи, они принесутъ съ собою и эту мысль. Ихъ отнесеніе къ прошлому совершится само собою.

2) Воспоминаемыя состоянія обыкновенно *отличаются слабостію* и въ этомъ отношеніи представляютъ контрастъ съ настоящими состояніями сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, воспоминанія суть не что иное, какъ представленія, т. е. слабыя состоянія сознанія, въ противоположность болѣе сильнымъ состояніямъ,—ощущеніямъ. Когда мы одновременно сознаемъ два такихъ противоположныхъ состоянія и находимъ невозможнымъ допустить совмѣстное существованіе тѣхъ

объектовъ, къ которымъ они относятся, то мы неизбѣжно признаемъ болѣе интенсивное состояніе настоящимъ, а болѣе слабое прошедшимъ. Въ настоящую минуту, наприм., я одновременно представляю лицо одного изъ моихъ знакомыхъ и вижу бумагу, на которой пишу. Зрительное ощущеніе бумаги живо и ясно; я вижу эту бумагу лежащею предо мной среди другихъ окружающихъ меня предметовъ; я могу касаться ея руками и перекладывать съ мѣста на мѣсто. Все это убѣждаетъ меня въ томъ, что я имѣю дѣло съ настоящимъ состояніемъ сознанія, вызваннымъ вещью, которая существуетъ предо мною въ данный моментъ. Напротивъ, представленіе лица моего знакомаго гораздо болѣе смутно и слабо; я не могу ни дотронуться до него, ни найти для него мѣста въ своемъ кабинетѣ; оно составляетъ контрастъ съ зрительнымъ ощущеніемъ бумаги и не можетъ быть вызвано такимъ-же внѣшнимъ объектомъ, какъ и послѣднее. Отсюда, я принужденъ искать его причину не въ наличныхъ воспріятіяхъ, а въ прежнихъ впечатлѣніяхъ, хранящихся въ сознаніи. Другими словами, я принужденъ считать его не явленіемъ настоящаго, а репродукціей прошлаго, не ощущеніемъ, а воспоминаніемъ. Въ дѣйствительности различеніе между ощущеніемъ настоящаго и представленіемъ прошлаго въ силу привычки совершается сразу и непосредственно; но психологическіе мотивы этого привычнаго процесса именно таковы. Вотъ почему представленіе, достигающее вслѣдствіе патологическихъ причинъ интенсивности ощущенія и превращающееся въ галлюцинацію, уже не относится субъектомъ къ прошедшему, а разсматривается имъ какъ настоящее состояніе: контрастъ между воспоминаніемъ и наличнымъ ощущеніемъ въ этомъ случаѣ исчезаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и граница между прошедшимъ и настоящимъ.

3) Наконецъ, воспоминаемыя состоянія обыкновенно *сто-*

ятъ въ связи съ другими прошлыми состояніями нашего сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, представленія прошлаго почти никогда не припоминаются нами въ изолированномъ видѣ; они всегда составляютъ часть извѣстной группы психическихъ элементовъ и воспроизводятся въ тѣхъ самыхъ отношеніяхъ, въ какихъ они стояли къ этимъ элементамъ. Поэтому, если ассоціированные съ ними психическіе элементы носятъ признакъ прошедшаго, то этотъ признакъ распространяется и на нихъ. Когда вы представляете, наприм., какую-нибудь музыкальную піесу, то у васъ ассоціируются съ нею представленія концертнаго зала, гдѣ вы ее слышали, музыканта, который ее исполнялъ, публики, которая присутствовала при ея исполненіи, и проч. Въ силу прямого контраста съ настоящими состояніями вашего сознанія или въ силу другихъ условій, эти представленія относятся вами къ прошедшему и увлекаютъ за собою въ это прошедшее ваше воспоминаніе о піесѣ. Звуковые элементы сложной группы прежнихъ представленій раздѣляютъ въ этомъ случаѣ участь цѣлой группы. Если репродуцируемые элементы не ассоціируются съ такими представленіями, которыя позволяли-бы отнести ихъ къ прошедшему, то они и разсматриваются не какъ прошлыя, а какъ настоящія явленія сознанія. Такъ именно бываетъ при безсознательномъ воспроизведеніи чужихъ словъ, мыслей и образовъ, которое сплошь и рядомъ случается и въ повседневной жизни, и въ наукѣ, и въ литературѣ.

IV. Локализація воспоминаній въ прошедшемъ.—Мы не удовлетворяемся тѣмъ, что переносимъ воспоминаемое состояніе въ неопредѣленное прошлое: всего чаще мы указываемъ ему здѣсь *опредѣленное мѣсто* и опредѣляемъ болѣе или мѣнѣе точно его *время*. Какимъ образомъ это совершается?

Прежде всего существуютъ воспоминанія, которыя не только имѣютъ характеръ давности, но и носятъ съ собою свою дату въ прошедшемъ. Таковы важнѣйшія событія нашей жизни: они всегда пріурочены къ опредѣленнымъ моментамъ и образуютъ рубежи, которые раздѣляютъ протекшее время на различные періоды. Поэтому, чтобы локализировать какое-нибудь воспоминаніе, нужно только найти его естественное мѣсто между двумя такими рубежами. Еще болѣе точная локализація воспоминанія достигается путемъ репродукціи другихъ воспоминаній, которыя служатъ его дополненіемъ и опредѣляютъ собой его дѣйствительное положеніе въ прошломъ. Наприм., ваше воспоминаніе о первой поѣздкѣ въ столицу можетъ быть точно опредѣлено, наприм., тѣмъ, что эта поѣздка произошла въ ваши школьные годы, что она имѣла мѣсто послѣ такихъ-то экзаменовъ, дата которыхъ вами не позабыта, что она случилась во время каникулъ, въ началѣ которыхъ вы были больны, а въ концѣ находились дома. Благодаря всѣмъ этимъ ассоціаціямъ, вы припомните, что ваша первая поѣздка въ столицу приходится на конецъ іюля или начало августа такого-то года.

V. Типы памяти [1]).—Въ прежнее время думали, что память есть способность, по существу одинаковая у всѣхъ людей и различающаяся только по силѣ и степени развитія. Однако факты показали, что такой взглядъ ошибоченъ: въ дѣйствительности память крайне индивидуальна и имѣетъ множество спеціальныхъ видовъ, которые иногда очень мало походятъ другъ на друга. Поэтому современная психологія предпочитаетъ говорить не объ одной общей всѣмъ людямъ способности памяти, а о различныхъ ея *типахъ*. Особенности этихъ типовъ опредѣляются частію характеромъ *объ-*

---

[1]) *Ред.*

ектовъ, которые всего легче запоминаются нами, частію тѣми чувственными *формами*, въ какихъ мы воспроизводимъ эти объекты.

По своимъ *объектамъ* память также разнообразна, какъ опытъ, интересы, привычки и,—главное,—природные психофизіологическіе задатки людей. Если справедлива поговорка: „сколько головъ, столько умовъ“, то съ этой точки зрѣнія будетъ еще справедливѣе сказать: „сколько головъ, столько памятей“. У нѣкоторыхъ лицъ память, какъ воскъ, запечатлѣваетъ всѣ вещи въ ихъ случайныхъ, *механическихъ* сочетаніяхъ; у другихъ она удерживаетъ только тѣ явленія, которыя находятся между собой въ *логической* связи. Одни легко запоминаютъ *конкретныя* воспріятія; другіе хорошо помнятъ лишь *абстрактныя* идеи и отношенія. Существуютъ счетчики, способные производить въ умѣ съ поразительною быстротой самыя сложныя ариѳметическія операціи: память *цифръ* у нихъ изумительна, а память *красокъ*, *звуковъ*, *словъ*, *именъ*, *событій* можетъ быть совершенно ничтожна. Есть люди, безъ малѣйшаго труда усвояющіе *иностранные языки* и безусловно неспособные научиться, наприм., *музыкѣ*, или обратно. Моцартъ, прослушавъ всего одинъ или два раза „*Miserere*“ Аллегри въ Сикстинской капеллѣ въ Римѣ, могъ потомъ со всею точностью воспроизвесть и положить на ноты эту церковную піесу, между тѣмъ какъ человѣкъ, не обладающій *слуховою памятью*, затруднится припомнить самое простое сочетаніе звуковъ. Встрѣчаются люди съ такою исключительною *зрительною памятью*, что могутъ представлять вещи почти такъ же ясно, какъ ихъ видятъ: подобною способностью были одарены нѣкоторые живописцы, наприм., Густавъ Доре и Гансъ Макартъ, которые могли рисовать на память предметы, видѣнные ими мелькомъ одинъ только разъ. Другіе,

напротивъ, бываютъ почти лишены всякихъ зрительныхъ воспоминаній: по изслѣдованіямъ Гальтона, люди этого типа оказываются не въ состояніи вообразить себѣ даже самыхъ знакомыхъ имъ вещей, наприм., обстановки своего обычнаго утренняго завтрака. Мало того, зрительная память дробится на еще болѣе частные виды, которые, несмотря на свое сходство, иногда совсѣмъ не уживаются въ одной и той же головѣ. Нѣкоторые превосходно помнятъ *цвѣта* и очень неясно представляютъ *фигуры* и *очертанія* предметовъ; другіе весьма легко запоминаютъ человѣческія *лица*, но съ большимъ трудомъ оріентируются въ незнакомыхъ *мѣстахъ*, и т. п. Какъ извѣстно, у слѣпыхъ *осязательная* память несравненно лучше, чѣмъ у зрячихъ. Есть люди, у которыхъ бываютъ возможны очень живыя воспоминанія даже въ сферѣ такихъ неясныхъ воспріятій, какъ *обонятельныя* и *вкусовыя*, между тѣмъ какъ у большинства другихъ этотъ родъ памяти находится въ зачаточномъ состояніи или совсѣмъ отсутствуетъ [1]). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что существованіе или отсутствіе какого-нибудь спеціальнаго вида памяти нисколько не свидѣтельствуетъ о силѣ или слабости другихъ умственныхъ способностей. Художники, отличающіеся замѣчательною зрительною памятью, не всегда обладаютъ большимъ талантомъ; люди съ феноменальною памятью цифръ и съ исключительною способностью къ умственному счету рѣдко бываютъ выдающимися математиками. Одинъ идіотъ помнилъ всѣ похороны въ своемъ приходѣ за тридцать пять лѣтъ, зналъ ихъ день и число, могъ безошибочно назвать имена и годы умершихъ и всѣхъ, кто былъ при ихъ погребеніи; но кромѣ этого онъ не помнилъ и не зналъ ничего,

---

[1]) Сравн. гл. VIII, § III.

не умѣлъ отвѣтить ни на одинъ вопросъ, не могъ даже ѣсть безъ чужой помощи.

Менѣе различается память по тѣмъ *формамъ*, въ какихъ она воспроизводитъ свои объекты. Какъ мы знаемъ, отвлеченныя идеи всегда мыслятся нами въ формѣ какихъ-нибудь символическихъ образовъ или „схемъ“ [1]). Но приблизительно то же самое бываетъ и при репродукціи конкретныхъ воспріятій. Изъ различныхъ ощущеній, составляющихъ воспріятіе, память обыкновенно удерживаетъ лишь нѣкоторыя отдѣльныя группы или даже одну группу, которая и служитъ ей какъ-бы символическою представительницей всѣхъ остальныхъ. Такія символическія формы идей и воспріятій она заимствуетъ изъ области трехъ внѣшнихъ чувствъ: зрѣнія, слуха и мускульнаго чувства. Отсюда, по формѣ репродукціи память можетъ имѣть троякій типъ: *зрительный*, *слуховой* и *мускульно-двигательный*, которые въ большей или меньшей степени объединяются четвертымъ типомъ, смѣшаннымъ или *безразличнымъ*.

Зрительный типъ памяти является однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ. Люди, принадлежащіе къ этому типу, все представляютъ въ зрительныхъ образахъ. Припоминая знакомаго человѣка, они внутренно видятъ его лицо, фигуру, костюмъ, но не слышатъ его голоса. Думая о прочитанномъ, они не произносятъ мысленно словъ, а только видятъ въ воображеніи страницы книги. Музыкальная піеса, о которой они вспоминаютъ, не звучитъ въ ихъ ушахъ: они представляютъ себѣ только ея партитуру, если она имъ знакома, или внѣшнюю обстановку ея исполненія. Есть лица, которыя не довольствуются обычными зрительными символами воспріятій и идей, а нуждаются въ еще болѣе яркомъ и нагляд-

---

[1]) См. гл. XVI, § V.

номъ способѣ ихъ представленія. Вспоминая тотъ или иной звукъ алфавита, они представляютъ кромѣ соотвѣтствующей ему буквы еще какой-нибудь символическій цвѣтъ: звукъ *a* кажется имъ, наприм., краснымъ, *e* желтымъ, *i* зеленымъ, и т. п. Представляя цифры, они или окрашиваютъ ихъ въ подобные же цвѣта, или располагаютъ мысленно по какой-нибудь постоянной „зрительной схемѣ“, наприм., ломанной линіи. Въ такихъ же цвѣтныхъ или пространственныхъ формахъ запечатлѣваются въ ихъ памяти музыкальные звуки, голоса, имена, дни недѣли, мѣсяцы, годы, даже человѣческія индивидуальности, характеры и дѣйствія. Эти своеобразныя явленія, достаточно изслѣдованныя лишь въ новѣйшее время, извѣстны подъ несовсѣмъ точнымъ названіемъ *„цвѣтного слуха“*.

Нѣсколько рѣже, повидимому, встрѣчается *слуховой типъ* памяти. Люди этого типа живутъ преимущественно въ мірѣ звуковыхъ воспоминаній. Когда они думаютъ о какомъ-нибудь знакомомъ, они представляютъ не лицо его, а голосъ. Когда они припоминаютъ прочитанную страницу книги, они не видятъ въ своемъ воображеніи печатныхъ буквъ и словъ, а внутренно слышатъ ихъ звуки. Когда они читаютъ, слова воспринимаются ихъ сознаніемъ въ звуковыхъ образахъ. Изъ такихъ именно образовъ слагается та „внутренняя рѣчь,“ которая, какъ уже упоминалось выше, является обычною символическою формой нашей отвлеченной мысли. Какія важныя услуги оказываютъ памяти звуковыя представленія, можно видѣть на примѣрѣ нѣкоторыхъ умственныхъ счетчиковъ. Большинство этихъ лицъ принадлежатъ къ зрительному типу: считая, они видятъ въ своемъ воображеніи ряды складываемыхъ или помножаемыхъ цифръ такъ, какъ еслибы эти цифры были написаны на доскѣ. Но встрѣчаются между ними и такіе, которые пользуются при своихъ опе-

раціяхъ преимущественно слуховою памятью. Во время счета имена цифръ звучатъ въ ихъ ушахъ, и этихъ звуковыхъ образовъ имъ достаточно, чтобы съ неимовѣрною быстротой производить самыя трудныя ариѳметическія вычисленія. Зрительные образы цифръ уже не только не облегчаютъ ихъ работу, а напротивъ затрудняютъ ихъ.

Лица, обладающія памятью *мускульно-двигательнаго* или *моторнаго типа*, представляютъ вещи преимущественно съ помощью двигательныхъ или мускульныхъ образовъ. Когда они размышляютъ или вспоминаютъ прочитанное, то они не видятъ и не слышатъ словъ, а внутренно произносятъ ихъ, т. е. воспроизводятъ въ слабомъ видѣ тѣ движенія голосовыхъ связокъ, которыя происходятъ у насъ при чтеніи вслухъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ работа голосовыхъ мышцъ бываетъ въ этомъ случаѣ такъ напряженна, что когда имъ приходится много думать, они хрипнутъ. Желая лучше запомнить форму какого-нибудь предмета, такія лица не вглядываются въ него, а ощупываютъ его руками или обводятъ глазами его контуры, т. е. стараются замѣнить зрительныя представленія мускульными. Въ чистомъ видѣ моторный типъ встрѣчается весьма рѣдко или даже, можетъ быть, совсѣмъ не встрѣчается; но въ отдѣльныхъ случаяхъ моторная память играетъ важную роль у всѣхъ людей. Звуковые образы „внутренней рѣчи“, вѣроятно, всегда сопровождаются слабыми репродукціями голосовыхъ движеній. Чтобы хорошо усвоить географическую карту, въ большинствѣ случаевъ недостаточно изучить ее глазами, а нужно самому начертить ее, т. е. составить о ней систему двигательныхъ представленій.

Наконецъ, люди смѣшаннаго или *безразличнаго типа* памяти пользуются всѣми тремя указанными видами чувственныхъ образовъ, не давая исключительнаго предпочтенія

ни одному изъ нихъ. Думая о знакомомъ человѣкѣ, они воображаютъ въ одно и то же время и его фигуру, и его голосъ; припоминая какое-нибудь слово, они представляютъ и его буквы, и его звукъ, и его произношеніе. Смотря по надобности или по случайно усвоенной привычкѣ, они воспроизводятъ однѣ вещи преимущественно въ зрительныхъ образахъ, другія въ слуховыхъ, третьи въ мускульно-двигательныхъ, не привязывая свою мысль къ какой-нибудь одной формѣ. Такой безразличный типъ памяти является самымъ обычнымъ: къ нему принадлежатъ, вѣроятно, $^{9}/_{10}$ людей.

VI. Свойства хорошей памяти [1]).—Свойствами хорошей памяти нужно считать *легкость усвоенія* представленій, *твердость сохраненія* ихъ и *быстроту* ихъ *воспроизведенія*. Чѣмъ лучше мы усвояемъ, сохраняемъ и репродуцируемъ свои впечатлѣнія и идеи, тѣмъ богаче наше прошлое и тѣмъ болѣе мы обладаемъ имъ. Нужно замѣтить, что за немногими счастливыми исключеніями, твердость памяти не совпадаетъ съ ея легкостью: обыкновенно лучше сохраняется то, что при усвоеніи требовало извѣстныхъ усилій. Какъ показали опыты Эббингауза, сохраненіе воспоминаній слѣдуетъ очень своеобразному закону: оно *уменьшается обратно пропорціонально времени*, такъ-что въ теченіе перваго часа послѣ усвоенія мы забываемъ больше, чѣмъ въ теченіе цѣлаго слѣдующаго затѣмъ мѣсяца. Чтобы создать одинаковыя условія репродукціи, Эббингаузъ заучивалъ ряды безсмысленныхъ, и потому одинаковыхъ по качеству, слоговъ: черезъ часъ онъ забывалъ изъ заученнаго болѣе $^{1}/_{2}$, черезъ сутки около $^{2}/_{3}$, а черезъ мѣсяцъ только $^{4}/_{5}$.

Существуетъ весьма распространенный взглядъ, что па-

---

[1]) *Ред.*

мять можно усилить путемъ упражненія. На этомъ основаніи многіе педагоги считаютъ механическое заучиваніе наизусть однимъ изъ лучшихъ средствъ для изощренія памяти. Однако такой взглядъ основывается въ значительной степени на недоразумѣніи; въ дѣйствительности дѣло далеко не такъ просто. Улучшить способность *сохраненія* воспоминаній, по крайней мѣрѣ механическими средствами, почти нельзя. Эта способность опредѣляется типомъ памяти и зависитъ отъ природныхъ психофизіологическихъ условій, измѣнить которыя не въ нашей власти. Человѣкъ съ зрительною памятью никогда не научится хорошо запоминать звуки, сколько бы онъ ни упражнялся; и причина этого та, что природа надѣлила его мозгъ хорошо развитыми зрительными центрами, но очень мало позаботилась о его слуховыхъ центрахъ. Посредствомъ упражненія можно улучшить только способы *усвоенія* представленій: благодаря опыту и привычкѣ, человѣкъ можетъ выработать себѣ извѣстные практическіе пріемы, которые будутъ ускорять и облегчать ему первоначальное запоминаніе какого-нибудь класса вещей. По наблюденіямъ Джемса, актеры, которымъ приходится чуть не каждый день затверживать свои роли, пріобрѣтаютъ благодаря этому лишь умѣнье систематически разучивать ихъ, т. е. усвоять ихъ болѣе легкимъ и цѣлесообразнымъ способомъ.

Однако и усвоеніе представленій облегчается далеко не всякими пріемами. Наприм., тѣ искусственные пріемы, которые такъ усердно рекомендуются разными „профессорами“ *мнемоники*, мало пригодны для этой цѣли. Эти пріемы неодинаковы, такъ-какъ существуетъ нѣсколько системъ мнемоники, но въ общемъ они состоятъ въ искусственной замѣнѣ одного класса представленій другимъ, болѣе легкимъ для запоминанія. Такъ, чтобы научиться запоминать цифры, предлагается замѣнять ихъ извѣстными условными буквами и составлять изъ этихъ

буквъ какія-нибудь слова: помня такое слово, мы будемъ помнить и обозначаемое имъ число. Во первыхъ, не трудно видѣть, что подобные способы запоминанія годятся далеко не для всѣхъ людей: наприм., замѣна цифръ буквами и словами можетъ быть полезна для людей, обладающихъ хорошею памятью буквъ и словъ; но человѣка, не надѣленнаго этимъ спеціальнымъ видомъ памяти, она будетъ только затруднять. Во вторыхъ, ни одинъ искусственный мнемоническій пріемъ не способенъ обогатить память сколько-нибудь цѣннымъ умственнымъ содержаніемъ, и злоупотребленіе ими можетъ лишь притупить мысль. Человѣкъ, въ совершенствѣ усвоившій, положимъ, мнемонику чиселъ, можетъ научиться запоминать всевозможныя цифры и даже продѣлывать почти такіе же фокусы умственнаго счета, какими удивляютъ публику профессіональные счетчики; но вѣдь цѣнность такого искусства немногимъ больше, чѣмъ цѣнность познаній того идіота, который помнилъ всѣ похороны въ своемъ приходѣ за 35 лѣтъ. Между тѣмъ, привычка къ подобнымъ безсмысленнымъ упражненіямъ можетъ отучить человѣка отъ всякаго серьезнаго умственнаго труда.

Истинно полезными являются лишь тѣ пріобрѣтенія памяти, которыя служатъ задачамъ нашего познанія и содѣйствуютъ цѣлямъ нашего духовнаго развитія; а такія пріобрѣтенія основываются не на искусственныхъ и механическихъ способахъ запоминанія, а на естественныхъ ассоціаціяхъ и логическихъ синтезахъ, добытыхъ упорной работой ума. Какъ извѣстно, по мѣрѣ умственнаго развитія механическая память все болѣе и болѣе замѣняется у насъ логическою: мы усвояемъ вещи тѣмъ легче, чѣмъ крѣпче онѣ связаны между собой внутреннею логическою связью и чѣмъ прочнѣе онѣ ассоціируются съ остальнымъ содержаніемъ нашего сознанія. Эббингаузъ вышеупомянутыми опытами надъ самимъ собой

убѣдился, что запоминаніе безсмысленныхъ сочетаній слоговъ требуетъ *почти въ десять разъ* больше времени, чѣмъ усвоеніе осмысленныхъ фразъ, наприм., стиховъ. Мало того, представленія, стоящія въ понятной для насъ связи другъ съ другомъ, даже сохраняются нѣсколько лучше, чѣмъ образы, лишенные внутренняго смысла: при заучиваніи безсмысленныхъ слоговъ Эббингаузъ забывалъ черезъ сутки, какъ мы видѣли, около $^{2}/_{3}$ ихъ, а при заучиваніи стиховъ только $^{1}/_{2}$. Тѣмъ болѣе должна вліять на запоминаніе вещей тѣсная связь ихъ съ наличнымъ содержаніемъ нашей мысли, съ нашими привычными ассоціаціями и умственными синтезами. Элементы, легко укладывающіеся въ рамки такихъ ассоціацій и синтезовъ, усвояются нами безъ всякаго труда и забываются обыкновенно уже только вмѣстѣ съ ними. Отсюда, вполнѣ правильными и цѣлесообразными пріемами запоминанія нужно считать лишь тѣ, которые основываются на этой синтетической дѣятельности мышленія. Чтобы научиться легко усвоять вещи, *мы должны организовать свои представленія и идеи, привести ихъ въ ясную логическую систему*, въ которой новыя воспріятія могли бы всегда найти себѣ надлежащее мѣсто; а для этого мы должны побольше *размышлять* надъ ними. Такимъ образомъ, свойства хорошей памяти въ сущности тѣ же, что и свойства хорошаго ума: богатство ассоціацій, ясность умственныхъ синтезовъ, умѣнье координировать съ прежнимъ опытомъ новыя воспріятія. Только при этихъ условіяхъ мы можемъ достигнуть легкости усвоенія, быстроты репродукціи и даже твердости сохраненія, насколько сохраненіе представленій можетъ зависѣть отъ того способа, какимъ мы усвояемъ ихъ.

VII. Болѣзни памяти.—Въ нормальномъ состояніи забвенію подвергаются лишь отдѣльныя и болѣе или менѣе слу-

чайныя представленія. Но при патологическихъ условіяхъ иногда наблюдаются такіе случаи, когда исчезаютъ изъ сознанія цѣлыя группы воспоминаній и даже забываются цѣлые періоды жизни. Такія аномаліи или болѣзни памяти называются *амнезіями*.

Амнезіи могутъ быть *частными* и *общими*. Частною амнезіей называется забвеніе какого-нибудь отдѣльнаго класса представленій. Такъ, англійскій врачъ Голлэндъ, посѣщая рудники Гарца, отъ усталости вдругъ совершенно забылъ нѣмецкій языкъ и могъ вспомнить его лишь тогда, когда отдохнулъ. Общею амнезіей называется забвеніе представленій цѣлаго періода жизни. Такъ, одна молодая женщина, упавшая въ рѣку и спасенная въ ту минуту, когда она уже начала тонуть, потомъ забыла все свое предшествующее существованіе.

Иногда общія амнезіи чередуются между собою и становятся *періодическими*. Такъ, истеричная Фелида X..., которую наблюдалъ докторъ Азанъ изъ Бордо, имѣла два пемежающихся состоянія. Въ одномъ изъ нихъ, которое можно назвать ея первичнымъ состояніемъ, она была печальна и припоминала лишь тѣ событія, которыя гармонировали съ ея настроеніемъ; въ другомъ, которое можно назвать ея вторичнымъ состояніемъ, она была весела и помнила всю свою жизнь. Одна дама, о которой разсказываетъ американскій врачъ Макнишъ, послѣ припадка сомнамбулизма позабыла всю свою предшествующую жизнь и должна была всему учиться сначала: ходить, говорить, читать, и проч. Чрезъ нѣкоторое время, послѣ новаго припадка, она позабыла этотъ второй періодъ и возвратилась въ свое прежнее состояніе. Затѣмъ она опять позабыла это состояніе и перешла во вторую стадію. Такъ у нея чередовались двѣ сферы сознанія, двѣ различныхъ жизни, между которыми не было никакой связи. Переходя изъ одного состоянія въ другое, она утрачивала свой прежній характеръ и измѣняла свои привычки.

Извѣстны также случаи чрезмѣрно напряженной и усиленной дѣятельности памяти. Таковъ, наприм., цитированный нами выше случай съ служанкой швейцарскаго пастора, которая припомнила въ горячечномъ бреду непонятные для нея отрывки изъ греческихъ и еврейско-раввинскихъ сочиненій, смутно слышанные ею за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ [1]). Таковы же нѣкоторые изъ приведенныхъ сейчасъ случаевъ исключительнаго развитія какой-нибудь спеціальной памяти. Такія патологическія состоянія пямяти называются *гипермнезіями*.

РЕЗЮМЭ.

I.—Среди явленій нашего сознанія одни представляются намъ настоящими, другія относятся къ прошедшему. Явленія послѣдняго рода называются *воспоминаніями*, а ихъ совокупность—*памятью*.

II.—Условіями воспоминанія служатъ: 1) *сохраненіе* прежнихъ психическихъ состояній, 2) временное *забвеніе* ихъ, 3) *воспроизведеніе* ихъ въ сознаніи и 4) *распознаваніе* ихъ, какъ прошедшихъ состояній, или мысленное отнесеніе ихъ къ прошлому.

III.—Мотивы для отнесенія психическихъ состояній къ прошлому слѣдующіе: 1) *характеръ* этихъ состояній, которыя обыкновенно уже сами по себѣ носятъ признакъ прошедшаго, 2) ихъ *слабость* и контрастъ съ болѣе интенсивными настоящими состояніями сознанія и 3) ихъ *связь* съ другими воспоминаніями.

IV.—Локализація воспоминаній въ прошедшемъ основывается *на ассоціаціи ихъ съ другими воспоминаніями* и опредѣляется датами важнѣйшихъ событій прошлаго.

V.—Память имѣетъ различные *типы*, опредѣляемые частію характеромъ ея *объектовъ*, частію тѣми *формами*, въ какихъ она воспроизводитъ эти объекты. По своимъ объектамъ память можетъ быть *механическою* или *логическою*, *конкретною* или *абстрактною*, *зрительною*, *слуховою*, *осязательною*. *обонятельною*, *вкусовою*, спеціальною памятью *красокъ*, *мѣстъ*, *лицъ*, *именъ*, *словъ*, *языковъ*, *цифръ*, *событій*, и проч. По формамъ репродукціи она можетъ принадлежатъ къ четыремъ типамъ: *зрительному*, *слуховому*, *мускульно-двигательному* и *безразличному*.

---

[1]) Гл. VIII, § IV.

VI.—Свойствами хорошей памяти являются *легкость усвоенія*, *прочность сохраненія* и *быстрота воспроизведенія* представленій. Способность *сохраненія* воспоминаній зависитъ главнымъ образомъ отъ природныхъ психофизіологическихъ условій, и развить ее упражненіемъ почти нельзя. Улучшить можно только способы *усвоенія* представленій. Но такіе способы не должны имѣть того искусственнаго характера, какимъ отличаются, наприм., ненаучные и безплодные пріемы ходячей *мнемоники*. Они должны состоять *въ образованіи естественныхъ ассоціацій и логическихъ синтезовъ*, въ которыхъ каждое новое представленіе могло бы легко найти себѣ надлежащее мѣсто.

VII.—Память подвержена различнымъ аномаліямъ или болѣзнямъ. Такими болѣзнями памяти являются: 1) *частная амнезія*, т. е. забвеніе извѣстнаго класса представленій, 2) *общая амнезія*, т. е. забвеніе цѣлыхъ періодовъ жизни, 3) *періодическая амнезія*, т. е. перемежающееся забвеніе различныхъ періодовъ прошлаго и 4) *гипермнезія*, т. е. черезчуръ усиленная дѣятельность памяти.

Литература.

Вундтъ, Физіологическая психологія, II.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—*Ульрици*, Душа и тѣло.—**Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Герингъ*, О памяти, какъ всеобщей функціи организованной матеріи.—**Спенсеръ*, Основанія психологіи, I. — *Карпентеръ*, Основанія физіологіи ума.—*Маудсли*, Физіологія и патологія души.—**Джемсъ*, Психологія.—**Джемсъ*, Бесѣды съ учителями о психологіи.—*Тичинеръ*, Очерки психологіи.—**Тэнъ*, Объ умѣ и познаніи—**Рибо*, Болѣзни памяти.—*Рибо*, Изслѣдованіе аффективной памяти.—*Рибо*, Психологія чувствъ.——*Рише*, Опытъ общей психологіи.—**Бинэ*. Введеніе въ экспериментальную психологію.—**Бинэ*, Психологія умозаключенія.—*Селли*, Психологія въ примѣненіи къ воспитанію.—*Ушинскій*, Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія.—*Каптеревъ*, Педагогическая психологія.—*Владиславлевъ*, Психологія, I.—*Снегиревъ*, Психологія.—*Соколовъ*, О воспоминаніи (*Прибавл. къ твор. Св. Отцевъ*, 1890, II); Теорія и факты цвѣтного слуха (*Вопр. фил и псих.*, кн. 37—38).—*Соколовъ*, Вѣра, Психологическій этюдъ.—*Корсаковъ*, Курсъ психіатріи.—*Токарскій*, Записки психологической лабораторіи (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 32—35).—*Штерринъ*, Психопатологія въ примѣненіи къ нормальной психологіи.—**Кейра*, Воображеніе и память.—**Челпановъ*, О памати и мнемоникѣ.—*Нечаевъ*, Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія.—*Соколовъ (П. А.)*, Чтенія по педагогической психологіи.

ГЛАВА XXI.

Идея „я“.

I. „*Я*“, какъ субъектъ психическихъ состояній.—II. Образованіе идеи „*я*“.—III. Внутреннее воспріятіе.—IV. Дѣятельность „*я*“.—V. Роль памяти въ дѣятельности „*я*“.—VI. Есть-ли „*я*“ продуктъ своихъ состояній?—VII. Разборъ теоріи измѣненія личности.

I. „Я„, какъ субъектъ психическихъ состояній.—Воспоминанія прошлаго и представленія настоящаго одинаково приписываются нами нашему „*я*“ и противополагаются явленіямъ внѣшняго міра. „*Я*“ мыслится нами какъ постоянная основа всѣхъ нашихъ измѣненій, всѣхъ нашихъ сознательныхъ дѣйствій. Каковы-бы ни были наши душевныя состоянія, наши ощущенія и представленія, наши страданія и радости, наши мысли и желанія,—всегда ощущаетъ и представляетъ, страдаетъ и радуется, желаетъ и мыслитъ наше „*я*“. Хотя мои состоянія измѣняются каждую минуту, но сегодня я тотъ-же, что и вчера; и хотя я часто чувствую борьбу и противорѣчія въ моемъ существѣ, однако я привожу къ единому и простому „*я*“ всѣ эти противорѣчія. Такимъ образомъ, „*я*“ представляется *сознательнымъ*, *неизмѣннымъ*, *простымъ* и *тожественнымъ* существомъ, *субъектомъ* своихъ измѣненій и *причиной* своихъ дѣйствій.

II. Образованіе идеи „я“.—Какъ образуется у насъ идея „*я*“? Она основывается на непосредственномъ фактѣ *самосознанія* и получаетъ опредѣленную форму, благодаря

тѣмъ-же процессамъ *абстракціи* и *обобщенія*, при помощи которыхъ возникаютъ всѣ остальныя понятія.

Наблюдая наши душевныя состоянія, мы постоянно открываемъ въ нихъ элементъ, который остается однимъ и тѣмъ-же среди круговорота другихъ измѣнчивыхъ явленій. Этотъ неизмѣнный элементъ сознается нами какъ центръ нашей душевной жизни, какъ внутреннее ядро, вокругъ котораго сосредоточиваются и группируются ея процессы. Онъ выражается нами словесною формулой: „*я*“ и дѣлается субъектомъ нашихъ рефлексивныхъ сужденій о себѣ самихъ, а сопутствующія ему состоянія относятся нами къ нему въ качествѣ его предикатовъ. Сейчасъ я пишу, за минуту передъ этимъ я читалъ, еще ранѣе я говорилъ; и я чувствую, что мое *я*, которое сейчасъ пишетъ, и *я*, которое ранѣе читало и говорило, есть одно и тоже. Въ каждомъ новомъ состояніи сознанія анализъ открываетъ намъ тотъ-же неизмѣнный элементъ на ряду съ измѣнчивыми явленіями,—элементъ, очевидно, соотвѣтствующій ихъ дѣйствительной неизмѣнной основѣ. Абстрактно выдѣляя этотъ элементъ изъ среды измѣнчивыхъ душевныхъ явленій и мысленно объединяя его постоянныя свойства и отношенія, мы получаемъ идею простого, неизмѣннаго и всегда тожественнаго существа, для котораго отдѣльныя психическія явленія служатъ формами и проявленіями. Такъ образуется путемъ анализа, абстракціи и обобщенія данныхъ непосредственнаго самосознанія наша идея „*я*“, какъ субъекта и причины душевныхъ состояній.

Возникая тѣмъ же путемъ, какъ и всѣ другія понятія, идея *я*, однако, имѣетъ и очевидныя различія отъ нихъ. Ея особенность состоитъ въ томъ, что она тѣсно соединяется съ непосредственнымъ сознаніемъ выражающагося въ ней нашего внутренняго бытія. Это не только идея субъекта вообще, но идея *моего* личнаго субъекта, моего индивидуальнаго

„*я*“; это не только *понятіе* о нашей внутренней дѣйствительности, но и *воспріятіе* этой дѣйствительности.

III. Внутреннее воспріятіе.—То, что мы сейчасъ сказали о существѣ и понятіи „*я*“, объясняетъ намъ его различныя отношенія къ своимъ состояніямъ, открывающіяся во внутреннемъ воспріятіи. „*Я*“ распознаетъ свои состоянія и *приписываетъ ихъ себѣ*, такъ какъ оно чувствуетъ, что они ему принадлежатъ. Но въ то-же время оно *различаетъ себя отъ нихъ*, такъ какъ оно сознаетъ, что они принадлежатъ ему не всецѣло. Одни изъ нихъ превышаютъ его, господствуютъ надъ нимъ, подчиняютъ его себѣ. Это раціональные принципы, общія идеи, всеобщіе и необходимые законы. Напримѣръ, когда мы представляемъ себѣ научные законы, мы чувствуемъ, что хотя они и отражаются въ нашемъ сознаніи, но они не суть продукты нашей мысли, что эти законы не принадлежатъ намъ, что они обязательны для нашего ума помимо нашей воли и, слѣдовательно, не составляютъ части нашего „*я*“. Другія состоянія противополагаются „*я*“ и ограничиваютъ его дѣятельность; такія состоянія оно объективируетъ внѣ себя и разсматриваетъ какъ предметы внѣшняго міра. Мы чувствуемъ, что стѣны, столы и стулья нашей комнаты ограничиваютъ наше зрѣніе и сопротивляются движеніямъ нашей руки. Наконецъ, иногда „*я*“ поглощается своими состояніями, разсѣевается и исчезаетъ въ нихъ, теряется въ ихъ множественности и разнообразіи. Это бываетъ въ сновидѣніяхъ, грезахъ и вообще при отсутствіи рефлексіи.

При настоящихъ условіяхъ своего существованія „*я*“ не сознаетъ себя какою-нибудь непротяженной точкой. Оно облечено въ пространственное тѣло, которое оно усвояетъ себѣ и разсматриваетъ какъ часть себя самого; оно проникаетъ въ различныхъ направленіяхъ во внѣшнее пространство и локализируетъ въ немъ нѣкоторыя изъ своихъ состояній, въ

противоположность другимъ состояніямъ, чуждымъ пространственности и матеріальности.

Благодаря рефлексіи, „*я*“ чувствуетъ себя не только существующимъ, но и продолжающимся, т. е. чувствуетъ *непрерывность* своихъ дѣйствій. Когда я произношу или пишу какое-нибудь слово, я сознаю не только это слово, но и рядъ другихъ, которыя предшествовали ему или должны непосредственно слѣдовать за нимъ. Элементы нашего сознанія слѣдуютъ другъ за другомъ непрерывною чередой, какъ части одного цѣлаго. Чувство этой именно непрерывности психическихъ состояній и составляетъ основу нашего самосознанія. Лишь позднѣе, различая элементы сознанія другъ отъ друга и произвольно сосредоточиваясь на одномъ изъ нихъ, какъ настоящемъ, мы называемъ прошедшими тѣ явленія, которыя ему предшествуютъ, и будущими тѣ процессы, которые за нимъ слѣдуютъ. Въ психической дѣйствительности эти три момента времени образуютъ синтезъ, непрерывную продолжительность, въ которой „*я*“ одновременно обнимаетъ мыслью непосредственное прошедшее, настоящее и непосредственное будущее. Опираясь на прошедшее, „*я*“ уже подготовляетъ будущее; или, точнѣе говоря, моменты времени существуютъ для него отдѣльно только въ абстракціи, которая отдѣляетъ настоящее и будущее отъ мертваго прошедшаго. Въ дѣйствительной жизни сознанія существуетъ только продолжающееся настоящее.

IV. Дѣятельность „*я*“.—Все что мы дѣлаемъ, мы приписываемъ себѣ, и наше „*я*“ полагаетъ свою границу только тамъ, гдѣ останавливается его дѣятельность. Такимъ образомъ, *сфера самосознанія совпадаетъ съ сферой индивидуальной дѣятельности*. „*Я*“, какъ активное начало, различаетъ себя и отъ тѣхъ раціональныхъ законовъ, которымъ оно подчинено, и отъ тѣхъ внѣшнихъ ограниченій,

которыя непосредственно противополагаются его дѣятельности. Но если раціональные законы являются необходимыми для его активнаго обнаруженія, то внѣшній предѣлъ, или „*не-я*“, не составляетъ для него неизбѣжнаго условія. Понятіе дѣятельности безъ границъ и безъ внѣшняго сопротивленія не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія; это просто идея акта безъ усилій, идея энергіи, которая не истощается отъ своего дѣйствія. Такую именно энергію мы имѣемъ въ нашей мысли: мысль не уменьшается отъ своей дѣятельности; при всѣхъ своихъ проявленіяхъ она остается тожественной себѣ самой. Вотъ почему „*я*“, какъ непрерывная мыслящая дѣятельность, всегда сознаетъ себя одинаковымъ и тожественнымъ.

V. Роль памяти въ дѣятельности „я“.—Но будучи непрерывной и тожественной, дѣятельность „*я*“ тѣмъ не менѣе есть процессъ, т. е. рядъ послѣдовательныхъ актовъ, моментовъ и ступеней развитія. Умъ не можетъ всегда сознавать минувшія явленія: онъ забываетъ ихъ. Здѣсь приходитъ ему на помощь *память*, которая возстановляетъ забытыя явленія прошлаго и съ очевидностью показываетъ, что внутренняя связь между ними никогда не прерывалась. Припоминая эти минувшія формы своей дѣятельности, „*я*“ находитъ въ нихъ свои собственныя черты, свой образъ, свой „показатель преломленія“; оно усвояетъ ихъ себѣ и такимъ образомъ обогащаетъ свое настоящее сокровищами прошлаго. Благодаря памяти, мы имѣемъ внутреннее чувство непрерывности своего существованія. Пробуждаясь отъ глубокаго сна, мы связываемъ нашу настоящую жизнь съ жизнью прошлой; и даже тѣ патологическіе случаи, когда, повидимому, исчезаетъ всякое воспоминаніе о прежней жизни, не доказываютъ, чтобы „*я*“ теряло сознаніе непрерывности своего бытія. Какъ мы сейчасъ увидимъ, субъекты въ этихъ

случаяхъ не могутъ только сказать, что съ ними было, но они хорошо знаютъ, что они *существовали*. Эта внутренняя связь между прошлымъ и настоящимъ,—связь, не подающаяся опредѣленію, но непосредственно чувствуемая сознаніемъ,—открываетъ намъ *дѣйствительную непрерывность и неизмѣнность нашего существа*. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ прежнія состоянія могли-бы сохраняться въ нашей памяти, если-бы въ дѣйствительности наше существо не оставалось непрерывнымъ, если-бы въ немъ все измѣнялось и разлагалось? „*Я*“ существуетъ, какъ неизмѣнное существо, съ перваго момента сознательной рефлексіи, и позднѣе только опредѣляется и получаетъ болѣе конкретную форму.

VI. Есть-ли „я“ продуктъ своихъ состояній?— „*Я*“ не есть результатъ простого накопленія болѣе или менѣе значительнаго числа однородныхъ ощущеній, подобно какому-нибудь общему представленію. То, что различаетъ идею „*я*“ отъ такого представленія, есть прежде всего *чувство внутренней дѣятельности*, которое всегда соединяется съ нею. Если-бы „*я*“ было только остаткомъ нашихъ прежнихъ ощущеній, то оно должно было-бы казаться намъ пассивнымъ и инертнымъ; оно могло-бы играть роль субъекта, но оно не могло-бы быть причиной. Я могъ-бы еще сказать: „я сижу“, „я стою“, но я не могъ-бы сказать: „я *сажусь*“, я *встаю*“. Между тѣмъ „*я*“ не только субъектъ, но и причина психическихъ актовъ. Я чувствую себя существующимъ или существовавшимъ только тамъ, гдѣ я чувствую себя дѣйствующимъ или дѣйствовавшимъ.

Но,—говорятъ,—доказательствомъ, что „я“ есть не что иное, какъ остатокъ нашихъ ощущеній, служитъ тотъ фактъ, что если тонъ или спеціальная окраска ощущеній внезапно измѣняется, то вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, *измѣняется*

и раздвояется самое „я“. Одинъ больной доктора Крисгабера, у котораго чувствительность подверглась глубокому измѣненію, чувствовалъ, что онъ становится другимъ лицомъ; ему казалось, что новое „*я*“ постепенно замѣняло его прежнюю личность. Когда измѣненіе тона ощущеній бываетъ слишкомъ велико, происходитъ полная диссоціація личности, и раздвоеніе „*я*“ выражается въ нарушеніи непрерывности памяти и въ невозможности припомнить въ одномъ состояніи явленія другаго. Такъ было у Фелиды X... въ ея первомъ состояніи и у паціентки Макниша въ ея обоихъ состояніяхъ [1]).

VII. Разборъ теоріи измѣненія личности.—Замѣтимъ, прежде всего, что пока „*я*“ не обманывается кажущеюся диссоціаціей своихъ состояній, оно нисколько не измѣняется и остается собой, а не другимъ; оно констатируетъ въ себѣ важныя перемѣны, но эти перемѣны касаются только его поверхности и оказываются не въ состояніи измѣнить его существа. Больной доктора Крисгабера говорилъ, что онъ никогда не вѣрилъ, что онъ былъ другимъ человѣкомъ; слѣдовательно, онъ всегда былъ самимъ собой. Мое „*я*“ не бываетъ самимъ собой въ различной степени, больше или меньше, и говорить, что оно можетъ быть въ одно и то-же время и самимъ собой и другимъ, значило бы утверждать нелѣпость.

Что-же касается другихъ случаевъ измѣненія личности, постоянно цитируемыхъ современными авторами, то прежде всего желательно, чтобы подобныя наблюденія подвергались болѣе внимательной критической провѣркѣ, чтобы они не заключали въ себѣ ни важныхъ пробѣловъ [2]), ни явныхъ

---

[1]) См. Гл. XX, § VII.

[2]) Такъ, докторъ Макнишъ забываетъ сказать намъ, умѣла-ли наблюдаемая имъ особа одѣваться въ моментъ перваго измѣненія

противорѣчій [1]). Впрочемъ, и изъ этихъ случаевъ можно видѣть, что патологическіе перерывы воспоминаній вовсе не такъ полны, чтобы каждое изъ двухъ мнимыхъ „*я*“ не чувствовало пробѣловъ въ своемъ прошломъ и не приписывало себѣ свои позабытыя состоянія. Наприм., сомнамбулка Макниша во второмъ своемъ состояніи знала, что ея сознаніе прерывалось, и находила пробѣлы въ своей памяти; но она хорошо сознавала, что *жизнь ея не прерывалась*, что пробѣлы ея памяти ранѣе были чѣмъ-то заполнены. Она чувствовала, что продолжала непрерывно жить, и только не умѣла сказать, что было съ нею въ забытые періоды жизни. Другими словами, она *усвояла себѣ* эти забытые періоды, только усвояла ихъ какъ пустые промежутки. Точно также и въ первомъ состояніи она усвояла себѣ въ этомъ смыслѣ забытыя явленія второй стадіи. Такимъ образомъ, несмотря на кажущееся раздвоеніе, ея психическая жизнь въ сущности оставалась непрерывной, и она смутно сознавала эту непрерывность. У нея не было двухъ *я* или двухъ личностей, а были только *двѣ сферы сознанія*, *двѣ сложныхъ группы представленій*, *которыя вытѣсняли другъ друга*, такъ-что когда припоминалась одна изъ нихъ,—забывалась другая, и наоборотъ. Короче, у нея раздвоялась и измѣнялась не *личность*, а только *содержаніе личности*. Признать у человѣка двѣ сферы сознанія, двѣ взаимно исключающихъ другъ друга

ея состоянія, узнавала-ли она различныя части своего костюма и проч. Эти незначительныя подробности были необходимы при точномъ и обстоятельномъ описаніи.

[1]) Наприм., докторъ Азанъ говоритъ намъ, что Фелида X... имѣла записную книжку, гдѣ она во время второго состоянія записывала тѣ вещи, которыя она хотѣла припомнить въ первомъ состояніи. Но если въ первомъ состояніи она забывала все, относящееся ко второму періоду, то какъ она могла знать, что она дѣлала замѣтки въ своей книжкѣ, и припоминать на основаніи ихъ позабытое?

группы представленій,—значитъ констатировать фактъ, возможность котораго мы не имѣемъ основаній оспаривать. Такое раздвоеніе сознанія, такая диссоціація его элементовъ есть довольно обыкновенная вещь: это явленіе наблюдается, наприм., у пьяныхъ и даже въ обыкновенномъ снѣ. Но сказать, что у человѣка могутъ существовать два „*я*“ или двѣ личности, значитъ сдѣлать метафизическое заключеніе, которое не находитъ для себя никакихъ теоретическихъ и фактическихъ оправданій.

Итакъ, несмотря на кажущіяся измѣненія личности, „*я*“ остается неизмѣннымъ. Въ немъ сохраняется *синтетическая дѣятельность*, которой мы не можемъ найти въ простыхъ ощущеніяхъ,—дѣятельность мысли, объединяющая его состоянія. Поэтому оно не можетъ быть продуктомъ ощущеній, а напротивъ само является ихъ причиной. Внезапные перерывы воспоминаній могутъ вызывать раздвоеніе въ содержаніи его сознанія; но даже такое раздвоеніе болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное, болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее. „*Я*“ сводитъ къ единству даже тѣ состоянія, которыя имъ позабыты; оно сознаетъ непрерывность своего бытія и усвояетъ себѣ забытые періоды прошлаго.

РЕЗЮМЭ.

I.—„*Я*“ мыслится нами, какъ *сознательное, неизмѣнное, простое и тожественное существо*, какъ *субъектъ* нашихъ измѣненій и *причина* нашихъ дѣйствій.

II.—Идея „*я*“ основывается на фактѣ непосредственнаго *самосознанія* и образуется путемъ *абстракціи* и *обобщенія* его данныхъ.

III.—Внутреннее воспріятіе показываетъ намъ, что одни изъ своихъ состояній „*я*“ *усвояетъ себѣ*, какъ субъективныя, а другія *противополагаетъ*, какъ объективныя. Нѣкоторыя изъ этихъ объективныхъ состояній оно разсматриваетъ какъ законы своей дѣятельности, другія—какъ ея ограниченія. Будучи облечено въ пространственное тѣло, „*я*“ признаетъ его частью себя самого. Существуя

одновременно и въ настоящемъ, и въ прошедшемъ, и въ будущемъ, „*я*“ чувствуетъ себя *непрерывнымъ*.

IV.—Состоянія, которыя „я“ усвояетъ себѣ, *совпадаютъ съ сферой его индивидуальной дѣятельности*. Эта дѣятельность есть дѣятельность мысли. Она подчиняется раціональнымъ законамъ, но по существу независима отъ всякихъ внѣшнихъ ограниченій.

V.—Наличныя данныя внутренняго воспріятія дополняются *памятью*, которая позволяетъ „*я*“ усвоять себѣ не только свои настоящія, но и прошедшія состоянія. Будучи связью между прошедшимъ и настоящимъ, память показываетъ намъ дѣйствительную непрерывность и неизмѣнность нашего существа.

VI.—„*Я*“ не можетъ быть продуктомъ прежнихъ ощущеній, потому что съ представленіемъ его всегда соединяется *чувство внутренней дѣятельности*. Этому противорѣчатъ, повидимому, только патологическіе случаи *измѣненія личности* подъ вліяніемъ измѣненія чувствительности и болѣзней памяти.

VII.—Однако, въ дѣйствительности, субъекты съ измѣненной чувствительностью не считаютъ себя другими людьми, а субъекты, страдающіе амнезіями, усвояютъ себѣ забытые періоды прошлаго и сознаютъ непрерывность своего существованія. Во всѣхъ такихъ случаяхъ измѣняется и раздвояется не „*я*“, а только *содержаніе его сознанія*.

Литература.

Вундтъ, Физіологическая психологія, II.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—*Вундтъ*, Гипнотизмъ и внушеніе.—*Лотце*, Микрокозмъ, I.—*Цигенъ*, Физіологическая психологія.—*Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Прейеръ*, Душа ребенка; Духовное развитіе въ первомъ дѣтствѣ.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, I—II.—*Карпентеръ*, Основанія физіологіи ума.—**Джемсъ*, Психологія.—*Тиченеръ*, Очерки психологіи.—**Тэнъ*, Объ умѣ и познаніи.—**Рибо*, Болѣзни личности.—*Рибо*, Болѣзни памяти.—**Бинэ*, Измѣненія личности.—*Бони*, Гипнотизмъ.—*Мейнертъ*, Объ искусственныхъ нарушеніяхъ психическаго равновѣсія.—*Троицкій*, Наука о духѣ, I.—*Снегиревъ*, Психологія.—*Гиляровъ*, Гипнотизмъ по ученію Шарко и психологической школы.—*Перэ*, Первые три года жизни ребенка.—*Козловъ*, О множественности состояній сознанія (*Философскій Трехмѣсячникъ*, 2, 1886).—*Несмѣловъ*, Наука о человѣкѣ, I.—*Липпсъ*, Самосознаніе.—*Лосскій*, Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма.

ГЛАВА XXII.

Идея внѣшняго міра.

I. Проблема внѣшняго воспріятія.—II. Теорія инстинкта.—III. Теорія иллюзіи.—IV. Критика этой теоріи.—V. Теорія умозаключенія.—VI. Разборъ возраженій противъ теоріи умозаключенія.

I. Проблема внѣшняго воспріятія.—Разсматривая элементы внѣшняго воспріятія, мы замѣтили, что оно обусловливается своеобразнымъ актомъ рефлексіи, *проэцирующей* и *объективирующей* содержаніе нашихъ ощущеній за предѣлами нашего „*я*“ [1]). Въ его основѣ лежитъ идея или *сужденіе*, что извѣстныя состоянія не должны быть относимы къ намъ, а должны быть приписаны внѣшнему міру. Когда, наприм., я говорю, что вижу бумагу, то этимъ хочу сказать, что воспринимаемое въ настоящее время моимъ сознаніемъ зрительное ощущеніе исходитъ не отъ меня самого, а отъ внѣшняго предмета, который я называю бумагой. Въ этомъ случаѣ я выражаю сужденіе о вещи, составляющей часть внѣшняго міра.

Какъ образуется такое сужденіе? Какимъ образомъ и по какому побужденію мы отчуждаемъ часть нашихъ состояній и переносимъ ихъ во внѣшній міръ? Вотъ вопросъ, который мы должны уяснить.

II. Теорія инстинкта.—Для рѣшенія этого вопроса су-

---

[1]) См. Гл. VII,

ществуютъ три теоріи: теорія *инстинкта*, теорія *иллюзіи* и теорія *умозаключенія*.

Первая изъ нихъ принадлежитъ Риду и Шотландской школѣ. По этой теоріи, отчужденіе, проэкція и объективація нашихъ состояній происходитъ невольно и непосредственно. Благодаря нѣкоторому роду *инстинкта*, мы различаемъ въ себѣ элементы, которые принадлежатъ намъ, и отдѣляемъ ихъ отъ явленій, которыя только находятся въ насъ, не будучи нашими. Вслѣдствіе такого инстинктивнаго процесса, ощущенія, испытываемыя нами, но не принадлежащія намъ, проэцируются и объективируются какъ-бы сами собою.

Не трудно видѣть, что Ридъ и его ученики только констатируютъ фактъ внѣшняго воспріятія, объявляя его естественнымъ свойствомъ ума. Мы представляемъ внѣ себя объекты нашихъ ощущеній, говорятъ они, потому, что мы имѣемъ способность дѣлать это. Такое соображеніе, конечно, справедливо, но оно не можетъ служить объясненіемъ.

III. Теорія иллюзіи.—Тэнъ, а за нимъ Рабье, пытались разрѣшить эту проблему, разсматривая внѣшнее воспріятіе какъ родъ *иллюзіи* или *галлюцинаціи*. По ихъ мнѣнію, всякое ощущеніе уже само по себѣ стремится объективироваться, и дѣйствительно объективируется, какъ скоро оно не вытѣсняется другими, болѣе сильными ощущеніями, превращающими его въ представленіе путемъ описаннаго выше механизма [1]). Такимъ образомъ, ощущеніе имѣетъ въ сущности характеръ галлюцинаціи, потому что, будучи внутреннимъ явленіемъ, оно всегда стремится казаться внѣшнимъ. Только галлюцинаціи бываютъ ложными и истинными. Ложныя галлюцинаціи суть тѣ, которыя не согласуются между собою, отличаются безсвязностью и не могутъ быть подведены

---

[1]) Гл. VIII, § II.

подъ опредѣленные и правильные законы. Если-бы, наприм., камень или кусокъ желѣза сгибались въ нашихъ рукахъ подобно воску, сохраняя всѣ остальныя свойства камня и желѣза, то такое ощущеніе, очевидно, было-бы ложной галлюцинаціей. Напротивъ, истинныя галлюцинаціи суть тѣ, которыя не только согласуются между собой въ настоящій моментъ, но и соотвѣтствуютъ прошлымъ ощущеніямъ, подтверждая намъ правильный ходъ природы. Такими и являются наши внѣшнія воспріятія. Въ этомъ именно смыслѣ Лейбницъ говорилъ, что жизнь есть очень правильный сонъ.

IV. Критика этой теоріи.—Не смотря на свою парадоксальную форму и научный видъ, эта теорія является не болѣе, какъ повтореніемъ въ нѣсколько иныхъ терминахъ наивнаго перцепціонизма Рида. Въ самомъ дѣлѣ, сказать, что всѣ ощущенія стремятся объективироваться, не значитъ-ли повторить, вслѣдъ за Ридомъ, что нѣкоторыя изъ нашихъ состояній инстинктивно переносятся нами во внѣшній міръ? Замѣчаніе, что экстеріоризація ощущеній бываетъ правильною, когда они связны, и ложною, когда они безсвязны, можетъ только опредѣлить признакъ истинности и ложности внѣшняго воспріятія, но нисколько не можетъ объяснить, почему связныя или несвязныя ощущенія стремятся объективироваться. Короче говоря, Тэнъ, какъ и Ридъ, не объясняетъ факта проэкціи и объективаціи ощущеній внѣ насъ. Ощущенія объективируются, говоритъ онъ намъ, потому, что они имѣютъ свойство объективироваться.

Единственный отвѣтъ, который могутъ дать сторонники этой теоріи на вопросъ, почему изъ всѣхъ состояній сознанія объективируются только одни ощущенія, состоитъ въ томъ, что всѣ ощущенія связаны съ движеніями. Движенія заключаютъ въ себѣ идею разстоянія, промежутка. Всякое движеніе предполагаетъ пройденное пространство

или извѣстное удаленіе отъ исходной точки. Слѣдовательно, ощущеніе, ассоціированное съ движеніемъ, въ то-же время ассоціируется и съ идеей разстоянія. „Такъ,—говоритъ Рабье,—поступаетъ слѣпой, которому только что сдѣлали операцію. Цвѣтной предметъ сперва кажется ему пятномъ на его глазу; но затѣмъ, когда онъ достаетъ рукой до этого предмета и посредствомъ движеній во всѣхъ направленіяхъ измѣняетъ свое зрительное впечатлѣніе, онъ понимаетъ, что осязаемый предметъ есть причина этого впечатлѣнія. Съ этого момента зрительное впечатлѣніе ассоціируется съ идеей предмета, сливается съ послѣднимъ и такимъ образомъ оказывается проэцированнымъ на разстояніе [1])“. Но не заключаетъ-ли въ себѣ такое разсужденіе *petitio principii?* Вѣдь вопросъ въ томъ, чтобы понять, какимъ образомъ ощущенія *проэцируются* внѣ насъ. Иллюзіонисты показываютъ намъ, почему зрительныя ощущенія *локализируются въ томъ-же мѣстѣ пространства, гдѣ и ощущенія осязанія;* но они нисколько не объясняютъ, какимъ образомъ мускульно-осязательныя ощущенія *могутъ переноситься во внѣшнее пространство.* Если мы напередъ допустимъ, что эти ощущенія проэцированы и объективированы, то все остальное становится понятно само собою; но въ томъ-то именно и вопросъ, почему всѣ ощущенія, *включая сюда и мускульно-осязательныя*, проэцируются и объективируются.

V. Теорія умозаключенія.—Чтобы разрѣшить проблему внѣшняго воспріятія и уяснить возникновеніе идеи внѣшняго міра, намъ остается только третья изъ указанныхъ выше теорій,—*теорія умозаключенія*, принадлежащая Шопенгауэру и Гельмгольцу. По этой теоріи, мотивомъ для *от-*

---

[1]) *Psychologie,* ch. XXXI, p. 422.

чужденія нѣкоторыхъ изъ состояній нашего сознанія является ихъ *своеобразный характеръ*, который не позволяетъ намъ приписывать ихъ нашему „*я*“, а основаніемъ для *проэкціи* и *объективаціи* ихъ служитъ *законъ причинности*.

Возьмемъ, наприм., зрительное ощущеніе *бѣлаго цвѣта*, которое я получаю отъ лежащей предо мною бумаги. Это ощущеніе возникаетъ въ моемъ „*я*“, но я чувствую, что оно не только возникаетъ помимо моей воли, но и не могло-бы быть уничтожено мной, если бы я этого захотѣлъ. Тоже самое нужно сказать о шумѣ, который я слышу, о запахѣ, который я обоняю, о вкусѣ, который я ощущаю, объ осязательныхъ ощущеніяхъ, которыя я испытываю. Между тѣмъ, наряду съ этими состояніями, которыя не исходятъ и не зависятъ отъ моего „*я*“, я констатирую другія, которыя идутъ отъ меня и находятся въ моей власти. Такія состоянія я приписываю себѣ; они не только возникаютъ во мнѣ, но и мнѣ принадлежатъ; я самъ произвожу ихъ, самъ являюсь ихъ причиной. Своеобразныя особенности этихъ двухъ видовъ состояній неизбѣжно побуждаютъ меня различать и противополагать ихъ. Если состоянія, которыя исходятъ и зависятъ отъ меня, я усвояю себѣ, то состоянія, которыя возникаютъ *независимо отъ меня* и не подчиняются моей волѣ, я отчуждаю, *не признаю своими*. Вотъ первая стадія образованія идеи о внѣшнемъ мірѣ,—стадія простого *отчужденія* независимыхъ отъ нашего „*я*“ душевныхъ состояній.

Второю стадіей являются *проэкція* и *объективація* этихъ состояній. Своеобразныя особенности явленій, не зависящихъ отъ нашего „*я*“, сами по себѣ еще не даютъ намъ основанія переносить ихъ за предѣлы нашего сознанія и разсматривать ихъ какъ внѣшніе объекты. Такимъ основаніемъ является законъ причинности, принуждающій насъ заключать объ

ихъ объективной природѣ. Мы говоримъ: явленіе, которое, возникая въ насъ, не зависитъ отъ нашего „*я*“, не производится нами; но всякое явленіе имѣетъ причину; слѣдовательно, это явленіе имѣетъ свою причину *внѣ насъ*, во внѣшнемъ *объектѣ*. Этой внѣшней, объективной причинѣ мы приписываемъ тѣ-же самыя качества, которыя свойственны данному психическому явленію, цвѣтъ, запахъ, вкусъ и проч.,—т. е. проэцируемъ наши ощущенія и разсматриваемъ ихъ какъ вещи или какъ свойства вещей. Такимъ образомъ, проэкція и объективація состояній нашего сознанія происходятъ путемъ *быстраго умозаключенія, основаннаго на законѣ причинности.*

VI. Разборъ возраженій противъ теоріи умозаключенія.—Противъ этой теоріи возражаютъ, что маленькія дѣти и животныя имѣютъ нѣкоторое познаніе о внѣшнемъ мірѣ и различаютъ этотъ міръ отъ себя самихъ; между тѣмъ, нельзя предположить, чтобы они пріобрѣтали такое познаніе путемъ умозаключенія, такъ какъ они къ нему не способны.

На это мы отвѣтимъ, что, если животныя и маленькія дѣти дѣйствительно имѣютъ *представленіе* о внѣшнемъ мірѣ, то для объясненія ихъ дѣйствій нѣтъ никакой нужды допускать, что они точно *различаютъ* этотъ міръ отъ себя самихъ. Внѣшнія явленія у нихъ тѣсно сливаются съ ихъ собственными внутренними состояніями, а ихъ внутреннія состоянія неотдѣлимы отъ внѣшнихъ явленій. Границы между внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ, между „*я*“ и „*не-я*“, для нихъ не существуетъ, и причина этого та, что они не разумны. Вѣдь полагать свое „*я*“ и различать его отъ „*не-я*“, значитъ выполнять разумный актъ того-же высшаго порядка, какъ умозаключеніе. Что-нибудь одно изъ двухъ: или маленькія дѣти и животныя способны къ разумному мышленію, или они не способны къ нему. Въ первомъ случаѣ,

они будутъ различать „*я*“ отъ „*не-я*“, но тогда теорія умозаключенія приложима къ нимъ такъ-же, какъ и къ намъ. Во второмъ случаѣ, они не могутъ дѣлать умозаключеній, но тогда они и не способны ясно различать „*я*“ отъ „*не-я*“. Вотъ этого именно мнѣнія мы и держимся.

Итакъ, идея внѣшняго міра основывается, съ одной стороны, на независимости нѣкоторыхъ состояній нашего сознанія отъ нашего „*я*“, съ другой,—на законѣ причинности, который побуждаетъ насъ относить эти состоянія къ внѣшнимъ предметамъ.

РЕЗЮМЭ.

I.—Воспріятіе внѣшняго міра основывается на *сужденіи*, въ которомъ мы приписываемъ внѣшнимъ предметамъ извѣстныя явленія нашего сознанія.

II.—Чтобы объяснить образованіе такого сужденія; Ридъ и Шотландская школа утверждали, что оно есть результатъ естественнаго *инстинкта*. Но это не объясненіе, а лишь констатированіе факта.

III.—Тэнъ и Рабье говорятъ, что наши ощущенія суть *галлюцинаціи*, которыя стремятся объективироваться и дѣйствительно объективируются всякій разъ, когда не вытѣсняются другими, болѣе сильными ощущеніями.

IV.—Но такая теорія ничего не объясняетъ: она лишь повторяетъ мнѣніе Рида, что ощущенія объективируются сами собой. Если спросить сторонниковъ этой теоріи, почему ощущенія проэцируются и объективируются, то они отвѣчаютъ: потому, что ощущенія ассоціированы съ движеніями, которыя заключаютъ въ себѣ идею разстоянія. Но такое объясненіе содержитъ въ себѣ *petitio principii*. Почему ощущенія движенія или ощущенія осязанія имѣютъ привилегію *проэцироваться* и *объективироваться?* Вотъ вопросъ, который именно и нужно рѣшить.

V.—Остается теорія *умозаключенія*, высказанная Шопенгауэромъ и Гельмгольцемъ. Эта теорія объясняетъ отчужденіе ощущеній ихъ *независимостью* отъ нашей воли, а проэкцію и объективацію ихъ—*закономъ причинности и основаннымъ на немъ умозаключеніемъ*.

VI.—Возражаютъ, что животныя и дѣти неспособны къ такому умозаключенію. Но если они неспособны къ умозаключенію, то они

не могутъ и ясно *различать* „*я*“ отъ „*не-я*“, т. е. не могутъ имѣть ясно идеи внѣшняго міра.

Литература.

Шопенгауэръ, О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія (§ 21).—**Гельмгольцъ*, О зрѣніи человѣка; Новѣйшіе успѣхи теоріи зрѣнія (*Популярныя Рѣчи*, II).—*Вундтъ*, Физіологическая психологія, II.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—*Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Прейеръ*, Душа ребенка.—*Прейеръ*, Духовно развитіе въ первомъ дѣтствѣ.—**Паульсенъ*, Введеніе въ философію.—*Кантъ*, Критика чистаго разума.—*Милль*, Изслѣдованіе философіи Гамильтона.—*Бэнъ*, Психологія.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, II.—*Джемсъ*, Психологія.—**Ланге*, Исторія матеріализма, II.—*Мейнертъ*, Механика душевной дѣятельности.—**Тэнъ*, Объ умѣ и познаніи.—**Рибо*, Современная англійская психологія.—*Рибо*, Современная германская психологія.—*Остроумовъ*, О физіологическомъ методѣ въ психологіи.—*Снегиревъ*, Психологія.—*Иванцовъ*, Проблема бытія внѣшняго міра (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 17—18).—*Введенскій*, Законъ причинности и реальность внѣшняго міра.—**Лопатинъ*, Положительныя задачи философіи, I—II.—*Соколовъ*, Вѣра Психологическій этюдъ.

ГЛАВА XXIII.

Высшія идеи разума.

I. Высшія понятія.—II. Идея безконечнаго.—III. Идея совершеннаго.—IV. Идея абсолютнаго.—V. Абсолютное существо.

I. Высшія понятія.—Предметы, которые мы сейчасъ разсматривали,—„*я*“ и міръ,—конечны, ограниченны, несовершенны и относительны; но у насъ есть понятія, которыя превышаютъ эти предметы и не могутъ быть приложимы къ нимъ. Это—понятія *безконечнаго*, *совершеннаго* и *абсолютнаго*.

Насколько мыслимы эти понятія? Имѣютъ-ли они положительное содержаніе, соотвѣтствующее законамъ мысли и дѣйствительности, или они суть только слова, выражающія совокупность противорѣчій?

II. Идея безконечнаго.—Что касается прежде всего понятія *безконечнаго*, то здѣсь нужно различать два случая: во-первыхъ, когда это понятіе прилагается къ предмету, существованіе котораго опредѣлено его границами; во-вторыхъ, когда оно показываетъ только отсутствіе границъ въ предметѣ, который можетъ существовать безъ нихъ.

Въ первомъ случаѣ аттрибутъ безконечности, очевидно, немыслимъ. Сюда относятся всѣ предметы, имѣющіе *количественное* опредѣленіе. Сказать о треугольникѣ, что онъ безконеченъ, нелѣпо, такъ какъ треугольникъ потому и существуетъ, что его ограничиваютъ три стороны. Утверждать его

безконечность значитъ въ одно и то-же время говорить, что онъ имѣетъ предѣлы, такъ какъ онъ треугольникъ, и не имѣетъ ихъ, такъ какъ онъ безконеченъ. Такимъ образомъ, реальное количество не можетъ быть безконечнымъ, и понятіе безконечнаго количества есть абсурдъ.

Можно-ли сказать то-же самое о *качествѣ*? Да, если имѣть въ виду такія качества, которыя по существу заключаютъ въ себѣ идею количества. Напримѣръ, безконечная скорость есть абсурдъ, такъ какъ скорость была-бы безконечной лишь тогда, когда извѣстное пространство было-бы пройдено въ нуль времени. Если мы замѣнимъ формулу скорости $v = \frac{s}{t}$ формулой $v = \frac{s}{o}$, то она не будетъ уже имѣть никакого смысла. Въ этомъ случаѣ движеніе исчезаетъ отъ скорости, а что такое скорость безъ движенія?

Но есть качества, которыя не опредѣляются существующими для нихъ границами, а, напротивъ, сами служатъ опредѣленіемъ для соотвѣтствующихъ имъ отрицательныхъ свойствъ. Такими качествами являются—*разумъ*, *доброта* и *сила*. Въ самомъ дѣлѣ, границы разума суть невѣдѣніе и заблужденіе; но не посредствомъ невѣдѣнія или заблужденія мы постигаемъ, что такое разумъ, а посредствомъ разума познаемъ невѣдѣніе и заблужденіе. Поэтому, если мы будемъ мыслить разумъ безконечнымъ, т. е. безъ ограничивающихъ его предѣловъ невѣдѣнія и заблужденія, то мы будемъ мыслить его только вполнѣ соотвѣтствующимъ его понятію. Мы не внесемъ въ это понятіе никакого противорѣчія, а, напротивъ, очистимъ его отъ всего, что на опытѣ можетъ ему противорѣчить и дѣйствительно противорѣчитъ. Точно также не вслѣдствіе слабости мы познаемъ силу, а чрезъ силу познаемъ слабость. Отсюда, безконечная сила, сила безъ слабости, есть только то, чѣмъ должна быть сила по самой своей

идеѣ. Если находятъ труднымъ мыслить безконечную силу, то лишь потому, что вводятъ въ ея понятіе нѣкоторое представленіе движенія и, слѣдовательно, количества, подобно тому, какъ это дѣлается въ механикѣ, гдѣ словомъ *сила* обозначаютъ произведеніе массы, помноженной на скорость. Чистая сила, или, какъ говорилъ Аристотель, „чистый актъ“, имѣетъ исключительно качественный характеръ и потому можетъ быть мыслима безъ всякихъ ограниченій. Наконецъ, то же самое нужно сказать и о добротѣ. Не злоба даетъ намъ понятіе о добротѣ, а доброта о злобѣ. Поэтому безконечная доброта или благость не есть абсурдъ, а положительная идея, свободная отъ всякаго противорѣчія.

Какъ мы видимъ, сила, разумъ и доброта называются безконечными въ томъ случаѣ, когда мы очищаемъ ихъ, отдѣляя отъ слабости, невѣдѣнія и злобы, ограничивающихъ ихъ на опытѣ. Такимъ образомъ, идея безконечнаго выражаетъ собой тотъ способъ, посредствомъ котораго мы приходимъ къ образованію этихъ понятій. Это—*логическая формула* ихъ.

III. Идея совершеннаго.—Сила, разумъ и доброта называются *совершенными*, когда мы ихъ разсматриваемъ въ ихъ чистомъ видѣ, независимо отъ того способа, посредствомъ котораго мы достигли этихъ чистыхъ идей. Понятіе совершенства есть понятіе *положительнаго качества*, изъ котораго устранено все, что къ нему не относится и что ему противорѣчитъ. А устранить такіе элементы, очевидно, возможно, по крайней мѣрѣ, въ абстракціи. Отсюда, понятіе совершеннаго не болѣе абсурдно, чѣмъ понятіе безконечнаго.

IV. Идея абсолютнаго.—Понятіе *абсолютнаго* есть понятіе полной независимости отъ всякаго посторонняго воздѣйствія. Но эта независимость можетъ быть двоякая—*внутренняя* и *внѣшняя*. Въ первомъ случаѣ, „абсолютный“ значитъ—*независимый отъ всякаго внутренняго опредѣленія*,

т. е. не имѣющій никакого качества. Въ этомъ смыслѣ понятіе абсолютнаго совпадаетъ съ понятіемъ чистаго, неопредѣленнаго бытія, отдѣленнаго отъ всѣхъ его аттрибутовъ. Такое понятіе мыслимо, но оно не имѣетъ положительнаго содержанія. Во второмъ случаѣ „абсолютный“ значитъ *независимый отъ всякаго внѣшняго опредѣленія*, не подчиняющійся никакому внѣшнему бытію. Въ этомъ смыслѣ понятіе абсолютнаго допускаетъ двоякую оцѣнку, смотря по тому, къ чему оно прилагается,—къ абстрактному качеству или къ конкретному существу. Къ абстрактному качеству это понятіе не можетъ быть приложимо безъ противорѣчій. Нашъ умъ не въ состояніи представить себѣ качество висящимъ въ воздухѣ; онъ неизбѣжно долженъ мыслить его какъ аттрибутъ бытія или существа, которому оно принадлежитъ. Такимъ образомъ, предикатъ „абсолютный“ примѣнимъ только къ конкретному существу. Идея абсолютнаго мыслима какъ идея *абсолютнаго существа*.

V. ***Абсолютное существо.***—Идея абсолютнаго существа можетъ слагаться только изъ *безконечныхъ и совершенныхъ качествъ*; иначе это существо зависѣло-бы отъ своихъ границъ и потому не было-бы абсолютнымъ. Но можно-ли изъ синтеза безпредѣльныхъ и совершенныхъ качествъ составить понятіе о существѣ? Постижимо-ли существо безконечно могущественное, безконечно разумное, безконечно благое, и если постижимо, то будетъ-ли оно абсолютнымъ?

Такое существо *постижимо*, потому что оно не заключаетъ въ себѣ никакихъ противорѣчій. Грубая сила можетъ противорѣчить разуму, и разумъ самъ по себѣ можетъ противорѣчить добротѣ; но разумная сила и благой разумъ предполагаютъ полное равновѣсіе и гармонію этихъ качествъ. Въ существѣ, въ которомъ сила, разумъ и благость сливаются нераздѣльно, они могутъ только дополнять другъ друга. Сила

бываетъ вполнѣ могущественной лишь тогда, когда она управляется разумомъ, а разумъ становится истинно разумнымъ лишь въ служеніи благу. Такимъ образомъ, въ абсолютномъ существѣ благость является какъ бы опорой для остальныхъ двухъ качествъ.

Можно-ли назвать такое существо *абсолютнымъ*? Очевидно, да. Въ его синтетическомъ понятіи заключается все, что для него необходимо. Оно имѣетъ силу и, слѣдовательно, можетъ существовать, оно обладаетъ разумомъ и, слѣдовательно, имѣетъ законы существованія; оно обладаетъ благостью и, слѣдовательно, имѣетъ основаніе бытія. Въ чемъ же оно нуждается и отъ кого можетъ зависѣть?

Такимъ образомъ, абсолютное существо вполнѣ мыслимо, если только не превращать его въ пустую абстракцію бытія, а разсматривать какъ конкретный синтезъ совершеннѣйшихъ и самодовлѣющихъ качествъ. Оно есть существо безконечное и всесовершенное, — безконечная благость, соединенная съ совершеннѣйшимъ разумомъ и могуществомъ. Оно есть та высшая и лучезарная идея, которая увѣнчиваетъ горизонтъ нашей мысли и исповѣдуется человѣчествомъ, какъ *идея Бога*.

Проникаясь всецѣло этою безконечной идеей, мы чувствуемъ смыслъ своего бытія и находимъ опору для нашего мышленія. Въ тоже время мы получаемъ логическую или психологическую увѣренность, что эта идея реальна, что она не есть плодъ нашей мысли, а есть выраженіе высшей дѣйствительности. Если вещи заслуживаютъ реальнаго бытія лишь въ той мѣрѣ, въ какой ихъ можно назвать добрыми и разумными, то что можетъ быть реальнѣе существа безконечно благого и безконечно разумнаго? Возможно-ли допустить мысль, что несовершенныя вещи существуютъ, а всесовершенный Богъ нѣтъ. Съ другой стороны, откуда, какъ не изъ самой дѣйствительности, можетъ возникать у насъ, несовер-

шенныхъ людей, эта идея всесовершеннаго блага, восхищающая нашъ умъ и управляющая нашими стремленіями? Такимъ образомъ, реальность этой идеи является *нравственнымъ постулятомъ*.

РЕЗЮМЭ.

I.—Кромѣ относительныхъ, несовершенныхъ и конечныхъ понятій мы постигаемъ или считаемъ постижимыми идеи *безконечнаго*, *совершеннаго* и *абсолютнаго*. Насколько мыслимы эти идеи?

II.—Идея *безконечнаго* немыслима въ примѣненіи къ количественнымъ величинамъ, но вполнѣ мыслима въ примѣненіи къ *качествамъ*. Качества, которыя могутъ быть безконечными, суть: *разумъ*, *сила* и *доброта*.

III.—Идея *совершеннаго* выражаетъ лишь положительное содержаніе безконечныхъ качествъ, очищенныхъ отъ всего, что имъ противорѣчитъ. Поэтому она точно такъ-же мыслима, какъ и идея безконечнаго.

IV.—Идея *абсолютнаго* немыслима въ примѣненіи къ абстрактному качеству, такъ какъ качество не можетъ существовать въ отдѣльности отъ своего носителя; но она вполнѣ мыслима въ примѣненіи къ *существу*, въ которомъ соединяются извѣстныя качества.

V.—Идея *абсолютнаго существа* вполнѣ мыслима, если это существо понимается какъ синтезъ безконечныхъ и совершенныхъ качествъ: разума, силы и благости. Въ этомъ смыслѣ она есть не что иное, какъ *идея Бога*. Реальность этой идеи является *нравственнымъ постулятомъ*.

Литература.

Лотце, Микрокозмъ, III.—*Ульрици*, Тѣло и душа.—*Ульрици*, Богъ и природа.—*Кантъ*, Критика чистаго разума.—*Кантъ*, Критика практическаго разума.—*Лейбницъ*, Монадологія (*Труды Моск. Псих. Общ.* вып. IV).—*Милль*, Изслѣдованіе философіи Гамильтона.—*Каро*, Идея Бога.—*Троицкій*, Наука о духѣ, I.—**Снегиревъ*, Психологія,—*Дебольскій*, О высшемъ благѣ.—**Кудрявцевъ*, Метафизическій анализъ идеальнаго познанія (*Сочиненія*, I, вып. 3); Объ источникѣ идеи Божества (*Тамъ-же*, II. вып. 1).—*Гобчанскій*, Опытная психологія.—*Гиляревскій*, Пособіе къ изученію психологіи.—*Чистовичъ*, Опытная психологія.—*Несмѣловъ*, Наука о человѣкѣ, I.—*Соколовъ*, Вѣра. Психологическій этюдъ.

ГЛАВА XXIV.

Разумъ.

I. Различныя значенія слова „разумъ“ и различныя формы разумной дѣятельности.—II. Здравый смыслъ и общій смыслъ.—III. Оригинальность.—IV. Состоянія, противоположныя разуму.—V. Основное свойство разума.

I. Различныя значенія слова „разумъ“ и различныя формы разумной дѣятельности.—Слово „разумъ“ употребляется въ различныхъ смыслахъ. Съ одной стороны, оно выражаетъ способность ума постигать идеи и соединять ихъ по извѣстнымъ законамъ; съ другой оно обозначаетъ самые законы, по которымъ совершается умственная дѣятельность. Мы объединимъ оба эти значенія, если опредѣлимъ разумъ, какъ *правильную дѣятельность мышленія.*

Разумъ можетъ имѣть двоякое направленіе,—*теоретическое* и *практическое.* Теоретическая дѣятельность разума состоитъ въ уясненіи и различеніи идей, въ опредѣленіи терминовъ и въ строгомъ соединеніи мыслей по законамъ логики. Его практическая функція состоитъ въ примѣненіи къ нашимъ дѣйствіямъ результатовъ логической работы мысли. Такое примѣненіе требуетъ умѣнья приспособлять теорію къ требованіямъ практики и обнаруживать малѣйшія обстоятельства, способныя помѣшать ея полному осуществленію. Вотъ почему инженеръ при проведеніи желѣзной дороги не всегда слѣдуетъ прямой линіи, а принимаетъ въ разсчетъ

неровности почвы, ея свойства, искусственныя сооруженія, которыя требуется сдѣлать и проч., и сообразно съ этимъ прокладываетъ путь. Такое практическое примѣненіе разума составляетъ то, что называютъ *здравымъ смысломъ*.

II. Здравый смыслъ и общій смыслъ.—Какъ мы видимъ, люди, желающіе проводить теорію на практикѣ, не сообразуясь съ обстоятельствами, и люди, умѣющіе только смотря по обстоятельствамъ мѣнять образъ дѣйствій, не слѣдуя никакому принципу и добиваясь лишь непосредственнаго успѣха, одинаково нарушаютъ требованія здраваго смысла. Здравый смыслъ есть практическій разумъ, а характерное свойство разума есть постоянство, согласіе съ самимъ собой. Между тѣмъ, тотъ, кто подъ предлогомъ строгаго проведенія принциповъ не считается съ обстоятельствами и вслѣдствіе этого опускаетъ изъ виду свою цѣль, противорѣчитъ себѣ: онъ въ одно и тоже время хочетъ и не хочетъ той цѣли, которую преслѣдуетъ. Точно также противорѣчитъ себѣ и тотъ, кто не имѣетъ иной цѣли, кромѣ собственнаго интереса и успѣха, кто постоянно мѣняетъ и свой образъ дѣйствій и тѣ кажущіеся принципы, которыми онъ старается оправдать свои стремленія. Его слова и его жизнь каждую минуту опровергаютъ другъ друга. Такія постоянныя противорѣчія свойственны эгоистамъ, которые измѣняютъ свое поведеніе въ зависимости отъ личныхъ разсчетовъ и въ концѣ концовъ не достигаютъ успѣха именно потому, что всегда его ищутъ. Все это чуждо здравому смыслу.

Здравый смыслъ не нужно смѣшивать съ *общимъ смысломъ*. Первый послѣдователенъ и руководится разумными принципами; второй основывается только на обычаѣ и бываетъ часто непослѣдовательнымъ. Общій смыслъ въ дѣйствительности есть лишь *среднее, наиболѣе принятое мнѣніе* по различнымъ теоретическимъ и практическимъ

вопросамъ, интересующимъ человѣчество. Такое среднее мнѣніе, очевидно, не имѣетъ ничего научнаго и допускаетъ массу противорѣчій; оно нуждается въ провѣркѣ, очищеніи и исправленіи, чтобы стать послѣдовательнымъ и согласнымъ съ разумомъ и здравымъ смысломъ.

III. Оригинальность. Общій смыслъ считаетъ оригиналомъ и безумцемъ всякаго, кто мыслитъ и дѣйствуетъ не такъ, какъ большинство. Все, что выходитъ за предѣлы общепринятаго, съ точки зрѣнія общаго смысла, глупо. Вотъ почему изобрѣтатели рѣдко понимаются ихъ современниками. Несчастный маркизъ Жуффруа подвергался гнуснымъ преслѣдованіямъ за то, что, изобрѣтая пароходъ, хотѣлъ сочетать огонь и воду. Для толпы нѣтъ ничего болѣе непріятнаго, какъ оригинальность, и для многихъ нѣтъ хуже обиды, какъ эпитетъ оригинала-чудака.

Между тѣмъ, оригинальность, если она соединяется съ здравымъ смысломъ, есть драгоцѣнное и рѣдкое качество ума. Она является достояніемъ *генія* и источникомъ всѣхъ великихъ открытій. Противорѣча общепринятымъ заблужденіямъ, оригинальная идея нисколько не противорѣчитъ общепризнаннымъ истинамъ. Прибавляя къ этимъ истинамъ нѣчто новое, она только развиваетъ и расширяетъ ихъ. Измѣняя или дополняя привычный строй мысли и жизни, она въ концѣ концовъ сама становится прывычной.

Конечно, бываетъ оригинальность и плохого сорта, но это лишь въ томъ случаѣ, когда она не контролируется здравымъ смысломъ и превращается въ оригинальничанье, достигаемое чисто внѣшними средствами и чуждое истинной изобрѣтательности. Такова оригинальность въ одеждѣ, прическѣ, манерахъ и проч. Въ подобныхъ вещахъ секретъ искусства состоитъ въ томъ, чтобы оставаться самимъ собой, дѣлая все, какъ другіе.

IV. Состоянія, противоположныя разуму.—Состояніями, противоположными разуму, являются *слабоуміе* и *безуміе* въ ихъ различныхъ формахъ. Слабоуміе состоитъ въ неспособности воспринимать и связывать идеи. Въ этомъ случаѣ представленія идутъ настолько медленно, что субъектъ не можетъ соединить ихъ. Наоборотъ, при безуміи представленія часто слѣдуютъ другъ за другомъ съ такою быстротой и безсвязностью, что нѣтъ никакой возможности водворить между ними порядокъ. У сумасшедшихъ всегда наблюдается большій или меньшій недостатокъ умственнаго равновѣсія. Какое-нибудь правильное или ложное представленіе незаконно становится центромъ другихъ представленій и, поминутно вторгаясь въ нихъ, нарушаетъ нормальный ходъ душевной жизни. Больной говоритъ, разсуждаетъ, дѣйствуетъ, но онъ не можетъ ни достигнуть согласія съ другими людьми, ни даже установить согласіе между своими собственными представленіями. Подъ вліяніемъ навязчивой идеи онъ объявляетъ себя новою личностью и уже не узнаетъ самого себя въ своихъ прежнихъ воспоминаніяхъ. „Кто вы?“—спрашиваютъ у одной сумасшедшей.—„Я Марія-Луиза.“—„А кѣмъ вы были прежде?“—„Я была рыбной торговкой“.

V. Основное свойство разума.—Изъ сказаннаго мы видимъ, что характернымъ признакомъ разумнаго мышленія является *связность* его элементовъ, согласіе нашихъ представленій между собой, нашихъ дѣйствій съ нашими представленіями, и, наконецъ, нашихъ представленій со всѣми впечатлѣніями, какія могутъ получаться нами отъ разнаго рода предметовъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Безъ сомнѣнія, такая связность можетъ быть достигнута лишь въ томъ случаѣ, если нашъ разумъ содержитъ въ себѣ самомъ принципъ единства и связи. Такимъ образомъ, ра-

зумъ есть прежде всего *объединяющая дѣятельность*. Но, въ свою очередь, эта объединяющая дѣятельность была бы немыслима, если-бы различныя представленія не заключали въ себѣ кое-чего общаго, универсальнаго. Разумъ можетъ соединять представленія лишь подъ тѣмъ условіемъ, если онъ *выдѣляетъ* болѣе или менѣе сознательнымъ образомъ свойственный каждому изъ нихъ всеобщій элементъ. Такимъ образомъ, по существу разумъ есть *дѣятельность, открывающая всеобщее среди индивидуальныхъ различій*. Онъ есть та психическая функція, посредствомъ которой мы постигаемъ общія идеи, представляемъ универсальные законы мысли и природы и устанавливаемъ внутреннюю связь между понятіями, сужденіями, умозаключеніями и дѣйствіями. Онъ есть своего рода внутреннее чувство, способное непосредственно созерцать всеобщее, подобно тому, какъ глазъ непосредственно созерцаетъ цвѣтъ.

РЕЗЮМЭ.

I.—*Разумъ* можно опредѣлить какъ *правильную дѣятельность мышленія*. Эта дѣятельность можетъ быть *теоретической* и *практической*. Теоретическій разумъ состоитъ въ соединеніи и уясненіи идей по законамъ логики; практическій разумъ состоитъ въ примѣненіи этихъ идей къ конкретнымъ явленіямъ и совпадаетъ съ тѣмъ, что называется „здравымъ смысломъ“.

II.—*Здравый смыслъ* предполагаетъ, съ одной стороны, послѣдовательное проведеніе теоретическихъ принциповъ, съ другой—умѣнье согласовать эти принципы съ требованіями практики. Его нужно отличать отъ такъ называемаго *общаго смысла*, который есть лишь среднее мнѣніе большинства по различнымъ вопросамъ. Общій смыслъ далеко не всегда бываетъ въ согласіи съ здравымъ смысломъ.

III.—Драгоцѣннымъ качествомъ разума является *оригинальность*, составляющая источникъ всѣхъ великихъ изобрѣтеній и открытій. Оригинальность бываетъ безполезной или вредной лишь въ томъ случаѣ, когда она не контролируется здравымъ слысломъ и превращается въ пустое оригинальничанье.

IV.—Состоянія, противоположныя разуму, суть *слабоуміе* и *безуміе* въ ихъ различныхъ формахъ. Въ первомъ случаѣ субъектъ не можетъ связывать мыслей вслѣдствіе слишкомъ медленнаго движенія ихъ: во второмъ случаѣ онъ не можетъ управлять теченіемъ мыслей вслѣдствіе ихъ чрезмѣрной быстроты, вліянія различныхъ навязчивыхъ идей и общей умственной неуравновѣшенности.

V.—Основное свойство разума, обусловливающее взаимную связь нашихъ представленій другъ съ другомъ и со всѣми остальными явленіями міра, есть *способность открывать всеобщее среди различій*.

Литература.

Лотце, Микрокозмъ, I-II.—*Ульрици*, Тѣло и душа.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—*Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ.—*Цигенъ*, Физіологическая психологія.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, I.—*Карпентеръ*, Основанія физіологіи ума.—*Маудсли*, Физіологія и патологія души.—**Джемсъ*, Психологія.—*Селли*, Основныя начала психологіи въ примѣненіи къ воспитанію.—**Селли*, Геніальность и помѣшательство.—*Рибо*, Болѣзни личности.—*Рибо*, Болѣзни памяти.—*Рибо*, Болѣзни воли.—*Рибо*, Психологія вниманія.—*Рише*, Геніальность и помѣшательство.—*Ломброзо*, Геніальность и помѣшательство.—*Гиршъ*, Геніальность и вырожденіе.—*Жоли*, Психологія великихъ людей.—*Гризингеръ*, Душевныя болѣзни.—*Крэпелинъ*, Краткое руководство по психіатріи.—*Корсаковъ*, Психіатрія.—*Компейрэ*, Основанія элементарной психологіи.—*Владиславлевъ*, Психологія, I.—**Гобчанскій*, Опытная психологія.—*Струве*, Способности и развитіе философствующаго ума (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 38—39).—*Токарскій*, О глупости (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 35).—*Левенфельдъ*, О духовной дѣятельности геніальныхъ людей.

ГЛАВА XXV.

Воображеніе.

I. Разумъ и воображеніе.—II. Воображеніе пассивное и активное.—III. Типы воображенія.—IV. Значеніе воображенія.—V. Дисциплина воображенія.

I. Разумъ и воображеніе.—Разуму, какъ способности мыслить *всеобщее*, естественно противополагается *воображеніе*, которое воспроизводитъ лишь *единичное*. По существу воображеніе имѣетъ дѣло не съ абстрактными понятіями, а съ *конкретными представленіями*, которыя всегда индивидуальны. Однако, какъ бы ни были различны эти двѣ функціи, между ними существуетъ тѣсная, взаимная связь. Выше мы уже говорили, что мыслить безъ представленій невозможно [1]). Общія идеи разума сознаются нами только при помощи единичныхъ образовъ, которые мы назвали *„схемами“*. И наоборотъ, работа воображенія только тогда бываетъ плодотворной, когда она контролируется разумомъ и осуществляетъ разумныя цѣли. Создавая схематическіе образы для мышленія, воображеніе играетъ вспомогательную роль. Въ чемъ проявляется оно, какъ самостоятельная психическая функція?

II. Воображеніе пассивное и активное.—Воображать значитъ: 1) *воспроизводить* представленія, 2) *комбинировать* ихъ. Въ томъ и другомъ случаѣ работа воображенія

---

[1]) Гл. XVI, § V.

можетъ быть *пассивною* или *активною*. Законы пассивной репродукціи и комбинаціи представленій мы уже изучили выше [1]). Разсмотримъ теперь активную дѣятельность воображенія.

Активное воображеніе состоитъ *въ творческомъ сочетаніи представленій сообразно съ законами и цѣлями разума*. Такія сочетанія характеризуются тѣмъ, что они бываютъ чужды противорѣчій и образуютъ связное, стройное и гармоничное цѣлое.

Творческая работа активнаго воображенія можетъ идти *тройкимъ* путемъ. Иногда она руководится какою-нибудь *напередъ поставленной отвлеченной идеей*, которая по ассоціаціи вызываетъ извѣстное число представленій, пробуждающихъ въ свою очередь новыя представленія. Тѣ изъ этихъ представленій, которыя выражаютъ идею всего живѣе и сильнѣе, выдѣляются и удерживаются сознаніемъ; другія же устраняются имъ. Такъ образуется творческое построеніе. Будучи воплощеніемъ идеи, это построеніе почти всегда является стройнымъ и логичнымъ. Если, напримѣръ, скульпторъ желаетъ выразить идею изобилія, то по ассоціаціи онъ прежде всего представитъ себѣ молодую женщину, жатву, плоды; отсюда онъ воплотитъ эту идею въ формѣ молодой женщины, увѣнчанной хлѣбными колосьями и несущей въ рукахъ серпъ и плоды.

Въ другихъ случаяхъ представленія ассоціируются, уравновѣшиваются и слагаются въ гармоническое цѣлое *безъ всякой сознательной и предвзятой идеи*. Лишь тогда когда это цѣлое уже сложилось, раціональная идея является уму и объясняетъ скрытый смыслъ гармоніи представленій. Возьмемъ, наприм, слѣдующій отрывокъ изъ Альфреда де Виньи: „Кто изъ насъ не находилъ удовольствія слѣдить

---

[1]) Гл. VIII, IX, X.

глазами за движеніемъ небесныхъ облаковъ? Окрашенныя солнцемъ, они то тихо плывутъ цѣлыми массами, какъ флотъ темныхъ кораблей съ позолоченными носами, то быстро скользятъ легкими кучками, длинныя и подвижныя, какъ перелетныя птицы. Человѣкъ—медленный путникъ, завидующій этимъ скорымъ пассажирамъ. Хотя ихъ быстрота и не такъ велика, какъ быстрота его воображенія, но они въ одинъ день видѣли всѣ тѣ мѣста, какія онъ оживляетъ воспоминаніемъ или надеждой". Видъ облаковъ и ихъ описаніе породили здѣсь послѣднюю мысль, которая даетъ смыслъ картинѣ.

Первый пріемъ въ общемъ свойственъ тѣмъ художникамъ и писателямъ, которыхъ называютъ *классиками*. Ему же слѣдуетъ ученый, когда онъ изобрѣтаетъ экспериментальныя средства, при помощи которыхъ надѣется открыть искомую истину или пролить полный свѣтъ на истину, уже открытую. Столь остроумные эксперименты Клода Бернара или Пастера предполагаютъ очень изобрѣтательное воображеніе. Напротивъ, художники и писатели, которыхъ можно назвать *импрессіонистами*, слѣдуютъ второму пріему. Такимъ же образомъ поступаетъ ученый, когда онъ работаетъ ощупью, наблюдаетъ, дѣлаетъ попытки, собираетъ факты до тѣхъ поръ, пока у него не явится идея, способная объединить его предшествующія наблюденія. Какъ скоро возникаетъ эта объединяющая идея, ее примѣняетъ уже разумъ, и роль воображенія сводится до минимума. Если нужно указать имена, то въ области художественнаго творчества представителями перваго типа писателей являются Буало и Расинъ, а представителемъ второго типа—Викторъ Гюго. Отсюда легко понять, почему въ сочиненіяхъ первыхъ построеніе и логическая связь идей обыкновенно безупречны, а у вторыхъ композиція иногда слаба и мысль часто банальна и блѣдна.

Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *идея и выражающія ее представленія являются поэту или художнику вмѣстѣ*, въ одномъ живомъ синтезѣ. Автору уже нѣтъ нужды переходить отъ идеи къ образамъ и отъ образовъ къ идеѣ путемъ медленнаго и мучительнаго размышленія: идея сразу, путемъ какой-то геніальной интуиціи, представляется ему облеченною въ плоть и кровь художественныхъ образовъ, а образы являются одушевленными этой идеей. Къ такимъ именно поэтамъ и художникамъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ всѣ великіе мастера искусства.

III. Типы воображенія.—Воображеніе различается у отдѣльныхъ людей прежде всего въ зависимости отъ *типа ихъ памяти*, и все, что было сказано выше о различіи этихъ типовъ [1]) примѣнимо и здѣсь. Люди съ конкретнымъ складомъ памяти болѣе склонны къ точнымъ наблюденіямъ, чѣмъ къ отвлеченному мышленію; человѣкъ съ слуховою памятью имѣетъ больше шансовъ сдѣлаться музыкантомъ, чѣмъ художникомъ; у людей зрительнаго типа творчество будетъ вращаться преимущественно въ сферѣ зрительныхъ образовъ и формъ, и т. д. Эти естественныя различія воображенія имѣютъ очень большое значеніе при изученіи характера и способностей ребенка.

Далѣе, воображеніе различается въ зависимости отъ *умственныхъ привычекъ и интересовъ*. Архитекторъ, инженеръ, коммерсантъ, государственный человѣкъ, поэтъ, художникъ, музыкантъ живутъ различными идеями и потому имѣютъ разный складъ воображенія. Посѣщая какой-нибудь городъ, архитекторъ вообразитъ себѣ новое зданіе или декорацію площади, инженеръ представитъ планъ моста, порта или желѣзной дороги, коммерсантъ—торговыя операціи, государствен-

---

[1]) Гл. XX, § V.

ный человѣкъ—выгоду, которую общество можетъ извлечь изъ того или иного улучшенія. Художникъ будетъ пораженъ тѣмъ или инымъ сочетаніемъ линій и красокъ, музыкантъ—тѣмъ или другимъ сочетаніемъ звуковъ, поэтъ—смѣной идей и чувствъ, вызываемыхъ въ немъ видомъ этого города.

IV. Значеніе воображенія.—Изъ сказаннаго мы уже видимъ, какую важную роль играетъ воображеніе въ нашей жизни. Оно даетъ нашему уму *опору*, въ которой онъ нуждается для *сознанія* своихъ идей, и *матеріалъ*, необходимый ему для *выраженія* этихъ идей вовнѣ и для ихъ *реализаціи*. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одной конкретной вещи, которая не была бы единичной; и только воображеніе, оперирующее надъ единичными представленіями, можетъ сдѣлать мысли конкретными и сообщить имъ форму, осязательную для самого мыслящаго и для другихъ существъ. Мы не можемъ дѣйствовать иначе, какъ подъ тѣмъ условіемъ, если напередъ вообразимъ себѣ свои движенія и дѣйствія. Воображеніе является необходимымъ для подготовки будущаго. Когда мы вѣримъ въ осуществленіе воображаемаго будущаго, то воображеніе есть не что иное, какъ надежда; напротивъ, когда мы думаемъ, что это будущее не осуществится, воображеніе даетъ мѣсто унынію и отчаянію. Такимъ образомъ, воображеніе можетъ способствовать счастію, и несчастію, дѣятельности и бездѣйствію. Чтобы избѣжать горькихъ разочарованій, человѣкъ долженъ всегда оставаться господиномъ своей мечты и ясно различать дѣйствительное отъ воображаемаго.

V. Дисциплина воображенія.—Дисциплина воображенія достигается троякимъ путемъ. 1) Посредствомъ *рефлексіи*, которая диссоціируетъ элементы увлекающихъ воображеніе представленій, подвергаетъ ихъ анализу и тѣмъ уменьшаетъ ихъ силу. Такимъ образомъ, психологическій анализъ составляетъ превосходное средство для дисциплины воображенія. 2) По-

средствомъ *ослабленія слишкомъ живыхъ представленій другими, противоположными имъ представленіями.* Наприм., чтобы ослабить представленіе удовлетворенной страсти ему противополагаютъ представленіе гибельныхъ послѣдствій этой страсти. 3) Наконецъ, посредствомъ *подчиненія представленій какой-нибудь разумной идеѣ.* Наприм., чтобы положить предѣлъ праздной игрѣ воображенія, пріучаютъ умъ къ серьезному труду или стараются координировать представленія въ виду какой-нибудь полезной и нравственной цѣли.

РЕЗЮМЭ.

I.—*Воображеніе* отличается отъ разума тѣмъ, что имѣетъ дѣло не съ общими понятіями, а съ *единичными представленіями.* Но оно стоитъ съ нимъ въ тѣсной связи, схематизируя его идеи и подчиняясь его контролю.

II.—Воображеніе можетъ быть *пассивнымъ* и *активнымъ.* Пассивная дѣятельность воображенія состоитъ въ механической репродукціи и ассоціаціи представленій. Активная его дѣятельность состоитъ *въ творческомъ сочетаніи представленій сообразно съ законами и цѣлями разума.* Въ послѣднемъ случаѣ или *идея* вызываетъ соотвѣтствующія ей представленія, или *гармонія представленій* порождаетъ идею, или, наконецъ, *представленія возникаютъ одновременно съ идеей*

III.—Существуютъ различные *типы* воображенія. Они зависятъ частью отъ *типа памяти* людей, частью отъ ихъ *умственныхъ привычекъ и интересовъ.*

IV.—*Значеніе* воображенія состоитъ въ томъ, что оно даетъ конкретную форму нашей мысли, пролагаетъ путь нашимъ дѣйствіямъ и является источникомъ нашихъ надеждъ и разочарованій.

V.—*Дисциплина* воображенія достигается: 1) путемъ рефлексіи и анализа, 2) путемъ ослабленія извѣстныхъ представленій другими, противоположными имъ, и 3) путемъ подчиненія его разумнымъ идеямъ и цѣлямъ.

Литература.

Вундтъ, Физіологическая психологія, II.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—*Ульрици*, Тѣло и душа.—*Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, II.—*Бэнъ*, Психологія.—**Карпентеръ*

Основанія физіологіи ума.—*Маудсли*, Физіологія и патологія души.—**Джемсъ*, Психологія.—*Тичненеръ*, Очерки психологіи.—**Селли*, Психологія въ примѣненіи къ воспитанію.—*Тиндаль*, Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ.—*Тэнъ*, Объ умѣ и познаніи.—*Бинэ*, Психологія умозаключенія.—*Перэ*, Первые три года жизни ребенка.—*Ушинскій*, Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія.—**Владиславлевъ*, Психологія, I.—*Снегиревъ*, Психологія.—*Каптеревъ*, Педагогическая психологія.—*Соколовъ*, Факты и теорія „цвѣтного слуха“ (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 37—38).—*Соколовъ*, Вѣра. Психологическій этюдъ.—**Кейра*, Воображеніе и память.—**Рибо*, Опытъ о творческомъ воображеніи.—*Овсянико-Куликовскій*, Вопросы психологіи творчества.

ГЛАВА XXVI.

Языкъ [1]).

I. Знаки, естественные и искусственные.—II. Языкъ и вопросъ о его происхожденіи.—III. Образованіе языка у дѣтей.—IV. Образованіе языка въ человѣчествѣ.—Языки аналитическіе и синтетическіе.—VI. Роль общихъ понятій въ образованіи языка.—VII. Отношеніе языка и мысли.—VIII. Письмо.

I. Знаки, естественные и искусственные.—Наша умственная жизнь не можетъ ограничиваться одними внутренними состояніями. Недостаточно имѣть представленія или идеи: необходимо еще выразить ихъ, прежде всего для себя, потомъ для другихъ. Не имѣя возможности непосредственно передать свою мысль въ чужое сознаніе, мы совершаемъ рядъ тѣлесныхъ движеній и дѣйствій, которыя чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ возбуждаютъ въ сознаніи другихъ людей состоянія, аналогичныя нашимъ. Такія движенія и дѣйствія называются *знаками* или *символами*. Такимъ образомъ, знакъ есть *чувственный образъ предмета или состоянія, недоступнаго непосредственно чувствамъ*. Говоря другими словами, онъ есть *конкретный замѣститель абстрактной вещи*. Употребленіе знаковъ основывается на двойной ассоціаціи: 1) на ассоціаціи *обозначаемой вещи съ знакомъ* въ сознаніи того, *кто* ее обозначаетъ, и 2) на ассоціаціи *знака съ обозначаемой вещью*

---

1) Перераб. *ред.*

яъ сознаніи того, *кому* ее обозначаютъ. Наприм., значеніе музыкальныхъ нотъ обусловливается тѣмъ, что въ умѣ композитора звуки ассоціируются съ извѣстными нотными знаками въ умѣ исполнителя эти знаки ассоціируются съ соотвѣтствующими звуками.

Если знакъ связанъ съ обозначаемымъ предметомъ необходимо, по самой природѣ вещей, если онъ возникаетъ непроизвольно и истолковывается безъ всякаго предварительнаго уговора, то онъ называется *естественнымъ*. Наприм., выраженія лица, интонаціи голоса, жесты суть естественные знаки различныхъ душевныхъ состояній; дымъ есть признакъ огня; молнія есть знакъ слѣдующаго за ней грома, и проч. Если же, напротивъ, знакъ связанъ съ обозначаемою вещью болѣе или менѣе произвольно, если онъ создается намѣренно и истолковывается по условному соглашенію, то онъ называется *искусственнымъ* или *условнымъ*. Такъ, эполеты офицера служатъ условнымъ знакомъ его чина: ихъ значеніе произвольно установлено тѣми, кто ввелъ военную форму, и понятно лишь для тѣхъ, кому извѣстна эта форма. Алгебраическая формула есть искусственный знакъ извѣстныхъ математическихъ величинъ и отношеній, потому что ея связь съ ними основана не на природѣ вещей, а на условномъ соглашеніи математиковъ.

Всѣ внѣшнія чувства могутъ служить для условнаго обозначенія вещей; но наиболѣе пригодными для этой цѣли являются зрѣніе и слухъ. Отсюда, различаютъ два вида условныхъ знаковъ: *зрительные* (жесты, письмо, ноты, математическія формулы, телеграфные знаки, и т. д.) и *звуковые* (звонки, крики, слова, и проч.).

11. Языкъ и вопросъ о его происхожденіи. — Изъ всѣхъ системъ знаковъ самою важною является *языкъ*. Съ нимъ стоитъ въ связи большинство другихъ символовъ; онъ

служитъ ихъ центромъ и общей основой. Телеграфные знаки, морскіе сигналы и даже жесты глухо-нѣмыхъ способствуютъ передачѣ мыслей только тѣмъ, что они передаютъ слова. Поэтому языкъ заслуживаетъ спеціальнаго изученія.

Языкъ есть *система членораздѣльныхъ знаковъ, звуковыхъ и зрительныхъ, назначенная для выраженія человѣческой мысли*. Онъ отличается отъ нечленораздѣльныхъ криковъ и звуковъ, въ которыхъ выражаются только аффективныя состоянія. Съ языкомъ связаны два главныхъ психологическихъ вопроса: 1) вопросъ о его *происхожденіи* и 2) вопросъ о его *отношеніи къ мысли*. Разсмотримъ сначала первый изъ этихъ вопросовъ.

По своему происхожденію, языкъ не можетъ быть совершенно произвольнымъ и условнымъ изобрѣтеніемъ людей, какъ это утверждали нѣкоторые писатели (наприм., Кондильякъ). Для того, чтобы могло возникнуть условное соглашеніе пользоваться рѣчью, уже была необходима самая рѣчь, какъ средство для обмѣна мыслей. Другими словами, подобное соглашеніе можетъ только слѣдовать за возникновеніемъ языка, а не предшествовать ему. Справедливость требуетъ прибавить, что авторы, которымъ приписывается эта теорія, никогда и не проводили ее во всей строгости. Точно также односторонняя и супранатуралистическая гипотеза, объяснявшая происхожденіе языка прямымъ сверхъестественнымъ откровеніемъ (де-Бональдъ). Существуетъ мудрое правило: вводить въ объясненіе вещей сверхъестественный элементъ только тогда, когда невозможно поступить иначе. Между тѣмъ происхожденіе языка можно до нѣкоторой степени объяснить естественнымъ путемъ. И у отдѣльнаго человѣка, и въ цѣломъ человѣчествѣ языкъ возникаетъ не сразу: онъ образуется постепенно вмѣстѣ съ образованіемъ представленій и развитіемъ мысли. Слѣдовательно, онъ имѣетъ тѣ же есте-

ственныя основы и законы развитія, какъ и всѣ остальныя явленія нашей душевной жизни.

III. Образованіе языка у дѣтей.—Самый цѣлесообразный методъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи языка въ человѣчествѣ состоитъ въ томъ, чтобы изучить возникновеніе его у *дѣтей*. Наблюденія, сдѣланныя въ этой области, показываютъ слѣдующее. Ребенокъ съ первыхъ моментовъ своей жизни кричитъ и совершаетъ тѣлодвиженія въ силу простого рефлекса. Въ особенности онъ кричитъ тогда, когда испытываетъ страданіе. Отсюда у него образуется *ассоціація между собственнымъ крикомъ и страданіемъ*. Его мать или кормилица подходятъ къ нему, чтобы успокоить его, и у ребенка образуется новая ассоціація между крикомъ, зрительнымъ образомъ матери или кормилицы и прекращеніемъ страданія. Если затѣмъ зрительный образъ матери или кормилицы появляется вновь, онъ вызываетъ у ребенка представленіе крика, и тогда крикъ производится уже не вслѣдствіе физіологическаго рефлекса, а въ силу психологической ассоціаціи. Благодаря размышленію, дитя скоро овладѣетъ своими ассоціаціями и будетъ намѣренно повторять крикъ, который тогда становится уже *зовомъ*.

Въ то-же время у ребенка образуются многочисленныя ассоціаціи между тѣми зрительными и слуховыми представленіями, связь которыхъ онъ наблюдаетъ въ *окружающемъ мірѣ*. Стремленіе представленія къ реализаціи заставляетъ ребенка воспроизводить звукъ всякій разъ, какъ вновь появляется связанная съ нимъ зрительная форма, и, благодаря такой ассоціаціи, звуки становятся мало-по-малу *замѣстителями* самыхъ вещей. Если ребенокъ пожелаетъ какого-нибудь предмета, онъ воспроизведетъ связанное съ нимъ звуковое представленіе и скажетъ „коко“ для обозначенія курицы, „мяу“ для обозначенія кошки, и проч.

Предметы и существа, съ которыми ребенокъ ассоціируетъ эти звукоподражанія, имѣютъ рядъ сходныхъ видовыхъ признаковъ, которые побуждаютъ его *переносить* звуковой знакъ одного представителя вида на всѣхъ остальныхъ. Наприм., курица, которую ребенокъ обозначаетъ звукомъ „*коко*“, имѣетъ перья, клювъ, крылья, двѣ лапы. Такъ какъ эти черты свойственны всѣмъ другимъ птицамъ, то слово „коко“ будетъ служить ребенку замѣстителемъ общаго представленія птицы, а позднѣе легко могло-бы служить и для обозначенія соотвѣтствующаго родового понятія. Такъ, отъ звуковыхъ ассоціацій, обозначавшихъ отдѣльные предметы, ребенокъ переходитъ къ образованію *общихъ названій*. Стоитъ ему только соединить эти названія другъ съ другомъ, и онъ будетъ имѣть настоящій языкъ.

Такимъ образомъ, языкъ у дѣтей слагается, съ одной стороны, изъ *эмоціональныхъ криковъ* или *междометій*, съ другой, изъ *звукоподражаній*, переносимыхъ съ отдѣльныхъ предметовъ на цѣлый классъ.

IV. Образованіе языка въ человѣчествѣ.—Ничто не мѣшаетъ предположить, что человѣчество пріобрѣтало языкъ тѣмъ же путемъ, какъ и дѣти, что оно создало его мало-по-малу, сообразуясь съ естественными отношеніями звуковъ и вещей. Всякій звукъ, ассоціированный съ зрительнымъ представленіемъ, могъ стать вначалѣ знакомъ или именемъ предмета. Такимъ образомъ, звукоподражанія должны были играть важную роль въ образованіи языка. Но они не могли играть здѣсь единственной роли, потому что есть нѣмые предметы, которые не могутъ дать мѣста никакому звукоподражанію. Возможно, что нѣкоторые изъ этихъ предметовъ человѣкъ обозначалъ эмоціональными криками или междометіями, которыя онъ издавалъ въ ихъ присутствіи. Но, въ свою очередь, было-бы преувеличеніемъ сказать вмѣстѣ съ нѣкото-

рыми авторами, что междометія были единственной основой языка. Слѣдуетъ повторить, что всякая звуковая форма, откуда бы она не исходила, разъ она ассоціируется съ зрительной формой, естественно становится ея знакомъ.

Первоначально звуковая форма, составляющая имя, не имѣетъ опредѣленнаго характера и обозначаетъ только наиболѣе бросающіеся въ глаза признаки предмета; она не есть ни прилагательное, ни существительное. Чтобы эта звуковая форма могла получить то или иное грамматическое значеніе, умъ долженъ установить различіе между качествомъ предмета и самымъ предметомъ: тогда форма, обозначающая предметъ, становится *существительнымъ*, а форма, выражающая его качество, дѣлается *прилагательнымъ*, хотя обѣ онѣ одинаково сохраняютъ способность переходить другъ въ друга. Въ теченіе нѣкотораго времени жестъ и интонація бываютъ достаточны, чтобы обозначить связь существительнаго и прилагательнаго. Но потомъ эта связь въ свою очередь выражается въ звуковой формѣ, и образуется *глаголъ*. Позднѣе устанавливается различіе *лицъ* и *трехъ временъ:* настоящаго, прошедшаго и будущаго. Все болѣе и болѣе овладѣвая самимъ собой, человѣческій умъ чувствуетъ взаимную зависимость различныхъ системъ своихъ мыслей и стремится дать ей болѣе точное выраженіе. Отсюда возникаютъ *наклоненія* глаголовъ, *союзы* и *предлоги*. Такъ образуются мало-по-малу языки съ ихъ грамматическими формами.

V. Языки аналитическіе и синтетическіе—Великій законъ, управляющій развитіемъ языковъ, состоитъ въ томъ, что они изъ синтетическихъ становятся все болѣе и болѣе аналитическими. *Синтетическими* называются тѣ языки, въ которыхъ зависимость словъ обозначается посредствомъ измѣнчивыхъ падежныхъ окончаній или *флексій*, и слова располагаются въ свободномъ порядкѣ, приспособляясь ко

всѣмъ движеніямъ и оттѣнкамъ мысли, Легко видѣть, что древніе языки, наприм., латинскій и греческій, принадлежатъ къ этой самой категоріи. Напротивъ *аналитическими* называются языки, въ которыхъ флексіи исчезаютъ, и зависимость словъ выражается предлогами и все болѣе и болѣе опредѣленной и логически строгой конструкціей фразы. Таковы именно новѣйшіе языки, въ особенности французскій и англійскій.

Эта эволюція обусловливается двоякими причинами—*психологическими* и *фонетическими*. По психологическимъ законамъ человѣческій умъ принужденъ схематизировать каждую идею, которую онъ желаетъ уяснить себѣ. Поэтому, открывая новую мысль или новое соотношеніе мыслей, онъ долженъ изобрѣтать для обозначенія ихъ новыя слова и грамматическія формы, все болѣе и болѣе точныя, логически правильныя и практически удобныя. Въ то-же время фонетическіе законы не позволяютъ умножать флексій до безконечности, а, напротивъ, стремятся уничтожить ихъ. Такъ, во французскихъ словахъ, перешедшихъ изъ латинскаго языка, слоги съ удареніемъ сохранились, а слѣдовавшія за ними флексіи исчезли. Отсюда, зависимость мыслей, выражаемую по-латыни посредствомъ флексій, во французскомъ языкѣ пришлось выразить посредствомъ предлоговъ и опредѣленной разстановки словъ.

VI. Роль общихъ понятій въ образованіи языка.—Теперь можно видѣть, насколько справедливо и насколько преувеличенно мнѣніе извѣстнаго филолога Макса Мюллера, раздѣляемое также нѣкоторыми философами, что первоначально слова выражали *общія идеи* и что всѣ языки сводятся къ небольшому количеству общихъ *корней*. Мысль, что языки сводятся къ незначительному количеству корней, безспорна, но она не стоитъ въ необходимой связи съ предположеніемъ, что первоначальныя слова выражали общія поня-

тія. Дѣло въ томъ, что извѣстные намъ корни языковъ нельзя считать первоначальными словами. Самые древнѣйшіе языки, памятниками которыхъ мы владѣемъ, наприм., санскритскій, едва восходятъ за тысячу лѣтъ до нашей эры. Между тѣмъ человѣчество существовало гораздо раньше, и, слѣдовательно, имѣло время переработать свой первоначальный языкъ, свести его къ элементамъ все болѣе и болѣе простымъ, отвлеченнымъ и общимъ. Изслѣдованія нѣкоторыхъ новѣйшихъ лингвистовъ приводятъ къ заключенію, что первоначальныя слова были, напротивъ названіями *конкретныхъ и единичныхъ предметовъ*. Это были *собственныя имена*, изъ которыхъ уже потомъ, съ развитіемъ обобщающей мысли, возникли *имена нарицательныя* или *родовыя*. Метаморфозы, совершавшіяся въ нѣдрахъ первобытнаго языка, вѣроятно, были тѣ же, какія иногда наблюдаются въ языкахъ новѣйшихъ, и первыя общія названія могли произойти изъ единичныхъ, подобно тому, какъ, наприм., слово *магнетизмъ* произошло отъ имени города Магнезіи, или *гальванизмъ* отъ имени Гальвани. Съ психологической точки зрѣнія, мысль, что всѣ слова сначала были собственными именами, едва-ли можно серьезно оспаривать. Нужно только прибавить, что эти собственныя имена заключали въ себѣ все необходимое для того, чтобы весьма легко сдѣлаться общими именами, и стали ими очень быстро. „*Коко*“ для ребенка сперва обозначаетъ только одну извѣстную ему курицу; но скоро оно начинаетъ обозначать всѣхъ куръ и всѣхъ птицъ вообще.

VII. Отношеніе языка и мысли.—Языкъ служитъ мысли для двоякой цѣли: онъ позволяетъ ей, во-первыхъ, *овладѣть ея собственнымъ содержаніемъ*, во-вторыхъ, *выразить это содержаніе другимъ*. „Человѣкъ, говорилъ де-Бональдъ, мыслитъ свою рѣчь прежде, чѣмъ изречь свою мысль“, т. е. для того, чтобы ясно уловить свою мысль,

человѣкъ, если онъ по крайней мѣрѣ принадлежитъ къ слуховому типу [1]) долженъ внутренно произносить ее. Если ощущенія и представленія благодаря своей непосредственной ясности и конкретности, могутъ существовать и безъ помощи словъ, то для образованія понятій слово въ той или другой формѣ является необходимымъ условіемъ. Оно есть схема мысли, а безъ схемы, какъ мы видѣли, понятіе невозможно. Даже въ томъ случаѣ, когда человѣкъ лишенъ дара рѣчи и не можетъ выразить своихъ мыслей въ формѣ звуковыхъ знаковъ, онъ все-таки долженъ воплотить эти мысли въ какихъ-нибудь чувственныхъ символахъ и создать собственный внутренній языкъ. Глухонѣмые мыслятъ посредствомъ зрительныхъ и мускульныхъ представленій. Слѣпая и глухонѣмая Лаура Бриджмэнъ двигала пальцами всякій разъ, когда она думала, и ощущенія этихъ движеній служили для нея замѣной внутренняго слова.

Итакъ, *безъ мысли нѣтъ слова, но въ извѣстномъ смыслѣ и безъ слова нѣтъ мысли.* Обѣ эти вещи одновременны точно такъ же, какъ одновременны тѣ зрительныя и звуковыя представленія, которыя служатъ ихъ первыми условіями. Словесное выраженіе дѣлаетъ мысль болѣе точной и ясной не только для другихъ, но и для того, кто мыслитъ; оно даетъ ей объективную форму, которая запечатлѣваетъ ее въ нашемъ умѣ и позволяетъ легко оцѣнить ея значеніе.

VIII. Письмо.—Письмо служитъ или непосредственнымъ знакомъ *мысли*, или знакомъ тѣхъ *звуковъ и словъ*, въ которыхъ выражается мысль. Въ первомъ случаѣ, оно называется *идеографическимъ*, во второмъ,—*фонетическимъ*.

Человѣкъ сначала изображалъ видимые предметы при помощи *рисунковъ*, которые все болѣе и болѣе сокращались,

---

[1]) Гл. XX, § V.

получали условную форму и становились символами отвлеченныхъ идей. Наприм., фигура льва, изображавшая первоначально только это животное, мало-по-малу сдѣлалась символическимъ знакомъ мужества и силы. Такъ образовалось *идеографическое* письмо египтянъ, китайцевъ и др. Это письмо имѣетъ то преимущество, что оно можетъ быть понятнымъ безъ знанія соотвѣтствующаго ему языка. Китаецъ, мыслящій по-китайски, могъ-бы быть понятъ русскимъ, мыслящимъ по-русски. Но въ то-же время оно страдаетъ тѣмъ громаднымъ неудобствомъ, что требуетъ слишкомъ много знаковъ и является крайне труднымъ для усвоенія. Китаецъ употребляетъ почти цѣлую жизнь для того, чтобы научиться читать и писать.

Неудобства идеографическаго письма сами собой привели къ его реформѣ. Идеографическіе знаки мало-по-малу подверглись дальнѣйшему упрощенію, ассоціировались съ именами тѣхъ предметовъ, которые изображались ими, и стали обозначать уже не вещи или понятія, а звуки. Такъ возникло звуковое или *фонетическое* письмо нѣкоторыхъ древнихъ и всѣхъ новѣйшихъ народовъ. Сначала фонетическіе знаки служили для выраженія сложныхъ звуковъ или цѣлыхъ слоговъ. Таково было слоговое или *силлабическое* письмо ассиріянъ. Затѣмъ, они стали обозначать простые звуки, гласные и согласные, превратились въ буквы и привели къ образованію алфавита. Таково буквенное или *алфавитное* письмо финикіянъ, заимствованное у нихъ евреями, греками, римлянами и современными народами.

Письмо, какъ и языкъ вообще, служитъ орудіемъ и формой мысли. Оно способствуетъ ея передачѣ, обусловливаетъ ея сохраненіе и дѣлаетъ ее доступной всѣмъ временамъ и народамъ. Прошедшіе памятники человѣческой мысли исчезли бы безслѣдно и не оказали-бы никакого замѣтнаго вліянія

на духовное развитіе человѣчества, если-бы письмо не сохранило ихъ для дальнѣйшихъ поколѣній. Такимъ образомъ, письмо является необходимымъ условіемъ цивилизаціи и могущественнымъ средствомъ умственнаго прогресса.

РЕЗЮМЭ.

I.—Средствомъ для выраженія мысли служатъ *знаки*. Знакъ есть *чувственный образъ предмета или состоянія, недоступнаго непосредственно чувствамъ*. Если знаки ассоціируются съ обозначаемыми предметами необходимо, по самой природѣ вещей, то они называются *естественными*. Если же они, напротивъ соединяются съ этими предметами произвольно, по условному соглашенію, то они называются *искусственными* или *условными*. Смотря по тѣмъ внѣшнимъ чувствамъ, которыя даютъ намъ средства для условнаго обозначенія вещей, искусственные знаки дѣлятся на *зрительные* и *звуковые*.

II.—Изъ всѣхъ знаковъ самымъ важнымъ является *языкъ*. Подъ именемъ языка разумѣется *система членораздѣльныхъ знаковъ, звуковыхъ и зрительныхъ, назначенная для выраженія мысли*. По своему происхожденію, языкъ не можетъ быть ни совершенно произвольнымъ изобрѣтеніемъ людей, ни результатомъ особаго сверхъестественнаго откровенія. Онъ возникъ естественнымъ путемъ, и его развитіе основывается на тѣхъ же психологическихъ законахъ, какъ и развитіе мысли.

III.—Такъ, у *дѣтей* языкъ образуется изъ *эмоціональныхъ криковъ* (или междометій) и *звукоподражаній*, посредствомъ *ассоціаціи* ихъ съ видимыми предметами и *переноса* съ отдѣльныхъ предметовъ на цѣлый классъ.

IV.—Такимъ же образомъ, безъ сомнѣнія, пріобрѣло языкъ и все человѣчество. Первоначально слова обозначали только наиболѣе замѣтные признаки предметовъ и не имѣли опредѣленнаго грамматическаго значенія. Затѣмъ, когда стало яснымъ различіе между предметами и ихъ качествами, слова, обозначавшія предметы, сдѣлались *существительными*, а слова, выражавшія качества,—*прилагательными*. Позднѣе, для выраженія отношеній между существительными и прилагательными, возникли *глаголы* и остальныя части рѣчи.

V.—Въ теченіе своего развитія языки все болѣе и болѣе превращаются изъ синтетическихъ въ аналитическіе. *Синтетическими* языками называются тѣ, которые выражаютъ зависимость словъ

при помощи ѳлексій и допускаютъ свободную конструкцію предложеній; *аналитическими* же называются тѣ, въ которыхъ зависимость словъ выражается посредствомъ предлоговъ и логическаго построенія ѳразы.

VI.—Общія понятія являются необходимымъ элементомъ въ развитіи языка, но они не могли быть его исходными пунктами, какъ утверждаетъ Максъ Мюллеръ. Первоначальныя слова были *собственными именами отдѣльныхъ предметовъ* и, только спустя нѣкоторое время, получили *нарицательное и общее* значеніе.

VII.—Языкъ служитъ необходимымъ средствомъ не только для *внѣшняго выраженія* мысли, но и для яснаго представленія ея въ формѣ *внутренняго слова.* Даже глухонѣмые мыслятъ не иначе, какъ при помощи извѣстныхъ чувственныхъ знаковъ, замѣняющихъ имъ внутреннюю рѣчь. Отсюда можно съ извѣстнымъ правомъ сказать, что *безъ мысли нѣтъ слова и безъ слова нѣтъ мысли.*

VIII.—Письмо бываетъ *идеографическимъ*, когда оно служитъ для непосредственнаго обозначенія вещей и понятій, и *фонетическимъ*, когда оно является средствомъ для выраженія звуковъ и словъ. Фонетическое письмо, образовавшееся изъ болѣе древняго, идеографическаго, было сначала *слоговымъ* и лишь позднѣе сдѣлалось *алфавитнымъ*. Обусловливая сохраненіе и передачу продуктовъ человѣческой мысли, письмо служитъ могущественнымъ орудіемъ умственнаго прогресса.

Литература.

Лотце, Микрокозмъ, II.—*Вундтъ*, Физіологическая психологія, II.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—*Цигенъ*, Физіологическая психологія.—*Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Прейеръ*, Душа ребенка.—*Прейеръ*, Духовное развитіе въ первомъ дѣтствѣ.—*Перэ*, Первые три года жизни ребенка.—*Трэси*, Психологія перваго дѣтства.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, I.—*Милль*, Изслѣдованіе ѳилософіи Гамильтона.—*Льюисъ*, Вопросы о жизни и духѣ.—*Максъ Мюллеръ*, Наука о мысли.—*Максъ Мюллеръ*, Наука о языкѣ.—*Тэйлоръ*, Первобытная культура.—*Лёббокъ*, Начала цивилизаціи.—*Тэнъ*, Объ умѣ и познаніи.—**Рибо*, Эволюція общихъ идей.—**Потебня*, Мысль и языкъ.—*Каптеревъ*, Изъ исторіи души. Очерки по исторіи ума.—*Корниловъ*, О человѣческой рѣчи (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 20—21).

ГЛАВА XXVII.

Идейныя чувствованія и склонности.

I. Вліяніе идей на чувствованія. II. Трансформація потребностей.—III. Трансформація аффективныхъ склонностей.—IV. Возникновеніе новыхъ склонностей и чувствъ. — V. Склонность къ эмоціямъ. — VI. Склонность къ любознательности.—VII. Склоность къ дѣятельности.—VIII. Гуманитарныя чувства и склонности. — IX. Религіозныя чувства и склонности.

1. Вліяніе идей на чувствованія.—По общему психологическому закону, всякій нормальный душевный процессъ или актъ вызываетъ удовольствіе, а всякій ненормальный процессъ порождаетъ страданіе. Отсюда, рефлексивные процессы мысли,—идеи и ихъ соотношенія,—должны точно также отражаться на жизни чувства, какъ и аффективныя состоянія ощущеній и представленій. Въ самомъ дѣлѣ, уже простая возможность что-нибудь понять доставляетъ намъ удовольствіе, между тѣмъ какъ непонятность заставляетъ насъ страдать. Мы чувствуемъ удовольствіе, создавая какой-нибудь планъ и осуществляя его на дѣлѣ, и страдаемъ отъ неудовлетворительности этого плана, отъ нашего неумѣнья и нашихъ неудачъ. Творческая дѣятельность мысли и воображенія является источникомъ высшихъ радостей и скорбей для тѣхъ, кому она доступна. Такимъ образомъ, наряду съ физическими и репрезентативными чувствованіями существуетъ

высшій классъ эмоцій, свойственный только существамъ, одареннымъ разумомъ,—*идейныя чувствованія*.

Идейныя чувствованія бываютъ тѣмъ разнообразнѣе и глубже, чѣмъ богаче умственная жизнь. Они развиваются по мѣрѣ того, какъ идеи овладѣваютъ нашимъ сознаніемъ и подчиняютъ себѣ наши дѣйствія. Вліяніе идей на эмоціональныя состоянія обнаруживается въ двухъ явленіяхъ: 1) въ *трансформаціи физическихъ потребностей и аффективныхъ склонностей*, которыя были изучены нами выше [1]), и 2) въ *порожденіи новыхъ склонностей и чувствъ высшаго порядка*.

II. Трансформація потребностей. — Трансформація *физическихъ потребностей* подъ вліяніемъ рефлексіи и идей состоитъ въ томъ, что онѣ могутъ быть по произволу *подавляемы* или *усиливаемы*. По извѣстнымъ внутреннимъ мотивамъ человѣкъ можетъ бороться съ голодомъ и жаждой, дѣлаясь умѣреннымъ и аскетомъ, или же, напротивъ, предаваться излишествамъ въ пищѣ и питьѣ. По такимъ же психологическимъ побужденіямъ онъ можетъ подавлять свою естественную потребность въ движеніяхъ, осуждать себя на неподвижность или, наоборотъ, изнуряться отъ усталости. То-же самое и относительно отдыха: человѣкъ можетъ увеличивать его до лѣности, или сократить до послѣднихъ предѣловъ возможности.

Власть разума надъ потребностями возможна лишь въ томъ случаѣ, когда онѣ *подчиняются опредѣленнымъ цѣлямъ*. Если физическая потребность сама становится цѣлью, то всѣ силы человѣка сосредоточиваются на ея удовлетвореніи и она извращается. Наприм., потребность въ пищѣ разсматриваемая какъ средство для здоровья, удер-

---

[1]) Гл. XII.

живается въ тѣхъ именно границахъ, какихъ требуетъ здоровье. Если ея удовлетвореніе считаютъ препятствіемъ для какой-нибудь высшей цѣли, то она болѣе или менѣе подавляется: отсюда возникаетъ физическая діэта и моральный или религіозный постъ. Если-же, напротивъ, она разсматривается какъ цѣль, то человѣкъ становится обжорой и живетъ для того, чтобы ѣсть.

III. Трансформація аффективныхъ склонностей.— Иной и болѣе глубокой трансформаціи подвергаются *семейныя и общественныя склонности.* За предѣлами нашихъ идей и сужденій о себѣ самихъ и окружающихъ людяхъ эти склонности не имѣютъ никакого этическаго характера и, собственно говоря, не могутъ быть названы ни эгоистическими, ни альтруистическими: онѣ являются просто безразличными психологическими состояніями. Нужно знать другія существа и отличать ихъ отъ себя, чтобы быть истиннымъ альтруистомъ. Равнымъ образомъ, нужно отличать себя отъ другихъ существъ, чтобы предпочитать себя имъ, все относить къ себѣ и быть настоящимъ эгоистомъ. Такимъ образомъ, только нашъ разумъ, наши идеи, наши взгляды на вещи сообщаютъ семейнымъ и общественнымъ склонностямъ *моральныя* черты и дѣлаютъ ихъ формами *эгоизма* и *альтруизма.*

Эти склонности претерпѣваютъ, кромѣ того, тѣ-же измѣненія, какъ и физическія потребности: подъ вліяніемъ извѣстныхъ теоретическихъ мотивовъ онѣ также могутъ регулироваться, подавляться и усиливаться. Человѣкъ можетъ любить отечество или членовъ своей семьи, какъ онъ долженъ; или-же онъ можетъ замкнуться въ собственномъ эгоизмѣ и не любитъ ни семьи, ни отечества.

IV. Возникновеніе новыхъ склонностей и чувствъ.— Какъ скоро въ сознаніи человѣка возникаетъ какая-нибудь

вліятельная идея, она, подобно представленію, стремится къ реализаціи, къ осуществленію въ дѣйствіи. Другими словами, всякая новая идея, пріобрѣтающая власть надъ сознаніемъ, становится цѣлью стремленій и порождаетъ новыя желанія или склонности. Смотря по тому, какія психическія силы опредѣляютъ преобладающее направленіе идей, люди ищутъ своихъ цѣлей или въ области *чувства*, или въ области *мысли*, или въ области *воли*. Въ первомъ случаѣ, они стремятся къ наслажденію или, точнѣе, къ эмоціи вообще; во второмъ—къ знанію, въ третьемъ—къ дѣятельности. Отсюда возникаютъ три общихъ склонности,—*склонность къ эмоціямъ*, *склонность къ любознательности* и *склонность къ дѣятельности*. Всѣ эти склонности имѣютъ по существу эгоистическій характеръ. У отдѣльныхъ людей та или другая изъ нихъ преобладаетъ; но въ цѣломъ онѣ свойственны всѣмъ людямъ, такъ какъ каждый человѣкъ есть въ одно и то-же время и чувствующее, и мыслящее, и волящее существо.

V. Склонность къ эмоціямъ.—Всѣ люди ищутъ эмоцій самихъ по себѣ. Дѣти испытываютъ жуткое наслажденіе, слушая страшныя сказки. Взрослые идутъ въ моргъ или смотрятъ на казни. Всѣ любятъ зрѣлища, заставляющія смѣяться или плакать. Всеобщій вкусъ къ волнующимъ театральнымъ представленіямъ показываетъ, какъ естественна эта склонность.

Склонность къ эмоціямъ подчиняется тѣмъ-же законамъ, какъ и чувствованія вообще. *Подъ вліяніемъ привычки она въ одно и то-же время усиливается и притупляется или грубѣетъ*, дѣлается все болѣе и болѣе требовательной и все менѣе и менѣе удовлетворенной. Вотъ почему драматическія представленія становятся все болѣе и болѣе патетическими и волнующими. Легко измѣрить путь,

пройденный драмой отъ Корнеля до Виктора Гюго и современнаго театра. Если Поліевктъ Корнеля умерщвляется за сценой, то у Гюго намъ показываютъ гробы жертвъ Лукреціи Борджіа, а Маріо является на сценѣ съ головой, окровавленной послѣ пытки. Такъ можно дойти до боя быковъ и гладіаторовъ. Безъ сомнѣнія, эта склонность очень опасна и должна быть постоянно регулируема разумомъ, который можетъ умѣрять и подавлять ее. Съ другой стороны, она является однимъ изъ необходимыхъ выраженій сложной психологической природы человѣка и однимъ изъ источниковъ изящныхъ искусствъ.

VI. Склонность къ любознательности.—Склонность къ любознательности не менѣе всеобща. Дитя спрашиваетъ о причинѣ всѣхъ вещей, а взрослый человѣкъ томится потребностью знанія. Эта склонность также *усиливается отъ привычки*, но доставляемыя ею умственныя наслажденія *не притупляются* и пресыщеніе наступаетъ лишь очень медленно. Она скорѣе влечетъ за собой рискъ обмануться въ предметѣ любознательности и искать *новизны* предпочтительно предъ *истиной*. Новое нравится уму, но удовлетвореніе, которое оно доставляетъ, есть удовлетвореніе воображенія, а не разума. Разумъ удовлетворяется только истиной, старой или новой,—безразлично. Поэтому нужно при помощи критики различать новизну отъ истины и не смѣшивать удовлетвореніе воображенія съ удовлетвореніемъ разума. Склонность къ любознательности даетъ начало наукамъ и философіи.

VII. Склонность къ дѣятельности.—Склонность къ дѣятельности побуждаетъ насъ возможно шире проявлять нашу волю, измѣнять ходъ событій и налагать на нихъ печать нашей личности. Она является источникомъ всѣхъ благихъ начинаній и подвиговъ; она вызываетъ предпріимчивость, вно-

ситъ улучшенія въ человѣческую жизнь, служитъ могучей пружиной прогресса. Но она же ведетъ ко многимъ злоупотребленіямъ и порождаетъ вредный индивидуализмъ. Подъ вліяніемъ этой именно склонности къ активному проявленію нашего „*я*“ ребенокъ ломаетъ свои игрушки, мучитъ животныхъ, навязываетъ свои капризы родителямъ, домашнимъ и товарищамъ. Подъ вліяніемъ ея же взрослый человѣкъ добивается честолюбивыхъ цѣлей и старается сдѣлать свои поступки правиломъ и образцомъ для другихъ.

Эта склонность быстро *возрастаетъ благодаря привычкѣ;* но если она не регулируется разумомъ и не руководится какимъ-нибудь высшимъ идеаломъ, она теряетъ свою цѣнность и доставляемое ею удовольствіе быстро *притупляется*. Такъ, честолюбецъ скоро разочаровывается въ своихъ стремленіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ становится несправедливымъ и самовластнымъ. Склонность къ дѣятельности только тогда можетъ получить истинное удовлетвореніе, когда человѣкъ дѣлаетъ правиломъ своей воли *долгъ*, а ея цѣлью *добродѣтель*. Тогда его воля будетъ соотвѣтствовать вѣчнымъ нормамъ и даже осуществитъ въ себѣ типъ всеобщей воли. Эта склонность является одною изъ основъ культуры.

VIII. Гуманитарныя чувства и склонности.—За предѣлами своей семьи и отечества человѣкъ признаетъ существованіе другихъ людей, подобныхъ ему, и подъ вліяніемъ мысли объ этомъ сходствѣ чувствуетъ себя *внутренно связаннымъ и солидарнымъ съ ними*. Онъ страдаетъ ихъ страданіями и радуется ихъ радостями; онъ стремится идти къ нимъ на помощь по тому одному, что они—люди. Вмѣстѣ съ героемъ Теренція онъ говоритъ: „я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо“.

Такимъ образомъ, благодаря идеѣ всеобщаго сходства людей, рождается *чувство человѣчности или гуманности*

и связанныя съ нимъ эмоціи состраданія, преданности, самопожертвованія,—словомъ всѣ тѣ альтруистическія чувства и склонности, которыя побуждаютъ насъ увеличивать сумму счастья и уменьшать сумму страданій человѣческой расы.

IX. Религіозныя чувства и склонности.—Наконецъ, остается послѣдняя группа чувствъ и склонностей, которою можетъ обладать одно лишь разумное существо: это—*религіозныя чувства и склонности.* Человѣкъ восходитъ своею мыслью къ Творцу вещей и приписываетъ Ему одному разумъ, постигшій міровые законы, благость, восхотѣвшую осуществить ихъ, и могущество, давшее имъ бытіе. Разумъ показываетъ ему, что онъ зависитъ отъ этого божественнаго Существа; опытъ даетъ ему чувствовать эту зависимость. Человѣкъ видитъ вокругъ себя тайну, простирающуюся далеко за предѣлы его знанія, и чувствуетъ, что его бытіе такъ-же глубоко связано съ этою вѣчною тайной, какъ и съ положительно установленными законами міра. Отсюда у него возникаетъ болѣе или менѣе смутное *религіозное чувство*, смѣшивающееся съ болѣе ясными идеями разума. Религіозная *идея* и религіозное *чувство*, сливаясь вмѣстѣ, порождаютъ *склонность*, которая заставляетъ человѣка чтить, любить и бояться Бога, какъ его Творца и повелителя. Эта именно склонность находитъ свое удовлетвореніе въ религіи.

Катрфажъ признаетъ религіозность *исключительнымъ и всеобщимъ свойствомъ, характеризующимъ человѣческій родъ.* Вездѣ, гдѣ находили людей, вездѣ, гдѣ могли распросить и понять ихъ, находили религію: у австралійцевъ, бушменовъ, негровъ—минкопи.

Религіозная склонность можетъ выродиться въ *суевѣріе*, когда удовлетворяютъ только чувство въ ущербъ религіозной идеѣ. Сущность суевѣрія состоитъ въ томъ, что чисто механическимъ обрядамъ, чисто словеснымъ формуламъ, чисто

матеріальнымъ предметамъ приписывается религіозная и сверхъестественная сила. Суевѣрія подчиняются общему закону чувствительности: грубѣя подъ вліяніемъ привычки, они становятся все болѣе и болѣе дѣтскими и наивными. Напротивъ, религія, основанная больше на идеѣ, чѣмъ на чувствѣ, все болѣе и болѣе очищается: сохраняя лишь тѣ внѣшнія формы, которыя полезны и необходимы, она признаетъ, что обряды дѣйственны и по истинѣ религіозны только тогда, когда они исполняются въ духѣ и истинѣ.

РЕЗЮМЭ.

I.—Идеи точно такъ-же отражаются на жизни чувства, какъ ощущенія и представленія. Отсюда, на ряду съ физическими и репрезентативными чувствованіями существуетъ высшая группа *чувствованій идейныхъ*. Вліяніе идей на чувствованія обнаруживается, съ одной стороны, въ *трансформаціи физическихъ потребностей и аффективныхъ склонностей*, съ другой,—въ *возникновеніи новыхъ склонностей и чувствъ высшаго порядка*.

II.—Трансформація *потребностей* подъ вліяніемъ идей состоитъ въ томъ, что онѣ могутъ быть *умѣряемы*, *подавляемы* или *усиливаемы*. Чтобы господствовать надъ физическими потребностями, разумъ долженъ подчинить ихъ какой-нибудь высшей цѣли.

III.—Трансформація *семейныхъ и общественныхъ склонностей* состоитъ въ томъ, что подъ вліяніемъ идей онѣ *получаютъ моральный характеръ* и становятся *альтруистическими* или *эгоистическими*. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ регулируются разумомъ такъ же, какъ и потребности.

IV.—Склонности, вновь возникающія подъ вліяніемъ идей, такъ-же различны, какъ и самыя идеи. Сюда принадлежатъ, прежде всего, три общихъ эгоистическихъ склонности: *склонность къ эмоціямъ*, *склонность къ любознательности* и *склонность къ дѣятельности*.

V.—*Склонность къ эмоціямъ*, свойственная всѣмъ людямъ, подчиняется общему закону чувствованій: подъ вліяніемъ привычки она, съ одной стороны, усиливается, съ другой, грубѣетъ, такъ что ея удовлетвореніе становится все болѣе и болѣе труднымъ.

VI.—*Склонность къ любознательности*, имѣющая не менѣе всеобщій характеръ, также усиливается отъ привычки, но она не грубѣетъ и не притупляется. Эта склонность получаетъ ложное напра-

вленіе въ томъ случаѣ, когда она побуждаетъ насъ искать новизны, а не истины.

VII. *Склонность къ дѣятельности* является могущественнымъ факторомъ прогресса и въ то-же время источникомъ вреднаго индивидуализма. Подъ вліяніемъ привычки она также усиливается и иногда грубѣетъ. Свое полное и истинное удовлетвореніе эта склонность можетъ найти лишь тогда, когда она подчиняется идеѣ долга и идеалу добра.

VIII.—На ряду съ этими эгоистическими склонностями возникаютъ альтруистическія или *гуманитарныя склонности и чувства*. Психологическою основой ихъ служитъ идея общечеловѣческаго сходства и солидарности.

IX.—Послѣднюю группу идейныхъ чувствованій составляютъ *религіозныя чувства и склонности*, справедливо признаваемыя исключительнымъ и всеобщимъ свойствомъ человѣческаго рода. Истинная религіозная склонность есть гармоническій синтезъ религіознаго чувства и религіозной мысли. Какъ скоро религіозное чувство удовлетворяется въ ущербъ религіозной идеѣ, эта склонность вырождается въ *суевѣріе*.

Литература.

Лотце, Микрокозмъ, II-III.—*Ульрици*, Тѣло и душа.—**Гефдингъ*, Очеркъ психологіи.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, II.—*Спенсеръ*, Основанія науки о нравственности.—**Бэнъ*, Психологія.—*Джемсъ*, Психологія.—*Шопенгауэръ*, Свобода воли и основы морали.—*Рибо*, Психологія чувствъ.—*Ушинскій*, Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія.—*Гротъ*, Психологія чувствованій.—*Гротъ*, Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка.—*Троицкій*, Наука о духѣ, I.—*Владиславлевъ*, Психологія, II. — **Снегиревъ*, Психологія. — *Адамъ*, *Смитъ*, Теорія нравственныхъ чувствъ —*Потѣхинъ*, Значеніе чувствованій въ душевной жизни человѣка.—**Соколовъ*, Вѣра. Психологическій этюдъ.—*Соколовъ (П. А.)*, Чтенія по педагогической психологіи.

ГЛАВА XXVIII.

Страсти.

Природа страсти.—II. Схоластическая классификація страстей.—III.—Классификація страстей по предметамъ.—IV. Дѣйствія страстей.—V. Универсальная любовь.

I. Природа страсти.—Собственно говоря, всякое „пассивное“ или „страдательное“ состояніе сознанія, возникающее само собой и овладѣвающее нами помимо нашей воли, есть „страсть“. Съ этой точки зрѣнія всѣ ощущенія, всѣ чувства, всѣ потребности и склонности суть страсти. Въ такомъ именно смыслѣ понимали этотъ терминъ старые философы, наприм., Декартъ и Спиноза. Однако въ психологическомъ языкѣ смыслъ слова *страсть* все болѣе и болѣе суживается, и въ настоящее время этимъ именемъ называютъ только *ирраціональныя влеченія* и *аффекты*, т. е. *такія чувствованія, потребности и склонности, которыя имѣютъ безотчетный и бурный характеръ*. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ будемъ понимать слово страсть и мы.

Если мы будемъ разсматривать страсть съ этой точки зрѣнія, то увидимъ, что она рождается *изъ преобладанія какой-нибудь идеи или представленія*, которыя образуютъ центръ для новыхъ ассоціацій, привлекаютъ къ себѣ другія стремленія и нарушаютъ въ свою пользу ихъ естественное равновѣсіе. Страсть такъ-же навязчива, исключительна и тиранична, какъ „навязчивыя идеи“. Она *навязчива*, потому что появляется вновь при всякомъ случаѣ, обнаруживается

всюду. „Уста говорятъ отъ избытка сердца“, и люди подъ вліяніемъ страсти говорятъ только о томъ, что они любятъ или чего они страстно желаютъ. Она—*исключительна*, потому что поглощаетъ другія стремленія и разрушаетъ все, что ей противоположно. Скупость исключаетъ чувства гуманности; любовь къ игрѣ губитъ чувства семейныя и даже чувство чести, и проч. Страсть—*тиранничина*, потому что привлекаетъ къ себѣ и заставляетъ служить своимъ цѣлямъ представленія и стремленія, которыя при нормальныхъ условіяхъ должны были-бы получить другое направленіе. Игрокъ будетъ оправдывать свою страсть необходимостью поддержать свою семью и свое общественное положеніе; влюбленный все приноситъ въ жертву своей любви и на все смотритъ ея глазами. Это ослѣпленіе подъ вліяніемъ тираннической страсти прекрасно выражено въ знаменитыхъ стихахъ Мольера, переведенныхъ имъ изъ Лукреція въ *Мизантропѣ* (Дѣйствіе II, явл. V):

La pâle est en blancheur au jasmin comparable,
La noire à faire peur une brune adorable, etc [1]).

II. Схоластическая классификація страстей.—Страсти можно классифицировать двояко: или по ихъ *формѣ*, т. е. по наиболѣе общимъ признакамъ, имъ свойственнымъ, или по ихъ *предмету*, т. е. по тѣмъ склонностямъ, которыя въ нихъ преувеличиваются. Схоластики принимали въ общемъ первую классификацію; она же позднѣе была усвоена Боссюэтомъ [2]). Декартъ [3]) и многіе другіе послѣ него под-

---

[1]) Влюбленъ онъ въ блѣдную,—она бѣлѣй жасмина;
Когда-жъ красавица, какъ смертный грѣхъ черна,—
Смуглянкой страстной онъ зоветъ ее картинно, и проч.
(Перев. В. Курочкина).

[2]) *Connaissance de Dieu et de soi-même*, ch. II, § 17.

[3]) *Passions de l' âme*, II, 68.

вергали эту классификацію критикѣ, но ихъ критическія замѣчанія не свидѣтельствуютъ о томъ, чтобы они хорошо поняли ее.

Въ этой классификаціи страсти раздѣляются на два класса, смотря по тому, что лежитъ въ ихъ основѣ,—*вожделѣніе* (l' appétit concupiscible) или *возбужденіе* (l' appétit irascible). „Вожделѣніе“ вызывается простымъ присутствіемъ или отсутствіемъ желательнаго предмета; „возбужденіе“ обусловливается, кромѣ того, трудностью достигнуть желательнаго предмета или избѣжать нежелательнаго. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія схоластиковъ, „вожделѣніе“ имѣетъ своимъ предметомъ *цѣли*, „возбужденіе“, напротивъ, *средства*, ведущія къ этимъ цѣлямъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы возбуждаемся только противъ такихъ вещей, которыя препятствуютъ желательному благу или причиняютъ зло, а не противъ блага или зла самихъ по себѣ.

Такъ какъ всякій предметъ является хорошимъ или дурнымъ, желательнымъ или нежелательнымъ, то страсти того и другого класса бываютъ притягательными или отталкивающими, *импульсивными* или *репульсивными*. Только одинъ гнѣвъ, составляющій основной аффектъ возбужденія, не будетъ имѣть противоположности. Отсюда получаются, съ одной стороны, *шесть „страстей вожделѣнія“*,—*три импульсивныхъ*: любовь, желаніе и радость, и *три репульсивныхъ*: ненависть, отвращеніе и печаль; съ другой,—*пять „страстей возбужденія“*—*гнѣвъ*, *двѣ импульсивныхъ страсти*: надежда и смѣлость, и *двѣ репульсивныхъ*: отчаяніе и страхъ. Это и есть одиннадцать страстей, которыя перечисляются Боссюэтомъ и которыя обыкновенно разсматриваются современною психологіей подъ именемъ „аффектовъ“.

Такая классификація, быть можетъ, несовершенна, но она

имѣетъ свои достоинства, и гораздо легче критиковать ее, чѣмъ найти другую, болѣе удовлетворительную. Она представляетъ собой попытку указать *главные элементы* страстей,—тѣ элементы, которые встрѣчаются всюду и составляютъ основу отдѣльныхъ аффективныхъ влеченій, наприм., честолюбія, зависти, жадности, скупости и проч. Если мы попытаемся свести эти одиннадцать страстей и аффектовъ къ одному источнику, то такимъ источникомъ можно признать *любовь* или, общѣе, *влеченіе къ какому-нибудь благу*. „Отнимите любовь,—говоритъ Боссюэтъ,—и у васъ не будетъ больше страстей; вложите любовь, и вы породите всѣ страсти“. Легко видѣть, что эта классификація примѣнима не только къ болѣзненнымъ преувеличеніямъ нашихъ стремленій,—къ страстямъ и аффектамъ въ современномъ смыслѣ, но и къ страстямъ въ прежнемъ значеніи, т. е. къ чувствамъ и стремленіямъ вообще: чувства и стремленія также могутъ основываться на „вожделѣніи“ или „возбужденіи;“ они также могутъ быть импульсивными или репульсивными.

III. Классификація страстей по предметамъ. — Однако, страсти можно было-бы классифицировать и по ихъ *предметамъ*, т. е. по тѣмъ *стремленіямъ*, *потребностямъ и склонностямъ*, которыя въ нихъ преувеличиваются. Тогда будетъ столько-же страстей, сколько существуетъ главныхъ потребностей и склонностей. Такъ, съ этой точки зрѣнія можно различать *физическія страсти*, основанныя на физическихъ потребностяхъ: обжорство, пьянство, сладострастіе и проч.; *эстетическія страсти*, основанныя на склонности къ эмоціямъ и выражающіяся въ погонѣ за болѣе утонченными наслажденіями свѣта, искуства и т. под.; *умственныя страсти*, основанныя на склонности къ любознательности: научный фанатизмъ различныя маніи уче-

ныхъ и коллекціонеровъ и т. д..; *нравственныя страсти:* скупость, честолюбіе, властолюбіе, жажда славы и проч. Семейныя склонности можно считать основой любви въ собственномъ смыслѣ слова, общественныя и національныя склонности—причиной классовой вражды и шовинизма, религіозныя склонности—источникомъ религіознаго фанатизма. По ихъ этическому характеру всѣ страсти можно раздѣлить на *эгоистическія* и *альтруистическія*.

IV. Дѣйствія страстей.—Въ большинствѣ случаевъ страсти дурны, потому что онѣ не только ирраціональны или безотчетны,—это свойство всякаго влеченія,—но и безразсудны. Если-бы онѣ были только ирраціональны, то онѣ такъ же мало заслуживали бы порицанія, какъ, наприм., инстинкты или органическія функціи. Но онѣ слишкомъ часто противорѣчатъ и противодѣйствуютъ разуму, искажая и разрушая гармонію нравственнаго существа.

Однако страсти заключаютъ въ себѣ и такой элементъ, который самъ по себѣ не только не предосудителенъ, но даже полезенъ и необходимъ: такимъ элементомъ является лежащее въ основѣ ихъ *безотчетное влеченіе къ какой-нибудь цѣли*. Безотчетныя влеченія суть силы, дѣйствующія въ насъ помимо насъ самихъ; это естественныя пружины нашей воли, безъ которыхъ мы не могли-бы ничего совершить. Нужно только, чтобы эти влеченія направлены были къ хорошимъ цѣлямъ. Если они побуждаютъ насъ къ добру и заставляютъ избѣгать зла, то они не только не нарушаютъ естественной гармоніи нашихъ моральныхъ силъ, но, напротивъ, создаютъ въ душѣ прочный фондъ нравственныхъ склонностей, обезпечивающій навсегда эту гармонію. Таковы именно бываютъ эти влеченія, когда они подчиняются контролю нашего разума. Показывая намъ роль и значеніе каждаго изъ нихъ въ общей совокупности нашей жизни, разумъ научаетъ насъ

господствовать надъ ними и усвоять имъ то значеніе, какое они должны имѣть. Онъ отдаетъ предпочтеніе тѣмъ влеченіямъ, которыя болѣе возвышенны и важны, и можетъ пользоваться страстнымъ возбужденіемъ, не рискуя быть порабощеннымъ имъ. Такія именно обдуманныя и раціонализированныя влеченія составляютъ основу высшихъ человѣческихъ привязанностей. Изъ нихъ рождаются эти святые виды любви—любовь семейная, любовь къ отечеству, любовь къ человѣчеству. Но всѣ эти проявленія любви имѣютъ еще частный характеръ, и если они слишкомъ бурны, то они рискуютъ сдѣлаться исключительными и снова впасть въ низшія и болѣзненныя формы.

V. Универсальная любовь.—Только одна любовь достаточно велика, возвышенна и всеобща, чтобы обнимать всѣ существа, оцѣнивать ихъ по ихъ истинному значенію и никогда не уменьшаться, какова бы ни была ея сила: это—любовь къ истинѣ, красотѣ, правдѣ и добру; а такъ какъ любовь не можетъ относиться къ идеямъ, а относится только къ существамъ, то это—любовь къ Богу. Это та любовь, которая восхищала у Платона мантинеянку Діотиму и на которой христіанство воздвигло зданіе своего милосердія. Обращаясь къ вѣчному закону мірового бытія, такая любовь заставляетъ насъ чувствовать и цѣнить не только индивидуальное значеніе всѣхъ существъ, но и общую солидарность ихъ. Презирать одно изъ нихъ значило-бы презирать ихъ всѣхъ; не всѣхъ ихъ любить значило бы не любить никого; нарушать вѣчныя отношенія міра значило-бы презирать міровой законъ. Эта *универсальная любовь* сосредоточивается на одномъ безконечномъ Существѣ, соединяя въ немъ всю вселенную; она разсматриваетъ міровую жизнь, какъ *нравственный міропорядокъ*.

РЕЗЮМЭ.

I.—Старые философы называли страстями всѣ *пассивныя* душевныя состоянія, но въ настоящее время подъ этимъ именемъ разумѣются только *безотчетныя влеченія и бурныя душевныя движенія* или *аффекты*. Страсть является слѣдствіемъ *преобладанія какой-нибудь идеи*, деспотически подчиняющей себѣ всѣ другія представленія и стремленія человѣка. Она *навязчива, исключительна* и *тиранничина*.

II.—Страсти можно классифицировать по ихъ *общимъ формамъ* и по ихъ отдѣльнымъ *предметамъ*. Классификація перваго рода принадлежитъ схоластикамъ и Боссюэту, которые различали *страсти „вождѣленія“* и *страсти „возбужденія“*, подраздѣляя ту и другую группу страстей на *импульсивныя* и *репульсивныя*.

III.—Классификація страстей по предметамъ допускаетъ столько же видовъ ихъ, сколько существуетъ потребностей и склонностей. Можно различать страсти *физическія, эстетическія, умственныя и нравственныя*. Съ нравственной точки зрѣнія всѣ страсти можно раздѣлить на *эгоистическія* и *альтруистическія*.

IV.—Въ большинствѣ случаевъ страсти дурны, такъ какъ онѣ нарушаютъ естественную гармонію нашего нравственнаго существа. Но лежащее въ ихъ основѣ *безотчетное стремленіе къ какой-нибудь цѣли* можетъ быть полезной и необходимой силой. Нужно только, чтобы оно подчинялось контролю разума и было направлено къ хорошей цѣли.

V.—Надъ всѣми страстями возвышается *универсальная любовь* къ истинѣ, добру и красотѣ, получающая свое истинное выраженіе въ любви къ Богу. Сосредоточиваясь на единомъ безконечномъ Существѣ и распространяясь отсюда на всѣ конечныя существа, универсальная любовь разсматриваетъ вселенную, какъ *нравственный міропорядокъ*.

Литература.

Спиноза, Этика.—*Дарвинъ*, О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, I.—*Спенсеръ*, Основанія науки о нравственности.—**Бэнъ*, Психологія.—*Маудсли*, Физіологія и патологія души.—*Тиченеръ*, Очерки психологіи.—**Джемсъ*, Психологія. *К. Ланге*, Аффекты.—*Ульрици*, Тѣло и душа,—**Гефдингъ* Очерки психологіи.—**Рибо*, Психологія чувствъ,—*Моссо*, Страхъ.—*Гротъ*, Психологія чувствованій.—*Владиславлевъ*, Психологія, I—II.—**Снегиревъ*, Психологія. — *Адамъ Смитъ*, Теорія нравственныхъ чувствъ.—*Селли*, Психологія въ примѣненіи къ воспитанію.—*Юркевичъ*, Пневматологія,—*Гобчанскій*, Опытная психологія.

ГЛАВА XXIX.

Благо.

I. Желаніе и благо.—II. Желательное и предпочтительное.—III. Критерій блага.—IV. Абсолютное благо.—V. Долгъ.

I. Желаніе и благо.—Всѣ страсти, склонности и потребности имѣютъ одну общую черту: онѣ всегда стремятся къ какому-нибудь *благу* и заключаютъ въ себѣ неудовлетворенное *желаніе*. Желаніе есть какъ бы психологическая пружина всякаго душевнаго движенія. Возникая изъ чувства лишенія, оно влечетъ насъ къ тому благу, котораго мы лишены, и превращается въ потребность, склонность или страсть, смотря по характеру и силѣ вызвавшихъ его чувствъ и представленій [1]). Все желательное становится для насъ благомъ, а всякое благо дѣлается цѣлью стремленій, спокойныхъ или бурныхъ. *Представленіе блага и желаніе неотдѣлимы другъ отъ друга.* Даже въ минуты смутной тревоги, когда мы не отдаемъ себѣ полнаго отчета въ томъ, чего намъ хочется, можно отыскать въ глубинѣ сознанія неясную мысль о желаемомъ благѣ.

Мы сказали, что желаніе и представленіе блага неотдѣлимы другъ отъ друга; но почему это такъ? Значитъ-ли это, что благо *желательно потому, что оно благо*, или же, наоборотъ, оно есть *благо именно потому, что оно*

---

[1]) См. Гл. XII; § IV.

желательно? Съ *метафизической* точки зрѣнія, благо, конечно, есть основаніе желанія и является желательнымъ потому, что оно благо: напримѣръ, въ минуту голода пища становится для насъ благомъ и мы желаемъ ея, какъ блага. Но съ *психологической* точки зрѣнія, *благо есть слѣдствіе желанія*: именно, желаніе дѣлаетъ для насъ вещи хорошими, и вещи кажутся намъ хорошими только потому, что мы ихъ желаемъ. Если-бы мы не чувствовали голода и не желали ѣсть, то мы не знали-бы, что пища есть благо; она была-бы для насъ безразличною вещью. Такимъ образомъ, желаніе психологически должно предшествовать благу. Благо познается только путемъ опыта или дѣйствія, а дѣйствіе возможно только при наличности предшествующаго желанія.

II. Желательное и предпочтительное.—Итакъ, съ чисто психологической точки зрѣнія „хорошее“ есть то-же, что „желательное“. Однако не все желательное бываетъ таковымъ въ одинаковой степени. Сначала опытъ, а затѣмъ разумъ научаютъ насъ, что нѣкоторыя желательныя блага бываютъ *предпочтительнѣе* другихъ. Благодаря опыту, мы узнаемъ, что одинъ изъ двухъ желательныхъ для насъ предметовъ можетъ доставить намъ больше удовольствія, чѣмъ другой, и мы отдаемъ ему предпочтеніе. Съ другой стороны, разумъ показываетъ, что оцѣнка, которую даютъ вещамъ наши чувства, далеко не всегда справедлива и полагаться на нее было-бы ошибочно. Предпочтительное для чувства не совпадаетъ съ тѣмъ, что предпочтительно для мысли. Наприм., послѣ быстрой ходьбы въ жаркую пору мы, повинуясь простому чувству, предпочли-бы пить холодную воду, а не теплую; но разумъ говоритъ намъ, что предпочтительнѣе сдѣлать наоборотъ. Такъ возникаетъ *идея предпочтительнаго*, которая даетъ намъ болѣе правильное понятіе о благѣ,

чѣмъ простое желаніе. Непосредственная интуиція чувства дѣлаетъ первоначальную грубую оцѣнку предпочтительнаго для насъ блага; дискурсивная и болѣе или менѣе продолжительная рефлексія разума исправляетъ эту оцѣнку и подчиняетъ чувственное благо раціональнымъ нормамъ и идеальному благу.

III. Критерій блага.—Каковы-же тѣ основанія, на которыя опираются предпочтенія разума? Каковы тѣ *нормы*, которымъ онъ слѣдуетъ въ своей оцѣнкѣ? Сказанное сейчасъ уже даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Основываясь на своихъ воспоминаніяхъ, разумъ замѣчаетъ, что наиболѣе желательное чувственное благо часто бываетъ менѣе продолжительнымъ и влечетъ за собой больше золъ, чѣмъ благо наименѣе желательное. Но разъ человѣкъ подвергъ такой критикѣ чувственное желаніе, онъ уже знаетъ безъ всякихъ сомнѣній, что онъ не можетъ полагаться на этотъ факторъ въ своей оцѣнкѣ блага. Онъ принужденъ искать принципа для этой оцѣнки за предѣлами непосредственныхъ данныхъ чувства и находитъ его *въ относительномъ значеніи и важности вещей*. Такъ, въ приведенномъ примѣрѣ онъ предпочитаетъ теплую воду холодной, потому что первая благопріятствуетъ функціямъ его организма, а вторая грозитъ разстроить ихъ. Удовлетвореніе, данное извѣстной функціи, является тѣмъ болѣе предпочтительнымъ, чѣмъ важнѣе эта функція; а функціи бываютъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе зависитъ отъ нихъ жизнь цѣлаго организма. Такъ разсуждаетъ больной, когда онъ рѣшается на ампутацію пораженнаго члена, чтобы остаться живымъ.

IV. Абсолютное благо.—Но человѣкъ есть не только органическое существо, а и существо мыслящее. Мыслительныя функціи онъ считаетъ важнѣе для своего общаго бытія и назначенія, чѣмъ органическія. Поэтому удовлетвореніе ихъ

онъ находитъ точно такъ-же предпочтительнѣе удовлетворенія послѣднихъ, какъ, наприм., сохраненіе головы было-бы предпочтительнѣе сохраненія ноги или руки. Среди мыслительныхъ функцій самою высшею и самою важною является разумъ. Отсюда удовлетвореніе разума становится предпочтительнѣе, чѣмъ, напримѣръ, удовлетвореніе воображенія. Но разумъ можетъ быть удовлетворенъ только въ томъ случаѣ, если цѣлое предпочитается части, высшее низшему, болѣе достойное менѣе достойному, болѣе важное менѣе важному, существенное случайному. Такъ образуется *идея безусловно предпочтительнаго и желательнаго*, тожественная съ понятіемъ *абсолютнаго или универсальнаго блага*.

Идея абсолютнаго блага уже не есть чисто психологическая концепція. Это—логическое понятіе высшаго порядка, абстрагированное разумомъ отъ природы вещей. Разсматривая вещи по ихъ относительному достоинству, разумъ видитъ въ нихъ проявленіе вѣчнаго *нравственнаго закона*, опредѣлившаго ихъ назначеніе и цѣнность, и признаетъ осуществленіе этого закона наиболѣе желательнымъ, лучшимъ и высшимъ благомъ въ мірѣ. Такимъ образомъ, идея абсолютнаго блага есть *идея абсолютнаго нравственнаго закона вещей, соединенная съ желаніемъ его абсолютнаго осуществленія*.

V. ***Долгъ***.—Отсюда становятся понятными идея и чувство *нравственнаго долга*. Разсматриваемый съ психологической точки зрѣнія, долгъ есть не что иное, какъ сознаніе той тѣсной внутренней связи, которая соединяетъ насъ съ абсолютнымъ благомъ и побуждаетъ стремиться къ его осуществленію. Это именно сознаніе и есть наша *совѣсть*, наше чувство „обязанности“. Предоставляя теоретическое изслѣдованіе обязанности этикѣ, мы покажемъ здѣсь только происхожденіе этого чувства.

Всякое желаніе предполагаетъ нѣкоторую *связь* желающаго существа съ желаемымъ объектомъ. Когда въ сознаніи царитъ только одно желаніе, эта связь бываетъ психологически необходимой. Но какъ скоро на лицо находится нѣсколько желаній, разумъ указываетъ наиболѣе предпочтительное изъ нихъ и между этимъ предпочтительнымъ желаніемъ и нашимъ сознаніемъ тотчасъ-же устанавливается связь особаго рода. Эта связь уже *не необходима*, но она *абсолютна*. Мы можемъ фактически нарушить ее, но мы не можемъ ее устранить; она продолжаетъ навязывать себя нашему сознанію даже тогда, когда наши дѣйствія ее отвергаютъ. Такая именно связь и есть нравственная *обязанность*. Ея авторитетъ основывается на авторитетѣ разума. Наши фактическія предпочтенія могутъ противорѣчить нашей внутренней оцѣнкѣ вещей, но самая эта оцѣнка есть дѣло разума и не можетъ противорѣчить его законамъ. Поэтому, какъ скоро разумъ призналъ существованіе абсолютнаго блага, наша совѣсть является связанною его приговоромъ. Человѣкъ чувствуетъ, что онъ *можетъ* воспротивиться этому приговору, но *долженъ* подчиниться ему: онъ имѣетъ *чувство долга*.

РЕЗЮМЭ.

I.—Всѣ потребности, склонности и страсти заключаютъ въ себѣ *желаніе какого-нибудь блага*. Съ метафизической точки зрѣнія благо есть основаніе желанія; но съ психологической точки зрѣнія оно есть *слѣдствіе его*: вещи становятся для насъ *благомъ* именно потому, что онѣ дѣлаются *желательными*.

II.—Однако, среди желательныхъ вещей есть такія, которыя желаются нами болѣе другихъ. Отсюда, благо есть нѣчто наиболѣе желательное или *предпочтительное*. Оцѣнка блага и предпочтеніе вещей есть дѣло нашего разума.

III.—Критеріемъ, которымъ руководится разумъ въ своей оцѣнкѣ блага, является *относительное значеніе и цѣнность вещей*. Такъ, чувственнымъ благомъ онъ признаетъ только такія вещи, которыя

наиболѣе благопріятствуютъ функціямъ нашего организма и содѣйствуютъ сохраненію жизни.

IV.—Признавая мыслительныя функціи важнѣе для человѣческаго бытія и назначенія, чѣмъ органическія, разумъ предпочитаетъ чувственнымъ благамъ идеальныя блага мысли. Отсюда возникаетъ идея безусловно предпочтительнаго или *абсолютнаго блага*. Понятіе абсолютнаго блага есть понятіе *абсолютнаго нравственнаго закона вещей, соединенное съ желаніемъ его полнаго осуществленія.*

V.—Сознаніе *связи*, соединяющей насъ съ абсолютнымъ благомъ и побуждающей стремиться къ его осуществленію, есть чувство нравственной *обязанности* или *долга.* Авторитетъ долга основывается на авторитетѣ нашего разума, который оцѣниваетъ вещи по своимъ безусловнымъ законамъ.

Литература.

Лотце, Микрокозмъ, II—III.—*Ульрици*, Тѣло и душа.—*Вундтъ*, Этика.—**Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Гефдингъ*, Этика.—*Кантъ*, Критика практическаго разума.—*Мартенсенъ*, Христіанская этика.—*Адамъ Смитъ*, Теорія нравственныхъ чувствъ.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, I—II.—*Спенсеръ*, Основанія науки о нравственности.—**Бэнъ*, психологія.—**Рибо,* Психологія чувствъ.—*Троицкій*, Наука о духѣ, I.—*Владиславлевъ*, Психологія, I—II.—**Снегиревъ*, Психологія.—*Гротъ,* Основаніе нравственнаго долга (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 12, 15); Устои нравственной жизни и дѣятельности (Тамъ-же, кн. 27).—*Лопатинъ*, Критика эмпирическихъ началъ нравственности (*Вопр, фил. и псих.*, кн. 3); Нравственное ученіе Канта (*Тамъ-же*, кн. 4); Теоретическія основы сознательной жизни (*Тамъ-же*, кн. 5).—*Дебольскій*, О высшемъ благѣ.—*Поповъ*, Естественный нравственный законъ.

ГЛАВА XXX.

Красота и искусство [1]).

I. Анализъ чувства прекраснаго.—II. Свойства красоты, какъ объекта.—III. Безобразное, смѣшное и возвышенное.—IV. Эстетическій вкусъ.—V. Искусство.—VI. Идеализмъ и реализмъ въ искусствѣ.—VII. Правда и дѣйствительность въ художественномъ творчествѣ.—VIII. Дѣленіе искусствъ.

I. Анализъ чувства прекраснаго.—Красота можетъ быть разсматриваема съ двухъ точекъ зрѣнія,—какъ наше *чувство* и какъ *объектъ* этого чувства, какъ внѣшняя дѣйствительность. Скажемъ сначала о чувствѣ прекраснаго; это позволитъ намъ потомъ опредѣлить свойства красоты, какъ объекта.

Чувство красоты принадлежитъ къ числу идейныхъ эмоцій и, какъ всѣ такія эмоціи, имѣетъ сложный характеръ. Оно вызывается, съ одной стороны, извѣстною совокупностью *конкретныхъ впечатлѣній и образовъ*, съ другой—совокупностью *идей*, пробуждаемыхъ ими; другими словами, оно есть результатъ *гармоническаго удовлетворенія воображенія и мысли* въ одно и то-же время. Конкретныя впечатлѣнія и образы не могутъ вызывать у насъ никакого эстетическаго чувства, если они непонятны намъ, не освѣщаются никакою идеей, не соотвѣтствуютъ никакому идеалу; и, наоборотъ, идеи не имѣютъ никакой эстетической цѣнности, если

---

[1]) Перераб. *ред.*

онѣ не воплощаются въ чувственныхъ образахъ и конкретныхъ явленіяхъ. Синтезъ этихъ двухъ элементовъ и сообщаетъ чувству красоты его своеобразную прелесть. Въ дѣйствительности мысль часто удовлетворяется на счетъ воображенія, а воображеніе на счетъ мысли. Въ точныхъ наукахъ разумъ получаетъ всѣ свои права, но воображеніе не играетъ такой роли, какъ, наприм., въ поэзіи; въ мечтѣ воображеніе получаетъ полный просторъ, но разумъ бездѣйствуетъ. Только чувство прекраснаго даетъ удовлетвореніе тому и другому.

Чувство прекраснаго *пріятно*; но его не нужно смѣшивать съ чувствомъ обыкновеннаго *удовольствія*. Все прекрасное пріятно, но не все пріятное прекрасно. Точно также нельзя смѣшивать его и съ чувствомъ *полезнаго*. Есть много вещей, которыя доставляютъ намъ удовольствіе или пользу, и которыя тѣмъ не менѣе не представляются намъ прекрасными.

Чувство прекраснаго *индивидуально*, но оно претендуетъ на *всеобщее признаніе*. Мы не довольствуемся тѣмъ, что извѣстная вещь является прекрасной для насъ, а хотимъ, чтобы и другіе чувствовали такъ же, какъ и мы. Если человѣкъ отказывается раздѣлить это чувство, мы исключаемъ его изъ числа развитыхъ представителей человѣчества и признаемъ ограниченнымъ.

II. Свойства красоты, какъ объекта. — Эти черты чувства прекраснаго даютъ намъ возможность опредѣлить свойства красоты, какъ его *объекта*. Если чувство прекраснаго есть результатъ гармоническаго удовлетворенія воображенія и разума, то красота имѣетъ свойства того и другого: она въ одно и то-же время конкретна и абстрактна, реальна и идеальна, чувственна и умопостигаема. Она есть *идеализированный чувственный объектъ*, или *умопостигаемый*

объектъ, реализованный въ пріятныхъ чувственныхъ формахъ.

Съ другой стороны, если чувство прекраснаго не совпадаетъ ни съ удовольствіемъ, ни съ пользой и въ то-же время претендуетъ на всеобщее признаніе, то объективной красотѣ свойственны тѣ-же черты: она, какъ истина, безкорыстна и универсальна; она лишена практической цѣнности, но имѣетъ вѣчное значеніе сама по себѣ. Ее нельзя лучше опредѣлить, какъ парадоксальной формулой Канта: *красота есть цѣлесообразность безъ цѣли.* Это значитъ, что прекрасный объектъ не имѣетъ никакой *внѣшней* цѣли, но въ немъ всегда существуетъ *внутренняя* цѣль,—идея цѣлаго, подчиняющаго себѣ свои части. Красота каріатиды состоитъ не въ томъ, что каріатида играетъ полезную роль подпорки, а въ томъ, что она воплощаетъ въ себѣ художественную идею, безполезную для ея назначенія, но вполнѣ гармонирующую съ нимъ. Всѣ другія опредѣленія красоты, какъ наприм.: „красота есть единство въ разнообразіи“, „красота есть порядокъ и пропорціональность частей“, и т. п., сводятся къ сейчасъ приведенной формулѣ.

Смотря по тому, какую роль играетъ въ художественномъ произведеніи воображеніе и мысль, внутренняя цѣль и внѣшнія средства, идея и форма, красота можетъ представлять три главныхъ типа. Иногда идея преобладаетъ, и чувственная форма является грубой, тяжелой, массивной: это *архаическія* формы красоты. Иногда между идеей и формой, между внутреннею цѣлью и внѣшними средствами существуетъ полная гармонія: это *классическій* типъ красоты. Иногда, наконецъ, форма становится все болѣе и болѣе утонченной и изысканной, но въ ущербъ идеѣ: это красота *упадка*, красота „декадентскаго“ типа. Въ историческомъ развитіи искусствъ и литературъ эти три типа смѣняютъ другъ друга.

III. ***Безобразное, смѣшное и возвышенное.*** — Если предметъ не даетъ гармоническаго удовлетворенія воображенію и мысли, если между его идеей и формой существуетъ коренное противорѣчіе, то онъ становится *безобразнымъ*, т. е. производитъ исключительно непріятное впечатлѣніе. Если противорѣчіе касается только частностей, или создается намѣренно, съ цѣлью выставить на видъ несоотвѣтствіе дѣйствительности и идеала, цѣлей и средствъ, ожиданій и факта, то предметъ является *смѣшнымъ* и порождаетъ чувство комическаго. Наприм., лошадь съ несоразмѣрно тонкими или толстыми ногами безобразна, потому что здѣсь наши наличныя ощущенія и представленія противорѣчатъ идеѣ лошади. Маленькій хвостъ слона смѣшенъ въ сравненіи съ его массивнымъ тѣломъ. Мольеровскій Гарпагонъ комиченъ, когда онъ хочетъ заказать хорошій ужинъ, не тратя ни копѣйки.

Если противорѣчіе между мыслью и воображеніемъ таково, что одинъ изъ этихъ элементовъ экзальтируется, а другой подавляется, то испытанное нами чувство называется чувствомъ *возвышеннаго*. Отсюда, чувство возвышеннаго очень различно отъ чувства прекраснаго, и нельзя сказать, что возвышенное есть усовершенствованная красота. Возвышенное, съ одной стороны, экзальтируетъ мысль и подымаетъ духъ, съ другой—внушаетъ намъ горькое и тоскливое чувство собственаго ничтожества.

Кантъ различалъ два вида возвышеннаго,—„*математически-возвышенное*“, выражающееся въ чувствѣ *величія*, и „*динамически-возвышенное*“, выражающееся въ чувствѣ *силы*. Необозримый горизонтъ, безконечное одиночество моря или пустыни, мысль о вѣчности—вызываютъ чувство перваго рода; буря, землетрясеніе, нравственная сила—пробуждаютъ чувство второго рода.

IV. ***Эстетическій вкусъ.***—Такъ какъ чувство прекрас-

наго обусловливается не только конкретными впечатлѣніями и образами, но и тѣми идеями, которыя соединяются съ ними, то на ряду съ эмоціональными и репрезентативными элемен-тами оно, въ свою очередь, всегда заключаетъ въ себѣ ра-ціональный элементъ. Другими словами, оно есть не только ощущеніе красоты, но и *сужденіе* о ней. Созерцая явленія природы или искусства, мы, ясно или смутно, отдаемъ себѣ отчетъ, почему они нравятся намъ или не нравятся, что въ нихъ заслуживаетъ похвалы или порицанія, удивленія или смѣха. Представляя себѣ ту или иную возможную ком-бинацію словъ, звуковъ, красокъ, формъ, мы напередъ су-димъ объ эстетическомъ впечатлѣніи, которое она можетъ произвести, и объ эстетическихъ поправкахъ, которыхъ она требуетъ. Эта *способность сужденія о красотѣ* есть то, что называется *эстетическимъ вкусомъ*.

Чѣмъ руководится эстетическій вкусъ? На какомъ осно-ваніи онъ произноситъ свои приговоры, дѣлаетъ свою оцѣнку, одобряетъ и порицаетъ? Обыкновенно говорятъ, что эстети-ческое сужденіе предполагаетъ у насъ существованіе *идеала красоты* и основывается на сравненіи дѣйствительности съ этимъ идеаломъ. Эта мысль, безъ сомнѣнія, справедлива; только идеалъ красоты не нужно представлять себѣ какою-то трансцендентною сущностью, имѣющею объективное бытіе и отражающеюся въ нашемъ сознаніи, какъ идея красоты Пла-тона. Это скорѣе совокупность эмпирическихъ наблюденій и правилъ, сознательныхъ или безсознательныхъ выводовъ и идей, почерпнутыхъ въ опытѣ и сдѣлавшихся привычными. Подъ вліяніемъ личныхъ впечатлѣній и чужихъ взглядовъ, окружающей обстановки, среды и традицій у насъ слагаются типическія представленія о красотѣ, которыя становятся мѣр-ками нашихъ эстетическихъ сужденій и правилами искусства. Нѣтъ объективнаго идеала человѣческой красоты, но есть

идеальныя или типичныя соотношенія, пропорціи и формы, безъ которыхъ человѣческая красота невозможна. Ротъ, носъ или глаза, слишкомъ уклоняющіеся отъ этихъ идеальныхъ нормъ, не могутъ казаться красивыми. Такія нормы существуютъ и въ природѣ, и въ искусствѣ; онѣ являются своего рода эстетическими аксіомами, и на нихъ утверждается теорія красоты, или *эстетика*.

Эстетическій вкусъ не есть исключительная привилегія умственной культуры и въ большей или меньшей степени является достояніемъ всѣхъ людей; но умственная культура является необходимымъ условіемъ его совершенствованія и развитія. Если всѣ люди способны наслаждаться красотой и судить о ней, то истиннымъ знатокомъ и цѣнителемъ прекраснаго можетъ быть только человѣкъ съ серьезнымъ образованіемъ и широкимъ умственнымъ кругозоромъ.

V. ***Искусство.*** — Средствомъ для реализаціи идеаловъ красоты служитъ *искусство*. Подъ именемъ искусства вообще разумѣется *совокупность средствъ для осуществленія какой-нибудь цѣли*. Если цѣль имѣетъ внѣшній утилитарный характеръ и сама по себѣ напередъ опредѣляетъ тѣ средства, которыя необходимы для ея достиженія, то искусство является *прикладнымъ* и *механическимъ*. Если же искусство преслѣдуетъ внутреннюю, эстетическую цѣль, которая позволяетъ свободно выбирать необходимыя для того средства, то оно называется *изящнымъ* или *свободнымъ*. Въ паровой машинѣ нѣтъ ни одной части, ни одного винта, которые бы не были необходимы; даже ея матеріалъ обусловливается тою цѣлью, которой хотѣлъ достигнуть ея строитель. Напротивъ, въ статуѣ или картинѣ ни матеріалъ, ни форма не опредѣляются сюжетомъ во всѣхъ подробностяхъ. Когда говорятъ объ искусствѣ безъ всякаго эпитета, то всегда имѣютъ въ виду изящныя или свободныя искусства и о нихъ именно у насъ будетъ рѣчь.

Искусство ставить своею цѣлью *пробудить въ душѣ чувства прекраснаго и возвышеннаго*. Этой цѣли оно достигаетъ не только тѣми *идеями и образами*, которые оно воспроизводитъ, но и *тѣми способами, какъ оно воплощаетъ въ образахъ идею*. Мысль и форма художественнаго произведенія могутъ быть сами по себѣ хороши, но если между ними нѣтъ внутренней гармоніи, онѣ не произведутъ на насъ эстетическаго впечатлѣнія. И наоборотъ, чувство прекраснаго и возвышеннаго можетъ быть вызвано такими образами, которые сами по себѣ вовсе не прекрасны и не возвышенны, но въ совершенствѣ воплощаютъ извѣстную идею; такъ бываетъ въ комедіи и трагедіи, такъ бываетъ во многихъ произведеніяхъ живописи и скульптуры. Буало говоритъ:

Il n'est point de serpent, ni de monstre odieux,
Qui, par l'art imité, ne puisse plaire aux yeux [1]).

Умѣнье воплотить художественную мысль въ художественной формѣ и составляетъ секретъ истиннаго искусства. Въ немъ заключается тайна генія и причина того, что всякое художественное произведеніе носитъ печать своего творца.

Имѣя своею цѣлью красоту и не преслѣдуя никакихъ чуждыхъ ей, практическихъ цѣлей, искусство является независимымъ и свободнымъ. Оно есть игра,—свободная игра воображенія и мысли, цѣнность которой заключается въ ея собственной красотѣ. Тенденціозность убиваетъ искусство, и художникъ, всецѣло подчинившій свое творчество утилитарнымъ задачамъ, никогда не создастъ ничего великаго, хотя бы его намѣренія сами по себѣ были очень почтенны. Но если искусство должно быть независимо и свободно отъ утилитарныхъ задачъ и тенденцій, то это не значитъ, чтобы

---

[1]) „Нѣтъ змѣи или ненавистнаго чудовища, которыя, будучи воспроизведены искусствомъ, не могли-бы нравиться очамъ“.

оно не обязано было служить духовнымъ идеаламъ человѣчества или могло нарушать законы мысли и морали. Идеалы истины и добра сами по себѣ безконечно прекрасны, и искусство во имя собственнаго своего призванія не можетъ отказаться отъ нихъ. Если цѣль искусства есть красота, то оно вполнѣ достигнетъ ея лишь въ томъ случаѣ, если это будетъ *красота добра и истины*. Искусство, нарушающее требованія нравственности или законы здраваго смысла, унижаетъ себя и теряетъ всякую цѣнность; оно не только возмущаетъ нашъ умъ и наше нравственное чувство, но даже не производитъ на насъ эстетическаго впечатлѣнія. Воплощая идеалы правды и добра, искусство только не должно превращаться въ нравственную проповѣдь или теоретическую доктрину. Тайна истиннаго искусства въ томъ именно и состоитъ, чтобы всецѣло претворить эти идеалы въ эстетическія впечатлѣнія и привлекать насъ къ нимъ не ихъ теоретической или практической цѣнностью, а ихъ красотой. Каждое произведеніе искусства должно пробуждать въ насъ лучшія мысли и чувства; но эти мысли и чувства не должны быть насильственно навязаны имъ, а должны сами собой, естественно вытекать изъ тѣхъ художественныхъ образовъ, которые даетъ намъ это произведеніе.

VI. Идеализмъ и реализмъ въ искусствѣ.—Теоретики задаются вопросомъ, должно-ли искусство ограничиваться простымъ подражаніемъ природѣ и воспроизводить ее въ томъ видѣ, какъ она есть, или оно должно быть выраженіемъ отвлеченныхъ идей? Первая точка зрѣнія называется *реализмомъ* и *натурализмомъ*; вторая носитъ названіе *идеализма*. Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю истины, но въ то-же время обѣ онѣ страдаютъ односторонностью и ложными крайностями.

Идеализмъ ложенъ, если этимъ словомъ хотятъ обозначать

доктрину, обязывающую художника руководиться во всѣхъ подробностяхъ его творчества исключительно отвлеченными идеями. Въ этомъ случаѣ произведеніе искусства становится *аллегоріей* или *символомъ;* художественная дѣятельность сковывается и порабощается внѣшней цѣлью, перестаетъ быть свободною игрой воображенія и мысли и теряетъ свою красоту. Притомъ, отвлеченныя идеи имѣютъ общій характеръ, и если художникъ хочетъ съ точностію воспроизводить ихъ въ формахъ искусства, онъ долженъ дать этимъ формамъ такія же общія черты, которыя могутъ лишить его произведеніе всякой индивидуальности и жизни. Извѣстно, какъ холодны аллегоріи и какъ мало художественной цѣнности въ тѣхъ произведеніяхъ искусства, въ которыхъ символизируются чистыя идеи.

Крайній реализмъ, въ свою очередь, не менѣе ложенъ. Въ самомъ дѣлѣ, его сторонники утверждаютъ, что художникъ долженъ ограничиться точнымъ копированіемъ природы, какъ онъ ее видитъ. Онъ не имѣетъ права выражать себя въ своемъ произведеніи; онъ долженъ, подобно протоколисту, передать объективно и, такъ сказать, пассивно только то, что онъ наблюдалъ, и въ томъ видѣ, какъ онъ наблюдалъ, не дѣлая никакой уступки вкусу и антипатіямъ людей и освобождая себя отъ всякихъ условностей. Такое пониманіе искусства кажется намъ невозможнымъ прежде всего уже потой простой причинѣ, что оно *неосуществимо* на дѣлѣ.

Прежде всего, никакое искусство не можетъ обойтись безъ *условности*. Скульптура покоится на условномъ предположеніи, что неподвижное можетъ выражать движенія: статуя „*Борющійся гладіаторъ*“, будучи сама по себѣ неподвижна, представляетъ намъ движенія борьбы. Условность живописи состоитъ не только въ томъ, что неподвижное и здѣсь можетъ выражать движеніе, но, сверхъ того, еще въ томъ,

что плоская картина должна представлять третье измѣреніе,— перспективу. Оперная музыка условна въ томъ отношеніи, что люди здѣсь поютъ вмѣсто того, чтобы говорить. Поэзія условна тѣмъ, что здѣсь персонажи говорятъ стихами. Драматическое искусство основывается на той условности, что, сидя на своемъ креслѣ, мы можемъ проникать въ среду, которая намъ чужда, что дѣйствующія лица разсказываютъ намъ самые интимные свои секреты, и проч.

Далѣе, какова бы ни была искренность художника, какова бы ни была его забота о художественной правдѣ, онъ можетъ передать только то, что онъ получилъ въ своихъ собственныхъ ощущеніяхъ. Между тѣмъ, природа не есть единственный факторъ его ощущеній. Какъ говоритъ Аристотель, ощущеніе есть актъ, общій ощущающему, и ощущаемому. Художникъ видитъ по своему и слышитъ на свой ладъ. Поэтому, передавая свои ощущенія, онъ неизбѣжно долженъ присоединять къ природѣ свою *субъективную оцѣнку*, и крайній реализмъ еще разъ оказывается для него невозможнымъ.

Наконецъ, всѣ искусства неизбѣжно измѣняютъ общій видъ вещей тѣмъ простымъ фактомъ, что они могутъ представить только *часть ихъ*, произвольно выкроенную изъ цѣлаго. Такимъ образомъ, искусство во всѣхъ отношеніяхъ условно, и полный реализмъ невозможенъ.

Но если бы даже реалистическое пониманіе искусства было осуществимо, его все-таки пришлось бы отвергнуть, потому что оно *противорѣчитъ самой цѣли искусства*. Въ самомъ дѣлѣ, реалистическое искусство должно имѣть своимъ конечнымъ предѣломъ *обманъ чувствъ;* но тогда его произведенія во многихъ случаяхъ будутъ отвратительны, а въ большинствѣ другихъ утратятъ всякій интересъ. Если я не могу различить изображеніе трупа отъ самаго трупа, то я не получу отъ него никакого удовольствія; если я не могу

различить изображеніе клочковъ моха или раковинъ отъ самыхъ этихъ предметовъ, то я найду въ немъ не болѣе интереса, чѣмъ въ дѣйствительныхъ клочкахъ моха и раковинахъ. Если новый міръ, создаваемый художникомъ, будетъ только двойникомъ дѣйствительнаго міра, то онъ не можетъ имѣть большаго эстетическаго значенія, чѣмъ послѣдній.

VII. Правда и дѣйствительность въ художественномъ творчествѣ.—Впрочемъ, не нужно думать, что подражаніе предметамъ природы, какъ они есть, заключаетъ въ себѣ больше правды, чѣмъ подражаніе извѣстнымъ идеальнымъ типамъ. Правда—это не случайная дѣйствительность, а дѣйствительность, сообразная съ *общими законами.* Уродливый человѣкъ не есть истинный человѣкъ, точно такъ же, какъ кругъ съ неравными радіусами не есть настоящій кругъ. Восковая статуя ярмарочныхъ музеевъ, хотя бы она и производила минутную иллюзію, болѣе фальшива, чѣмъ статуя изъ бѣлаго мрамора съ безцвѣтными глазами. Почему? Потому, что она старается обмануть и не достигаетъ этого: имѣя кажущійся видъ жизни, она лишена теплоты и движенія. Она *лжива.* Мраморная статуя не такова: она выдаетъ себя лишь за то, что она есть; она *искрення и правдива.* Отсюда объясняется непріятное дѣйствіе, производимое тѣми именно восковыми фигурами, которыя исполнены съ наибольшимъ совершенствомъ подражанія. Если мы взглянемъ на „составные портреты“ Гальтона [1]), то мы найдемъ, что они менѣе безобразны и болѣе пріятны на видъ, чѣмъ входящіе въ ихъ составъ индивидуальные портреты. Не потому-ли это, что при исчезновеніи нѣкоторыхъ ненормальныхъ различій составной портретъ приближается къ нормальному типу, менѣе индивидуальному, но болѣе истинному?

---

[1]) См. Гл. X, § 1.

Болѣе справедливою является та точка зрѣнія, которая не ограничиваетъ мысль художника областью чисто отвлеченныхъ идей и въ то-же время позволяетъ ему свободно распоряжаться всѣми чувственными формами, какія представляетъ ему природа. Такъ какъ эти формы заимствуются у природы, то онѣ не могутъ слишкомъ удаляться отъ объективной дѣйствительности, не теряя способности нравиться, и въ этомъ заключается роль объективнаго подражанія. Но такъ какъ, съ другой стороны, эти формы служатъ только средствомъ для художественныхъ цѣлей, то ихъ внутреннее содержаніе и скрытый смыслъ должны составлять тѣ *идеи*, которыя вдохновляли художника, тѣ *чувства*, которыя его волновали. Идея, воплощенная художникомъ въ его произведеніи, можетъ быть ясной и опредѣленной; она можетъ имѣть даже отвлеченный характеръ, если мыслящій художникъ сумѣетъ претворить ее въ конкретные образы и дать ей жизнь и теплоту. Но искусство не теряетъ своей красоты и въ томъ случаѣ, когда идея, руководящая художникомъ, выливается у него лишь въ видѣ болѣе или менѣе смутнаго чувства и *настроенія*. Въ этомъ состоитъ роль *личнаго творчества*.

VIII. ***Дѣленіе искусствъ.*** — Различаютъ два вида искусствъ, по тѣмъ внѣшнимъ чувствамъ, къ которымъ они обращаются,—искусства *зрѣнія:* архитектура, скульптура, живопись и танцы, и искусства *слуха:* музыка и поэзія. Каждое изъ этихъ искусствъ имѣетъ свои собственные способы выраженія. Такъ, архитектура пользуется соотношеніемъ линій, симметріей формъ, пропорціей частей, цѣлесообразнымъ расположеніемъ строительнаго матеріала, различными стилями, которые обусловливаются формой колоннъ и изгибами сводовъ. Скульптура и живопись выражаютъ идеи и чувства непосредственно въ позахъ и физіономіяхъ представляемыхъ ими существъ; но и простыя линіи, въ силу ихъ расположенія и

пропорцій, имѣютъ здѣсь эстетическую цѣнность, помимо всякаго внутренняго, идейнаго или эмоціональнаго, значенія. То-же нужно сказать и о цвѣтахъ. Музыка производитъ эстетическіе эффекты комбинаціей послѣдовательныхъ или одновременныхъ звуковъ (*мелодіей* и *гармоніей*). Кромѣ того, она дѣйствуетъ при помощи *ритма*, который свойственъ ей наравнѣ съ поэзіей. Музыкальный или поэтическій ритмъ выразителенъ и возбуждаетъ эмоцію, потому что въ немъ передаются душевныя волненія музыканта или поэта; онъ управляетъ дыхательнымъ ритмомъ слушателя, такъ какъ ритмическія ощущенія и представленія, по закону ихъ реализаціи, выражаются въ такихъ же ритмическихъ движеніяхъ. Поэзія, кромѣ ритма, пользуется еще краснорѣчіемъ слова. Она есть самое ясное, самое совершенное и самое интеллектуальное изъ искусствъ.

РЕЗЮМЭ.

I.—*Чувство прекраснаго* есть результатъ *гармоническаго удозлетворенія воображенія и мысли.* Оно пріятно, но не совпадаетъ ни съ обыкновеннымъ удовольствіемъ, ни съ пользой. Оно индивидуально, но претендуетъ на всеобщее признаніе.

II.—Отсюда, *красота,* какъ объектъ этого чувства, конкретна и абстрактна, чувственна и умопостигаема, лишена практической цѣли, но имѣетъ вѣчное значеніе сама по себѣ. Ее можно опредѣлить вмѣстѣ съ Кантомъ, какъ *цѣлесообразность безъ цѣли.* Различные типы красоты обусловливаются большимъ или меньшимъ соотвѣтствіемъ между ея внутреннею цѣлью и внѣшними средствами, между идеей и формой.

III.—Если предметъ не даетъ гармоническаго удовлетворенія воображенію и мысли, то онъ становится *безобразнымъ*. Если противорѣчіе между воображеніемъ и мыслью касается частностей или создается намѣренно, то предметъ является *смѣшнымъ* и возбуждаетъ чувство комическаго. Если, наконецъ, это противорѣчіе таково, что воображеніе экзальтируется, а мысль подавляется, или наоборотъ, то предметъ вызываетъ чувство *возвышеннаго.* Кантъ различаетъ два вида возвышеннаго: „математически-возвышенное“ (величіе) и „динамически-возвышенное“ (силу).

IV.—*Способность сужденія о красотѣ* называются *эстетическимъ вкусомъ*. Сужденія эстетическаго вкуса основываются на сравненіи дѣйствительности съ *эстетическимъ идеаломъ*, т. е. съ извѣстными нормами красоты, образующимися путемъ опыта, привычки и традиціи. Вкусъ не есть привилегія образованныхъ классовъ, но умственная культура является условіемъ его совершенствованія и развитія.

V.—Средствомъ для осуществленія идеаловъ красоты и для пробужденія чувствъ прекраснаго и возвышеннаго служитъ *искусство*. Искусство пробуждаетъ эстетическія эмоціи не только тѣми идеями и образами, которые оно воспроизводитъ, но прежде всего тѣмъ *способомъ, какъ оно воплощаетъ въ образахъ идею*. Имѣя цѣлью красоту, искусство независимо и свободно; но оно вполнѣ достигаетъ этой цѣли только тогда, когда оно служитъ *красотѣ добра и истины*.

VI.—Искусство не допускаетъ ни крайняго *идеализма*, ни крайняго *реализма*. Идеализмъ, обязывающій художника выражать въ его произведеніяхъ только отвлеченныя идеи, превращаетъ искусство въ холодный символизмъ и безжизненную аллегорію. Реализмъ, обязывающій художника лишь подражать природѣ и воспроизводитъ ее такъ, какъ она есть, неосуществимъ и противорѣчитъ цѣли искусства.

VII.—Истина или *правда* въ искусствѣ заключается не въ простомъ подражаніи дѣйствительности, которая можетъ быть уродлива и лишена эстетической цѣнности, а въ творческомъ воспроизведеніи ея *идеальныхъ нормъ*. Отсюда, задача художника состоитъ въ томъ, чтобы свободно перерабатывать дѣйствительность, оставаясь вѣрнымъ ея законамъ, но одухотворяя ее своею мыслью и настроеніемъ.

VIII.—Искусства дѣлятся на два вида: искусства *зрѣнія* (архитектура, скульптура, живопись и танцы) и искусства *слуха* (музыка и поэзія). Каждое изъ нихъ имѣетъ свои собственные способы выраженія.

Литература.

Кантъ, Критика силы сужденія.—*Шиллеръ*, Письма объ эстетическомъ воспитаніи человѣка.—*Гегель*, Курсъ эстетики, или наука изящнаго.—*Лотце*, Микрокозмъ, III.—**Гельмгольцъ*, Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ.—*Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Бецольдъ*, Ученіе о цвѣтахъ по отношенію къ искусству.—*Каррьеръ*, Искуссво въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества.—**Рёскинъ*,

Лекціи объ искусствѣ.—*Рёскинъ*, Общіе принципы искусства.—*Рёскинъ*, Правда въ искусствѣ.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, II.—**Бэнъ*, Психологія.—*Тэнъ*, Чтенія объ искусствѣ.—**Гюйо*, Искусство съ точки зрѣнія соціологіи.—**Гюйо*, Задачи современной эстетики.—*Рибо*, Психологія чувствъ.—**Рибо*, Творческое воображеніе.—*Шербюлье*, Искусство и природа.—*Геннекенъ*, Опытъ построенія научной критики.—**Фолькельтъ*, Вопросы современной эстетики.—Гр. *Л. Толстой*, Что такое искусство?.—*Чернышевскій*, Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности.—*Бѣлинскій*, Сочиненія.—*Добролюбовъ*, Сочиненія. — *Писаревъ*, Сочиненія. — *Ап. Григорьевъ*, Сочиненія.—*Страховъ*, Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ.—*Гольцевъ*, Объ искусствѣ.—*Смирновъ*, Физіологическія и психологическія основанія эстетики.—*Смирновъ*,—Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ.—*Смирновъ*, Эстетическое значеніе формы въ произведеніяхъ природы и искусства.—*Велямовичъ*, Психо-физіологическія основанія эстетики.—*Оболенскій*, Физіологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты.—*Догель*, Вліяніе музыки на человѣка и животныхъ.—*Неустроевъ*, Музыка и чувство.—*Срезневскій*, Открытія Гельмгольца въ области теоріи музыки.—**Владиславлевъ*, Психологія, I.—**Снегиревъ*, Психологія.—*Вл. Соловьевъ*, Красота въ природѣ (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 1). Общій смыслъ искусства (Тамъ-же, кн. 5).—*Боборыкинъ*, Красота, жизнь и творчество (Тамъ-же, кн. 16—17); Формулы и термины въ области прекраснаго (Тамъ-же, кн. 22); Природа красоты (Тамъ-же, кн. 26).—*Бобровъ*, Искусство и нравственность (Тамъ-же, кн. 20).—*Иванцовъ*, Основной принципъ красоты (Тамъ-же, кн. 33); Задачи искусства (Тамъ-же, кн, 34); Нѣсколько словъ объ идеалахъ въ искусствѣ (Тамъ-же, кн. 47).—*Каленовъ*, Ученіе Шиллера о красотѣ и эстетическомъ наслажденіи (Тамъ-же, кн. 7); Красота и искусство (Тамъ-же, кн. 44—45).—*Чистовичъ*, Опытная психологія.—*Овсянико-Куликовскій*, Вопросы психологіи творчества.

ГЛАВА XXXI.

Воля.

I. Понятіе волевого акта.—II. Вопросъ о свободѣ воли и анализъ свободнаго дѣйствія.—III. Необходимые моменты волевого акта.—IV. Свободный моментъ.—V. Метафизическое доказательство свободы воли.

1. Понятіе волевого акта.—Человѣческія дѣйствія, совершаемыя съ сознаніемъ и разумнымъ пониманіемъ ихъ цѣлей и средствъ, по крайней мѣрѣ ближайшихъ, называются *волевыми актами*. Такимъ образомъ, *сознательность* и *разумность* составляютъ характерныя черты волевыхъ дѣйствій, отличающія ихъ отъ инстинктивныхъ актовъ. Ребенокъ, который тянется къ груди матери и сосетъ, не зная зачѣмъ и какъ онъ это дѣлаетъ, гипнотикъ, который осуществляетъ внушеніе, не сознавая ни его конечной цѣли, ни его свойствъ, дѣйствуютъ помимо воли. Напротивъ, человѣкъ, который, намѣреваясь сдѣлать покупку нужной ему вещи или посѣтить своего знакомаго, ясно представляетъ свою цѣль и разумно пользуется нужными для нея средствами, совершаетъ волевой актъ.

Волевыя дѣйствія могутъ быть *свободными* и *несвободными*, т. е. необходимыми. Они несвободны, хотя и продолжаютъ быть волевыми, когда мы дѣйствуемъ съ сознаніемъ средствъ въ виду какой-нибудь сознательной цѣли, но не представляемъ себѣ никакихъ другихъ возможныхъ цѣлей

и средствъ. Не думая ни о чемъ иномъ, кромѣ того, что мы дѣлаемъ, мы не можемъ дѣлать ничего другого. Такимъ образомъ, мы въ этомъ случаѣ дѣйствуемъ необходимо, и нашъ актъ, оставаясь по существу волевымъ и разумнымъ, не можетъ быть свободнымъ.

Напротивъ, наши дѣйствія бываютъ свободными, когда мы при совершеніи ихъ представляемъ себѣ одно или нѣсколько другихъ возможныхъ дѣйствій и производимъ выборъ между ними. Такимъ образомъ, сущность свободнаго акта состоитъ въ *выборѣ*. Если волю можно опредѣлить какъ *способность къ разумному дѣйствію*, то свободу воли нужно опредѣлить, какъ *способность къ разумному выбору между дѣйствіями*.

II. Вопросъ о свободѣ воли и анализъ свободнаго дѣйствія.—Существованіе у людей вѣры въ свободу воли невозможно оспаривать. Такимъ образомъ, свобода воли существуетъ по крайней мѣрѣ какъ субъективная *идея*. Но есть-ли она дѣйствительный *фактъ?* Прежде чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, попытаемся выдѣлить посредствомъ анализа различные моменты волевого акта и опредѣлить тотъ изъ нихъ, которому можно приписать хотя-бы видимую свободу.

Я сижу за работой, и вдругъ мнѣ приходитъ *мысль*, или мнѣ предлагаютъ другіе, пойти прогуляться. Мысль о прогулкѣ влечетъ за собой вереницу другихъ мыслей,—объ удовольствіи, объ отдыхѣ, о пользѣ прогулки для здоровья и проч. Съ другой стороны, мысль остаться за работой въ свою очередь вызываетъ представленія объ умственномъ напряженіи, необходимости труда, долгѣ и т. д. Эти двѣ группы мыслей, представляющихъ мнѣ слѣдствія двухъ дѣйствій, склоняютъ меня въ пользу того или другого изъ нихъ; онѣ дѣйствуютъ на мою волю какъ побужденія или какъ препятствія, и потому называются *мотивами*. Лишь только

эти различныя идеи возникли въ моемъ сознаніи, я начинаю сравнивать ихъ, оцѣниваю ихъ значеніе и, наконецъ, въ итогѣ признаю тѣ преимущества, которыя каждая изъ нихъ имѣетъ съ извѣстной точки зрѣнія надъ своими соперницами. Такимъ образомъ, я прихожу къ выводу, что я получилъ-бы больше удовольствія, если-бы пошелъ прогуляться, и мое здоровье выиграло-бы отъ этого, но долгъ требуетъ остаться за работой. Этимъ оканчивается *размышленіе*, или внутренняя оцѣнка мотивовъ. Мнѣ остается теперь принять *рѣшеніе*. Это рѣшеніе будетъ состоять въ признаніи, что для меня въ данный моментъ одно изъ двухъ указанныхъ дѣйствій предпочтительнѣе, чѣмъ другое. Происходитъ родъ умственнаго разряда: идеи, противоположныя избранному мною дѣйствію, задерживаются, и представленіе этого дѣйствія безпрепятственно стремится къ своей реализаціи. Еще моментъ, и *дѣйствіе* осуществляется во внѣшнемъ мірѣ: если я, напримѣръ, рѣшилъ идти гулять, то я поднимаюсь, беру трость и шляпу, выхожу изъ дому, пробираюсь чрезъ уличную толпу, поворачиваю направо или налѣво и дѣлаю рядъ другихъ движеній.

Если мы резюмируемъ этотъ анализъ, рамки котораго легко перенести на всякое другое обдуманное дѣйствіе, то мы увидимъ, что свободный актъ заключаетъ *пять* моментовъ: 1) *представленіе* извѣстнаго *дѣйствія*, 2) *представленіе мотивовъ pro* и *contra*, 3) *размышленіе*, 4) *рѣшеніе* или *выборъ* и 5) *осуществленіе дѣйствія*.

III. Необходимые моменты волевого акта.—Какой же изъ этихъ пяти моментовъ можно признать свободнымъ?

1). Такимъ моментомъ не можетъ быть *представленіе дѣйствія*. Возникаетъ-ли оно само собою, въ силу психологическихъ законовъ, или вызывается чужими словами,—въ

томъ и другомъ случаѣ оно является необходимымъ для мысли и фатальнымъ для воли.

2). Такимъ моментомъ не можетъ быть и *представленіе мотивовъ*. Мотивы суть не что иное, какъ хорошія или дурныя слѣдствія задуманнаго дѣйствія, а представленіе этихъ слѣдствій возникаетъ необходимо по законамъ ассоціаціи, какъ скоро представляется самое дѣйствіе.

3). Такимъ моментомъ не можетъ быть и *размышленіе*. Законы мысли необходимы, и приговоръ ума состоитъ только въ неизбѣжномъ признаніи относительной цѣнности мотивовъ съ той или другой отвлеченной точки зрѣнія. Человѣкъ не всегда предпочитаетъ долгъ пользѣ или удовольствію, но онъ всегда знаетъ, что долгъ заслуживаетъ предпочтенія предъ удовольствіемъ, и логически онъ не можетъ судить иначе.

4). Наконецъ, такимъ моментомъ не можетъ быть и *реализація дѣйствія*. Эта реализація есть не что иное, какъ механическій рядъ мускульныхъ движеній, который вполнѣ зависитъ отъ освобожденія импульсивныхъ психическихъ силъ и подавленія силъ противоположныхъ.

Итакъ, если въ волевомъ актѣ существуетъ свободный моментъ, то онъ можетъ заключаться только въ *рѣшеніи*. Этотъ именно моментъ мы и должны теперь разсмотрѣть.

IV. ***Свободный моментъ.***—Если мы внимательно изслѣдуемъ волевой процессъ, то мы увидимъ, что вопросъ, который ставитъ намъ *размышленіе*, существенно отличается отъ вопроса, на который отвѣчаетъ *рѣшеніе*. Первый вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: что лучше *само по себѣ?* Что заслуживаетъ наибольшаго предпочтенія по своимъ абстрактнымъ свойствамъ? Разумъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ фатально, по своимъ необходимымъ логическимъ законамъ. Второй вопросъ формулируется такъ: что лучше *для меня?* Что *я* предпочитаю? Это уже вопросъ не абстрактный, не

безличный и безвременный, если можно такъ сказать; это вопросъ, требующій конкретнаго отвѣта, касающійся данной личности, относящійся къ опредѣленному моменту времени.

Если-бы нашъ умъ ясно видѣлъ всѣ слѣдствія предполагаемаго дѣйствія, то рѣшеніе всегда соотвѣтствовало-бы вердикту размышленія, и для насъ было бы очевидно, что благо въ себѣ есть благо и для насъ. Это именно думалъ Сократъ, когда онъ утверждалъ, что „никто не бываетъ злымъ добровольно“, что всякая ошибка воли происходитъ отъ заблужденія ума. Но мы никогда не видимъ съ совершенной ясностью всѣхъ слѣдствій, какія можетъ имѣть для насъ дѣйствіе, и, слѣдовательно, не бываемъ умственно вынуждены всегда рѣшать въ пользу лучшаго. Чтобы яснѣе представить дѣло воспользуемся средствами логики. Вопросъ ставится такъ: „*есть-ли такое-то дѣйствіе А самое лучшее для меня?*“ Чтобы рѣшить этотъ вопросъ въ формѣ утвердительнаго или отрицательнаго силлогистическаго заключенія, нужно вставить между крайними терминами: „*дѣйствіе А*“ и „*самое лучшее для меня*“ одинъ или нѣсколько среднихъ терминовъ, которые могли-бы необходимо соединить или раздѣлить ихъ. Такими средними терминами здѣсь могутъ быть только реальныя слѣдствія *дѣйствія А*. Поэтому, если-бы мы знали всѣ слѣдствія *А*, какъ хорошія, такъ и дурныя, мы могли-бы построить силлогизмъ, и его заключеніе дало-бы намъ рѣшающее сужденіе, которое было-бы необходимымъ. Но слишкомъ очевидно, что мы не знаемъ всѣхъ этихъ слѣдствій и должны формулировать рѣшающее сужденіе, нисколько не будучи вынуждены къ нему умомъ и логикой. Такимъ образомъ, волевое рѣшеніе *логически* свободно. Таково-ли оно *психологически?*

Мы не чувствуемъ никакой внутренней необходимости, которая заставляла-бы насъ предпочитать одно рѣшеніе дру-

гому. Мы хорошо чувствуемъ противоположные импульсы, но ни одинъ изъ нихъ не кажется намъ принудительнымъ ни прежде, ни во время, ни послѣ рѣшенія. Рѣшаясь, мы сознаемъ, что производимъ нѣкоторое новое состояніе; наша мысль становится актомъ, усиліемъ, и мы видимъ, что избираемое нами дѣйствіе есть то, на сторонѣ котораго наше усиліе. Такимъ образомъ, психологически рѣшеніе если и не свободно, то, по крайней мѣрѣ, *самопроизвольно*, „спонтанейно“. Сознаніе не можетъ доказать бытія или небытія того, чего оно не постигаетъ, Между тѣмъ, оно не открываетъ необходимыхъ причинъ для свободнаго рѣшенія. Строго говоря, отсюда не слѣдуетъ, чтобы этихъ причинъ не существовало; но, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что для сознанія все происходитъ такъ, какъ если-бы ихъ не было, потому что онѣ не открываются ему.

V. Метафизическое доказательство свободы воли.— Впрочемъ, полное доказательство существованія свободы воли можетъ дать только метафизика. Она показываетъ, что во всякой вещи, разъ она существуетъ, и тѣмъ болѣе во всякомъ индивидуальномъ существѣ должна заключаться нѣкоторая доля *случайности* и врожденной *самопроизвольности*, составляющая основу ихъ бытія и индивидуальности. Когда къ этому присоединяются еще сознаніе, разумъ, рефлексія, какъ бываетъ у человѣка, то эта случайность или самопроизвольность становятся достояніемъ существа, его *личнымъ свойствомъ*. Такимъ именно свойствомъ и обладаетъ человѣкъ. Роза имѣетъ запахъ, но такъ какъ она его не чувствуетъ, то въ сущности нельзя сказать, чтобы она имъ *обладала*: этотъ запахъ существуетъ *въ* ней, но не *для* нея. Чтобы дѣйствительно обладать какимъ-нибудь качествомъ, нужно знать его, нужно чувствовать, что оно есть въ насъ. Такимъ образомъ, *сознаніе и разумная мысль*

именно и составляютъ нашу свободу. Акты этой свободы характеризуются, съ одной стороны, *логическою независимостью* управляющаго ими *рѣшенія*, съ другой—его *психологическою самопроизвольностью*, и какъ-бы они ни казались двусмысленными, они на самомъ дѣлѣ *свободные* акты.

РЕЗЮМЭ.

I.—Волевой актъ есть *дѣйствіе, совершаемое разумнымъ существомъ съ сознаніемъ его цѣлей и средствъ*. Онъ можетъ не быть свободнымъ, когда существо, которое совершаетъ его, не имѣетъ представленія о какомъ-нибудь противоположномъ актѣ. Но онъ является *свободнымъ*, когда происходитъ *выборъ* между двумя противоположными или противорѣчивыми актами.

II.—Анализъ открываетъ въ свободномъ актѣ пять моментовъ: 1) *представленіе дѣйствія*, 2) *представленіе его слѣдствій*, которыя становятся *мотивами*, 3) *размышленіе*, 4) *рѣшеніе* или выборъ и 5) *исполненіе*.

III.—Первый, второй, третій и пятый моменты несвободны. Такимъ образомъ свобода можетъ быть свойственна только четвертому моменту,—*рѣшенію*.

IV.—Рѣшеніе или выборъ извѣстнаго дѣйствія опредѣляется точкою зрѣнія нашего собственнаго блага. Но такъ какъ мы не знаемъ всѣхъ слѣдствій, какія можетъ имѣть для насъ данное дѣйствіе, то *логически* рѣшеніе свободно. Съ другой стороны, такъ какъ мы не чувствуемъ никакой внутренней необходимости, которая заставляла бы насъ принимать это рѣшеніе, то оно является свободнымъ, или по крайней мѣрѣ *самопроизвольнымъ*, и *психологически*.

V.—Однако, дать полное доказательство свободы воли можетъ только метафизика, выходящая изъ идеи *случайности* или самопроизвольности всего существующаго.

Литература.

Шопенгауэръ, О свободѣ воли.—*Лотце*, Микрокозмъ, I.—*Ульрици*, Тѣло и душа.—*Вундтъ*, Физіологическая психологія, II.—*Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—*Цигенъ*, Физіологическая психологія.—**Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Милль*, Система логики.—*Милль*, Изслѣдованіе философіи

Гамильтона.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, I.—**Бэнъ*, Психологія.—*Карпентеръ*, Основанія физіологіи ума.—*Маудсли*, Физіологія и патологія души.—*Джемсъ*, Психологія.—*Селли*, Психологія въ примѣненіи къ воспитанію.—**Рибо*, Болѣзни воли.—*Рише*, Опытъ общей психологіи.—*Герценъ*, Общая физіологія души.—**Фонсегривъ* Опытъ о свободѣ воли.—**Бутру*, О случайности законовъ природы.—*Владиславлевъ*, Психологія, II.—**Снегиревъ*, Психологія.—*Гротъ*, *Лопатинъ*, *Бугаевъ*, *Корсаковъ*, *Токарскій*, *Астафьевъ*, О свободѣ воли (*Труды Моск. Психол. Общества*, вып. III).—*Лопатинъ*, Положительныя задачи философіи, II.—*Еп. Антоній*, О свободѣ воли и нравственной отвѣтственности.—*Некрасовъ*, Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности.—*Лосскій*, Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма.

ГЛАВА XXXII.

Критика детерминизма.

I. Фатализмъ и детерминизмъ.—II. Психологическіе аргументы детерминизма.—III. Научные аргументы. IV. Метафизическіе аргументы.

I. Фатализмъ и детерминизмъ.—Двѣ системы отрицаютъ существованіе свободной воли въ человѣкѣ: *фатализмъ* и *детерминизмъ.* Фатализмъ который въ настоящее время вообще оставленъ и встрѣчается почти только въ исламизмѣ, состоитъ въ убѣжденіи, что всѣ наши дѣйствія опредѣляются напередъ высшей волей, которой мы не можемъ сопротивляться. Эта воля можетъ быть или неизмѣнной судьбой, какъ древній *Fatum*, или абсолютной свободой, какъ свобода Аллаха у мусульманъ. Въ обоихъ случаяхъ свободная воля человѣка одинаково подавляется; только первый видъ фатализма есть система всеобщей необходимости, а второй система произвола.

Детерминизмъ состоитъ въ утвержденіи, что всѣ человѣческія дѣйствія, точно такъ-же, какъ и всѣ другія явленія, опредѣляются предшествующими обстоятельствами, по неизмѣннымъ законамъ природы. Аргументы детерминистовъ въ пользу ихъ системы и противъ свободной воли—трехъ родовъ: 1) *психологическіе*, 2) *научные* и 3) *метафизическіе*. Попытаемся разсмотрѣть ихъ.

II. Психологическіе аргументы детерминизма.—Люди *хотятъ* только того, чего они *желаютъ*; воля есть лишь послѣднее желаніе. Такимъ образомъ, воля по своей природѣ тожественна съ желаніемъ; между тѣмъ желаніе *необходимо*: слѣдовательно, и воля также. Вотъ первый психологическій доводъ, который приводятъ детерминисты въ подтвержденіе своихъ взглядовъ. На этотъ аргументъ нужно отвѣтить слѣдующее. Люди хотятъ только того, чего они желаютъ,—это правда; но, вѣдь, они хотятъ не всего, чего желаютъ: далеко не всякое желаніе переходитъ въ волю. При томъ, чѣмъ сильнѣе желаніе, тѣмъ менѣе ясенъ разумъ, а чѣмъ энергичнѣе воля, тѣмъ разумъ яснѣе. Слѣдовательно, между желаніемъ и волей есть различіе по природѣ, и ихъ нельзя смѣшивать. Итакъ, изъ того, что *желаніе* необходимо, вовсе *не слѣдуетъ*, чтобы *воля* была такова-же.

Детерминизмъ далѣе утверждаетъ, что душа походитъ на вѣсы, которые наклоняются всегда на сторону сильнѣйшаго *мотива*. Отсюда волевой актъ долженъ быть такимъ же необходимымъ слѣдствіемъ расположеній души и силы мотивовъ, какъ пониженіе одной чашки вѣсовъ есть слѣдствіе ихъ устройства и тяжести гирь. Но, вѣдь, сила мотивовъ бываетъ различна для отдѣльныхъ людей и даже для одного и того же человѣка въ разное время; слѣдовательно, мотивы не суть тяжести, дѣйствующія на какой-то инертный балансъ. Ничто не доказываетъ, чтобы различіе силы мотивовъ не зависѣло отъ самой души. Напротивъ, все, повидимому, доказываетъ эту зависимость, потому что, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, волевое рѣшеніе въ томъ именно и состоитъ, что мы сами избираемъ мотивы своихъ дѣйствій. Избранный нами мотивъ *становится наиболѣе сильнымъ благодаря именно его избранію*. Это всегда тотъ мотивъ, на который бываетъ направлено наше усиліе.

Между тѣмъ, усиліе есть внутреннее чувство дѣятельности или обнаруженія силы, которая существуетъ въ насъ и которою мы можемъ располагать.

Мы считаемъ себя свободными, говоритъ, наконецъ, детерминизмъ, потому, что мы *не чувствуемъ причинъ*, которыя заставляютъ насъ дѣйствовать. Такимъ же образомъ могли-бы считать себя свободными—камень, который имѣлъ-бы сознаніе своего паденія, не сознавая своей тяжести (примѣръ Спинозы), флюгеръ, который сознавалъ-бы свое движеніе, не имѣя сознанія о вѣтрѣ (примѣръ Бэйля), магнитная стрѣлка, которая сознавала-бы свое направленіе къ полюсу, не сознавая магнитнаго притяженія (примѣръ Лейбница). На этотъ аргументъ не трудно отвѣтить: если нельзя довѣрять нашему сознанію свободы, то тѣмъ болѣе нельзя оправдать фактами сознанія детерминизмъ. Можетъ быть, и нѣтъ абсолютно достаточнаго основанія сказать: мы не чувствуемъ причинъ своей дѣятельности,—слѣдовательно, ихъ *не существуетъ*; но еще менѣе достаточныхъ основаній сказать вмѣстѣ съ детерминистами: мы не чувствуемъ этихъ причинъ,—слѣдовательно, онѣ *существуютъ*.

III. Научные аргументы.—*Статистика* показываетъ, что волевыя дѣйствія, начиная съ самыхъ важныхъ, какъ напр., браки, убійства, самоубійства, кражи, и кончая самыми безразличными, какъ отправленіе писемъ безъ адреса, совершаются всегда въ одномъ и томъ-же постоянномъ количествѣ. По такъ называемому закону *большихъ чиселъ*, возможности, заключающіяся въ событіяхъ, должны развиваться, т. е. всякая причина безпорядка, введенная въ какую-нибудь систему событій, должна со временемъ измѣнять эти событія. Слѣдовательно, свободная воля, которая есть не что иное, какъ возможность такого измѣненія, должна была-бы нарушать числа, открытыя статистикой. Между тѣмъ,

она этого не дѣлаетъ: статистическія данныя остаются постоянными. Слѣдовательно, свободной воли и не существуетъ. Кетле замѣтилъ по поводу этого, что свободная воля, будучи свободной по существу, точно такъ же не обязана нарушать числа, какъ и оставлять ихъ неизмѣнными. Для тѣхъ, кого не удовлетворитъ этотъ отвѣтъ, можно прибавить, что статистика, открывая общее постоянство событій, не можетъ опредѣлить ни характера отдѣльныхъ дѣйствій, совершающихся въ рамкахъ этого постоянства, ни моментовъ времени, когда будутъ совершены эти дѣйствія, ни агентовъ, которые совершатъ ихъ; слѣдовательно, при всемъ постоянствѣ человѣческихъ поступковъ поле для дѣйствія свободной воли остается открытымъ.

Но, возражаютъ детерминисты, если есть какой-нибудь законъ, твердо установленный современной наукой, то это *законъ сохраненія силы* или *энергіи*. Согласно этому закону, количество силы остается постояннымъ во вселенной. Какъ же свободная воля можетъ дѣйствовать, не увеличивая количества силы въ мірѣ? Индетерминисты отвѣчаютъ на это: наука показываетъ, что количество силы остается *замѣтно* постояннымъ во вселенной, но она не можетъ путемъ опыта доказать, что это количество *абсолютно* постоянно. Между тѣмъ, количество силы, порождаемой свободною волею, было бы такъ незначительно въ отношеніи къ силамъ вселенной, что оно не могло-бы быть замѣтнымъ и показалось-бы въ сравненіи съ ними нулемъ. Впрочемъ, есть ученые, которые пытаются доказать и другими способами, что свободная воля можетъ быть согласована съ закономъ сохраненія энергіи.

VI. ***Метафизическіе аргументы.***—Детерминизмъ можетъ возразить, что свободная воля не согласуется съ *предвѣдѣніемъ Божіимъ*. Если Богъ существуетъ, то Онъ предвидитъ все, что должно случиться. Онъ знаетъ, что будетъ

завтра, что сдѣлаю я, что сдѣлаютъ другіе люди. Если же эти акты предусмотрѣны, то они уже напередъ установлены и опредѣлены, а слѣдовательно—несвободны. Индетерминисты отвѣчаютъ на это, что Богъ, собственно говоря, не предвидитъ. Онъ просто *видитъ внѣ времени* вещи, развивающіяся во времени. Такъ понимали и до сихъ поръ понимаютъ Божественное предвидѣніе или предвѣдѣніе всѣ богословы. Но такое безвременное видѣніе временныхъ вещей есть непостижимая тайна, изъ которой нельзя извлечь никакого аргумента, такъ какъ намъ непонятно, о чемъ идетъ въ ней рѣчь. Приводить такой аргументъ противъ свободы воли похоже на то, какъ если-бы заставили предстать предъ судомъ, понимающимъ только по-французски, свидѣтелей, которые говорятъ лишь по-китайски: ихъ свидѣтельство не могло бы имѣть силы.

Наконецъ, одинъ изъ обычныхъ аргументовъ детерминизма состоитъ въ томъ, что свобода воли противорѣчитъ *закону достаточнаго основанія*. Все имѣетъ достаточное основаніе; между тѣмъ, свободное дѣйствіе не могло-бы его имѣть, такъ какъ оно рождалось-бы изъ ничего: слѣдовательно, свободнаго дѣйствія не существуетъ. Сторонники свободы воли могутъ отвѣтить на это возраженіе слѣдующимъ образомъ: свободное дѣйствіе имѣетъ достаточное основаніе, — свободную волю человѣка, а послѣдняя имѣетъ свое достаточное основаніе въ нравственности. Вѣдь, безъ свободы воли нѣтъ ни нравственности, ни безнравственности; все становится нравственно-безразличнымъ. Но, говоритъ детерминизмъ, и съ свободной волей и безъ нея всегда было и будетъ добро и зло въ мірѣ; честный человѣкъ—всегда хорошъ, а преступникъ—всегда дуренъ. Безъ сомнѣнія, всегда было и будетъ добро и зло; но при отрицаніи свободы воли добро и зло смѣшиваются съ удовольствіемъ и страданіемъ и, слѣдова-

тельно, перестаютъ быть добромъ и зломъ въ нравственномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, детерминизмъ приводитъ къ смѣшенію чувственнаго блага и зла съ нравственнымъ благомъ и зломъ.

Изъ этого разбора видно, что аргументы детерминистовъ лишены убѣдительности и оставляютъ въ силѣ всѣ основанія, какія мы представили выше въ пользу свободы воли. Всѣ, кто не согласны сказать, вмѣстѣ съ Тэномъ, что „порокъ и добродѣтель суть такіе же продукты, какъ купоросъ и сахаръ“, всѣ, кто вѣрятъ въ царство нравственности, отличное отъ міра удовольствія и интереса, должны вѣрить и въ свободу воли.

РЕЗЮМЭ.

I.—Свобода воли отвергается *фатализмомъ* и *детерминизмомъ*. Фатализмъ полагаетъ, что всѣ наши дѣйствія зависятъ отъ какой то внѣшней воли. Детерминизмъ утверждаетъ, что всѣ наши дѣйствія опредѣлены предшествующими имъ обстоятельствами по закону физической причинности. Детерминисты приводятъ въ пользу своихъ взглядовъ *психологическія, научныя* и *метафизическія* основанія.

II. — *Психологическіе* аргументы детерминизма троякаго рода. 1) Воля, говорятъ, тожественна съ *желаніемъ* и, слѣдовательно, такъ-же фатальна, какъ оно. Но существенное различіе желанія и воли очевидно. 2) Волевыя дѣйствія подчиняются *мотивамъ* и, слѣдовательно, будто-бы всецѣло зависятъ отъ ихъ силы. Но дѣло въ томъ, что выборъ мотивовъ и ихъ сила зависятъ отъ насъ же самихъ. 3) Сознаніе свободы воли не можетъ свидѣтельствовать о томъ, что она дѣйствительно существуетъ. Но это сознаніе еще менѣе можетъ свидѣтельствовать о томъ, что ея *не* существуетъ.

III.—*Научные* доводы детерминизма двоякаго рода. 1) Идея свободы воли будто-бы противорѣчитъ *статистикѣ*, которая показываетъ, что число различныхъ дѣйствій въ среднемъ бываетъ всегда одно и то-же. Но статистика не показываетъ намъ ни характера этихъ дѣйствій, ни ихъ дѣйствительныхъ условій. 2) Идея свободы воли будто-бы противорѣчитъ *закону сохраненія силы*. Но замѣтное постоянство силы, о которомъ говоритъ этотъ законъ, еще не есть абсолютное ея постоянство и, слѣдовательно, не исключаетъ появленія новыхъ, незамѣтныхъ силъ.

IV.—Наконецъ, метафизическіе аргументы детерминизма также двоякаго рода. 1) Свобода воли будто-бы противорѣчитъ *предвѣдѣнію Божію*. Но предвѣдѣніе Божіе есть по существу непостижимая тайна, изъ которой нельзя извлечь никакихъ аргументовъ ни за, ни противъ свободы воли. 2) Свободныя дѣйствія будто-бы противорѣчатъ *закону достаточнаго основанія*. Но свободныя дѣйствія имѣютъ основаніе въ свободѣ воли, а свобода воли въ нравственности. Между тѣмъ, детерминизмъ противорѣчитъ морали.

Литература.

Спиноза, Этика.—*Лейбницъ*, Теодицея.—*Шопенгауэръ*, О свободѣ воли.—*Шаульсенъ*, Введеніе въ философію.—*Ланге*, Исторія матеріализма, II.—*Вундтъ*, Этика.—*Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Гефдингъ*, Этика.—*Риль*, Основы науки и метафизика.—*Милль*, Система логики.—*Милль*, Изслѣдованіе философіи Гамильтона.—*Локкъ*, Опытъ о человѣческомъ разумѣ.—*Льюисъ*, Вопросы о жизни и духѣ.—*Кроль*, Философская основа эволюціи.—*Джевонсъ*, Основы науки.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, I.—**Бэнъ*, Психологія.—*Джемсъ*, Психологія.—*Кетле*, Человѣкъ и развитіе его способностей, или опытъ общественной физики.—*Герценъ*, Общая физіологія души.—**Фонсегривъ*, Опытъ о свободѣ воли.—**Бутру*, О случайности законовъ природы.—*Компейрэ*, Основанія элементарной психологіи.—**Вл. Соловьевъ*, Критика отвлеченныхъ началъ.—*Еп. Антоній*, О свободѣ воли и нравственной отвѣтственности.—**Труды Моск. Психол. Общества*,—вып. III.—*Кн. С. Трубецкой*. Психологическій детерминизмъ и нравственная свобода (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 25).—*Гр. Л. Толстой*, Къ вопросу о свободѣ воли (*Тамъ-же*, кн. 21).—*Звѣревъ*, Къ вопросу о свободѣ воли (*Тамъ-же*, кн. II).—**Лопатинъ*, Положительныя задачи философіи, II,—*Введенскій*, Законъ причинности и реальность внѣшняго міра.—*Некрасовъ*, Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности.

ГЛАВА XXXIII.

Характеръ и личность.

I. Понятіе характера.—II. Темпераменты.—III. Образованіе характера.—IV. Личность.—V. Участіе природы и воли въ образованіи человѣка.

I. Понятіе характера.—Изъ склонностей, страстей и часто повторяющихся волевыхъ хотѣній образуются привычки по законамъ, которые мы уже описали [1]). Эти привычки организуются, упрочиваются и тѣсно срастаются съ естественнымъ темпераментомъ человѣка, такъ что каждый человѣческій индивидуумъ представляетъ особый, свойственный ему способъ чувствовать и дѣйствовать. Такой *особый способъ чувствовать и дѣйствовать, возникающій на почвѣ пріобрѣтенныхъ привычекъ и природнаго темперамента* и называется *характеромъ*. Такимъ образомъ, характеръ есть какъ-бы индивидуальная формула человѣка, или то, что справедливо называется показателемъ его нравственнаго преломленія.

Научное изслѣдованіе характеровъ еще слишкомъ мало подвинулось впередъ, и мы до сихъ поръ не имѣемъ такой классификаціи ихъ, которую можно было-бы признать удовлетворительною. Но если нужно дать предварительное подраздѣленіе характеровъ, то можно различать столько-же

---

[1]) Гл. XIV.

главныхъ типовъ ихъ, сколько старые физіологи различали *тѣмпераментовъ*, т. е. *четыре*.

II. Темпераменты.—„Старое ученіе о четырехъ темпераментахъ, заимствованное психологіею изъ медицинскихъ теорій Галена, возникло,—говоритъ Вундтъ,—изъ внимательнаго наблюденія индивидуальныхъ особенностей людей". Эти четыре темперамента назывались *сангвиническимъ*, *меланхолическимъ*, *холерическимъ* и *флегматическимъ*. Такое дѣленіе темпераментовъ на четыре класса оправдывается и теперь, потому что въ индивидуальныхъ проявленіяхъ склонностей и желаній мы можемъ различать четыре главныхъ особенности, обусловленныхъ, съ одной стороны, *силой* или *слабостью* душевныхъ движеній, съ другой—*быстротою* или *медленностью* ихъ смѣны. Холерикъ и меланхоликъ склонны къ сильнымъ эмоціямъ, а сангвиникъ и флегматикъ—къ слабымъ; сангвиникъ и холерикъ расположены къ быстрой смѣнѣ душевныхъ движеній, а меланхоликъ и флегматикъ—къ медленнымъ. Такимъ образомъ, основныя особенности темпераментовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характеровъ, можно выразить посредствомъ слѣдующей схемы Вундта:

темпераменты	*быстрые:*	*медленные:*
сильные:	холерическій,	меланхолическій,
слабые:	сангвиническій,	флегматическій.

Всѣ другія различія темпераментовъ легко поставить въ связь съ этими четырьмя главными особенностями. Какъ извѣстно, люди съ сильными, энергическими темпераментами, холерики и меланхолики, подвержены преимущественно тягостному расположенію духа, тогда-какъ люди съ слабыми темпераментами считаются одаренными счастливою способностью наслаждаться благами жизни. Затѣмъ, люди съ быстрыми или живыми темпераментами, сангвиники и холерики,

поглощены преимущественно впечатлѣніями настоящаго и быстрая подвижность ихъ душевныхъ состояній является причиной того, что всякое новое представленіе способно возбуждать ихъ. Напротивъ, люди медленныхъ или тихихъ темпераментовъ болѣе живутъ будущимъ; не развлекаемые каждымъ случайнымъ впечатлѣніемъ, они проводятъ свое время въ размышленіи. Наконецъ, холерическій и флегматическій темпераменты суть темпераменты дѣятельности, въ противоположность темпераментамъ чувства,—сангвиническому и меланхолическому [1]).

III. Образованіе характера.—Всѣ разнообразные человѣческіе характеры суть *результаты кристаллизаціи привычекъ около первоначальнаго темперамента*, который служитъ для нихъ центральною осью. Характеръ мѣняется вмѣстѣ съ привычками и, такимъ образомъ, является по существу *измѣнчивымъ*. Онъ измѣняется даже со дня на день. Но во всякомъ характерѣ есть и нѣчто относительно неизмѣнное: это именно первоначальный темпераментъ, который самъ по себѣ зависитъ отъ психо-физіологической организаціи индивидуума. Какъ скоро эта организація подвергается значительному измѣненію, она, конечно, ведетъ за собой и перемѣну характера. Живой ребенокъ станетъ вялымъ, если онъ рано развратится или зачахнетъ. Гипнотизмъ, опьяненіе, нѣкоторыя болѣзненныя состоянія производятъ внезапныя измѣненія тона ощущеній и вслѣдствіе этого обусловливаютъ такія-же внезапныя измѣненія въ характерѣ.

Животныя также имѣютъ индивидуальный характеръ, только менѣе опредѣленный, менѣе выраженный, чѣмъ у людей. Но

---

[1]) См. *Вундтъ*, Основанія физіологической психологіи, руск. пер. Кандинскаго, вып. II, стр. 893—895.

ихъ индивидуальный характеръ не имѣетъ свойствъ *личности*. Личностью является только человѣкъ. Что-же такое личность?

IV. Личность.—Въ метафизикѣ личность опредѣляется, какъ *индивидуальная субстанція, одаренная разумомъ*, и это опредѣленіе, не смотря на свою абстрактность, совершенно правильно выражаетъ ея основу. Именно благодаря своей разумной индивидуальности, человѣкъ можетъ приписывать себѣ различныя явленія сознанія и противополагать этимъ измѣнчивымъ явленіямъ свое неизмѣнное „*я*“. Она же даетъ ему возможность открывать при помощи анализа сознанія свой истинный характеръ, усвоять его себѣ, какъ таковой, и правильно познавать не только свое разумное „*я*“, но и *его проявленія*, *его характерные аттрибуты*,—словомъ то, что называется личностью въ *психологическомъ* смыслѣ. Болѣе того, какъ индивидуальное и разумное существо, человѣкъ самъ можетъ сдѣлаться творцомъ этой психологической личности, строителемъ своей собственной жизни. Для этого нужно только, чтобы онъ представлялъ себѣ идеалъ личности, любилъ его и живо запечатлѣлъ его въ своей душѣ. Подчиняя себѣ всѣ проявленія его душевной жизни, эта идея сама по себѣ будетъ стремиться къ своей реализаціи. Нельзя ни съ чѣмъ сравнить ея могущество, и никакая внѣшняя сила не будетъ въ состояніи превозмочь ее. Вотъ почему ребенокъ самъ долженъ быть сотрудникомъ своего собственнаго воспитанія. Поэтому-же нужно давать ему только хорошіе образцы и высокіе примѣры; нужно научить его удивляться примѣрамъ прекрасной жизни, возбуждать его энтузіазмъ къ великимъ дѣламъ, заставить его полюбить больше всего терпѣніе, мужество, энергію, господство надъ самимъ собою.

V. Участіе природы и воли въ образованіи человѣка.—

Человѣкъ получаетъ первоначальную обрисовку своего характера и личности отъ природы и по наслѣдству, вмѣстѣ съ своей организаціей; но, какъ видно изъ сейчасъ сказаннаго, онъ можетъ потомъ вышивать на этой первоначальной канвѣ безконечное множество разнообразныхъ узоровъ, совершенно измѣняющихъ ея видъ. Человѣкъ имѣетъ почти безграничную власть надъ собою; онъ можетъ по произволу сдѣлать изъ своей жизни произведеніе искусства удивительной красоты, отвратительнаго безобразія или пошлаго однообразія. Смыслъ и цѣнность его бытія находятся почти всецѣло въ его рукахъ. Онъ можетъ воздѣйствовать на свою природу и способствовать тому, чтобы она стала дурной или хорошей; онъ всегда прибавляетъ къ ней нѣчто отъ себя и въ этомъ именно смыслѣ заслуживаетъ названія, даннаго ему Бэкономъ: *homo additus naturae.*

РЕЗЮМЭ.

I.—*Характеромъ* называется *своеобразный способъ чувствовать и дѣйствовать, возникающій на почвѣ природнаго темперамента и пріобрѣтенныхъ привычекъ.* За недостаткомъ научной классификаціи характеровъ, можно различать столько-же видовъ ихъ, сколько существуетъ *темпераментовъ.*

II.—Старые физіологи признавали четыре темперамента: *холерическій, сангвиническій, меланхолическій* и *флегматическій.* Особенности этихъ темпераментовъ обусловливаются силой и слабостью, быстротой и медленностью душевныхъ движеній. Отсюда, слѣдуя схемѣ Вундта, холерическій темпераментъ можно назвать *сильнымъ* и *быстрымъ*, сангвиническій — *слабымъ* и *быстрымъ*, меланхолическій—*сильнымъ* и *медленнымъ*, флегматическій—*слабымъ* и *медленнымъ.* Всѣ другія свойства темпераментовъ сводятся къ этимъ четыремъ главнымъ особенностямъ.

III.—Характеръ образуется путемъ своего рода кристаллизаціи привычекъ вокругъ первоначальнаго темперамента. Характеръ *измѣнчивъ* въ той-же мѣрѣ, какъ и привычки; темпераментъ является болѣе постояннымъ, но и онъ можетъ подвергаться перемѣнамъ въ зависимости отъ измѣненій психо-физіологической организаціи человѣка.

IV.—У человѣка характеръ стоитъ въ тѣсной связи съ *личностью*. Съ метафизической точки зрѣнія личность есть *индивидуальная субстанція, одаренная разумомъ;* въ психологическомъ смыслѣ она есть *проявленіе этой разумной индивидуальности въ самосознаніи и характерѣ*. Личность сама въ себѣ носитъ условія своего образованія и развитія. Эти условія заключаются въ стремленіи къ извѣстному идеалу, въ воспитаніи и самовоспитаніи.

V.—Изъ сказаннаго видно, что *основу* своего характера и личности человѣкъ получаетъ отъ природы, но въ то-же время онъ можетъ усиліями своей воли *измѣнять* эту основу, улучшать и ухудшать ее, портить и совершенствовать.

Литература.

Лотце, Микрокозмъ, II.— *Ульрици*, Тѣло и душа.—**Вундтъ*, Физіологическая психологія, II. — *Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ.—**Гефдингъ*, Очерки психологіи.—*Прейеръ*, Душа ребенка.—*Бэнъ*, Объ изученіи характера.—*Джемсъ*, Психологія.—*Селли*, Психологія въ примѣненіи къ воспитанію.—*Рибо*, Болѣзни личности.—*Рибо*, Психологія чувствъ.—*Бинэ*, Измѣненія личности.—*Поланъ*, О характерахъ.—**Фулье*, Темпераментъ и характеръ.—*Кейра*, Характеръ и нравственное воспитаніе. — *Пэйо*, Воспитаніе воли.—*Смайльсъ*, Характеръ.—*Смайльсъ*, Самодѣятельность. — *Лабрюйеръ*, Характеры.—*Лесгафтъ*, Школьные типы.—*Мниховскій*, Типы душевнаго развитія.—*Токарскій*, О темпераментѣ (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 31).—*Несмѣловъ*, Наука о человѣкѣ, I.—**Лосскій*, Основные вопросы психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма.—*Соколовъ* (П. *А.*), Чтенія по педагогической психологіи.—*Сикорскій*, Всеобщая психологія.

ГЛАВА XXXIV.

Галлюцинаціи и сновидѣнія.

I. Понятіе галлюцинаціи.—II. Исправленіе галлюцинацій.—Ш. Коллективныя галлюцинаціи.— IV. Сновидѣнія. — V. Свойства и виды сновидѣній.

I. Понятіе галлюцинаціи.—Галлюцинаціей называется *ложное внѣшнее воспріятіе,* или, точнѣе, *представленіе, объективированное въ формѣ внѣшняго воспріятія.* Когда представленіе, вызванное ассоціаціями, вторгается въ наше сознаніе съ такой силой, что вытѣсняетъ всѣ встрѣчныя ощущенія, то оно само пріобрѣтаетъ всѣ признаки ощущенія и умъ естественно объективируетъ его, относя къ какой нибудь внѣшней причинѣ. Если во время дремоты я вижу фигуру человѣка, которая заслоняетъ отъ меня стѣну моей комнаты, то я склоненъ буду вѣрить въ присутствіе этого человѣка въ моей комнатѣ. Представленіе, обладающее живостью ощущенія, даетъ поводъ къ такому же заключенію и вслѣдствіе этого превращается въ галлюцинацію [1]).

Нужно замѣтить, что всякое представленіе, даже слабое, имѣетъ стремленіе объективироваться; но эта особенность, по обычному мнѣнію, не составляетъ его существеннаго свойства. Это—элементъ, вошедшій въ представленіе изъ первоначальнаго ощущенія. Такъ какъ ощущеніе переносится за предѣлы

---

[1]) Сравн. Гл. VII, § 1 и Гл. XXII, §§ I, V и VI.

сознанія посредствомъ особаго акта сужденія или умозаключенія, то представленіе, являющееся слабою репродукціей его, *ассоціируется съ тѣмъ же сужденіемъ* и вслѣдствіе этого сохраняетъ ту-же тенденцію переноситься за предѣлы сознанія.

Галлюцинаціи нужно различать отъ *иллюзій*, которыя, какъ мы видѣли выше, состоятъ только въ ложной апперцепціи или ложномъ истолкованіи *дѣйствительныхъ* ощущеній и воспріятій [1]).

II. Исправленіе галлюцинацій.—Ошибку галлюцинаціи можно исправить *посредствомъ сравненія съ данными другихъ чувствъ или съ результатами опыта.* Если, наприм., видя предъ собой призракъ человѣка, я протяну къ нему руку и коснусь стѣны, то видѣніе внезапно исчезнетъ, какъ-бы уйдя сквозь стѣну. Можетъ случиться, что галлюцинаціямъ подвергаются заразъ нѣсколько чувствъ: наприм., видя фигуру человѣка, мы можемъ слышать его голосъ и даже чувствуемъ его прикосновеніе къ намъ. Если эта фигура вошла такъ, что мы не замѣтили, какъ растворилась дверь, или если другое, находящееся съ нами, лицо не видитъ и не слышитъ ея, то мы еще можемъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что мы обманываемся. Въ послѣднемъ случаѣ *согласіе нашихъ ощущеній съ законами природы* становится критеріемъ ихъ объективности. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что этотъ критерій не имѣетъ абсолютнаго значенія, потому что законы чувственной природы открываются сами по себѣ лишь чрезъ посредство нашихъ ощущеній.

III. Коллективныя галлюцинаціи.—Наконецъ, возможны *коллективныя галлюцинаціи.* Въ толпѣ, ожидающей появленія какого-нибудь лица или наступленія какого-нибудь событія, могутъ буквально всѣ повѣрить, что видѣли приблизительно

---

[1]) См. Гл. XV, § IV.

въ одно и то-же время это событіе или эту личность. Впрочемъ, галлюцинаціи такого рода случаются очень рѣдко и ихъ легко различить отъ реальныхъ и объективныхъ явленій, такъ какъ относительно ихъ почти не бываетъ безспорныхъ свидѣтельствъ. Для этого достаточно сравнить разсказы очевидцевъ. Если свидѣтели-очевидцы согласны между собою относительно даннаго происшествія или лица только въ общихъ чертахъ и противорѣчатъ другъ другу во всемъ остальномъ, то они были жертвой галлюцинаціи. Если же они согласны даже въ подробностяхъ, которыхъ они не могли представить себѣ заранѣе, то никто не можетъ оспаривать авторитета ихъ свидѣтельства, не подрывая самыхъ основаній исторической достовѣрности. Когда событіе кажется историку необыкновеннымъ, то это не даетъ еще ему права отвергать его дѣйствительность. То, что мы знаемъ о законахъ природы, ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, чего мы не знаемъ; поэтому никто не въ правѣ отрицать извѣстный фактъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ невозможенъ. Единственное, о чемъ долженъ позаботиться въ данномъ случаѣ историкъ, это то, чтобы опредѣлить цѣнность и характеръ свидѣтельства.

IV. Сновѣдѣнія.—Галлюцинаціи нельзя считать такимъ ненормальнымъ фактомъ, какъ это обыкновенно думаютъ. Онѣ происходятъ весьма часто у каждаго изъ насъ во время сна въ формѣ *сновидѣній*. Каковы бы ни были причины сна, во всякомъ случаѣ остается безспорнымъ, что въ это время мозговая дѣятельность ослабѣваетъ, объективныя впечатлѣнія не достигаютъ болѣе органовъ чувствъ и субъективныя представленія, лишенныя задерживающихъ факторовъ въ встрѣчныхъ ощущеніяхъ, получаютъ объективное значеніе.

Различіе между сновидѣніями и галлюцинаціями въ собственномъ смыслѣ этого слова заключается только въ слѣдующемъ. Въ галлюцинаціяхъ бодрственнаго состоянія *пред-*

ставленія подъ вліяніемъ различныхъ психо-физіологическихъ причинъ *усиливаются*, превосходятъ нормальную интенсивность встрѣчныхъ ощущеній и вслѣдствіе этого превращаютъ ихъ самихъ въ слабые образы. Напротивъ, въ галлюцинаціяхъ сновидѣнія *ослабѣваютъ и исчезаютъ* ощущенія, а представленія, вслѣдствіе этого, сами собой выдвигаются на первый планъ, не нуждаясь въ особенномъ усиленіи. Въ первомъ случаѣ представленіе напоминаетъ актера, который выходитъ изъ глубины сцены и, появляясь возлѣ рампы, заслоняетъ собою другого актера, который до тѣхъ поръ одинъ привлекалъ вниманіе зрителей; во второмъ случаѣ актеромъ, стоящимъ у рампы является ощущеніе: исчезая со сцены, какъ сквозь люкъ, этотъ актеръ позволяетъ видѣть другого, котораго онъ до тѣхъ поръ скрывалъ за собой.

V. Свойства и виды сновидѣній.—Большинство сновидѣній отличается *безпорядочностью и фантастичностью;* разумная связь представленій и идей уничтожается или, по крайней мѣрѣ, ослабѣваетъ въ нихъ. Правда, бываютъ сновидѣнія очень послѣдовательныя и связныя, но они являются исключеніями. На ряду съ нормальными сновидѣніями существуютъ патологическія формы ихъ. Къ такимъ патологическимъ формамъ принадлежатъ *сомнабулизмъ* и *гипнотизмъ*. Сомнабулизмъ есть не что иное, какъ *сновидѣніе въ дѣйствіи*, характеризуемое въ особенности отсутствіемъ всякихъ воспоминаній о немъ послѣ пробужденія. Гипнотизмъ есть тотъ же сомнабулизмъ, только вызываемый *искусственно* посредствомъ извѣстныхъ пріемовъ у людей, болѣе или менѣе предрасположенныхъ къ этому. Гипнотики подчиняются внушеніямъ лицъ, находящихся въ сношеніи съ ними, точно такъ-же, какъ естественные сомнабулы подчиняются внушеніямъ своихъ собственныхъ представленій [1]).

---

[1]) Сравн. выше гл. II, § VIII.

По ихъ происхожденію сновидѣнія можно раздѣлить на три класса. 1) Сновидѣнія, возникающія *изъ слабыхъ ощущеній, вызванныхъ внѣшними или внутренними впечатлѣніями.* Декарту, когда однажды онъ былъ укушенъ блохой, приснилось, что его пронзили шпагой. Мори, прислонившись затылкомъ къ пруту своей кровати, увидѣлъ во снѣ, что его осудили на смерть и обезглавили посредствомъ гильотины. 2) Сновидѣнія, возникающія *по ассоціаціи съ послѣднею случайною мыслью бодрственнаго состоянія.* Лицу, заснувшему съ мыслію о какой-нибудь войнѣ, можетъ присниться сраженіе. 3) Сновидѣнія, возникающія *изъ обычныхъ, наиболѣе вліятельныхъ и постоянныхъ представленій и мыслей бодрственнаго состоянія.* Школьнику снятся его учителя, полководцу—его солдаты.

Сновидѣнія могутъ служить намъ средствомъ къ самопознанію: они иногда обнаруживаютъ предъ нами неизвѣстныя стороны нашей души, вскрываютъ тайныя влеченія, требующія надзора. Мы, конечно, не отвѣтственны за свои сновидѣнія, но мы отвѣтственны за тѣ свойства нашей духовной природы, которыя въ нихъ выражаются.

РЕЗЮМЭ.

I.—*Галлюцинація* есть *представленіе, достигшее силы ощущенія и объективированное вслѣдствіе этого въ формѣ внѣшняго воспріятія.* Стремленіе объективироваться, свойственное въ большей или меньшей степени всѣмъ представленіямъ, основывается на томъ же *актѣ умозаключенія*, благодаря которому мы переносимъ за предѣлы сознанія первоначальныя ощущенія.

II.—Галлюцинаціи провѣряются путемъ *сравненія ихъ* съ другими ощущеніями и съ обычными законами природы.

III.—Когда нѣсколько лицъ находятся подъ властью однихъ и тѣхъ-же представленій, то становятся возможными *коллективныя галлюцинаціи.* Такія галлюцинаціи провѣряются посредствомъ сравненія свидѣтельствъ очевидцевъ.

IV.—*Сновидѣніе* есть родъ нормальной галлюцинаціи во время сна. Различіе сновидѣній и галлюцинацій въ собственномъ смыслѣ слова заключается только въ томъ, что въ галлюцинаціяхъ *представленія становятся сильнѣе встрѣчныхъ ощущеній* и подавляютъ ихъ, а въ сновидѣніяхъ *самыя ощущенія исчезаютъ*, уступая свободное мѣсто представленіямъ.

V.—Сновидѣнія въ большинствѣ случаевъ бываютъ *безсвязны* и лишь изрѣдка имѣютъ разумный характеръ. Патологическими формами сновидѣній являются *сомнабулизмъ* и *гипнотизмъ*. Сомнабулизмъ есть *сновидѣніе въ дѣйствіи*, забываемое при пробужденіи, а гипнотизмъ есть *искусственный* сомнабулизмъ. По ихъ происхожденію сновидѣнія можно раздѣлить на три класса: 1) сновидѣнія, внушенныя дѣйствительными *ощущеніями*; 2) сновидѣнія, внушенныя *послѣднею мыслью* бодрственнаго состоянія; 3) сновидѣнія, внушенныя *привычками бодрственнаго состоянія*. Мы не отвѣтственны за свои сны; но въ нихъ иногда обнаруживается существованіе влеченій и представленій, которыя намъ важно знать.

Литература.

*Вундтъ, Физіологическая психологія, II.—*Вундтъ, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, 2 изд.—*Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—*Вундтъ*, Гипнотизмъ и внушеніе.—*Ульрици*, Тѣло и душа.—*Цигенъ*, Физіологическая психологія.—**Геффдингъ*, Очерки психологіи.—*Карпентеръ*, Основанія физіологіи ума.—*Маудсли*, О снѣ и сновидѣніяхъ.—*Джемсъ*, Психологія.—**Тэнъ*, Объ умѣ и познаніи.—*Мори*, Сонъ и сновидѣнія.—*Мейнертъ*, Объ искусственныхъ нарушеніяхъ психическаго равновѣсія.—*Бони*, Гипнотизмъ.—*Бинэ и Ферэ*, Животный магнетизмъ.—*Марренъ*, Гипнотизмъ въ теоріи и на практикѣ.—*Симонъ*, Міръ грезъ.—*Реньяръ*, Умственныя эпидеміи.—*Гротъ*, Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа.—*Снегиревъ*, Ученіе о снѣ и сновидѣніяхъ.—*Гиляровъ*, Гипнотизмъ.—*Козловъ*, Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики.—*Манассеина*, Сонъ, какъ треть жизни человѣка.—*Тархановъ*, Гипнотизмъ, внушеніе и чтеніе мыслей.—*Кандинскій*, Общепонятные психологическіе этюды.—*Кандинскій*, О псевдогаллюцинаціяхъ.—*Форель*, Гипнотизмъ, его значеніе и примѣненіе. *Гризингеръ*, Душевныя болѣзни.—*Корсаковъ*, Курсъ психіатріи.—**Штерингъ*, Психопатологія въ примѣненіи къ нормальной психологіи.—*Соколовъ*, Вѣра. Психологическій этюдъ.

ГЛАВА XXXV.

Человѣкъ и животное.

I. Понятіе сравнительной психологіи.—II. Различіе между человѣкомъ и животнымъ.—III. Аргументы Декарта въ пользу автоматизма животныхъ и критика этихъ аргументовъ.—IV. Критика взглядовъ Монтэня.—V. Умъ животныхъ.—VI. Человѣческій умъ.

I. Понятіе сравнительной психологіи.—Вопросъ о психологическомъ отношеніи человѣка и животныхъ принадлежитъ къ области такъ называемой „*сравнительной психологіи*“. Подъ именемъ сравнительной психологіи разумѣется *наука о явленіяхъ сознанія у различныхъ видовъ сознательныхъ существъ*. Ея задача состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, сравнить психическую жизнь здороваго и цивилизованнаго взрослаго человѣка съ психической жизнью ребенка, сумасшедшаго, идіота и дикаря, съ другой—сравнить душевный міръ людей съ душевною жизнью животныхъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ послѣдней проблемой. Такимъ образомъ, мы разсмотримъ въ самыхъ общихъ чертахъ лишь одну отрасль сравнительной психологіи.

II. Различіе между человѣкомъ и животнымъ.—Мы могли-бы въ двухъ словахъ опредѣлить различіе, отдѣляющее, на нашъ взглядъ, человѣка отъ животнаго: по нашему мнѣнію, достаточно одной *аффективной психологіи*, для объясненія всѣхъ дѣйствій животныхъ, тогда какъ необходима *рефлексивная психологія* для объясненія всего того, что

нашъ личный опытъ констатируетъ въ насъ самихъ. Такимъ образомъ, и человѣкъ, и животное обладаетъ психической жизнью, но между ихъ психическими свойствами существуетъ не простое различіе въ степени, а настоящее различіе *по природѣ*. Каковы бы ни были отношенія физической организаціи животнаго къ физической организаціи человѣка, между человѣческимъ умомъ и умомъ животныхъ всегда будетъ существовать непроходимая бездна.

Кромѣ этого взгляда, который кажется намъ единственно правильнымъ, существуетъ еще три главныхъ мнѣнія о психической природѣ животныхъ и ея отношеніи къ духовной природѣ человѣка. Именно, Декартъ отрицалъ у животныхъ всякій умъ и превращалъ ихъ въ простыя машины или автоматы: это *теорія автоматизма* Монтэнь, напротивъ, приписывалъ имъ разумъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, сенсуалисты, объясняющіе всю душевную жизнь человѣка изъ ощущеній и ассоціацій, сводятъ къ тѣмъ же процессамъ и умъ животныхъ. Такимъ образомъ, если Декартъ лишаетъ животныхъ всякой психической жизни, то двѣ послѣднія теоріи усвояютъ имъ съ различныхъ точекъ зрѣнія тѣ-же психическія качества, какъ и человѣку. Разсмотримъ эти мнѣнія.

III. Аргументы Декарта въ пользу автоматизма животныхъ и критика этихъ аргументовъ.—Ученіе Декарта было очень точно изложено Лафонтеномъ въ слѣдующихъ стихахъ его знаменитой басни:

Картезіанцы говорятъ:

„Que la bête est une machine;
Qu' en elle tout se fait sans choix et par ressorts:
Nul sentiment, point d'âme, en elle tout est corps.
Telle est la montre qui chemine
A pas toujours égaux, aveugle et sans dessein;

Ouvrez-la, lisez dans son sein,
Mainte roue y tient lieu de tout l' esprit du monde,
La première y meut la seconde
Une troisième suit, elle sonne à la fin.
Au dire de ces gens, là bête est toute telle“ [1]).

Первый фактъ, на который опирается Декартъ, есть *отсутствіе языка у животныхъ*. Если животныя не говорятъ, то не потому, чтобы имъ не доставало органовъ рѣчи: сороки и попугаи могутъ произносить слова. Причина этого въ томъ, что имъ не достаетъ разума. Второй фактъ, приводимый имъ въ пользу своей теоріи, заключается въ томъ, что *всѣ дѣйствія животныхъ могутъ быть объяснены посредствомъ автоматизма*. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы автоматъ могъ отвѣчать на всѣ внѣшнія возбужденія соотвѣтствующимъ движеніемъ, необходимо лишь одно условіе: устроившій его механикъ долженъ быть только достаточно разуменъ, чтобы предусмотрѣть всѣ обстоятельства, въ какихъ можетъ оказаться автоматъ, и достаточно искусенъ, чтобы приспособить механизмъ къ этимъ обстоятельствамъ. Но механикъ, создавшій животныхъ, есть не кто иной, какъ Богъ, а Богъ не можетъ имѣть недостатка ни въ разумѣ, ни въ искусствѣ. Поэтому, если животныя исполняютъ въ совершенствѣ извѣстныя дѣйствія, то это совершенство не ихъ дѣло, а дѣло Бога.

Первый изъ этихъ аргументовъ дѣйствительно доказываетъ

---

[1]) Что животное есть машина, что у него все дѣлается безъ разбора, при помощи пружинъ: у него нѣтъ ни чувства, ни души, а только одно тѣло. Таковы часы, идущіе всегда одинаково ровно, слѣпо, безъ намѣренія. Откройте ихъ и разсмотрите ихъ внутренность: множество колесъ замѣняетъ здѣсь всякій умъ; первое колесо приводитъ въ движеніе второе, третье слѣдуетъ за ними и, наконецъ, часы бьютъ. По словамъ этихъ людей, животное совершенно таково-же“.

что животныя не имѣютъ разума, но онъ *не доказываетъ, что они лишены всякой психической жизни* и не имѣютъ ни ощущенія, ни чувства, какъ утверждалъ Декартъ.— Второй аргументъ есть лишь выраженіе той самой гипотезы, которую требуется доказать и которая на дѣлѣ *опровергается своими собственными слѣдствіями.* Въ самомъ дѣлѣ, если мы допустимъ, что посредствомъ автоматизма можно объяснить всѣ дѣйствія животныхъ, то такимъ же путемъ можно объяснить и дѣйствія человѣка. Вѣдь, всѣ наши акты, разсматриваемые совнѣ, представляютъ собой только опредѣленное количество движеній, которыя могутъ быть объяснены разумомъ и искусствомъ создавшаго ихъ механика. Между тѣмъ, мы хорошо знаемъ, что сознаніе этихъ актовъ существуетъ, потому что мы ихъ чувствуемъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи къ намъ эта гипотеза оказывается несомнѣнно ложною; отсюда, она должна быть ложною и въ отношеніи къ животнымъ. Впрочемъ, ложность гипотезы Декарта очевидна и съ другой точки зрѣнія. Сознаніе и ощущеніе связаны у человѣка съ существованіемъ нервной системы, а нервная система существуетъ и у животныхъ. Обладая органическимъ условіемъ психической жизни, животныя должны обладать и тѣмъ, что обусловлено имъ. Наконецъ, мы наблюдаемъ у животныхъ различное выраженіе взгляда, различныя позы, различные крики, за которыми чувствуется удовольствіе и страданіе, сознаніе и воспріятіе внѣшнихъ вещей. Ничего подобнаго никогда не могутъ имѣть самые совершенные автоматы. Такимъ образомъ, *животныя обладаютъ сознаніемъ*; они чувствуютъ и ихъ дѣйствія являются отвѣтомъ на ихъ чувства и ощущенія.

IV. Критика взглядовъ Монтэня.—Но значитъ-ли это, что животныя обладаютъ разумомъ, подобнымъ нашему? Такое мнѣніе защищалъ нѣкогда (серьезно или, можетъ быть,

въ шутку) Монтэнь, который, опираясь на цѣлесообразныя дѣйствія животныхъ, усвоялъ имъ въ своей „*Апологіи Раймунда Сабундскаго* [1]) всѣ виды самыхъ остроумныхъ умозаключеній.

Безъ сомнѣнія, цѣлесообразныя дѣйствія животныхъ всегда можно подвести подъ форму умозаключеній: будучи разумными сами, мы всегда склонны истолковывать въ такомъ же смыслѣ и дѣйствія другихъ существъ. Но съ этой точки зрѣнія мы могли-бы приписать подобныя же мыслительныя операціи и каплѣ воды, которая, встрѣтивъ препятствіе, останавливается какъ-бы въ раздумьи и затѣмъ продолжаетъ свое теченіе по линіи наименьшаго сопротивленія. Безъ сомнѣнія, все въ природѣ подчинено законамъ и, слѣдовательно, обнаруживаетъ разумность, которую можетъ открыть нашъ разумъ. Но вопросъ въ томъ, можно-ли считать эту разумность вещей проявленіемъ *ихъ собственнаго разума* и *отдаютъ ли онъ сами себѣ отчетъ въ ней?* Вѣдь, какъ мы достаточно знаемъ по собственному опыту, послѣднее не всегда бываетъ даже у существъ, одаренныхъ сознаніемъ и мыслью. Напр., я иду по улицѣ, читая газету, и въ то-же время вижу прохожихъ, обхожу препятствія, сворачиваю, гдѣ нужно, на перекресткахъ и т. п. Всѣ эти дѣйствія, повидимому, требуютъ размышленія, и нѣтъ ничего легче, какъ размышлять о нихъ послѣ нихъ. Однако, я вполнѣ увѣренъ, что совершая ихъ, я о нихъ не размышлялъ, что они исполнены безъ особаго вмѣшательства разума, въ томъ смутномъ состояніи сознанія, когда было достаточно только моего чувственнаго опыта и моихъ прежнихъ ассоціацій, чтобы руководить мной. Таково и есть постоянное состояніе сознанія у животныхъ.

Выше приведенный доводъ Декарта вполнѣ доказываетъ,

---

[1]) *Essais*, l. II, ch. XII.

что умъ животныхъ нельзя смѣшивать съ разумомъ. *Языкъ* дѣйствительно стоитъ въ неразрывной связи съ разумною мыслью. Всякое существо обладающее разумомъ и органами рѣчи, должно говорить. Животное не говоритъ, слѣдовательно, оно не имѣетъ разума. Далѣе, разумъ порождаетъ *изобрѣтательность* и создаетъ *науку*, благодаря которой мы получаемъ безчисленныя средства предвидѣть различныя случайности и воздѣйствовать на окружающую среду съ цѣлью *приспособить ее къ себѣ*, вмѣсто того, чтобы самимъ къ ней приспособляться. Животное не обладаетъ наукой и ничего не изобрѣтаетъ, малѣйшее затрудненіе останавливаетъ его, и тѣ изъ животныхъ, которыя совершаютъ самыя разумныя вещи, оказываются именно самыми глупыми, какъ скоро измѣняются обычныя условія ихъ дѣятельности. Они подчиняются своей средѣ и болѣе или менѣе хорошо приспособляются къ ней, но не умѣютъ воздѣйствовать на нее. Животное не способно добывать огня, хотя и нуждается въ немъ; оно не умѣетъ одѣваться. Когда климатъ не благопріятствуетъ ему, оно умѣетъ только умереть или уйти въ новыя условія. Напротивъ, человѣкъ, благодаря своей разумности, можетъ приспособиться ко всякому климату, приспособляя къ себѣ условія среды.

V. Умъ животныхъ.—Итакъ, въ вопросѣ объ умѣ животныхъ мы должны согласиться съ мнѣніемъ *сенсуалистовъ*. Психологія Юма и Стюарта Милля является превосходнымъ резюмэ того, къ чему способенъ умъ высшихъ животныхъ. Вся „аффективная психологія“ обща животному и человѣку. Животное обладаетъ *простѣйшими состояніями сознанія*, имѣетъ ощущенія, чувственныя представленія, низшія чувствованія, память, привычки, стремленія, инстинктъ. Его представленія *ассоціируются и комбинируются*. Оно можетъ даже посредствомъ общихъ представленій, образовавшихся на почвѣ

прежняго опыта, до нѣкоторой степени предугадывать будущій опытъ; оно можетъ имѣть, благодаря привычкѣ къ послѣдовательнымъ ассоціаціямъ, смутное стремленіе ожидать будущаго, сходнаго съ представленіями прошлаго, возникающими въ его памяти. Такимъ образомъ, животное имѣетъ нѣкоторый практическій эквивалентъ идеи причинности и нѣкоторое чувство всеобщей связи вещей [1]). Но все это лишь *непредъленныя стремленія, смутныя чувства*. Это то-же, что мы сами испытываемъ въ низшей сферѣ нашего сознанія, когда его высшая сфера занята ясными мыслями. Такія смутныя психическія состоянія мы видѣли въ приведенномъ ранѣе примѣрѣ человѣка, идущаго по улицѣ *(низшая сфера сознанія)* и читающаго газету *(высшая сфера)*.

VI. Человѣческій умъ.—Что же касается насъ, людей, то мы чувствуемъ въ себѣ существованіе и различіе этихъ двухъ сферъ сознанія съ непосредственною ясностью, предшествующей всякія разсужденія. Отмѣчая въ разныхъ главахъ „Рефлексивной психологіи“ безсиліе эмпирической теоріи объяснить изъ низшихъ состояній высшія психическія явленія, въ особенности общія идеи и законы мышленія, мы тѣмъ самымъ показали необходимость приписать человѣку универсальный *разумъ*, безконечно возвышающійся надъ чисто-эмпирическимъ умомъ животнаго. Вѣдь и въ физическомъ отношеніи человѣкъ различается отъ животнаго, хотя это различіе несравненно менѣе, чѣмъ разница ихъ психическихъ свойствъ. Надбровныя дуги у самаго грубаго дикаря гораздо меньше выдаются, чѣмъ у самой высшей обезьяны. Прогнатизмъ [2]) точно также является менѣе выраженнымъ. Изученіе челюсти „дріопитека“ [3]),

---

[1]) Срав. гл. VIII, IX, X.

[2]) Удлиненіе челюстей.

[3]) Ископаемой обезьяны, которая, будто бы, наиболѣе приближается къ человѣку.

найденнаго антропологомъ Годри, показало этому ученому, что даръ слова былъ невозможенъ для этого животнаго вслѣдствіе незначительности мѣста оставленнаго для языка. Дріопитекъ могъ говорить не болѣе, чѣмъ теперешнія обезьяны. Такимъ образомъ, человѣкъ по праву занимаетъ высшее и господствующее положеніе въ природѣ, которое за нимъ всегда признавалось. Подобно минераламъ, онъ имѣетъ *бытіе*; подобно растеніямъ, онъ обладаетъ *жизнью*; вмѣстѣ съ животными онъ имѣетъ *ощущеніе и низшую форму ума*; но только онъ одинъ на землѣ обладаетъ *разумомъ*, т. е. способностью познавать себя и міръ, открывать законы міровой и своей собственной жизни, возвышаться отъ познанія вещей и законовъ до познанія высшаго Виновника законовъ и вещей, различать въ мірѣ верховное господство права и священное величіе долга, уважать въ подобныхъ себѣ то самое право, которое, по его внутреннему сознанію, они должны уважать въ немъ самомъ. Вотъ почему человѣкъ обладаетъ наукой, нравственностью, обществомъ и религіей. Это—*животное разумное, нравственное, общественное и религіозное.* Самая высшая обезьяна не имѣетъ ни науки, ни религіи, она не знаетъ нравственности и, слѣдовательно, существа права и общежитія. Она всегда будетъ только звѣремъ.

РЕЗЮМЭ.

I.—Вопросъ о психологическомъ отношеніи человѣка и животныхъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ проблемъ *сравнительной психологіи*, т. е. науки о явленіяхъ сознанія у различныхъ видовъ сознательныхъ существъ.

II.—Душевная жизнь животныхъ различается отъ душевной жизни человѣка не только въ степени, но и *по существу*. Кромѣ этого взгляда, который кажется намъ единственно правильнымъ, возможны еще три теоріи въ данномъ вопросѣ: 1) Декартова теорія *автоматизма* животныхъ, отрицавшая у нихъ всякую психическую жизнь, 2) теорія Монтэня, усвоявшая животнымъ человѣческій *разумъ*, и

3) теорія сенсуалистовъ, объясняющая всю душевную жизнь человѣка и животныхъ изъ однихъ только *ощущеній и ассоціацій.*

III.—Декартъ пытался доказать свою теорію двумя доводами: 1) животныя *не говорятъ* и, слѣдовательно, не мыслятъ; 2) всѣ ихъ дѣйствія *можно объяснить посредствомъ автоматизма.* Первый доводъ дѣйствительно доказываетъ, что животныя не имѣютъ разумной мысли, но онъ *не доказываетъ, чтобы они лишены были психической жизни вообще.* Второй доводъ, *ничего не доказываетъ,* потому что доказываетъ слишкомъ много: при помощи его можно было-бы придти къ заключенію, что и люди только автоматы. Существованіе психики у животныхъ доказывается не только *теоретически,*—аналогіей съ человѣкомъ,—но и *фактами:* существованіемъ у нихъ нервной системы и видимыми проявленіями ихъ душевныхъ состояній.

IV.—Монтэнь, опираясь на цѣлесообразность дѣйствій животныхъ, усвоялъ имъ всѣ виды разумныхъ умозаключеній. Но съ этой точки зрѣнія можно было-бы приписать мыслительныя операціи *любой вещи въ природѣ.* Объяснять цѣлесообразныя дѣйствія животныхъ существованіемъ у нихъ разумнаго мышленія нельзя уже потому, что мы сами исполняемъ множество такихъ дѣйствій, не размышляя о нихъ. Кромѣ того, отсутствіе разума у животныхъ доказывается *отсутствіемъ у нихъ языка, изобрѣтательности, науки и умѣнья подчинять себѣ природу.*

V.—Такимъ образомъ, въ вопросѣ объ умѣ животныхъ мы должны стать на точку зрѣнія *сенсуалистовъ.* Животныя обладаютъ лишь *низшими психическими процессами,* составляющими область „аффективной психологіи". Они имѣютъ ощущенія, память, ассоціаціи, низшія чувствованія, привычки, инстинктъ и даже общія представленія. Но всѣ эти процессы являются у нихъ лишь въ формѣ *смутныхъ состояній и неопредѣленныхъ стремленій.*

VI—Иными свойствами характеризуется духовная природа человѣка. Кромѣ низшихъ, „аффективныхъ" состояній, общихъ ему съ животными, человѣкъ обладаетъ высшими, „рефлексивными" процессами. Отличаясь отъ животныхъ въ физическомъ отношеніи, онъ еще болѣе отличается отъ нихъ по своимъ психическимъ качествамъ. Онъ одинъ обладаетъ *разумомъ* и *идеями;* онъ одинъ имѣетъ познаніе, науку, нравственность, право, общественные идеалы, религію. Это—*животное разумное, нравственное, общественное и религіозное.*

Литература.

Декартъ, Разсужденіе о методѣ (5 ч.).—"*Флурансъ*, Объ инстинктѣ и умѣ животныхъ,—*Фабръ*, Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ.—**Рибо*,

Эволюція общихъ идей.—*Дарвинъ*, Происхожденіе видовъ.—*Дарвинъ*, Происхожденіе человѣка.—*Ромэнсъ*, Умъ животныхъ.—*Ромэнсъ*, Умственное развитіе человѣка.—*Морганъ*, Привычка и инстинктъ.—*Лёббокъ*, Муравьи, пчелы и осы.—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, I.—*Льюисъ*, Вопросы о жизни и духѣ.—*Карусъ*, Сравнительная психологія—*Лотце*, Микрокозмъ, II.—**Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, 2 изд.—*Джемсъ*, Психологія.—*Вагнеръ*, Вопросы зопсихологіи—**Вагнеръ*, Психологія животныхъ.—*Соколовъ*, Къ вопросу о психологическомъ отношеніи человѣка и животныхъ (*Богосл. Вѣстникъ*, 1893, мартъ).—*Холодковскій*, Инстинктъ и разумъ (*Научное Обозр.*, 1897, январь).—*Бюхнеръ*, Психическая жизнь животныхъ.—*Метерлинкъ*, Жизнь пчелъ.—*Сикорскій*, Всеобщая психологія.

ГЛАВА XXXVI.

Душа и тѣло.

I Двойственность человѣческой природы.—II. Взаимодѣйствіе души и тѣла.—III. Критика матеріализма.—IV. Критика феноменизма.—V Заключеніе.

Двойственность человѣческой природы.—Устанавливая различіе психологическихъ и физіологическихъ явленій [1]), мы тѣмъ самымъ на дѣлѣ показали *двойственность нашей природы.* Эти два рода явленій несводимы другъ къ другу, и никакія логическія ухищренія никогда не позволятъ непосредственно перейти отъ нервнаго движенія, совершающагося въ пространствѣ, къ ощущенію которое по существу чуждо пространственныхъ свойствъ. Это эмпирическое различіе психическихъ и физіологическихъ процессовъ признаютъ всѣ сколько-нибудь выдающіеся философы,—и спиритуалисты, и сенсуалисты, и даже матеріалисты. Итакъ, у человѣка существуетъ двѣ группы явленій: съ одной стороны, *непространственныя и сознательныя*, составляющія *духъ*, съ другой—*пространственныя и лишенныя сознанія*, образующія *тѣло.*

II. ***Взаимодѣйствіе души и тѣла*** [2]).—Между этими двумя группами явленій существуетъ *тѣсная связь и непрерывное взаимодѣйствіе*: не нарушая самостоятельности

---

[1]) Гл. I, § III.

[2]) Перераб. *ред.*

другъ друга, тѣлесныя состоянія оказываютъ вліяніе на душевные процессы, а душевные процессы въ свою очередь вліяютъ на тѣлесныя состоянія.

Вліяніе тѣла на духъ очевидно. Когда тѣло здорово, то и душевная жизнь является болѣе уравновѣшенной. Нѣкоторымъ болѣзнямъ, каковы ракъ желудка или даже просто хроническое разстройство пищеваренія, соотвѣтствуютъ замѣтныя измѣненія въ характерѣ, который становится мрачнымъ, унылымъ и раздражительнымъ.

Между *мозгомъ и мыслью* существуетъ несомнѣнное *соотношеніе*. Если мозгъ взрослаго человѣка вѣситъ менѣе 1000 граммовъ, то субъектъ бываетъ слабоумнымъ или идіотомъ. И наоборотъ, выдающіяся умственныя дарованія обыкновенно соединяются съ выдающимся вѣсомъ мозга. Однако, это соотношеніе не безусловно, и допускаемыя имъ многочисленныя исключенія показываютъ, что духъ и тѣло, не смотря на ихъ постоянное взаимодѣйствіе, по существу *независимы* другъ отъ друга. Такъ, въ спискѣ 23 знаменитыхъ, или, по крайней мѣрѣ, очень выдающихся людей, составленномъ англійскимъ анатомомъ Чарльтономъ Бастіаномъ, находимъ 18 мозговъ, вѣсъ которыхъ выше 1300 граммовъ, и 4 мозга съ вѣсомъ значительно меньшимъ этой средней нормы. Ограничиваясь однимъ только примѣромъ, укажемъ, что мозгъ ученаго минералога Гаусмана вѣсилъ лишь 1226 граммовъ, тогда какъ средній вѣсъ мозга парижскаго лавочника равняется 1360 граммамъ.

Къ такимъ же заключеніямъ приводятъ изслѣдованія *мозговой локализаціи психическихъ функцій*. Еще знаменитый французскій физіологъ половины XIX в. Флуранъ показалъ, что интеллектуальныя и чувствительныя функціи стоятъ въ связи съ сѣрымъ *корковымъ слоемъ* полушарій большого мозга. Но онъ утверждалъ, что мозговая корка

функціонируетъ одинаково на всемъ своемъ пространствѣ и не заключаетъ въ себѣ никакихъ спеціальныхъ центровъ для отдѣльныхъ душевныхъ способностей и процессовъ. Позднѣйшія наблюденія, однако, опровергли этотъ взглядъ. Такъ, антропологъ Брока нашелъ спеціальный *центръ рѣчи* въ третьей лобной извилинѣ лѣваго полушарія, при разрушеніи которой больные теряли способность произносить слова („афазія“). Дальнѣйшія изслѣдованія обнаружили, что въ этой извилинѣ и въ смежныхъ съ нею частяхъ мозговой корки локализированы даже такія способности, какъ способность читать, писать и понимать звуки рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ открыты были корковые центры для *ощущеній* [1]), различныхъ видовъ *движеній* и *ассоціативныхъ процессовъ*. Не смотря на то, что результаты этихъ изслѣдованій заключаютъ въ себѣ много противорѣчій и имѣютъ лишь приблизительную точность, фактъ локализаціи такихъ психическихъ или, точнѣе, *психофизіологическихъ* функцій, какъ рѣчь, ощущенія и движенія, является, повидимому, несомнѣннымъ: будучи связаны съ дѣятельностью чувствительныхъ и двигательныхъ нервовъ, эти функціи естественно стоятъ въ связи и съ тѣми мѣстами мозговой корки, въ которыхъ находятся центральныя окончанія данныхъ нервовъ. Однако, тѣ же изслѣдованія показали, что эта локализація не безусловна, и утраченные центры извѣстныхъ функцій могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣниться другими. Такъ, люди, страдающіе афазіей, иногда могутъ вновь научиться говорить, хотя третья лѣвая лобная извилина остается у нихъ разрушенною. Такимъ образомъ, при всей своей зависимости отъ мозгового аппарата, психическія отправленія являются по существу самостоятельными.

---

[1]) См. о нихъ выше гл. IV.

Если тѣлесные процессы вліяютъ на душевныя состоянія, то и, наоборотъ, *душевныя состоянія производятъ такое же дѣйствіе на тѣлесные процессы.* Сами врачи констатируютъ, какое могущественное вліяніе оказываютъ на больныхъ надежда исцѣленія, страхъ смерти, отчаяніе, мужество, энергія. Какъ мы видѣли, всякое представленіе имѣетъ способность къ реализаціи. Чувствованія, волненія и страсти дѣйствуютъ на состояніе тѣлесныхъ органовъ, усиливая или ослабляя ихъ функціи. Новѣйшія физіологическія изслѣдованія показываютъ, что даже пищевареніе, которое прежде считалось чисто механическимъ процессомъ, находится въ громадной зависимости отъ психическихъ факторовъ.

Что же значитъ это постоянное взаимодѣйствіе психическихъ и физіологическихъ процессовъ? Не свидѣтельствуетъ-ли оно о томъ, что душа и дѣло суть *два различныхъ начала*, соединенныхъ природой для совмѣстнаго осуществленія цѣлей жизни? Или, быть можетъ, его нужно объяснить иначе? Быть можетъ, это взаимодѣйствіе есть чисто *призрачный феноменъ*, скрывающій подъ собой безусловную *причинную зависимость* психическихъ процессовъ отъ физіологическихъ, или полное совпаденіе и внутреннее *тожество* ихъ другъ съ другомъ? Такъ именно объясняютъ фактъ психофизіологическаго взаимодѣйствія *матеріализмъ* и *феноменизмъ*, и намъ нужно разсмотрѣть эти гипотезы.

III. Критика матеріализма.—Матеріализмъ утверждаетъ, что сознаніе есть не болѣе, какъ извѣстная модификація физіологическихъ процессовъ, и потому не можетъ имѣть на нихъ никакого вліянія. Оно есть особенная функція нервныхъ центровъ, преимущественно головного мозга. Психическія явленія суть только субъективные призраки, *неимѣющіе никакого реальнаго существованія.* А то, что не имѣетъ никакого существованія, не можетъ ничего и про-

изводить. Такимъ образомъ, состоянія сознанія представляютъ собой *призрачные продукты или своеобразныя видоизмѣненія органическихъ состояній*, неспособные оказывать на нихъ ни малѣйшаго воздѣйствія.

Но можно-ли допустить подобный взглядъ? Сказать, что страданіе и удовольствіе, которыя мы чувствуемъ, или идеи, которыя мы мыслимъ, совсѣмъ не имѣютъ реальнаго существованія, не значитъ-ли утверждать очевидную нелѣпость? Вѣдь если мое удовольствіе или страданіе ничто, то какая же дѣйствительность можетъ имѣть для меня большую цѣнность? Матеріализмъ допускаетъ здѣсь софизмъ, который для него обыченъ,—софизмъ, основанный на *petitio principii*. Онъ утверждаетъ, что все, что нематеріально, все, чего нельзя взвѣсить на вѣсахъ или измѣрить аршиномъ, не существуетъ, и на этомъ основаніи отказываетъ въ реальномъ существованіи психическимъ явленіямъ. Но онъ забываетъ или не хочетъ понять, что на самомъ дѣлѣ *никакая реальность не можетъ быть для насъ болѣе очевидной, чѣмъ реальность состояній нашего собственнаго сознанія.*

Съ другой стороны, считать психическія явленія продуктомъ или модификаціей физіологическихъ процессовъ — значитъ *не понимать ихъ своеобразной природы и противорѣчить закону причинности.* Какъ мы знаемъ, психическія явленія непространственны, нематеріальны и сознательны. Какимъ же образомъ они могутъ быть продуктомъ или видоизмѣненіемъ такихъ процессовъ, которые по своей природѣ противоположны имъ, процессовъ матеріальныхъ, пространственныхъ и чуждыхъ сознанія? По закону причиннаго отношенія, въ дѣйствіи можетъ заключаться лишь то, что дано въ его причинѣ. Если же въ психическихъ явленіяхъ не заключается ничего, свойственнаго физіологи-

ческимъ процессамъ, то, очевидно, они и не могутъ быть ихъ дѣйствіемъ.

IV. Критика феноменизма.—По мнѣнію феноменистовъ, психическіе и физіологическіе процессы суть только *два рода явленій или двѣ стороны одной и той же реальности*, стороны — *внутренняя* и *внѣшняя*. Психическія явленія не зависятъ отъ физіологическихъ: они только выражаютъ ихъ на другомъ языкѣ. Точно такъ-же и физіологическія явленія не зависятъ отъ психическихъ: они составляютъ только параллель имъ. Эти два ряда явленій не вторгаются другъ въ друга и не обусловливаются взаимно; они только развиваются параллельно другъ другу, такъ что явленіе одного ряда всегда въ точности соотвѣтствуетъ явленію другого. Поэтому нужно говорить не о взаимодѣйствіи ихъ, а только объ ихъ *параллелизмѣ* или гармоніи.

Эта теорія, извѣстная въ настоящее время подъ названіемъ *теоріи психофизіологическаго параллелизма*, въ сущности очень напоминаетъ ту своеобразную систему, которую нѣкогда хотѣлъ обосновать метафизическимъ путемъ Лейбницъ,—его систему „предустановленной гармоніи“. Какъ извѣстно, по мнѣнію Лейбница, душа и тѣло походятъ на двое часовъ, которые заранѣе такъ установлены, что показываютъ всегда одинъ и тотъ-же часъ на двухъ различныхъ циферблатахъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что съ точки зрѣнія разсматриваемой теоріи *сознаніе и мысль являются совершенно безполезнымъ придаткомъ къ физіологическому механизму*. Въ самомъ дѣлѣ, человѣческая дѣятельность по этой теоріи нисколько не измѣнилась-бы, если-бы сознаніе и мысль совсѣмъ не существовали въ мірѣ. Мыслю я или нѣтъ, моя рука все равно напишетъ эти строки въ эту самую минуту. Процессы въ моемъ тѣлѣ будутъ слѣдовать другъ за другомъ

въ томъ же самомъ порядкѣ, мой мозгъ будетъ такъ же окисляться, мои нервы будутъ передавать импульсы моимъ мускуламъ, моя рука будетъ производить тѣ-же самыя движенія, и буквы, которыя я пишу, ни въ чемъ не измѣнятся. Моего тѣлеснаго автоматизма будетъ достаточно, чтобы объяснить все. Такимъ образомъ, какъ справедливо замѣчаетъ Рабье, по этой теоріи всякое человѣческое искусство и всякая человѣческая предусмотрительность были бы только иллюзіями.

Все это конечно, очень невѣроятно. Наше сознаніе протестуетъ противъ такого взгляда. Мы чувствуемъ дѣятельность нашей мысли и знаемъ, что именно эта мысль управляетъ движеніями нашего тѣла въ каждомъ волевомъ актѣ.

V. Заключеніе.—Итакъ, фактъ *взаимодѣйствія* психическихъ и физіологическихъ процессовъ остается неопровержимымъ, а вмѣстѣ съ нимъ сохраняетъ справедливость и убѣжденіе большинства людей, что душа и тѣло суть *два самостоятельныхъ начала, соединенныхъ природой въ одно органическое цѣлое для совмѣстнаго осуществленія цѣлей жизни.* Эти два начала совершенно различны по своимъ свойствамъ, но они всюду проникаютъ и обусловливаютъ другъ друга: тѣло служитъ необходимымъ въ предѣлахъ нашего міра субстратомъ и орудіемъ души, а душа является необходимой силой, поддерживающей его жизнь и управляющей его движеніями. Будучи высшимъ началомъ нашей природы, душа должна господствовать надъ тѣломъ, и задача человѣка состоитъ въ томъ, чтобы все болѣе и болѣе расширять предѣлы ея власти. „Воинствующая душа,—говоритъ Боссюэтъ,—есть владычица тѣла, которое она одушевляетъ“, и это справедливо не только о „воинствующихъ душахъ“, но и о всякой душѣ, которая хочетъ употребить силы тѣла на служеніе мысли, на пріобрѣтеніе знаній и на осуществленіе добродѣтели.

РЕЗЮМЭ.

I.—Психическія и физіологическія явленія различны по своей природѣ и несводимы другъ къ другу. Психическія явленія *непространственны и сознательны*; физіологическія *пространственны и безсознательны*. Совокупность первыхъ образуетъ *духъ*, совокупность вторыхъ—*тѣло*.

II.—Но будучи различными по природѣ, эти двѣ группы явленій находятся въ *тѣсной связи и непрерывномъ взаимодѣйствіи*. Нормальныя и болѣзненныя *состоянія тѣла отражаются на ходѣ душевной жизни*. Между развитіемъ мозга и мыслью существуетъ несомнѣнное, хотя и далеко не безусловное, соотвѣтствіе. Нѣкоторыя психофизіологическія функціи, каковы рѣчь, ощущенія и движенія, повидимому, локализированы въ опредѣленныхъ частяхъ мозговой корки. Въ свою очередь, *психическія состоянія*—представленія, чувства, волненія, страсти—*оказываютъ могущественное вліяніе на тѣло*, усиливая или ослабляя его функціи.

III.—Это взаимодѣйствіе отвергается *матеріализмомъ* и *феноменизмомъ*. По мнѣнію *матеріалистовъ*, психическія явленія *не имѣютъ реальнаго существованія* и потому не могутъ вліять на тѣло; они находятся въ *причинной зависимости* отъ физіологическихъ процессовъ и составляютъ лишь *продуктъ или модификацію ихъ*. Отрицать реальность психическихъ явленій — конечно, абсурдъ, такъ какъ ничто въ мірѣ не можетъ быть реальнѣе для насъ, чѣмъ *состоянія нашего собственнаго сознанія*. Что-же касается мысли о причинной зависимости этихъ явленій отъ физіологическихъ процессовъ, то она *противорѣчитъ закону причинности*, по которому въ дѣйствіи не можетъ заключаться ничего такого, что не содержится въ его причинѣ.

IV.—По мнѣнію *феноменистовъ*, ни психическіе, ни физіологическіе процессы не могутъ дѣйствовать другъ на друга; они представляютъ собой только *два замкнутыхъ параллельныхъ ряда явленій или двѣ разныхъ стороны одной и той-же реальности*. Съ этой точки зрѣнія психическая жизнь была бы *совершенно ненужной*, и внѣшнія дѣйствія человѣка остались-бы совершенно такими-же, если бы ни сознанія, ни мысли у него не существовало. Такой взглядъ, конечно, противорѣчитъ дѣйствительности.

V.—Признавая *взаимодѣйствіе* психическихъ и физіологическихъ процессовъ неопровержимымъ фактомъ, мы должны сдѣлать изъ него тотъ выводъ, что душа и тѣло суть *два различныхъ и самостоятельныхъ начала, соединенныхъ природой въ одно органическое цѣлое для совмѣстнаго осуществленія цѣлей жизни*.

Литература.

Ланге, Исторія матеріализма, II.—*Фохтъ*, Физіологическія письма.—**Лотце*, Микрокозмъ, I.—*Лотце*, Основанія психологіи.—*Ульрици*, Тѣло и душа.—**Паульсенъ*, Введеніе въ философію.—*Вундтъ*, Физіологическая психологія, I—II.—**Вундтъ*, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, 2 изд.—**Вундтъ*, Очеркъ психологіи.—**Вундтъ*, Душа и мозгъ.—**Гефдингъ*, Очерки психологіи—*Спенсеръ*, Основанія психологіи, II.—**Бэнъ*, Душа и тѣло.—*Хэкъ Тьюкъ*, Духъ и тѣло.—*Карпентеръ*, Основанія физіологіи, ума.—*Маудсли*, Физіологія и патологія души.—*Джемсъ*, Психологія.—**Тиченеръ*, Очерки психологіи.—*Кабанисъ*, Отношенія между физическою и нравственною природою человѣка.—*Жанэ*, Мозгъ и мысль.—*Герценъ*, Общая физіологія души.—*Штрюмпель*, О вліяніи воображенія на болѣзни.—*Страховъ*, Основныя начала психологіи и физіологіи.—*Остроумовъ*, О физіологическомъ методѣ въ психологіи.—*Гротъ*, О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ.—*Гротъ*, Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи *(Вопр. фил. и псих.*, кн. 21); О времени (*Тамъ же*, кн. 23—25); Понятіе о душѣ и психической энергіи въ психологіи (*Тамъ же*, кн. 37, 39).—*Тархановъ*, О психомоторныхъ центрахъ.—*Монассеинъ*, О значеніи психическихъ вліяній.—*Данилевскій*, Душа и природа.—*Бехтеревъ*, Проводящіе пути головного мозга.—*Бехтеревъ*, О локализаціи сознательной дѣятельности у животныхъ и человѣка.—*Бехтеревъ*, Психика и жизнь.—*Фаминцынъ*, Современное естествознаніе и психологія.—*Леонова*, Современный взглядъ на локализацію функцій въ мозговой коркѣ (*Вопр. фил. и псих.*, кн. 6).—*Сухановъ*, Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій (*Тамъ-же*, кн. 34).—*Лопатинъ*, Положительныя задачи философіи, I.—*Лопатинъ*, Параллелистическая теорія душевной жизни (*Вопр. фил.*, кн. 28); Явленіе и сущность въ жизни сознанія *(Тамъ-же*, кн. 30); Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта (*Тамъ-же*, кн. 32); Спиритуализмъ, какъ психологическая гипотеза (*Тамъ-же*, кн. 38).—*Бл. Соловьевъ*, Критика отвлеченныхъ началъ.—*Кудрявцевъ*, Метафизическій анализъ эмпирическаго познанія (Сочиненія, I, вып. 2).—**Снегиревъ*, Психологія.—*Соколовъ*, Философія въ современной Германіи (*Прав. Обозр.* 1890); Философскій скиталецъ (*Богосл. Вѣстн.* 1899).—*Кавелинъ*, Задачи психологіи.—*Съченовъ*, Психологическіе этюды.—**Дюбуа Реймонъ*, О границахъ естествознанія.—**Челпановъ*, Мозгъ и душа.—*Оствальдъ*, Философія природы.—*Оствальдъ*, Опроверженіе научнаго матеріализма.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Темы для сочиненій по психологіи,

задававшіяся абитуріентамъ французскихъ лицеевъ на экзаменахъ зрѣлости въ Сорбонѣ [1]).

1. На чемъ основывается различеніе между эмпирическою психологіей и психологіей раціональной? (Гл. I).
2. Разсмотрѣть мнѣніе, по которому психологія не есть наука, отличная отъ физіологіи. (Гл. I).
3. Методъ психологіи въ сравненіи съ методами другихъ наукъ. (Гл. II).
4. Объяснить и разсмотрѣть слова Декарта: „духъ легче познать, чѣмъ тѣло“. (Гл. I).
5. Сравнить опытъ въ физикѣ и психологіи. Показать сходства и различія. (Гл. II).
6. Сдѣлать обзоръ источниковъ психологіи. (Гл. II).
7. Какимъ образомъ исторія можетъ быть источникомъ психологическихъ знаній? (Гл. II).
8. Что можно извлечь изъ изученія языка для психологіи? (Гл. II, XXVI).
9. Классификація психическихъ явленій и ея основы. (Гл. III).
10. Въ чемъ состоятъ главныя различія между чувствомъ и умомъ? (Гл. III).
11. Что такое способность? Возможна-ли психологія безъ изученія способностей души? (Гл. III).
12. Различивъ главныя способности души: чувство, умъ и волю, показать, какъ онѣ соединяются, ассоціируются и образуютъ единство душевной жизни. (Гл. III).
13. Удовольствіе и страданіе. Причины этихъ двухъ родовъ эмоціи. Существуютъ-ли эмоціи безразличныя? (Гл. VI).

---

[1]) Въ скобкахъ указаны тѣ главы настоящаго учебника, въ которыхъ учащійся можетъ найти отвѣты на предложенные вопросы.

14. Природа удовольствія и его роль въ жизни интеллектуальной и моральной. (Гл. VI, XII, XXVII).

15. Природа страданія и его роль въ человѣческой жизни. (Гл. VI, XII, XXVII).

16. Показать значеніе страданія для воспитанія ума и воли. (Гл. VI, XII, XXVII).

17. Проблема счастія съ точки зрѣнія психологіи и этики. (Гл. VI, XII, XXVII, XXIX).

18. Установить различіе ощущеній и чувствованій и выяснить его посредствомъ анализа главнѣйшихъ эмоцій. (Гл. IV, V, VI, XII, XXVII).

19. Показать взаимное вліяніе мысли на чувство и чувства на мысль. Представить примѣры. (Гл. VI, XII, XXVII, XXX).

20. Опредѣлить, классифицировать и схарактеризовать чувствованія, склонности, потребности и страсти. (Гл. VI, XII, XXVII, XXVIII).

21. Въ чемъ состоятъ основныя мотивы нашихъ дѣйствій? Можно-ли свести ихъ къ какому-нибудь одному? (Гл. VI, XII, XXVII, XXVIII, XXIX).

22. Правда-ли, что всѣ наши дѣйствія имѣютъ единственнымъ своимъ мотивомъ самолюбіе? (Гл. XII, XXVII, XXVIII, XXIX).

23. Дать опредѣленіе и методическую классификацію страстей. (Гл. XXVIII).

24. Показать образованіе страстей и выяснить насколько мы отвѣтственны за дѣйствія, совершаемыя подъ ихъ вліяніемъ. (Гл. XXVIII).

25. Какова роль страстей въ человѣческой природѣ? Долженъ-ли человѣкъ стремиться разрушать ихъ, или только умѣрять ихъ силу и управлять ими? Какія двѣ философскія школы древности защищали тотъ или другой изъ этихъ взглядовъ? (Гл. XXVIII).

26. Ларошфуко сказалъ: „умъ часто одурачивается сердцемъ“. Совершенно признавая истинность этого правила, нельзя-ли перевернуть его и сказать, что часто также сердце одурачивается умомъ? (Гл. XII, XXVII, XXVIII).

27. Систематическая таблица способностей, операцій и процессовъ ума. (Гл. IV—V, VII—X, XVI—XIX).

28. Классифицировать и охарактеризовать тѣ умственныя способности, которымъ мы обязаны всѣмъ первоначальнымъ познаніемъ, элементами или принципами всѣхъ нашихъ идей. (Гл. IV—V, VII—X, XVI—XIX).

29. Анализъ ощущеній. Установить различіе ощущеній внѣшнихъ и ощущеній внутреннихъ. Объяснить, чѣмъ отличается ощущеніе 1) отъ воспріятія и 2) отъ чувства. (Гл. IV, V, VI, VII).

30. Пять внѣшнихъ чувствъ. Понятія, которыми мы обязаны каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Понятія, которыми мы обязаны двумъ или нѣсколькимъ чувствамъ. (Гл. IV, V, VII, XVIII).

31. Классифицировать внѣшнія чувства съ точки зрѣнія ихъ практической пользы и нравственной цѣнности. (Гл. IV, V, VII, XVIII, XXX).

32. Выяснить посредствомъ психологическаго анализа различіе между ощущеніями и воспріятіями. (Гл. IV, V, VII).

33. Пріобрѣтенныя воспріятія и развитіе внѣшнихъ чувствъ. Представить нѣсколько примѣровъ. (Гл. IV, V, VII, XXII).

34. Зрительныя воспріятія. Роль опыта и привычки въ образованіи ихъ. (Гл. VII, XIV, XXII).

35. Что называется обманами чувствъ? Показать, что не чувства насъ обманываютъ, а умъ обманываетъ самого себя, дурно истолковывая данныя чувствъ. Представить примѣры. (Гл. XV, XXXIV).

36. Изложеніе и критическая оцѣнка главнѣйшихъ теорій внѣшняго воспріятія. (Гл. VII, XXII).

37. Отношеніе воображенія и мысли. Правда-ли, что человѣкъ никогда не мыслитъ безъ представленій? (Гл. XVI, XXV).

38. Насколько справедливо сказать, что изъ всѣхъ тѣлъ природы мы непосредственно воспринимаемъ только наше собственное тѣло? (Гл. VII, XXII).

39. Какъ пріобрѣтаемъ мы познаніе матеріи? Есть-ли это познаніе воспріятіе или идея. (Гл. VII, XVIII, XXII).

40. Показать, что внѣшнее воспріятіе было бы невозможно безъ вмѣшательства законовъ разума. (Гл. VII, XV, XXII).

41. Роль памяти, воображенія и мысли въ познаніи внѣшняго міра. (Гл. XV, XVIII, XXII, XXV).

42. Что нужно разумѣть съ психологической точки зрѣнія подъ „первичными“ и „вторичными“ качествами матеріи? (Гл. V, VII, XVIII).

43. Предметъ и условія внутренняго и внѣшняго воспріятія. Сравнить эти два вида воспріятій. (Гл. VII, XXI, XXII).

44. Посредствомъ какой способности душа познаетъ себя, самое и какими идеями она обязана этой способности? (Гл. XV XVI, XXI, XXII).

45. Какова роль сознанія въ пріобрѣтеніи идей? (Гл. XV, XVI).

46. Анализировать понятіе личнаго *тожества*. Показать, какъ оно образуется въ насъ и какія слѣдствія оно влечетъ. (Гл. XXI).

47. Каково происхожденіе идей причины, субстанціи, времени и числа? (Гл. XVIII).

48. Какъ мы пріобрѣтаемъ идею причины? Показать главнѣйшія примѣненія этой идеи въ области чистой науки и морали. (Гл. XVIII).

49. Сознаніе и безсознательное. Степени сознанія. (Гл. III).

50. Существуютъ-ли у насъ безсознательныя воспріятія? (Гл. III).

51. О такъ называемыхъ безсознательныхъ явленіяхъ. Можно-ли причислять ихъ къ явленіямъ психическимъ? (Гл. III).

52. Декартъ полагалъ, что душа, какъ мыслящая вещь, мыслитъ всегда. Каково ваше мнѣніе по этому вопросу? (Гл. III).

53. Понятіе „*я*“, его отличительные признаки и его важность для психологіи и этики. (Гл. XXI).

54. Справедливо-ли мнѣніе, что „*я*“ есть только собраніе ощущеній? (Гл. XXI).

55. Теорія памяти. (Гл. XX).

56. Показать путемъ анализовъ, что условіями воспоминанія служатъ тожество „*я*“ и идея времени. (Гл. XX, XXI).

57. Опредѣлить путемъ анализа и примѣровъ вліяніе воли на память. (Гл. XX).

58. Въ какомъ смыслѣ справедливы слова Ройе-Коллара: „Люди помнятъ не вещи, а только себя самихъ? (Гл. XX, XXI).

59. Память *чувственная* и память *интеллектуальная*. Сравнить и различить эти два вида памяти. (Гл. XX).

60. Есть-ли память единичная способность, или она слагается изъ нѣсколькихъ способностей? Различные виды памяти. (Гл. XX).

61. Отношеніе памяти и ассоціаціи идей. (Гл. VIII, IX, XX).

62. Есть-ли ассоціація идей особая способность? Покажите ея свойства и ея важность въ психологіи. (Гл. VIII, IX).

63. Законы ассоціаціи идей. (Гл. IX).

64. Можно-ли объяснить посредствомъ ассоціаціи идей всѣ умственныя операціи? (Гл. IX, X, XVI, XIX).

65. Какіе главные законы ассоціаціи идей? Показать важ-

ность ассоціаціи въ образованіи ума и характера. (Гл. IX, X, XIV, XXXIII).

66. Какое вліяніе оказываетъ на природу и развитіе ума привычка къ *логическимъ* и къ *случайнымъ* ассоціаціямъ? (Гл. IX, X, XXV).

67. Теорія воображенія. (Гл. XXV).

68. Воображеніе и память; ихъ отношенія и различія. (Гл. XX, XXV).

69. Сравнить психологическія явленія сновидѣній, грезъ и галлюцинацій. Что общаго и различнаго между ними? (Гл. XXXIV).

70. Творческое воображеніе. Показать роль памяти и рефлексіи въ произведеніяхъ этой способности. (Гл. XX, XXV).

71. Опредѣлить отношеніе воображенія и эстетическаго вкуса. Представить примѣры и сдѣлать ихъ анализъ. (Гл. XXV, XXX).

72. Роль воображенія въ человѣческой жизни. (Гл. XXV).

73. Роль воображенія въ абстрактныхъ наукахъ. (Гл. XXV).

74. Каковы главныя умственныя операціи. Изложить элементарную теорію ихъ. (Гл. XVI, XVII).

75. Вниманіе, его формы и его значеніе для пріобрѣтенія и сохраненія человѣческихъ знаній. (Гл. XV).

76. Каковы дѣйствія вниманія на чувство и умъ? (Гл. XV).

77. Вниманіе и разсѣянность. Въ какой мѣрѣ зависятъ они отъ воли? (Гл. XV).

78. Указать природу и выяснить значеніе вниманія и рефлексіи. (Гл. XV).

79. Сравненіе и его роль въ различныхъ актахъ ума. (Гл. XVI).

80. Абстракція и абстрактныя идеи. Представить примѣры. (Гл. XVI).

81. Что разумѣется подъ реализованными или объективированными абстракціями? Показать опасность реализаціи абстракцій и средства избѣжать ея. (Гл. XVI).

82. Обобщеніе. Какъ образуются общія понятія. Содержаніе и объемъ понятій. (Гл. XVI).

83. Анализировать процессъ образованія общихъ понятій. Показать, какимъ образомъ общія понятія служатъ условіемъ знанія и языка. (Гл. XVI, XVIII, XXVI).

84. Какъ образуются абстрактныя идеи рода и вида? Опредѣлить эти два термина. Что разумѣется подъ объемомъ и содержаніемъ понятій? (Гл. XVI).

85. Какова природа общихъ понятій? Что называется въ исторіи философіи *номинализмомъ* и *реализмомъ*? (Гл. XVI).

86. Справедливо-ли сказать съ нѣкоторыми современными мыслителями, что такъ называемыя общія идеи суть только имена? (Гл. XVI).

87. Теорія сужденія. (Гл. XVII).

88. Показать, что сужденіе есть основной актъ ума. (Гл. XVII).

89. Объяснить слѣдующіи слова Паскаля: „Отрицать, вѣрить и сомнѣваться для человѣка то же, что для лошади бѣгать“. (Гл. XVII).

90. „Всѣ жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разсудокъ“, говоритъ Ларошфуко. На чемъ основывается такое предпочтеніе, отдаваемое разсудку? (Гл. XVII, XIX).

91. Всѣ ли сужденія являются, какъ это нѣкоторые утверждали, результатомъ сравненія? (Гл. XVI, XVII).

92. Какъ можно классифицировать сужденія? (Гл. XVII).

93. Что такое умозаключеніе? Психологическій и логическій анализъ этого процесса. (Гл. XVII).

94. Различить и сравнить главные виды умозаключенія. (Гл. XVII).

95. Сравнить индукцію и дедукцію. Можно-ли считать эти два вида умозаключеній совершенно противоположными, и можно-ли, съ извѣстной точки зрѣнія, свести ихъ другъ къ другу? (Гл. XVII).

96. Какъ понимаете вы и въ какой мѣрѣ допускаете слѣдующее выраженіе Декарта: „здравый смыслъ есть самая распространенная вещь въ мірѣ?“ (Гл. XXIV).

97. Что такое разумъ? Какова роль этой способности въ образованіи и развитіи нашихъ познаній? (Гл. XXIV).

98. Есть-ли у насъ какая-нибудь другая природная способность познанія кромѣ внѣшнихъ чувствъ и сознанія? (Гл. XXIV).

99. Опредѣлить разумъ и разсудокъ и указать ихъ отношенія. (Гл. XV, XXIV).

100. Что называется апріорными принципами? Указать примѣры ихъ въ различныхъ наукахъ. (Гл. XVIII, XIX).

101. Что такое синтетическія сужденія *a priori*, основныя истины и аксіомы? Представить примѣры. Показать, какъ образуются и развиваются въ умѣ основныя истины. (Гл. XVIII, XIX).

102. Объяснить слѣдующую мысль Лейбница: „логическіе

законы и принципы входятъ во всѣ наши мысли и являются необходимыми для мышленія точно такъ-же, какъ мускулы и сухожилія необходимы для ходьбы, хотя бы о нихъ самихъ мы и не мыслили“. (Гл. XVIII, XIX).

103. Идеи причины и субстанціи; ихъ значеніе въ философіи. (Гл. XVIII).

104. Психологическое происхожденіе *идеи причины* и ея отношеніе къ *закону* причинности. (Гл. XVIII, XIX).

105. Законъ причинности. Его истинная формула. Происходитъ-ли онъ изъ опыта? (Гл. XIX).

106. Что такое законъ причинности и законъ субстанціальности? Происходятъ-ли эти законы изъ ощущеній. (Гл. XIX).

107. Опредѣлить съ точностью законъ цѣлесообразности. Чѣмъ отличается онъ отъ закона причинности? Каковы главнѣйшія его примѣненія? (Гл. XIX).

108. Какая, по вашему мнѣнію, лучшая формула закона цѣлесообразности? (Гл. XIX).

109. Можно-ли свести законъ конечныхъ причинъ или цѣлей къ закону причинности? (Гл. XIX).

110. Законы причинности и цѣлесообразности, ихъ роль въ естественныхъ наукахъ и въ философіи. (Гл. XIX).

111. Какимъ образомъ можно сказать, что въ идеѣ Бога выражаются всѣ руководящіе принципы человѣческаго разума? (Гл. XXIII).

112. Происхожденіе идей. Всѣ ли наши идеи происходятъ изъ ощущеній? (Гл. XVIII, XXIII).

113. Есть-ли умъ *tabula rasa*? (Гл. XIX).

114. Изложить и разсмотрѣть теорію „гладкой доски“ *(tabula rasa)*. Объяснить, какъ нужно понимать знаменитое исключеніе, указанное Лейбницемъ. (Гл. XIX).

115. Идеи *пространства* и *времени*. (Гл. XVIII).

116. Сущность и происхожденіе идей времени и пространства. (Гл. XVIII).

117. Можно-ли объяснить необходимыя и всеобщія идеи посредствомъ законовъ ассоціаціи? (Гл. XVI, XVIII, XIX).

118. Ассоціація идей и ея отношеніе къ привычкѣ. Что нужно думать о доктринѣ, которая сводитъ всѣ законы разума къ привычнымъ ассоціаціямъ? (Гл. IX, XIV, XVI).

119. Теорія эволюціи даетъ-ли достаточное объясненіе тому, что называютъ врожденными принципами познанія? (Гл. XIX).

120. Законы разума. Что вы знаете и что думаете о способѣ, какимъ современный эмпиризмъ объясняетъ ихъ? (Гл. XIX).

121. Что разумѣется подъ теоріей *врожденныхъ идей* и теоріей „*гладкой доски*“ *(tabula rasa)*? (Гл. XIX).

122. Чѣмъ отличается теорія *врожденности* Декарта отъ теоріи *воспоминанія* Платона и въ чемъ эти теорія согласны другъ съ другомъ? (Гл. XVI, XIX).

123. Противопоставить по ихъ происхожденію и ихъ приложенію знакамъ инстинктъ, волю и привычку. (Гл. XIII, XIV, XXXI).

124. Что называется инстинктомъ у животныхъ и у человѣка? Каковы законы инстинкта? (Гл. XIII).

125. Сравнить инстинктъ и разумъ. (Гл. XIII, XXIV).

126. Отношенія и различія между инстинктомъ и привычкой. (Гл. XIII, XIV).

127. Можно-ли свести инстинктъ къ наслѣдственной привычкѣ? (Гл. XIII, XIV).

128. Вмѣсто того, чтобы говорить подобно Аристотелю, что привычка есть вторая природа, нельзя-ли сказать вмѣстѣ съ Паскалемъ, что сама природа есть только первая привычка? (Гл. XIV).

129. Теорія воли. (Гл. XXXI).

130. Показать участіе мысли, чувства и воли въ оцѣнкѣ мотивовъ. (Гл. XXXI).

131. Отношенія чувства и воли. (Гл. XXXI, XXXII).

132. Роль *ума* въ волевыхъ явленіяхъ. Возможна-ли воля безъ разума? (Гл. XXXI).

133. Анализировать феноменъ волевого *рѣшенія*. (Гл. XXXI).

134. Показать, что свобода присуща внутреннему акту волевого *рѣшенія*, а не вытекающему изъ него дѣйствію. Слѣдствія такого различенія. (Гл. XXXI).

135. Показать участіе воли въ собственномъ смыслѣ этого слова въ различныхъ фазахъ волевого дѣйствія. (Гл. XXXI).

136. Опредѣлить понятіе воли и показать, чѣмъ она отличается отъ склонности и желанія. (Гл. XXXI, XXXII).

137. Личность и ея существенные признаки. (Гл. XXI, XXXIII).

138. Человѣческая личность въ психологіи и морали. (Гл. XXI, XXXIII).

139. Опредѣлить, различить и поставить въ связь свободу дѣйствія, свободу гражданскую, свободу политическую и свободу нравственную. (Гл. XXXI, XXXII).

140. Показать, что свобода политическая предполагаетъ свободу *психологическую* или нравственную. (Гл. XXXI, XXXII).

141. Въ какихъ явленіяхъ обнаруживается всеобщая вѣра людей въ существованіе свободной воли? (Гл. XXXI).

142. Показать, насколько важна идея свободы воли для нравственныхъ наукъ. (Гл. XXXI, XXXII).

143. Можно-ли понять нравственность безъ принципа человѣческой свободы? (Гл. XXXI, XXXII).

144. Свободѣ воли часто противопоставляютъ необходимость для насъ дѣйствовать сообразно съ нашимъ характеромъ. Можно-ли считать это возраженіе неопровержимымъ и что можно на него отвѣтить? (Гл. XXXII).

145. О личномъ самовоспитаніи человѣка. Справедливо-ли, что человѣкъ находится въ безусловной зависимости отъ своего темперамента и отъ своихъ наклонностей? (Гл. XXXIII).

146. Существуютъ-ли степени въ нравственной свободѣ? Если существуютъ, то дать имъ объясненіе. (Гл. XXXI, XXXII, XXXIII).

147. Что такое фатализмъ? Можно-ли примирить это ученіе съ нравственною отвѣтственностью? (Гл. XXXII).

148. Различить *фатализмъ* и *детерминизмъ*. Опровергнуть оба эти ученія. (Гл. XXXII).

149. Какъ пытались примирить Божественное предвѣдѣніе съ человѣческой свободой? (Гл. XXXII).

150. Изложить и разсмотрѣть возраженія детерминистовъ противъ существованія свободной воли. (Гл. XXXII).

151. Существованіе *мотивовъ* дѣйствія можетъ-ли служить рѣшительнымъ аргументомъ противъ возможности свободы воли? (Гл. XXXI, XXXII).

152. Можно-ли сравнить волю съ *вѣсами*, которые склоняются на сторону болѣе тяжелую? (Гл. XXXII).

153. Раціональный принципъ, требующій, чтобы все имѣло свое достаточное основаніе, стоитъ-ли въ противорѣчіи, какъ это иногда утверждали, съ свободнымъ опредѣленіемъ воли? (Гл. XXXII).

154. Что называется свободой безразличія? (Гл. XXXII).

155. Что такое привычка и каковы ея главные законы? (Гл. XIV).

156. Какова доля свободы и отвѣтственности въ явленіяхъ привычки? (Гл. XIV).

157. Различить и опредѣлить разные виды привычекъ: привычки органическія, инстинктивныя, умственныя и нравственныя. (Гл. XIV).

158. Вліяніе привычки на чувство, умъ и волю. (Гл. XIV).

159. Разрушаетъ-ли привычка свободу и противорѣчитъ-ли она нравственности? (Гл. XIV, XXXII, XXXIII).

160. Свойства и дѣйствія привычки. Показать въ заключеніе, какую пользу можно извлечь изъ привычки для добраго направленія ума. (Гл. XIV).

161. Знаки и ихъ природа. Каковы главныя отношенія между знакомъ и обозначаемой вещью? (Гл. XXVI).

162. Какіе виды знаковъ можетъ употреблять человѣкъ для выраженія своей мысли? Описать и классифицировать ихъ. (Гл. XXVI).

163. Истолкованіе *выразительныхъ* или *естественныхъ* знаковъ. Какъ человѣкъ понимаетъ ихъ значеніе? (Гл. XXVI).

164. Что называется *естественными* и *искусственными* знаками? Къ какому изъ этихъ двухъ классовъ нужно причислить человѣческую рѣчь. (Гл. XXVI).

165. Изложить и разобрать новѣйшія теоріи *происхожденія* языка. (Гл. XXVI).

166. Отношенія языка и мысли. (Гл. XXVI).

167. Можетъ-ли человѣкъ мыслить безъ помощи словъ? (Гл. XXVI).

168. Предшествуетъ-ли языкъ мысли, или мысль предшествуетъ языку? Каковы главнѣйшія мнѣнія о происхожденіи языка? (Гл. XXVI).

169. Разсмотрѣть и разобрать афоризмы Кондильяка, что „мы думаемъ только при помощи словъ“, и что „искусство разсуждать сводится къ хорошо выработанному языку“. (Гл. XXVI).

170. Показать, что языкъ есть орудіе, служащее намъ столько-же для того, чтобы мыслить, какъ и для того, чтобы сообщать свои мысли. (Гл. XXVI).

171. Значеніе языка въ образованіи и опредѣленіи абстрактныхъ и общихъ понятій. (Гл. XXVI).

172. Языки бываютъ *синтетическими* прежде чѣмъ сдѣлаться *аналитическими:* вотъ одинъ изъ законовъ ихъ развитія. Объяснить и доказать этотъ законъ. (Гл. XXVI).

173. Что нужно думать объ изобрѣтеніи всемірнаго языка? (Гл. XXVI).

174. Охарактеризовать и сравнить идеи истиннаго, прекраснаго и добраго и поставить ихъ въ связь съ ихъ первымъ принципомъ. (Гл. XXIII, XXIX, XXX).

175. Красота и ея отношеніе къ добру. (Гл. XXIX, XXX).

176. Можно-ли смѣшивать прекрасное съ пріятнымъ, полезнымъ и нравственно добрымъ? (Гл. XXIX, XXX).

177. Должна-ли состоять задача искусства исключительно въ подражаніи природѣ? (Гл. XXX).

178. Различіе между *прекраснымъ* и *возвышеннымъ*. (Гл. XXX).

179. Анализировать главнѣйшія чувства, порождаемыя въ насъ видомъ прекраснаго. (Гл. XXX).

180. Какой смыслъ слѣдующихъ выраженій, употребляемыхъ въ теоріи изящныхъ искусствъ: „подражаніе“, „вымыселъ“ и „идеалъ?“ (Гл. XXX).

181. Показать, какимъ образомъ эстетическое развитіе человѣка можетъ содѣйствовать его нравственному совершенствованію. (Гл. XXX).

182. Можно-ли считать прогрессъ искусствъ и наукъ, какъ это утверждалъ Ж. Ж. Руссо, причиной нравственнаго упадка и порчи? (Гл. XXX).

183. О нравственности въ искусствѣ. (Гл. XXX).

184. Въ чемъ состоятъ различія между *принципами*, *средствами* и *цѣлями* науки, искусства и ремесла? (Гл. XXX).

185. О связи души и тѣла. (Гл. XXXVI).

186. Изложить главнѣйшіе факты, въ которыхъ обнаруживается вліяніе тѣла на душу и, обратно, власть души надъ тѣломъ. (Гл. XXXVI).

187. Показать на примѣрахъ взаимодѣйствіе психическихъ и физіологическихъ явленій и вывести вытекающія отсюда слѣдствія. (Гл. XXXVI).

188. Психологическія различія человѣка и животныхъ. (Гл. XXXV).

189. Есть-ли между психическими способностями человѣка и животныхъ достаточно аналогій, чтобы можно было основать на нихъ сравнительную психологію? Каковы главнѣйшія изъ этихъ аналогій? Каковы существенныя и неоспоримыя различія? (Гл. XXXV).

190. Развить слѣдующую мысль Боссюэта изъ его „*Трактата о познаніи Бога и себя самого*“: „Животныя ничего не изобрѣтаютъ. Первая причина изобрѣтеній и разнообразія человѣческой жизни есть рефлексія; вторая причина—свобода“. (Гл. XXXV).

191. Искусство животныхъ въ сравненіи съ искусствомъ человѣка. (Гл. XXXV).

192. О душѣ животныхъ. Каковы различныя мнѣнія по этому вопросу? (Гл. XXXV).